ТЕРСКІЙ СБОРНИКЪ.

Литературно-научное приложеніе къ «Терскому Календарю» 1903 г.

ИЗДАНІЕ ТЕРСКАГО ОБЛАСТНОГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.

Подъ редакціей Г. А. Вертепова.

ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ.

ВЛАДИКАВКАЗЪ.
Типографія Терскаго Областного Правленія.
1903.

Печатано по постановленію Терскаго Областного Статистическаго Комитета.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Станица Екатериноградская. Историко-статистическ. очер. *А. Сосіева* 1

Станица Черноярская. *З. Сосіева* 30

Станица Георгіевская. *Хор. Елоева.* 76

Станица Урухская *А. Плюща* 95

Селеніе Алагиръ. *С. И. Толмачева.* 108

Матеріалы къ исторіи Терскихъ казаковъ. Малороссійскій казачій полкъ. *Ѳ. П. Пономарева* 130

Пять горскихъ обществъ Кабарды. *Н. П. Тульчинскаго* . . 152

Генералъ-маіоръ Н. П. Слѣпцовъ 217

Генералъ-маіоръ Ф. А. Круковскій 259

Виноградарство и виноделіе въ низовьяхъ р. Терека. *А. А. Севрюкова* 268

Программа для собиранія свѣдѣній о говорахъ Терскихъ казаковъ. *М. А. Караулова* 298

СТАНИЦА ЕКАТЕРИНОГРАДСКАЯ.

Историко-статистическій очеркъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій очеркъ составленъ, по программѣ, выработанной секретаремъ Терскаго областного статистическаго комитета.

Литературными источниками въ отысканіи историческихъ свѣдѣній о станицѣ послужили намъ: «Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ»—соч. Ивана Попко,—«Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ»—соч. В. Потто,—«Терцы. Сборникъ историческихъ, бытовыхъ и географическо-статистическихъ свѣдѣній о Терскомъ казачьемъ войскѣ»—соч. полковника Ржевусскаго и того же автора «Памятка 1-го Волгскаго полка Терскаго казачьяго войска».

Кромѣ того, отыскивая историческую правду, намъ приходилось обращаться и къ мѣстнымъ народнымъ преданьямъ, но таковыми мы пользовались лишь тогда, когда находили ихъ достаточно убѣдительными.

Большинство же статистическихъ свѣдѣній о станицѣ и ея населеніи по печатнымъ источникамъ мы дополняли данными, добытыми нами путемъ собственнаго изслѣдованія и знанія, а также разсказами очевидцевъ.

1) Географическое положеніе станицы.

Станица Екатериноградская лежитъ между 43° 45′ 30″ сѣверной широты и между 61° 54′ восточной долготы, на высотѣ 651 фут. надъ уровнемъ Чернаго моря. Отъ главныхъ административныхъ и торговыхъ пунктовъ области станица

находится въ разстояніи: отъ г. Владикавказа *) въ $108^1/_4$ верстахъ, отъ г. Моздока **) въ 37, отъ г. Пятигорска въ $103^1/_2$, отъ г. Георгіевска въ 88, отъ гор. Грознаго въ $169^3/_4$, отъ г. Кизляра въ 247, отъ станціи «Прохладной» Владикавказской желѣзной дороги въ $17^1/_2$ и отъ станицы Прохладной въ $20^1/_2$ верстахъ.

На лѣвомъ высокомъ берегу Малки, въ двухъ верстахъ отъ впаденія ея въ Терекъ, красиво раскинулась станица. Вся прибрежная къ сторонѣ ея полоса, шириною около одной версты, покрыта бѣлолистковыми рощами (особый родъ тополя), за которыми тутъ же широкой серебристой лентой извивается Малка. Рощи съ запада примыкаютъ къ луговому пространству, занятому огородами, съ востока—къ юртовому лѣсу, молодому, пріятному на глазъ, особенно издали. Этотъ живописный видъ открывается вашему взору, когда смотрите вы отъ станицы на югъ; но за то взгляните отъ нея на западъ, сѣверъ и востокъ—всюду одно чистое поле, не представляющее ничего пріятнаго, отраднаго глазу человѣческому. Впрочемъ, скучный однообразный видъ этой обширной равнины оживляется нѣсколько небольшими вербовыми и бѣлолистковыми рощами, растущими у прудовыхъ мельницъ на Эристовскомъ каналѣ (Неволькѣ), протекающемъ въ пяти верстахъ сѣвернѣе станицы съ запада на востокъ, да кое-гдѣ неправильно разбросанными по всему полю курганчиками. Ни рѣкъ, ни озеръ, ни горъ, ни лѣса, ни дорогъ, имѣющихъ существенное значеніе для станицы, вы здѣсь не встрѣтите; какъ на единственную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, главную дорогу можно указать на почтовый трактъ, идущій черезъ станицу на Моздокъ и далѣе по лѣвому берегу Терека до впаденія его въ Каспійское море.

2) Населеніе станицы.

Станица населена въ царствованіе императрицы Екатерины Великой въ 1777 году генераломъ Якоби. Обстоятельства, послужившія къ ея основанію, были слѣдующія.

---

*) Областной городъ и мѣстопребываніе начальника области и наказнаго атамана Терскаго казачьяго войска.

**) Мѣстопребываніе атамана Моздокскаго отдѣла, въ составъ котораго входитъ станица.

«Въ 1774 году окончилась турецкая война Кучукъ-Кайнарджійскимъ мирнымъ трактатомъ, доставившимъ Россіи обладаніе Азовомъ, Азовскимъ моремъ и нѣсколькими опорными пунктами на проливѣ, соединяющемъ это море съ Чернымъ. Русскія владѣнія на Кавказѣ быстро подвинулись отъ востока къ западу, но тѣмъ не менѣе край этотъ не получилъ для Россіи большого и самостоятельнаго значенія до той поры, пока свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ не былъ назначенъ Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и не обратилъ, наконецъ, должнаго вниманія на отдаленную Астраханскую губернію, въ составъ которой входила и Кавказская линія.

Командиръ 1-го Кавказскаго корпуса генералъ Якоби, назначенный по личному выбору Григорія Александровича Потемкина Астраханскимъ военнымъ губернаторомъ и соединившій такимъ образомъ въ своихъ рукахъ военное и гражданское управленіе краемъ, является первымъ самостоятельнымъ дѣятелемъ въ ряду нашихъ Кавказскихъ дѣятелей.

Прибывъ на линію, Якоби засталъ на ней 10—12 казачьихъ станицъ да двѣ крѣпости: Кизляръ и Моздокъ. Терская линія, населенная стойкими и неустрашимыми Терскими, Гребенскими и Моздокскими казаками, хотя и представляла надежный оплотъ для русскихъ владѣній, но она прикрывала лишь незначительную часть русской границы, тогда какъ все остальное пространство отъ Терека и Малки до самаго Чернаго моря было совершенно открыто вторженіямъ горцевъ, которые и нападали не только на Донъ, но безпрепятственно проникали даже въ предѣлы Воронежской губерніи. Какъ опытный генералъ, Якоби началъ съ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ для обузданія горскихъ хищниковъ—съ устройства правильной Азовско-Моздокской колоніи. По его инціативѣ было построено на этой линіи 10 крѣпостей, изъ которыхъ одна, поставленная при впаденіи Малки въ Терекъ, была названа Екатерининской. Этимъ рядомъ крѣпостей и сильныхъ казачьихъ станицъ была прикрыта лежавшая за Терекомъ, между Кубанью и Дономъ, обширная пустынная степь, по которой прежде свободно разгуливали хищныя толпы кабардинцевъ, калмыковъ и ногайцевъ.

Но нельзя было сказать, чтобы линія эта, названная Моздокско-Азовской, была достаточно тверда географически; по-

этому въ 1776 году, по докладу князя Потемкина, императрицею Екатериною II-ю было повелѣно: для обезпеченія границъ по Тереку и для связи ихъ отъ Моздока до Азова заселить открытое ни 500 вер. пространство Волжскимъ войскомъ, расположивъ его въ укрѣпленныхъ станицахъ. И вотъ для этого въ слѣдующемъ 1777 году взята была другая половина Волжскаго войска, оставшаяся еще на Волгѣ, послѣ выселенія первой половины (въ 1770 г.), образовавшей Моздокскій полкъ. Высланы были на Кавказъ одни служилые казаки, въ числѣ 700 человѣкъ, а въ слѣдующемъ году, т. е. въ 1778, прибыли и ихъ семейства. Переселенцы, сохранивъ за собою наименованіе Волжскаго войска и образовавъ Волгскій казачій полкъ, сѣли пятью станицами, одна изъ которыхъ основалась при крѣпости Екатерининской и была названа по имени этой послѣдней, а впослѣдствіи—Екатериноградской.

Въ 1782 году командиромъ 1-го Кавказскаго корпуса былъ назначенъ двоюродный братъ свѣтлѣйшаго князя Таврическаго генералъ-поручикъ графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, который, за приведеніе въ покорность русской власти атагинцевъ и склоненіе грузинскаго царя Ираклія къ принятію русскаго подданства, въ 1784 году былъ назначенъ Кавказскимъ генералъ-губернаторомъ и командиромъ обоихъ корпусовъ, расположенныхъ на линіи. Съ этого времени онъ занялся вопросомъ о колонизаціи края русскимъ элементомъ. Для этого онъ обратился во внутреннія губерніи съ вызовомъ къ однодворцамъ и государственнымъ крестьянамъ, приглашая ихъ на новыя мѣста, находившіяся подъ прикрытіемъ нашихъ укрѣпленій. Вызовъ увѣнчался успѣхомъ и скоро желающихъ явилось такое множество, что на первыхъ порахъ съ трудомъ успѣвали отводить и распредѣлять земли подъ новыя поселенія. Затѣмъ, чтобы дать крестьянамъ нѣкоторую самозащиту, Потемкинъ сталъ заселять цѣлыя деревни отставными солдатами, какъ людьми, знакомыми съ оружіемъ; изъ этихъ отставныхъ солдатъ при Екатерининской крѣпости и станицѣ того же наименованія была образована слободка.

Такимъ образомъ гражданское развитіе края подвинулось настолько, что Сенатъ Высочайшимъ указомъ, отъ 5 мая 1785 года, призналъ уже своевременнымъ учрежденіе Кавказскаго намѣстничества изъ двухъ областей: Астраханской и Кавказской. Намѣстникомъ Кавказа назначенъ былъ графъ

Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, который перенесъ свою резиденцію изъ г. Астрахани въ станицу Екатерининскую, назвавъ ее городомъ Екатериноградомъ. Городъ Екатериноградъ заключалъ въ себѣ въ то время станицу волжскихъ казаковъ, солдатскую слободку и небольшую крѣпостцу, въ которой собственно и находился дворецъ намѣстника, выстроенный съ необычайной для Кавказа роскошью. Памятникомъ этого минувшаго величія Екатеринограда и донынѣ остались поставленныя тогда Потемкинымъ тріумфальныя ворота съ надписью: «Дорога въ Грузію», нынѣ уже стертой и замѣненной другою: «Построены попеченіемъ генерала Потемкина въ царствованіе Екатерины II-й. Возобновлены главнокомандующимъ и намѣстникомъ Кавказскаго края княземъ М. С. Воронцовымъ въ 1847 году».

24-го мая 1786 года Потемкинъ въ Екатериноградѣ, въ своемъ роскошномъ дворцѣ, принималъ пословъ шамхала Тарковскаго, Бамата, считавшагося правителемъ всего Дагестана, присланныхъ для принятія русскаго подданства. Въ роскошныхъ каретахъ, сопровождаемыхъ блестящимъ эскортомъ изъ линейныхъ казаковъ, послы пріѣхали прямо во дворецъ, гдѣ было приготовлено все, чтобы ослѣпить ихъ пышностью, окружавшей намѣстника. Шествіе ихъ открывалъ церемоніймейстеръ со своими ассистентами; за нимъ слѣдовалъ маршалъ и, наконецъ, послы, которыхъ почтительно поддерживали подъ руки наши офицеры. Миновавъ длинную амфиладу комнатъ, процессія вступила въ залу, посреди которой величественно возвышался императорскій тронъ; при ступеняхъ трона на богатомъ креслѣ сидѣлъ намѣстникъ. Выслушавъ сидя привѣтственную рѣчь отъ лица Бамата, онъ всталъ съ своего мѣста и указалъ рукой на большой портретъ Императрицы. Послѣ преклоненія колѣнъ у ступеней трона, послы громко и внятно произнесли присягу отъ лица своего повелителя; 50 пушечныхъ выстрѣловъ, музыка и грохотъ барабановъ возвѣстили городу Екатеринограду о принятіи шамхала въ русское подданство».

Но «фортуна скрылася, одна сума въ глазахъ». Городъ, даже номинально, не просуществовалъ и десяти лѣтъ. Въ 1790 году резиденція намѣстника была перенесена въ г. Георгіевскъ. Осталась одна прежняя станица, только переименованная изъ Екатерининской въ «Екатериноградскую».

Первые поселенцы станицы составляли, какъ сказано выше, элементъ чисто волжскихъ казаковъ, въ числѣ около 300 душъ обоего пола, жившихъ прежде на Волгѣ, въ окрестностяхъ г. Дубовки, въ 60 верстахъ отъ г. Царицына; затѣмъ въ составъ этого населенія вошло: въ 1834 году 12 семействъ малороссійскихъ казаковъ двухъ полковъ, сформированныхъ въ 1831 году для дѣйствій противъ польскихъ повстанцевъ, а потомъ обращенныхъ на службу при войскахъ Кавказской линіи; въ 1847 году 52 семейства *) государственныхъ крестьянъ Харьковской губерніи, Сумского уѣзда, перечисленныхъ, по ихъ желанію, въ казачье сословіе, и въ 1848 году 50 семействъ **) государственныхъ же крестьянъ той же губерніи, Изюмскаго уѣзда, перечисленныхъ также по собственному ихъ желанію въ казаки. Переселенцамъ 47 года дано 2 года льготы и правительственное пособіе, а переселенцамъ 48 года— то же пособіе, но 4 года льготы.

Переселеніе 47 и 48 годовъ вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Въ 1845 году Кавказскому линейному войску было дано особое положеніе, въ силу котораго всѣмъ общественнымъ станицамъ дана однообразная организація, съ уравнительнымъ распредѣленіемъ ихъ населеній: каждый полкъ составилъ свой территоріальный округъ, а станицы въ округѣ подѣлены на сотни; на одну строевую сотню положена тысяча, а на полкъ— шесть тысячъ душъ мужского пола. Для достиженія такой нормы въ полкахъ потребовалось перечисленіе нѣкоторыхъ станицъ изъ однихъ полковыхъ округовъ въ другіе, а недостающее число людей пополнить переселенцами изъ губерній, преимущественно малороссійскихъ.

Такимъ образомъ въ 1849 году въ станицѣ насчитывалось жителей болѣе 200 ***) семействъ. Изъ этого состава въ 50-хъ годахъ выбыло: 10 семействъ, по жребію, на Сунженскую линію, 11 семействъ, по ихъ желанію, на Кубань и 9 семействъ, старообрядцевъ, также по собственному желанію, въ станицу Алханъ-Юртовскую, къ единовѣрцамъ своимъ. Вотъ причина, почему нѣкоторые изъ екатериноградскихъ казаковъ имѣютъ теперь родство на Кубани и по Сунжен-

*) Сохранились посемейные списки.

**) Сохранились посемейные списки.

***) Кромѣ слобожанъ, которыхъ было всего около 15 семействъ.

ской линіи. Въ настоящее время въ станицѣ насчитывается жителей: казачьяго сословія 1507 душъ мужского пола, 1482 души женскаго, отставныхъ солдатъ *) 18 душъ мужского, 19—женскаго, и иногороднихъ: 119—мужского и 172—женскаго, а всего 3317 душъ обоего пола, изъ которыхъ около половины малороссовъ, живущихъ въ станицѣ особымъ кварталомъ.

3) Историческія свѣдѣнія.

До 1824 года станица входила въ составъ Волгскаго полка, а въ 24 году вошла въ составъ Горскаго полка, сформированнаго генераломъ Ермоловымъ по слѣдующей причинѣ.

Установлено было правило, чтобы каждая линейная часть, войско или полкъ, обороняла своими силами всю территорію, занятую ея поселеніями. Между этими поселеніями возникали нерѣдко и гражданскія, оборона которыхъ лежала также на казакахъ. Взвѣсивъ несоразмѣрность территоріальнаго пространства съ численной силой Волгскаго полка, Ермоловъ призналъ необходимымъ организовать особую линейную часть между Волгскимъ и Моздокскимъ полками. Часть эта была названа Горскимъ полкомъ. Съ 1871 года по настоящее время станица числится въ Горско-Моздокскомъ полку, образованномъ въ этомъ году отъ соединенія двухъ полковъ: Горскаго и Моздокскаго. Горско-Моздокскій полкъ до 1888 года входилъ въ составъ 1-го военнаго отдѣла, а съ этого года до 1898 года—въ составъ Пятигорскаго отдѣла, а теперь онъ числится въ Моздокскомъ отдѣлѣ.

Станица съ самаго начала ея заселенія была окружена нескончаемымъ рядомъ тревогъ и опасностей, въ которыхъ закалялся духъ и казацкія силы; части строевого состава полка обыкновенно высылались въ дальніе Кавказскіе походы, а во время внѣшнихъ войнъ государства—въ заграничныя кампаніи. Оборона линіи оставалась весьма часто на рукахъ отставныхъ, льготныхъ и вообще нестроевыхъ казаковъ. Случалось, что, за выходомъ ихъ на линейные посты, въ станицѣ оставались дряхлые старцы съ подростками, да женщины съ дѣтьми, которымъ нерѣдко приходилось вступать въ опасный бой съ горцами, отстаивая свое имущество.

---

*) Часть ихъ выселилась изъ станицы.

Образчикъ дѣятельности строевыхъ казаковъ станицы Екатериноградской можно видѣть изъ дошедшаго до насъ перечня походовъ и боевыхъ дѣлъ урядника этой станицы Козьмы Иванова Пастухова; «начавъ службу съ 1781 года, онъ былъ въ походахъ: въ 1781 году противъ горскихъ народовъ, подъ командою полковника Ребиндера; въ 1784 году противъ тѣхъ же народовъ, подъ командою генералъ-поручика Потемкина; въ 1785 году съ генералъ-майоромъ Савельевымъ противъ кабардинцевъ; въ 1786 году былъ отправленъ съ разными бумагами отъ генералъ-поручика Потемкина курьеромъ въ Москву къ генераламъ Нарышкину и Воронцову; въ въ 1787 году съ генералъ-поручикомъ Потемкинымъ въ экспедиціи противъ Закубанскихъ народовъ; въ 1788 году съ генералъ-майоромъ Текеліемъ въ дѣйствіи и осадѣ турецкаго города Анапы; въ 1789 г. съ генералъ-майоромъ Булгаковымъ за Кубанью; въ 1790 г. съ генералъ-поручикомъ Бибиковымъ до города Анапы и при дѣйствительной осадѣ онаго, за что получилъ за отличіе противъ непріятеля и усердіе къ службѣ серебряную медаль съ надписью: «За вѣрность Екатеринѣ» на Андреевской лентѣ; въ 1790 году съ генералъ-аншефомъ Ртищевымъ противъ кабардинцевъ; въ 1791 г. съ генералъ-поручикомъ Гудовичемъ при дѣйствительной осадѣ города Анапы и во время дѣла съ непріятелемъ былъ раненъ въ правую ногу навылетъ и за взятіе города Анапы, за отличіе и усердіе къ службѣ, отъ генералъ-поручика Гудовича получилъ похвальный аттестатъ; въ 1794 году съ генералъ-майоромъ Мухтелемъ противъ кабардинцевъ и въ дѣлахъ противъ непріятеля за отличіе былъ произведенъ въ урядники; въ 1796 году съ генералъ-аншефомъ графомъ Зубовымъ въ Персіи, Дербентѣ и Баку...»

Въ 1801 году Пастуховъ былъ уволенъ, за болѣзнію, отъ службы, что не мѣшало начальству въ 1837 году требовать службы отъ 82 лѣтняго Пастухова, какъ сказано въ его прошеніи, поданномъ имъ во время проѣзда черезъ Екатериноградъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1837 года, Императора Николая I-го: «Начальство, не уважая моихъ старыхъ лѣтъ и прежней моей службы, употребляетъ во всѣ мѣста не только по внутренней, но и на кардоны употреблялся на службу; исполняю всѣ станичныя повинности, какъ денежныя, равно и под-

воды долженъ отбывать наравнѣ съ прочими; а при томъ начальство угрожаетъ тѣлеснымъ наказаніемъ»...

Въ концѣ прошлаго столѣтія строевые казаки участвовали также во всѣхъ походахъ генерала Якоби—съ 1799 по 1801 годъ—противъ кабардинцевъ, которые никогда еще не дѣйствовали съ такою энергіей и силой, какъ въ эти два года послѣ образованія Моздокско-Азовской линіи.

Та же славная боевая служба не покидала казаковъ и въ настоящемъ столѣтіи, вплоть до Гунибскаго плѣненія Шамиля. Въ 1804 и 1805 годахъ они участвовали съ генераломъ Глазенапомъ въ походахъ противъ кабардинцевъ; съ 1806 по 1810 годъ съ генераломъ Булгаковымъ противъ кабардинцевъ; съ 1811 по 1818 годъ съ генераломъ Дельпоццо противъ кабардинцевъ; походъ этотъ кончился выдачею кабардинцами аманатовъ, поселенныхъ въ Екатериноградѣ; съ 1819 по 1822 годъ съ генералъ-майоромъ Сталемъ противъ кабардицевъ (въ эти походы Волгскимъ полкомъ командовалъ капитанъ Верзилинъ, а Екатериноградской сотней—есаулъ Лучкинъ); въ 1828 г. съ генераломъ-отъ-кавалеріи Емануелемъ въ сраженіи съ карангайцами; въ 1829 г. въ Турецкой компаніи; въ 1831 г. съ генераломъ Паскевичемъ-Эриванскимъ противъ чеченцевъ; въ 1832 г. съ генералъ-майоромъ княземъ Бековичемъ противъ чеченцевъ; въ 1834 г. съ графомъ Фези (?) въ Дагестанѣ; въ 1837 г. съ генераломъ Граббе противъ чеченцевъ; въ 1838 году съ генералъ-майоромъ Крюковымъ въ Нагорномъ Дагестанѣ; въ 1839 году съ генералъ-адъютантомъ Граббе при взятіи замка Ахульго; въ 1840 г. съ генералъ-майоромъ Лабынцевымъ противъ чеченцевъ и при взятіи Карабулака; въ 1841 г. съ генералъ-адъютантомъ Граббе противъ чеченцевъ; въ 1842 г. съ полковникомъ Круковскимъ въ Назрановскомъ отрядѣ; въ 1843 г. съ полковникомъ Нестеровымъ противъ чеченцевъ; въ 1844 г. съ генералъ-майоромъ Нестеровымъ противъ чеченцевъ; въ 1845 г. съ генералъ-отъ-артиллеріи Лйдерсомъ противъ чеченцевъ; въ 1846 г. съ генералъ-майоромъ Нестеровымъ противъ чеченцевъ; въ 1848 году съ генералъ-лейтенантомъ Завадовскимъ противъ чеченцевъ; въ 1850 г. съ генералъ-майоромъ Нестеровымъ, а потомъ и генералъ-майоромъ барономъ Вревскимъ противъ чеченцевъ; въ 1851 г. съ генераломъ Слѣпцовымъ противъ чеченцевъ; въ 1852 г. съ генераломъ Барятинскимъ противъ чеченцевъ. Въ этомъ по-

ходѣ, въ сраженіи при Дубъ-Аулѣ, былъ убитъ горцами наказный атаманъ Кавказскаго линейнаго войска генералъ-майоръ Круковскій и съ нимъ урядникъ станицы Екатериноград-ской Толчаинъ, отнимавшій у горцевъ смертельно раненаго своего атамана. Предъ смертью генералъ Круковскій просилъ перевести тѣло его въ станицу Екатериноградскую и похоронить тамъ въ церковной оградѣ, а бѣлую лошадь свою завѣщалъ Горскому полку, въ которомъ просилъ ее кормить и поить до тѣхъ поръ, пока не издохнетъ. Говорятъ, что она, послѣ смерти своего хозяина, прожила еще очень долго и пала въ 40-ка лѣтнемъ возрастѣ. Въ 1853 и 1854 гг. съ генералъ-лейтенантомъ княземъ Бебутовымъ противъ турокъ; въ 1854 г. съ генералъ-майоромъ барономъ Вревскимъ въ Акинскомъ отрядѣ противъ чеченцевъ; въ 1855 и 1856 гг. съ генералъ-майоромъ барономъ Вревскимъ противъ турокъ; въ 1857 и 1858 гг. съ генералъ-майоромъ Мищенко противъ чеченцевъ; въ 1859 г. съ генералъ-адъютантомъ Барятинскимъ противъ чеченцевъ; въ 1863 году съ майоромъ Эрномъ въ составѣ сборнаго казачьяго полка противъ закубанскихъ мятежниковъ, и, наконецъ, въ 1877 и 1878 гг. противъ турокъ въ Азіатской Турціи въ составѣ Горско-Моздокскаго полка.

Описанными походами характеризуется боевая служба строевыхъ казаковъ. Вообще же нужно замѣтить, что горцы умѣло пользовались ослабленіемъ линіи, что случалось въ тѣ поры, когда войска уходили въ дальніе походы. Хищники подкрадывались сильными партіями и случалось, что они громили цѣлыя станицы. Понятно, что при такихъ условіяхъ жизни весьма часто приходилось браться за оружіе и идти въ объятія смерти и отставнымъ казакамъ съ подростками, а иногда даже и женщинамъ. Въ доказательство приведемъ одинъ случай, подобные которому составляли въ то время злобу житейскаго дня.—«Однажды чеченцы подкараулили солдата Екатериноградской слободки, взяли его въ плѣнъ и вывѣдали угрозами, гдѣ пасется станичный табунъ, велико ли прикрытіе, какъ много казаковъ въ станицѣ и т. п. Узнавъ, что служилые казаки были почти поголовно въ походѣ и что табунъ находится подъ прикрытіемъ казачатъ-малолѣтокъ, 80 чеченцевъ рѣшились ночью сдѣлать нападеніе.

Половина партіи переплыла за Малку, другая осталась на той сторонѣ, чтобы перенять табунъ за рѣкою. Стояла поздняя осень, ночи были темныя, длинныя, и чеченцы имѣли достаточно времени, чтобы для удобнѣйшаго угона табуна прорубить кинжалами широкую просѣку въ прибрежномъ кустарникѣ. Не ожидая встрѣтить сопротивленія со стороны казачатъ, чеченцы предъ свѣтомъ подъѣхали къ табуну, гикнули и кони, вспугнутые ружейнымъ выстрѣломъ, шарахнулись въ стороны. Бойкіе казачата однако открыли такой огонь, что сразу перебили и переранили многихъ чеченцевъ, а одинъ малолѣтокъ взвился на коня и полетѣлъ въ станицу дать знать о нападеніи, но въ станицѣ уже услыхали ружейную пальбу, и конный резервъ несся оттуда во всѣ повода на мѣсто происшествія. Съ другихъ постовъ также скакали, а къ особенному несчастью чеченцевъ, у казаковъ нашлись и бударки и лодки. Станичный начальникъ маіоръ Лучкинъ, опытный Волжскій боецъ, гроза кабардинскихъ наѣздниковъ, принялъ на себя распоряженіе всѣми рѣчными и сухопутными казачьими силами. По его указанію, цѣлая флотилія мелкихъ судовъ всевозможныхъ видовъ и формъ пустилась внизъ по теченію Малки, а затѣмъ Терека и какъ-разъ успѣла перенять переправу. Съ разгона врѣзалась она въ густую плывшую толпу и казаки принялись дѣйствовать чѣмъ попало, и веслами и баграми. Чеченцамъ на плаву защищаться было невозможно, и рѣка мгновенно обагрилась ихъ кровью, и мутныя волны Терека понесли множество труповъ, и людскихъ и конскихъ, къ далекимъ берегамъ Каспійскаго моря. Ни одному изъ чеченцевъ неудалось достигнуть противнаго берега. Но этимъ дѣло еще ни кончилось. Въ то время какъ шло рѣчное сраженіе, самъ Лучкинъ съ конными резервами переправился выше этого мѣста и бросился на партію, скрывавшуюся на томъ берегу. Чеченцы бѣжали, оставивъ въ добычу много лошадей и оружія. При дѣлежѣ добычи, Лучкину достался вороной конь, легкій, какъ птица, скакавшій безъ одышки и топота, точно онъ несся по воздуху. И съ тѣхъ поръ Лучкина постоянно видѣли уже на этомъ конѣ, сдѣлавшемся предметомъ зависти цѣлой линіи».

Вотъ какими самобытными усиліями приходилось станичникамъ завоевывать каждый день своего существованія отъ начала заселенія станицы до умиротворенія Кавказскаго

края. Въ этой безпрестанной борьбѣ, сопровождаемой грабежами и постоянной опасностью поплатиться жизнью, выдвинулось изъ среды станицы нѣсколько скромныхъ именъ, не высокихъ чинами, но великихъ тѣмъ, что эти «не высокіе чины» заслужены ими героизмомъ и всегдашней готовностью жертвовать имуществомъ и жизнью на защиту вѣры, Царя и отечества. Имена эти суть: полковникъ Василій Лучкинъ, майоръ Леонтій Венеровскій, есаулъ Иванъ Атарщиковъ (родился въ 1744 г. *), есаулъ Артамонъ Селивантьевъ (род. въ 1758 г.), поручикъ Петръ Дьяченко (род. въ 1761 г.), майоръ Козьма Евсѣевъ (род. 1769 г.), сотникъ Иванъ Нырковъ (род. въ 1779 г.), сотникъ Степанъ Дьяченко (род. 1776 г.), есаулъ Федоръ Атарщиковъ (род. въ 1789 г.), хорунжій Лазарь Кудрявцевъ (род. 1776 г.), сотникъ Димитрій Дьяченко (род. 1801 г.), майоръ Александръ Кудрявцевъ (род. въ 1804 г.), есаулъ Степанъ Нырковъ (род. 1804 г.), полковникъ Яковъ Кулаковъ, есаулъ Николай Кулаковъ, есаулъ Агишевъ, сотникъ Андрей Головко, сотникъ Пантелеймонъ Чеботаревъ, сотникъ Петръ Суржиковъ, сотникъ Аѳанасій Платоновъ, майоръ Алексѣй Морозовъ, сотникъ Афанасій Морозовъ, подполковникъ Николай Дьяченко, подполковникъ Тимофей Дьяченко, полковникъ Павелъ Кулаковъ и полковникъ Константинъ Кулаковъ.

Всѣ они слишкомъ много пережили, много перенесли трудовъ и силъ за время Кавказской войны къ огражденію страны, упроченію ея обороны и безопасности,— а потому память ихъ должна быть глубоко чтима потомствомъ.

Изъ реальныхъ историческихъ остатковъ, свидѣтельствующихъ о славномъ прошломъ станицы, заслуживаютъ вниманія:

1) Тріумфальныя каменныя ворота (о которыхъ подробно сказано выше), построенныя 1-мъ намѣстникомъ Кавказскимъ графомъ Павломъ Сергѣевичемъ Потемкинымъ.

2) Могила генералъ-майора Ушакова, похороненнаго въ оградѣ прежней станичной церкви (нынѣ мѣсто это занято школьнымъ дворомъ). Надъ могилой на каменномъ пьедесталѣ поставленъ чугунный памятникъ съ надписями: на восточной сторонѣ—«Генералъ-майоръ Иванъ Федотовичъ Ушаковъ, первый шефъ Вологодскаго мушкетерскаго полка. Скончался 8-го августа 1808 года въ лагерѣ при Екатериноградѣ на 48 году

*) Годы взяты изъ исповѣдныхъ списковъ 1824 и 1826 гг., сохранившихся въ станичной церкви.

жизни; сынъ его Александръ скончался въ 1807 году на 8 году жизни»; на южной—«Миръ праху вашему и сердечная молитва за упокой душъ вашихъ»; на западной—«Памятникъ сооруженъ вдовою генералъ-майоршею Марьею Даниловною Ушаковою, возобновленъ въ 1854 году сыновьями: генералъ-лейтенантомъ Николаемъ и полковникомъ Иваномъ Ушаковыми и дочерью, по мужу генералъ-майоршею Марьею Скворцовою», и на сѣверной—«Очаковъ, Измаилъ, Прага».

3) Могила генералъ-майора Круковскаго, погребеннаго въ оградѣ новаго собора; надъ могилой на каменномъ пьедесталѣ поставленъ изящный, хорошо сохранившійся, чугунный памятникъ со скромной надписью: «Наказному атаману Кавказскаго линейнаго войска генералъ-майору Круковскому, убитому въ дѣлѣ съ горцами 18 генваря 1852 года, отъ признательныхъ его друзей этого войска».

4) Чугунная крѣпостная пушка 1812 года, вѣсомъ въ 92 пуда 23 ф., заряжающаяся съ дульной части и лежащая въ въ данное время на площади, около школы, на деревянномъ лафетѣ, приспособленномъ къ чугуннымъ колесамъ съ деревянной осью. Полагаютъ, что это одна изъ тѣхъ пушекъ, которыми нѣкогда была оборудована Екатерининская крѣпость, памятникомъ которой въ настоящее время служитъ громаднѣйшій ровъ, съ осыпанными временемъ берегами и со слабыми признаками вала. Судя по камнямъ, которые на такъ давно еще откапывались жителями вокругъ крѣпости, берега рва были выложены тесаннымъ камнемъ.

5) Громаднѣйшія казенныя зданія бывшаго Екатериноградскаго военнаго госпиталя, нынѣ занимаемыя дисциплинарнымъ баталіономъ.

6) Знамя Горскаго полка изъ шелковой матеріи голубого цвѣта съ надписью: «За Турецкую войну и за дѣла, бывшія противъ горцевъ въ 1828—1829 годахъ».

Въ срединѣ изображенъ гербъ Россійской Имперіи и на углахъ вензеля Императора Николая I-го; древко съ мѣднымъ вызолоченнымъ копьемъ. Знамя и Высочайшая къ нему грамота, отъ 21 сентября 1831 года, хранятся въ станичной приходской церкви.

и 6) Серебрянная вызолоченная доска, шириною въ 5 и длиною въ 7 вершковъ, пожалованная обществу Императрицею Екатериною II, послучаю заложенія храма въ Екатери-

ноградѣ въ 1786 году съ надписями съ одной стороны: «Во имя святыя Екатерины угодницы Божіей заложена... въ лѣто отъ сотворенія міра 7294 г., отъ Рождества Христова 1786 г. Въ двадцать пятое лѣто благополучнаго царствованія Благочестивѣйшія Самодержавнѣйшія Великія Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны Самодержицы Всероссійскія и при Наслѣдникѣ Ея Благовѣрномъ Государѣ Цесаревичѣ и Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ, и при супругѣ Его Благовѣрной Государынѣ Великой Княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, и при Благовѣрныхъ Государяхъ Великихъ Князьяхъ Александрѣ Павловичѣ и Константинѣ Павловичѣ и при Благовѣрныхъ Государыняхъ Великихъ Княжнахъ Александрѣ Павловнѣ и Еленѣ Павловнѣ основался храмъ сей въ новоучреждаемой Кавказской губерніи въ Екатериноградѣ, посреди покоренныхъ горскихъ народовъ, въ четвертое лѣто послѣ присоединенія Крыма, Кубани и Кавказа къ Всероссійскому Императорскому Престолу»; съ другой *): «Предположеніе въ Бозѣ почивающей Великія Государыни Императрицы Екатерины о построеніи въ Екатериноградѣ храма во имя св. Великомученицы Екатерины по обстоятельствамъ не приведено въ исполненіе; въ благополучное же царствованіе Императора Николая I-го Самодержца Всероссійскаго, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, въ память посѣщенія Его Величествомъ въ 1837 году Кавказа, построенъ въ Екатериноградской станицѣ Горскаго казачьяго полка Кавказскаго линейнаго казачьяго войска каменный храмъ во имя преподобнаго Евфимія, празднуемаго въ 15-й день октября, съ придѣлами: св. великомученицы Екатерины и святителя Николая и освященъ въ лѣто отъ сотворенія міра 7358, отъ воплощенія же Слова Божія 1850 года іюля въ 1-й день».

Какъ видно изъ надписей, храмъ заложенъ въ 1786 году въ царствованіе Императрицы Екатерины II, а освященъ лишь въ 1850 году въ царствованіе Императора Николая I-го. Причину, задержавшую постройку храма болѣе чѣмъ на полвѣка, старожилы объясняютъ такъ, что когда храмъ былъ заложенъ, то Императрицей Екатериной II на постройку его было ассигновано изъ государственнаго казначейства 40,000 руб., которые, съ перенесеніемъ управленія Кавказскаго намѣстничества изъ города Екатеринограда въ г. Георгіевскъ,

*) Эта надпись сдѣлана послѣ освященія храма.

затерялись и были потомъ совсѣмъ забыты. Въ проѣздъ же черезъ станицу Императора Николая I-го въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1837 года вопросъ этотъ былъ поднятъ. Государь Императоръ, обратилъ свое Монаршее вниманіе на отсутстіе великолѣпія въ мѣстной деревянной церкви *) и крайнюю ея бѣдность, спросилъ: «А гдѣ же 40,000 руб., отпущенные вамъ на постройку храма Моей Бабушкой?» Достаточно было этихъ двухъ Царскихъ словъ для того, чтобы деньги розыскались: они оказались въ г. Астрахани. Затѣмъ Императоръ тутъ же подарилъ обществу на храмъ весь матеріалъ отъ бывшаго дворца намѣстника Кавказскаго, двухъ-этажнаго громаднаго зданія, и отъ оставшихся къ тому времени въ цѣлости ненужныхъ войсковыхъ казармъ.

Такимъ образомъ въ 1845 году было приступлено къ постройкѣ этого грандіознаго шестиглаваго каменнаго съ тремя престолами храма, считающагося въ настоящее время по постройкѣ и великолѣпію своему одной изъ лучшихъ церквей области; онъ величественно возвышается надъ станицей и служитъ ея лучшимъ украшеніемъ, сверкая золочеными куполами на десятки верстъ. Замѣчательно, что всѣ богослужебныя книги въ немъ Екатериненскихъ временъ.

Переходя отъ памятниковъ историческаго прошлаго къ значенію станицы въ исторіи заселенія и завоеванія Кавказскаго края, необходимо перечислить хотя бы одни главныя требованія, которыя предъявлялись ей въ то время правительствомъ: безъ нихъ нельзя имѣть яснаго представленія о тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ общественной жизни, при которыхъ безпрестанные хищническіе набѣги горцевъ, казалось бы, должны были поколебать въ казакахъ вѣру въ возможность мирнаго развитія станицы. Но малые числомъ и сильные духомъ, они все тверже и тверже укрѣплялись въ ней до тѣхъ поръ, пока русское вліяніе на Кавказѣ не окрѣпло. Не даромъ говорили сами горцы, что «укрѣпленіе—это камень, брошенный въ поле: дождь и вѣтеръ снесутъ его; а станица—растеніе, которое впитывается въ землю корнями и понемногу застилаетъ и охватываетъ все поле». Добавимъ отъ себя: «благодаря несокрушимой живучести своей, пренебрегавшей всѣми неблагопріятными для нея условіями».

*) Церковь эта впослѣдствіи принесена въ даръ обществу станицы Приближной.

Правительственныя требованія, о которыхъ упомянуто выше, заключались въ томъ, что казаки обязаны были поголовной двадцатипятилѣтней строевой службой, проводимой сначала въ безпрерывныхъ походахъ, затѣмъ на кордонныхъ постахъ. Кордонную службу несли льготные казаки, на обязанности которыхъ лежала охрана линіи, сопровожденіе почтъ, фельдъегерей, курьеровъ, транспортовъ, начальствующихъ лицъ и всѣхъ проѣзжающихъ. Въ то же время неспособные къ службѣ отбывали внутреннюю службу, вмѣстѣ съ семнадцатилѣтними малолѣтками и отставными стариками. На этомъ разрядѣ людей, за выходомъ въ походъ строевыхъ казаковъ, лежала нерѣдко, какъ мы знаемъ, обязанность защищать станицу отъ нападеній горцевъ. На нихъ же возлагались: усиленная поставка подводъ для перевозки тяжестей проходившихъ войскъ, печеніе для нихъ хлѣба, сушка сухарей, поставка натурою дровъ и квартиръ. Кромѣ того, средствами внутренне служащихъ казаковъ продовольствовались лошади полковой артиллеріи, которую имѣлъ каждый казачій полкъ.

Для полноты роли, которую играла Екатериноградская станица въ исторіи распространенія русскаго владычества на Кавказѣ, слѣдуетъ сказать и о томъ, что она въ одно время считалась главнымъ городомъ Кавказской губерніи, въ которомъ сосредоточено было высшее управленіе краемъ и который включалъ въ себѣ: крѣпость, гарнизонъ всѣхъ родовъ оружія, военный госпиталь, продовольственные и артиллерійскіе склады, гауптвахту и проч. Отсюда начиналась и Военно-Грузинская дорога, для которой былъ выстроенъ черезъ Малку мостъ; у моста стояла карантинная застава (таможня).

Семейный и общественный бытъ

Въ прежнее время въ народѣ жило глубочайшее уваже-женіе къ семейному общежитію. Сыновья, вступая въ бракъ, не оставляли дома родителей, также и внуки и правнуки, такъ что въ одномъ семействѣ бывало около 30—40 душъ. Такое громадное семейство состояло подъ управленіемъ старшаго въ домѣ, котораго всѣ обязаны были слушать и исполнять его волю. Онъ распредѣлялъ каждому работу, распоряжался всѣмъ достояніемъ и вообще заботился о нуждахъ всей семейной общины. Важныя семейныя дѣла, ссоры и несогласія между чле-

нами семьи старшій рѣшалъ самъ. Въ послѣднее время эти семейныя общины стали распадаться все чаще и чаще. То тотъ, то другой членъ семейства обнаруживаетъ все большее стремленіе къ личной самостоятельности и независимости отъ семейной общины, желаніе трудиться и работать не по указанію главы семейства, а въ той сферѣ, къ какой онъ чувствуетъ склонность, и при этомъ только для себя, за свой счетъ и за свою отвѣтственность. Причину распаденія семейныхъ общинъ можно объяснить развитіемъ промышленности, а также близкимъ соприкосновеніемъ съ европейскою жизнью и культурой.

Женщина, какъ и прежде, пользуется въ домѣ полнымъ равенствомъ съ мужчиною, хотя главою семейства считается мужчина. Она принимаетъ участіе въ семейныхъ совѣтахъ и домашнихъ дѣлахъ. Во многихъ случаяхъ женщина даже пользуется исключительнымъ правомъ распоряжаться по домашнему хозяйству. Есть же поговорка: «это бабье дѣло». Женщина въ домѣ не знаетъ свободной минуты. Если она не въ полѣ, то занята чѣмъ нибудь по хозяйству. Она то мажетъ, то бѣлитъ, то моетъ, то шьетъ, то чиститъ утварь, то готовитъ обѣдъ, то бѣгаетъ за телятами, то доитъ коровъ и проч., и проч. Въ полѣ женщина только не коситъ, а всѣ остальныя работы выполняетъ наравнѣ съ мужчиною. Вообще обязанности ея въ домѣ слишкомъ многочисленны и разнообразны, не говоря даже о кормленіи и воспитаніи дѣтей и объ уходѣ за ними.

Когда ребенокъ рождается, то въ тотъ же день (если онъ слабоватъ), или на 4—5 даютъ ему «молитву» и имя, которое потомъ остается и при св. крещеніи. Мать кормитъ дитя грудью обыкновенно 1½—2 года, а затѣмъ начинаетъ пичкать его всѣмъ тѣмъ, что ѣдятъ въ домѣ. Ухода за нимъ никакого нѣтъ: заболѣетъ—его лѣчатъ своими средствами, а иногда и нашептываніемъ. Къ докторамъ обращаются очень рѣдко. До 6—7 лѣтняго возраста дитя находится на воспитаніи у матери, а затѣмъ поступаетъ къ отцу; отецъ отдаетъ его въ школу, а въ свободное отъ школьныхъ занятій время употребляетъ на подходящія хозяйственныя работы. Лѣтъ съ 14—15 дѣтямъ обоего пола предоставляется безконтрольно увеселяться на улицѣ, ходить по праздникамъ на «посидѣлки», «вечеринки» и проч.

Въ старину жители чрезвычайно были привязаны ко всему патріархальному; они твердо придерживались отцовскихъ обычаевъ и нравовъ. Старшій лѣтами пользовался особеннымъ уваженіемъ и почетомъ. Предъ его житейской мудростью всѣ преклонялись; онъ имѣлъ право нравственнаго воздѣйствія на совершенно посторонняго для него молодого человѣка, если замѣчалъ въ его характерѣ или поступкахъ что либо несовмѣстимое съ понятіемъ объ этомъ того времени. Къ подобнымъ замѣчаніямъ молодежь относилаль безъ всякаго протеста и старалась въ будущемъ не дѣлать этого. Лучшее служебное или матеріальное положеніе не служило предметомъ зависти и не порождало недоразумѣній на почвѣ требованій особенныхъ почестей или привиллегій. Существовало гражданское равенство. Словомъ, жили естественно, открыто, непринужденно и честно. Но съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ близкаго соприкосновенія съ европейскою жизнію и культурою, вызвавшаго несоразмѣрное съ средствами увеличеніе жизненныхъ потребностей, стала возникать рознь въ привычкахъ, вкусахъ и наклонностяхъ; потомъ явилось несходство въ образѣ жизни и въ самыхъ взглядахъ на жизнь; начали выдвигаться изъ среды люди, жадные до прибыли, недовѣрчивые, упрямые, всегда готовые изъ-за ничтожнаго интереса завязать дѣло и подать въ судъ и т. п. Пошли недоразумѣнія, кляузы, ссоры и драки и все патріархальное стало рушиться и, наконецъ, совсѣмъ исчезло. Каждый погрузился въ собственную семейную жизнь и дальше ему ни до кого дѣла нѣтъ. Если отецъ сильно старъ или мать и не могутъ больше работать, то на нихъ уже смотрятъ какъ на лишніе рты, заѣдающіе чужой вѣкъ. Чаще всего сыновья ихъ бросаютъ и устраиваютъ свою жизнь гдѣ нибудь особнякомъ.

Жители станицы всѣ православные. Въ прежнее время между ними были и старообрядцы, но часть ихъ присоединилась къ православію, а другая часть выселилась. Казаки—народъ глубоко и искренно религіозный. Всякое дѣло свое они начинаютъ молитвой, при этомъ они молятся не всегда предъ образами, а такъ, гдѣ имъ придется: въ дорогѣ, въ полѣ, передъ обѣдомъ, передъ питьемъ и т. п. Церкви, мощи, кресты и иконы свято почитаются. Церковь посѣщаютъ часто и молятся съ горячею молитвою на устахъ, въ особенности пожилые люди. Въ праздникъ никто не работаетъ, но за то мо-

лодежь въ этотъ день любитъ попѣть, поплясать и повеселиться и непремѣнно парни съ дѣвушками. Эти увеселенія обыкновенно происходятъ или въ полѣ, или въ лѣсу. Женатые проводятъ время въ кругу своихъ семействъ, а любители изъ нихъ выпить—въ кабакѣ.

Въ Екатериноградѣ казаки женятся очень рано, 18—19 лѣтъ. Ранній бракъ мотивируется желаніемъ родителей замѣнить рабочую силу уходящаго на службу сына работницей-невѣсткой. Въ прежнее время, когда въ народѣ жило уваженіе къ семейному общежитію, цѣль эта достигалась, а теперь нѣтъ, потому что всѣ стали стремиться къ личной самостоятельности и независимости отъ семейной общины, и молодухи, по уходѣ ихъ мужей на службу, сейчасъ же бросаютъ дома ихъ родителей и отправляются жить туда, гдѣ имъ хочется и больше нравится.

Если долго нѣтъ свадебъ, то молодежь собирается на «посидѣлки». «Посидѣлки»—тѣ же «вечеринки»; разница лишь въ томъ, что на «посидѣлки» дѣвушки и парни собираются по собственному почину, по уговору.

Въ ст. Екатериноградской существуетъ странный обычай поголовнаго пьянства на св. Троицѣ. Начиная отъ дѣтей трехлѣтняго возраста и кончая пожилыми старцами обоего пола, всѣ въ этотъ день должны выпить. Прибѣгаетъ, напр., ребенокъ трехъ лѣтъ къ отцу и говоритъ: «Батя! я хочу выпить». Отецъ обязательно даетъ ему копѣйки двѣ-три, и тотъ веселый бѣжитъ къ сверстникамъ, съ которыми дѣлаетъ складчину и покупаютъ себѣ браги или лимонаду, смотря по сбору денегъ. Пяти-шести-лѣтнимъ даютъ попробовать даже вина или водки. Но тѣмъ не менѣе нужно замѣтить, что пьяницъ въ полномъ смыслѣ слова здѣсь очень мало, а за то и вовсе не пьющихъ нѣтъ. Истые поклонники Бахуса теряются въ громадномъ большинствѣ слабыхъ почитателей его.

Происхожденіе этихъ обычаевъ относится къ глубокой древности, имѣетъ связь съ историческою жизнью казачества, почему въ данное время не находитъ для себя объясненій.

5) Экономическій бытъ станицы.

Описывая особенности экономическаго быта ст. Екатериноградской и условія, имѣвшія вліяніе на происхожденіе этихъ

особенностей, необходимо начать съ земли, какъ основы всякой жизни и всякой исторіи. Было уже сказано, что первые жители станицы, неслужилые казаки Волжскаго войска, переселившись на Кавказъ, заняли землю по лѣвую сторону р. Малки. Земля эта представляла собою обширную однообразную равнину съ непочатыми пространствами выпасовъ и сѣнокосовъ; глинисто—песковатый грунтъ ея былъ покрытъ жирнымъ слоемъ чернозема, могущимъ подымать самый густой посѣвъ ржи, пшеницы, ячменя, овса и проса, производя рослый стебель и доброе зерно въ колосѣ. Лѣсу здѣсь было мало и весь онъ шелъ на удовлетвореніе собственныхъ потребностей, почему разработка его и не могла получить промышленнаго характера. Однимъ словомъ, земельное владѣніе станицы, по своей природѣ, представляло наибольшія удобства для земледѣлія, скотоводства и коневодства, и казаки естественно должны были остановиться на этихъ отрасляхъ сельскаго хозяйства.

Такимъ образомъ, сама природа вновь занятой мѣстности положила основу хозяйственной жизни станицы и создала тотъ типъ хозяйства, съ которымъ встрѣчаемся мы и теперь у населенія ея. Въ этомъ отношеніи нельзя отрицать также и положительнаго вліянія сосѣднихъ народовъ, отъ которыхъ казаки переняли сельско-хозяйственную культуру, орудія производства, домашнее хозяйство и многое другое.

Но, къ сожалѣнію, это сосѣдство, вмѣстѣ съ двадцатипятилѣтней безпрерывной военной службой казаковъ, оказало въ высшей степени неблагопріятное вліяніе на укладъ экономическаго быта станицы.

Сосѣдство враждебныхъ и хищниыхъ горцевъ, державшихъ населеніе станицы въ постоянной тревогѣ и опасеніи за свои стада и табуны, за свое нажитое добро, задержало ростъ скотоводства и коневодства. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти отрасли селькохозяйственной промышленности получили бы въ станицѣ широкое развитіе, какъ болѣе соотвѣтствующія складу характера и жизни казака, не любящаго тяжелый трудъ земледѣльца, если бы этому сильно не мѣшало хищничество горцевъ, а враждебное отношеніе ихъ не препятствовало бы возникновенію хуторовъ, столь необходимыхъ для занятія скотоводствомъ. Сосѣдство это вредило также и развитію земледѣлія, ибо оно отвлекало казаковъ отъ земле-

дѣльческихъ работъ; заставляло выходить въ поле вооруженными партіями и держаться тамъ скученно; принуждало править плугомъ съ ружьемъ за плечомъ и шашкою на боку и т. д. и т. п.

Безпрерывная двадцатипятилѣтняя строевая служба, которую несли поголовно всѣ казаки, несомнѣнно поддерживала тѣ условія, которыя препятствовали широкому и быстрому развитію экономческихъ силъ станицы. Иначе, разумѣется, и не могло быть при постоянномъ отвлеченіи казаковъ отъ хозяйства.

Мы видѣли уже, что часто все населеніе, способное носить оружіе, выходило изъ станицы на продолжительное время, оставляя свои хозяйства и дома на женщинъ, дѣтей и глубокихъ старцевъ. Казакъ брался за оружіе въ отроческомъ возрастѣ и сходилъ съ коня лишь въ старческой дряхлости. Только во второй половинѣ текущаго столѣтія онъ былъ освобожденъ отъ службы до старости, а въ настоящее время проводитъ на ней сравнительно незначительное число лѣтъ. Такая реформа отбыванія военной службы, вмѣстѣ съ прекращеніемъ враждебныхъ дѣйствій на Кавказѣ,—принесла самые благодѣтельные результаты, давъ толчекъ къ быстрому развитію хозяйственной жизни станицы и этимъ поднявъ экономическія силы ея настолько, что въ современномъ своемъ развитіи вполнѣ достаточно обезпечиваетъ населенію исправное отбываніе повинностей и насущныя его потребности, несмотря даже на то, что эти потребности въ данное время значительно увеличились, благодаря вліянію цивилизаціи. Поэтому тѣ, которые говорятъ, что жители станицы жили прежде богаче, глубоко ошибаются, ибо такое мнѣніе ихъ основано лишь на томъ, что встарину не было людей, нуждающихся въ пропитаніи. Это правда. Но почему ихъ не было? А вотъ почему. Если одинъ человѣкъ, вслѣдствіе несчастныхъ случайностей, не заработаетъ достаточно для своего и своей семьи корма, другой человѣкъ, вслѣдствіе благопріятныхъ условій пріобрѣвшій лишнее, даетъ неимущему; и даетъ уже потому, что дѣвать ему хлѣба больше некуда, такъ какъ онъ не продавался и въ большинствѣ случаевъ пропадалъ отъ времени въ скирдахъ и въ закромахъ. Теперь совсѣмъ другое: желѣзная дорога изъ-подъ носа увозитъ хлѣбъ, а вырученныя за него деньги идутъ на покупку: самовара, лампы, ботинокъ,

шелковаго платка, кружевъ, глицериноваго мыла, о-де-колона и т. п. предметовъ, о которыхъ въ прежнее время не имѣли и представленія, а теперь считаютъ необходимыми.

Понятно, что при такихъ несоразмѣрно со средствами увеличенныхъ жизненныхъ потребностяхъ не только не можетъ оставаться въ хозяйствѣ излишка какого либо хлѣба, котораго можно было бы дать неимущему одностаничнику, но даже заработка главы семейства не хватаетъ на удовлетвореніе потребностей собственной семьи, и семейный бюджетъ приходится увеличивать трудами всѣхъ членовъ семьи, чтобы сводить концы съ концами. Отсюда и говорятъ, что населеніе станицы въ прежнее время было богаче, зажиточнѣе, забывая при этомъ о расходахъ, какіе несетъ хозяинъ на себя и семью теперь и какіе онъ несъ прежде. Въ данное время населеніемъ станицы вообще и каждымъ хозяиномъ въ отдѣльности расходуется на жизнь по крайней мѣрѣ въ 5 – 6 разъ болѣе, чѣмъ въ старину, ибо и живутъ лучше, и одѣваются чище, и ѣдятъ вкуснѣе. А на все это нуженъ заработокъ, нужны средства. Такимъ образомъ, судя по современнымъ расходамъ населенія на удовлетвореніе жизненныхъ потребностей, приходится притти къ положительному заключенію, что теперешнее матеріальное положеніе станицы несравненно менѣе скромно, чѣмъ лѣтъ 30—40 тому назадъ.

Остается только пожелать, чтобы населеніе станицы увеличило производительность юртового земельнаго надѣла улучшеніемъ своего труда и земледѣльческой техники,—и тогда существованіе его будетъ обезпечено еще на многіе и многіе годы.

Правительство, нуждаясь въ военной службѣ казаковъ, всегда болѣе или менѣе участливо относилось къ экономическимъ нуждамъ ихъ, имѣя въ виду исправность ихъ снаряженія на службу. На этомъ основаніи казачье населеніе станицы Екатериноградской имѣетъ въ данное время земельный надѣлъ въ размѣрѣ 23621 каз. десятинъ 1900 кв. саж. удобной земли. Взамѣнъ этого всѣ казаки, безъ различія состояній, обязаны нести службу съ собственнымъ снаряженіемъ и на собственныхъ лошадяхъ.

Согласно «Положенію о поземельномъ устройствѣ въ казачьихъ войскахъ», Высочайше утвержденному 21-го апрѣля

1869 года, права членовъ станичнаго общества на всѣ земельныя угодья опредѣляются такъ:

«Ст. 11. Мужского пола жители станицы, принадлежащіе къ войсковому сословію, по достиженіи 17-лѣтняго возраста, имѣютъ право каждый на одинъ пай во всѣхъ общихъ станичныхъ угодіяхъ и довольствіяхъ».

«Ст. 13. Имѣющія дѣтей вдовы генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, чиновниковъ, урядниковъ и казаковъ, доколѣ всѣ сыновья не достигнутъ 17-лѣтняго возраста, а дочери не выйдутъ замужъ, имѣютъ право на весь пай своихъ мужей; бездѣтныя и такія, у которыхъ всѣ сыновья достигли 17-лѣтняго возраста, а дочери вышли замужъ, пользуются половиною пая мужей».

«Ст. 14. Вдовы генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, чиновниковъ, урядниковъ и казаковъ, съ выходомъ вновь въ замужество, теряютъ право на полученіе слѣдовавшей имъ доли изъ пая первыхъ ихъ мужей».

«Ст. 15. Круглые обоего пола сироты генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, чиновниковъ, урядниковъ и казаковъ, а также сироты, которыхъ мать вышла вновь замужъ, если ихъ болѣе одного, имѣютъ право всѣ вмѣстѣ на одинъ отцовскій пай; права на участіе въ этомъ паѣ лишаются: сыновья, по достиженію 17-лѣтняго возраста, а дочери — по вступленіи въ бракъ. Когда же остается въ кругломъ сиротствѣ или при матери, вышедшей вновь замужъ, всего одинъ малолѣтній сынъ или одна незамужняя дочь, то они пользуются половиною отцовскаго пая: сынъ до 17-лѣтняго возраста, а дочь до замужества».

«Ст. 17. Жители станицъ могутъ не только лично пользоваться предоставленными имъ паями, но передавать оные другимъ лицамъ, хотя не принадлежащимъ къ войсковому сословію; подобная передача допускается только на то время, на которое предоставленъ пай въ пользованіе».

Юртовой земельный надѣлъ состоитъ въ общинномъ владѣніи общества. Никакая часть земли и никакое угодье, въ чертѣ станичнаго юрта заключающіяся, не могутъ выходить изъ владѣнія станичнаго общества въ чью-либо личную собственность. Каждому члену станичнаго общества разрѣшается имѣть и разводить плодовые сады и лѣсныя рощи, какъ при своихъ усадьбахъ, такъ и въ назначенныхъ обществомъ мѣстахъ. Хозяинъ сада или рощи, пока они сущест-

вуютъ, владѣетъ ими, не лишаясь участія въ лѣсахъ общественныхъ; но земля подъ садами и рощами остается принадлежностью общества. Вообще земельный надѣлъ считается общимъ достояніемъ, а потому и порядокъ пользованія землею устанавливается и регулируется самимъ обществомъ.

Въ прежнее время, когда населенія было меньше, а земли было слишкомъ достаточно, общество не стѣсняло отдѣльныхъ своихъ членовъ въ пользованіи землею: каждый эксплоатировалъ такъ или иначе, гдѣ хотѣлъ и сколько могъ, пользуясь правомъ захвата. Это обстоятельство способствовало той небрежности, съ которой казакъ относится къ землѣ, той переборчивости, изъ за которой онъ бросалъ участки послѣ перваго посѣва и, наконецъ, той безконтрольности, которая вызываетъ поползнованіе зажиточныхъ казаковъ пользоваться земельными угодьями на правахъ частныхъ собственниковъ.

Но съ увеличеніемъ населенія и уменьшеніемъ урожаевъ и лѣса явилась необходимость ограничить права отдѣльныхъ лицъ въ эксплоатаціи земли, съ цѣлью устраненія той монополіи въ пользованіи лучшими участками, которая существовала издавна только для небольшого числа зажиточныхъ хозяевъ и сохраненія отъ окончательнаго истребленія такого цѣннаго угодья, какъ лѣсъ. Съ этими именно цѣлями станичное общество устанавливаетъ постепенно переходъ отъ захватнаго права на землю къ общинному, заключающемуся въ рядѣ ограниченій пользованія ею. Формы этихъ ограниченій были чрезвычайно разнообразны и касались земельныхъ угодій: пахотной земли, сѣнокосной и лѣса. Мы разсмотримъ пользованіе каждымъ угодьемъ отдѣльно, по установившемуся въ настоящее время порядку.

Пахотной землею распоряжается общественный сходъ, на которомъ опредѣляется площадь земли, подлежащая дѣлежу, и размѣръ пая (который обыкновенно колеблется между полъ и десятиной). Жители въ это время группируются партіями въ нѣсколько десятковъ человѣкъ и записываются на общій жребій (на одну какую-нибудь фамилію), съ такимъ числомъ паевъ, насколько каждый изъ нихъ имѣетъ право по семейному положенію и покупкою у лицъ, не занимающихся земледѣліемъ. Группировка партіями вызывается обыкновенно желаніемъ ускорить и облегчить распредѣленіе земельныхъ паевъ между жителями или же желаніемъ работать совмѣстно, такъ

какъ плугъ рѣдко бываетъ у одного хозяина. Большею частью распашка производится складчиной: отъ кого плугъ, а отъ кого волы или лошади. Когда земля, поступающая въ дѣлежъ, довѣренными общества измѣрится и разобьется на участки извѣстной длины и ширины, жители въ установленное время отправляются въ поле, гдѣ тѣ же довѣренные, въ присутствіи атамана станицы или его помощника, распредѣляютъ землю между партіями по жребіямъ и числу причитающихся имъ паевъ. Каждая партія, получившая участокъ, отмѣчаетъ его какими-нибудь видимыми знаками, а въ тотъ или на другой день распредѣляетъ его между своими членами также по жребіямъ. Затѣмъ приступаютъ къ распашкѣ.

Сѣнокосными угодьями жители пользуются по своимъ загонамъ, которые съ 5-го года поступаютъ подъ сѣнокосъ и только на 8-мъ году переходятъ снова подъ пахату. Ограниченіемъ въ пользованіи сѣнокосомъ служитъ лишь назначеніе обществомъ срока, ранѣе котораго никто не имѣетъ права выѣзжать на покосъ. Порядокъ этотъ признанъ наилучшимъ, такъ какъ не вызываетъ между жителями споровъ и недоразумѣній.

Лѣсомъ пользуется общество на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и пахотными мѣстами, съ тою лишь разницею, что лѣсной пай бываетъ значительно меньше пахотнаго: онъ обыкновенно не превышаетъ 300 кв. саж. Весь общественный лѣсъ подѣленъ на 7 участковъ, которые поступаютъ въ пользованіе по очереди, при чемъ въ одномъ и томъ же году дѣлить болѣе одного участка не допускается. Это сдѣлано для того, чтобы сохранить лѣсъ отъ окончательнаго истребленія. Такимъ образомъ участокъ, поступившій въ этомъ году въ пользованіе, не можетъ эксплоатироваться ранѣе 7 лѣтъ.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 3-го іюня 1882 года положенія, всѣ казаки, достигшіе 18-лѣтняго возраста, зачисляются въ приготовительный разрядъ, во время состоянія въ которомъ обучаются и подготовляются на службу въ своей станицѣ и въ лагерныхъ сборахъ; затѣмъ, по достиженіи 21 года, переводятся въ строевой разрядъ и назначаются на дѣйствительную полевую службу, которую въ мирное время несутъ 4 года, послѣ чего увольняются на льготу во 2-ю очередь, въ теченіе 4-хъ лѣтъ нахожденія въ которой обязаны имѣть обмундированіе, вооруженіе, снаряженіе и строе-

выхъ лошадей и являться въ лагерные трехнедѣльные сборы для практическихъ занятій; послѣ этого казаки перечисляются въ третью очередь, гдѣ строевыхъ лошадей уже не содержатъ; на третьемъ году пребыванія въ этой очереди вызываются на три недѣли въ учебные сборы. По достиженіи 33 лѣтъ казаки зачисляются въ запасный разрядъ, призываемый на дѣйствительную службу только въ военное время, для укомплектованія строевыхъ частей, а въ 38 лѣтъ увольняются въ отставку. Кромѣ воинской повинности казачьимъ населеніемъ станицы отбываются еще повинности земскія и общественныя, заключающіяся: 1) въ содержаніи на раскладочныя средства земской почты (549 р. въ годъ); 2) въ содержаніи этапнаго помѣщенія; 3) въ выставленіи обывательскихъ подводъ для проходящихъ воинскихъ частей и командъ; 4) въ отводѣ имъ квартиръ и пастбищныхъ мѣстъ; 5) въ отпускѣ квартирныхъ денегъ всѣмъ сверхсрочно-служащимъ унтеръофицерамъ Екатериноградскаго дисциплинарнаго баталіона, въ размѣрѣ 3-хъ рублей въ мѣсяцъ на человѣка, а всего около 400 руб. въ годъ; 6) въ отводѣ натурою квартиръ для нижнихъ чиновъ 4 баталіона 84 пѣх. Ширванскаго Его Величества полка, квартирующихъ въ станицѣ для несенія караульной службы при дисциплинарномъ баталіонѣ; 7) въ содержаніи на раскладочныя средства пожарной части (400 руб. въ годъ); 8) въ содержаніи на общественныя средства въ исправности Эристовскаго и Курскаго каналовъ въ районѣ юртового надѣла (338 р. въ годъ); 9) въ содержаніи на общественныя средства 3 казенныхъ жеребцовъ (около 500 р. въ годъ), и 10) въ содержаніи карауловъ: при церкви, при станичномъ правленіи, общественномъ хлѣбномъ магазинѣ и при станичномъ табунѣ.

6) Сельско-хозяйственныя промыслы.

Земледѣліе съ давняго времени составляетъ главное занятіе населенія станицы. Сама природа юртоваго надѣла какъ нельзя болѣе способствуетъ тому, чтобы вести это дѣло въ совершенствѣ. Земля выноситъ двухъ-лѣтнюю обработку, безъ всякаго удобренія и искусственнаго орошенія. Первый годъ сѣютъ пшеницу и ячмень, а изъ яровыхъ—просо; второй—просо, ячмень, овесъ и ленъ, при чемъ землю они перепахива-

ютъ или только боронятъ. Третій и четвертый годы земля отдыхаетъ (или отдается въ аренду подъ пастьбу овецъ); пятый, шестой, а иногда и седьмой годы—поступаетъ подъ сѣнокосъ, а на восьмой—снова идетъ подъ пахоту.

Несмотря на относительно слабое развитіе, какъ было уже сказано, земледѣліе все-таки составляетъ самый главный источникъ станичнаго богатства. Оно даетъ возможность населенію существовать собственными средствами и исправно отбывать воинскую повинность. Въ этомъ легко убѣдиться изъ нижеслѣдующихъ данныхъ объ урожаѣ за послѣдніе четыре года:

Въ 1895 хлѣбныхъ растеній посѣяно 2060 чет., собрано 25794 чет., урожай самъ 12,2; въ 1896 хлѣбныхъ растеній посѣяно 2040 чет., собрано 24560 чет., урожай самъ 12,03; въ 1897 хлѣбныхъ растеній посѣяно 2028 чет., собрано 19638 чет., урожай самъ 9,4; въ 1898 хлѣбныхъ растеній посѣяно 2000 чет., собрано 20537 чет., урожай самъ 10,2.

Изъ этихъ данныхъ объ урожаѣ видно, что плодородіе почвы юртового надѣла, несмотря на плохую обработку ея, не оставляетъ желать лучшаго.

Посмотримъ теперь, насколько земледѣліе обезпечиваетъ продовольствіе населенія. Средній урожай за 4 года далъ станицѣ 22632 чет. хлѣбнаго зерна; вычитая отсюда 2032 чет на обсѣмененіе, получимъ собственно на продовольствіе 20600 чет., что въ среднемъ даетъ свыше 6 чет. на каждую душу населенія. Имѣя въ виду продовольственныя нормы, принятыя въ арміяхъ и вычисляемыя экономистами, считающими по 2 чет. на человѣка, безъ различія пола и возраста, вполнѣ достаточнымъ на годовое довольствіе, получимъ остатокъ свыше 4 четв. на кажду душу. Этотъ остатокъ идетъ на удовлетвореніе служебныхъ потребностей и другихъ нуждъ населенія.

Въ текущемъ году было посѣяно: пшеницы 800 чет., ячменя 260 чт., овса 100 чет., проса 600 чет., льна 100 чет., полбы 15 чет. и картофеля 750 мѣръ. Урожай былъ средній; пробный умолотъ даетъ: пшеницы самъ 7, ячменя самъ 7, овса самъ 14, проса самъ 20, полбы самъ 6, льна самъ 2 и картофеля самъ 10.

Въ среднемъ хлѣбныя растенія дали самъ 11. Ленъ почти повсемѣстно погибъ отъ земляной блохи.

Скотоводство, послѣ земледѣлія, имѣетъ преобладающее значеніе надъ всѣми другими отраслями хозяйства. Оно, не будучи по характеру своему промышленнымъ, даетъ возможность населенію пополнять тѣ пробѣлы, которые въ иныхъ случаяхъ могли бы образоваться въ продовольствіи его, въ снаряженіи на службу казаковъ и, вообще, въ исполненіи лежащихъ на немъ платежей и повинностей. Кромѣ того, оно даетъ жителямъ небольшой заработокъ на молочныхъ продуктахъ, сбываемыхъ на мѣстѣ въ дисциплинарный баталіонъ и баталіонъ, квартирующій здѣсь для несенія караульной службы при заключенныхъ, а также служитъ улучшеніемъ пищи для самихъ казаковъ. Въ настоящее время въ станицѣ насчитывается: лошадей—1375 головъ, воловъ—1113 г., коровъ и гулевого скота—2781 г., овецъ и козъ—1300 шт. Такимъ образомъ на каждый дворъ приходится: лошадей болѣе 2-хъ головъ, крупнаго и мелкаго скота около 6 головъ, овецъ и козъ—около 2-хъ штукъ. Изъ этой таблицы видно, что эта отрасль сельскохозяйственной промышленности развита въ станицѣ слабо, несмотря на то, что она имѣетъ громадное значеніе для хозяйственной дѣятельности населенія ея.

Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ частыхъ карантиновъ, жители станицы все болѣе и болѣе стали замѣнять дешевую рабочую силу воловъ дорогой рабочей силой лошади. Это обстоятельство не можетъ не отозваться дурно на экономической жизни населенія Екатеринограда.

Луговодство носитъ характеръ простого сѣнокошенія и находится въ тѣсной связи съ скотоводствомъ. Ни посѣвъ травъ, ни улучшенія естественныхъ свойствъ сѣнокосовъ не практикуется здѣсь. Травы произрастаютъ хорошія и всегда въ достаточномъ количествѣ. Сѣно скашивается во-время и оно всегда отличается хорошимъ качествомъ. Ежегодно скашивается болѣе, чѣмъ нужно для удовлетворенія собственныхъ потребностей; излишекъ продается и даетъ хорошую выручку. Въ текущемъ году накошено сѣна около 10,000 возовъ; изъ этого количества на собственное потребленіе понадобится не болѣе 7,000 возовъ, а все остальное пойдетъ въ продажу. Сѣно, обыкновенно, сбывается или на мѣстѣ или на станцію «Прохладную» Владикавказской желѣзной дороги. Цѣна отъ 10 до 30 коп. за пудъ.

Пчеловодство никогда не интересовало жителей и этимъ дѣломъ всегда занималось лишь нѣсколько человѣкъ. Въ данное время въ станицѣ имѣется 10 пасѣкъ съ 1374 ульями.

Бахчеводство и огородничество даютъ населенію громадный заработокъ. Подъ бахчи ежегодно засѣвается твердой земли около 400 хоз. десятинъ, а огороды имѣются постоянныя. Продукты бахчеводства служатъ: для собственнаго употребленія, для продажи, для полученія арбузнаго меда, подсолнечнаго масла и сѣмячекъ. Огородничествомъ жители занимаются на болѣе широкихъ началахъ. Есть хозяева, имѣющіе по нѣсколько огородовъ и спеціально занимающіеся этимъ дѣломъ. За вычетомъ собственнаго потребленія, населеніемъ ежегодно продается: капусты болѣе 600 возовъ, помидоръ около 6000 ведеръ. Огурцы сѣются для собственнаго употребленія. Въ послѣдніе два года огороды сильно пострадали отъ разлитія Малки, затопившей ихъ; это обстоятельство замѣтно отразилось на цѣнахъ продуктовъ огородничества на прохладненскихъ и моздокскихъ базарахъ.

7) Ремесленные и кустарные промыслы.

Ремесленной и кустарной промышленности въ станицѣ почти нѣтъ. Портные, сапожники, столяры, плотники, кузнецы, слесаря, шорники, сѣдельщики и другіе,—все это въ большей части случайно или на время поселившіеся здѣсь инородцы. Сами казаки не имѣютъ склонности ни къ какому ремеслу.

Въ станицѣ имѣется кирпичный заводъ, двѣ маслобойни и четыре прудовыхъ мельницы.

Сотникъ *А. Сосіевъ.*

СТАНИЦА ЧЕРНОЯРСКАЯ.

I.

Географическое положенiе.

Станица Черноярская находится подъ 43° 41′ 15″ сѣверной широты и 62° 0′ 30″ восточной долготы, на высотѣ 650 футовъ надъ уровнемъ моря. Расположена на лѣвомъ берегу рѣки Терека въ 9-ти верстахъ ниже слiянiя его съ р. Малкой, противъ «Чернаго яра», образованнаго теченiемъ Терека, имѣющаго противъ станицы самый крутой и высокiй берегъ.

Въ отношенiи административнаго управленiя станица Черноярская съ 1-го января 1899 года вошла въ составъ управленiя Моздокскаго отдѣла Терской области, а въ отношенiи отбыванiя воинской повинности состоитъ въ Горско-Моздокскомъ полковомъ округѣ. Станица расположена въ 5 верстахъ отъ почтоваго тракта, идущаго отъ ст. Прохладной черезъ городъ Моздокъ и по берегу р. Терека до Каспiйскаго моря. Отъ станицы Черноярской по почтовымъ дорогамъ до города Владикавказа 119¼ верстъ, до гор. Пятигорска 114½ верстъ, до города Георгiевска 99 верстъ, до гор. Моздока 26 верстъ и до Прохладненской станцiи Владикавказской желѣзной дороги 28 верстъ. Рѣка Терекъ противъ станицы Черноярской раздѣляется на три рукава, образующихъ островки, поросшiе мелкимъ лѣсомъ мягкихъ породъ. Рукава эти сходятся въ общее русло ниже станицы въ ½ верстѣ къ востоку, гдѣ для сообщенiя съ правой стороной р. Терека, откуда начинается земля Малой Кабарды, устроенъ паромъ на канатахъ Лѣвый берегъ Терека по всей ширинѣ юрта ст. Черноярской покрытъ лѣсомъ, занимающимъ 580 десятинъ. Этотъ лѣсной участокъ составляетъ единственный лѣсной надѣлъ станицы; вслѣдствiе нерацiональ-

наго пользованія имъ и усиленной эксплоатаціи въ прежнія времена, въ настоящее время онъ наполовину представляетъ кустарникъ и едва удовлетворяетъ самымъ необходимымъ нуждамъ станицы; между тѣмъ, судя по деревьямъ, которыя находятъ подъ водой (одно дерево вырыто длиною 35 арш., толщиной въ діаметрѣ 1 арш.), нужно думать, что лѣвый берегъ Терека представлялъ вѣковой лѣсъ, состоявшій изъ деревьевъ твердыхъ породъ. Затѣмъ вся мѣстность къ сѣверу отъ станицы по всему юрту представляетъ степь, украшенную верстахъ въ 8-ми отъ станицы группой кургановъ, носящихъ названіе «Дзалай Туппурта». Между лѣсомъ и станицей, по всей длинѣ станицы, тянется лугъ, западная сторона котораго занята бѣлолистковыми(родъ тополя) рощами, а восточная служитъ выгономъ для мелкаго скота.

II.

Населеніе станицы.

Станица Черноярская основана въ 1805 году, при командовавшемъ Кавказской линіей генералъ-лейтенантѣ Глазенапѣ. Она составилась изъ дигорцевъ и частью изъ осетинъ разныхъ мѣстъ Осетіи, исповѣдывавшихъ православную вѣру, за исключеніемъ немногихъ. Чтобы понять, какія причины побудили основателей станицы Черноярской добровольно оставить насиженныя мѣста, совсѣмъ разсчитаться съ тѣмъ, что имъ было дорого въ теченіе многихъ вѣковъ, необходимо выяснить обстановку, при которой имъ пришлось жить къ концу настоящаго вѣка.

Силой историческихъ обстоятельствъ загнанные въ трущобы Кавказа, дигорцы болѣе, чѣмъ другіе народы ихъ племени, терпѣли отъ хищничества сосѣдей. Живя рядомъ съ Большой Кабардой, нужно было умѣть ладить съ кабардинцами, что значило во время одаривать ихъ, иначе кабардинскіе князья обрушивались на того, кто вздумалъ-бы не почесть князя, не ознаменовать его пріѣздъ подаркомъ, что есть лучшаго у хозяина, или что попроситъ самъ князь. Кабардинцы угрозами старались привить дигорцамъ свои порядки, и бороться съ ними дигорцы, разбросанные мелкими кучками по ущельямъ, одни никакъ не могли; вліятельныя же въ Дигоріи лица, такъ называемые «ал-

Русское правительство не вмѣшивалось въ дѣла дигорцевъ и допускало стѣсненіе слабыхъ сильными, имѣя при этомъ свои расчеты; со временъ генерала Потемкина начальники Кавказской линіи держались той системы: раздувая сословную или племенную вражду горскихъ народовъ и возбуждая такимъ образомъ среди нихъ безконечный рядъ внутреннихъ волненій, добиться того, чтобы одна или обѣ стороны обратились за помощью къ русскимъ; тогда политическіе расчеты опредѣляли, кому и какъ слѣдуетъ оказать помощь. Эта система не всѣми оправдывалась, такъ какъ она развивала хищническія наклонности сильнѣйшихъ.

Въ 1800 году былъ случай, изъ за котораго русскіе впервые вступились въ защиту православныхъ дигорцевъ. Въ этомъ году, съ разрѣшенія высшаго духовнаго начальства, въ Дигоріи, въ селѣ Караджаевомъ, была построена первая церковь и къ ней опредѣленъ полный штатъ изъ священника и причетника. Кабардинцы и другіе враги распространенія христіанства въ Осетіи разграбили церковь, прогнали священника. За этотъ поступокъ кабардинцы, по волѣ Императора Всероссійскаго Павла I-го, были строго наказаны генераломъ Кноррингомъ. Это первое дѣйствіе русскихъ войскъ въ защиту православныхъ дигорцевъ породило у нихъ довѣріе къ русскимъ, и у многихъ изъ нихъ впервые зародилась мысль отдаться въ распоряженіе русскаго правительства, переселиться изъ горъ на русскую землю. Вопросъ, куда именно переселиться, гдѣ просить себѣ мѣста, разрѣшился въ пользу Терской линіи между Екатериноградомъ и Моздокомъ потому, что, съ одной стороны, русскія власти сами указали Моздокскій край, который давно было намѣчено заселить, и при томъ «сколь можно военными, а не другими людьми»; съ другой же стороны и сами дигорцы выбрали эту линію, ближе къ Моздоку, къ центру распространенія христіанства между осетинами. Въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ Моздокѣ подъ защитою русскаго воинства было основано миссіонерское общество подъ названіемъ «осетинской комиссіи», для поддержанія и распространенія христіанства между осетинами, а въ 1793 г. Высочайшимъ указомъ 19 апрѣля было открыто въ Моздокѣ викаріатство; викарный архіерей считался начальникомъ осетинской духовной комиссіи и именовался епископомъ Моджарскимъ и Моздокскимъ. Вотъ къ этому то пункту, поощряемые двумя братьями изъ дигорцевъ—

капитаномъ русской службы Тавсурукомъ и священникомъ Аліемъ (Алексѣй) Кургосовыми, дигорцы, недовольные заведенными въ ихъ странѣ порядками, переселились на Терекъ и заняли мѣсто между крѣпостями Моздокской и Екатерининской, ближе къ послѣдней. Первые переселились сами братья Кургосовы—Тавсурукъ и Алій съ семействами. За ними постепенно переселяются и другіе, днемъ скрываясь въ лѣсахъ отъ шаекъ кабардинскихъ наѣздниковъ, а ночью медленно передвигаясь отъ одного скрытнаго мѣста до другого. Сначала заселеніе шло медленно, и за два года переселилось не болѣе 10-ти семействъ. Тогда Тавсурукъ и Алій сами отправляются въ Дигорію, чтобы подѣйствовать на тѣхъ, которые желали переселиться, но не рѣшались. Поѣздка была успѣшна въ смыслѣ вліянія ихъ на своихъ соотечественниковъ; но когда они возвращались обратно, кабардинцы, узнавшіе, какую роль взяли на себя Кургосовы, между Екатериноградомъ и нынѣшней Пришибской станицей устроили засаду и убили ихъ. Такимъ образомъ въ 1805 году на Терской линіи, между Моздокомъ и Екатериноградомъ, въ 9 верстахъ ниже сліянія р. Терека съ Малкой, противъ Чернаго яра, образовалось село дворовъ въ 40, названное Черноярскимъ поселеніемъ *). Затѣмъ это поселеніе умножалось переселенцами изъ цигорцевъ и осетинъ разныхъ мѣстъ; были между ними и магометане.

Черезъ 5 лѣтъ Черноярское поселеніе умножилось переселившимися изъ мѣстности Ханазъ цѣлаго дигорскаго села Масукау. Эти выходцы пришли уже не партіями, а всѣ вмѣстѣ, подъ охраной конвоя русскихъ войскъ, по распоряженію бывшаго тогда начальника Владикавказскаго округа генералъ майора Дельпоццо **). Причины выселенія села Масукау были тѣ же, т. е. стѣсненное положеніе и нежелательное сосѣдство съ кабардинцами; но поводомъ къ выселенію послужило обстоятельство, поставившее масукауцевъ въ безвыходно отчаянное положеніе. Жители селенія Масукау, жившіе раньше въ горахъ, переселились изъ горъ на предгорную плоскостную землю и

*) Лѣвый протокъ Терека, на берегу котораго поселились первые новоселы, называется Ерошта. По названію этого рукава село на національномъ языкѣ называлось Ерошта или Дзараште; названіе это сохранилось и до сихъ поръ.

**) Эта должность была самостоятельная въ смыслѣ управленія горскими народами Владикавказскаго округа.

основались въ мѣстности Ханазъ, на томъ именно мѣстѣ, которое представляло естественную крѣпость, закрытую со всѣхъ сторонъ и имѣющую доступъ только со стороны горъ. Плоскостныя земли особенно привлекали кабардинцевъ для содержанія тамъ скота зимой; масукауцы поэтому постоянно имѣли кровавыя столкновенія съ ними, чтобы отбивать угоняемый скотъ, похищаемыхъ дѣтей и т. д. Кровавыя недоразумѣнія были особенно часты потому, что масукауцы не признавали ничьего привилегированнаго положенія и на требованія искателей наживы всегда отвѣчали отказомъ. Привилегированныя фамиліи Дигоріи подстрекнули сосѣдняго князя Кайтукина, въ полуподчиненномъ положеніи отъ котораго находилась вся плоскостная Дигорія, наказать масукауцевъ. Князь Кайтукинъ явился въ село Масукау съ 12 наѣздниками и потребовалъ отъ жителей дань. Вызванные представители села, выслушавъ требованіе незваннаго гостя, обѣщали дать отвѣтъ, предварительно посовѣтовавшись съ односельчанами. Пока масукауцы совѣтовались, гостямъ подали угощеніе, но тутъ оказалось, что это угощеніе было отвѣтомъ масукауцевъ: прислуживающіе усмотрѣли, что на обѣдъ зарѣзали имъ осла. Кабардинцы пришли въ ярость отъ такой дерзости, и каждый поклялся отомстить масукауцамъ. Но и масукауцы также подготовились и рѣшили защищаться, чего бы это не стоило. Произошла рѣзня, которая окончилась печальнѣе для кабардинской шайки: дигорцемъ Мачи Сеоевымъ былъ убитъ самъ князь Кайтукинъ. Кабардинцы едва успѣли подобрать убитыхъ и бѣжали, но при этомъ схватили мальчика одного изъ Сеоевыхъ, котораго потомъ въ отместку за смерть князя мучили и зарѣзали.

Послѣ описаннаго происшествія масукауцамъ, ставшимъ кровниками владѣтельнаго князя, нельзя было оставаться на томъ мѣстѣ, поэтому они, за исключеніемъ немногихъ, бѣжавшихъ въ горы къ родственникамъ, ушли всѣмъ селомъ въ лѣсъ, поручивъ свой рогатый скотъ и остальное хозяйство родственникамъ и знакомымъ сосѣднихъ селеній. Тамъ они прожили 7 лѣтъ, скрываясь отъ кровной мести, приведя лѣсъ въ оборотительное положеніе. Но когда они услышали, что русское правительство раздаетъ земли и принимаетъ подъ свою защиту горскіе народы и что уже образовалось изъ дигорцевъ Черноярское поселеніе, они обратились къ начальнику Владикавказскаго округа и коменданту Владикавказской крѣпости,

генералъ-майру Дельпоццо, который въ 1810 году вывелъ масукауцевъ изъ лѣсу на Терекъ, давъ имъ воинскій конвой. Противъ Черноярскаго поселенія ихъ переправили черезъ Терекъ на каюкахъ и поселили съ черноярцами, которые, къ тому времени устроившись на новомъ мѣстѣ, приняли ихъ въ качествѣ гостей. Черезъ три года масукауцы, за нѣкоторыми исключеніями, переселились ниже по Тереку и образовали въ 3-хъ верстахъ отъ Черноярскаго поселенія новое поселеніе, названное оффиціально Новоосетинскимъ, но сохранившее и по настоящее время народное названіе Масукау. За неимѣніемъ архивныхъ документовъ, не представляется возможнымъ точно указать, сколько дворовъ составилось въ Черноярскомъ поселеніи послѣ ухода масукауцевъ, но въ 1837 году, какъ указано въ клировыхъ вѣдомостяхъ Новоосетинской церкви, въ станицѣ Черноярской состояло всего 71 дворъ съ населеніемъ 616 душъ. Въ послѣдующее время элементъ населенія не измѣнялся и въ настоящее время въ ст. Черноярской нѣтъ ни одного двора не изъ горцевъ.

До 1825 года черноярскіе новоселы жили на правахъ гражданскихъ селеній, участвуя только во внутренней оборонѣ поселенія отъ вторженія разбойничьихъ шаекъ; но въ 1852 году, когда мысль генерала Ермолова о занятіи Терской линіи между Моздокскимъ полкомъ и Волгскимъ войскомъ отдѣльной частью была приведена въ исполненіе и для этого былъ сформированъ полкъ, Черноярское поселеніе вошло въ составъ новаго Горскаго полка, образованнаго изъ горской казачьей сотни, бывшей крѣпости Моздокской, Луковской станицы, четырехъ гражданскихъ и 2-хъ осетинскихъ селеній, водворившихся между казачьими станицами. Гражданскія селенія были переименованы въ станицы и вмѣстѣ съ ними Черноярское поселеніе переименовано въ Черноярскую станицу. Кромѣ того въ составъ новаго полка вошла и станица Екатериноградская, перемѣщенная изъ Волгскаго войска, какъ оставшаяся одна среди новаго полкового участка.

Составъ коренного населенія станицы Черноярской въ послѣдующее время не измѣнялся, но изъ этой станицы, въ виду исключительнаго элемента, изъ коего была составлена станица, для возведенія новыхъ станицъ никого не переводили.

Въ 1858 году ст. Черноярская и Новоосетинская были помѣщены, по распоряженію командира Горскаго полка, въ

общій жребій, для переселенія въ 2 новыя станицы, предполагавшіяся къ возведенію въ 1859 году на лѣвомъ крылѣ Кавказской линіи, но по ходатайству обществъ, пославшихъ 4-хъ представителей въ гор. Ставрополь, наказнымъ атаманомъ Кавказскаго линейнаго войска было приказано командиру полка, чтобы эти станицы и на будущее время были освобождаемы отъ жребія при возведеніи новыхъ станицъ.

III.

Историческія свѣдѣнія.

Какъ было уже сказано, въ 1825 году станица вошла въ составъ Горскаго полка, организованнаго по мысли генерала Ермолова. Въ 1871 году Горскій и Моздокскій полки были соединены въ одинъ полкъ—Горско-Моздокскій, и станица Черноярская вошла въ составъ этого полка, въ которомъ числится и до настоящаго времени. По положенію 1870 года, когда общественныя учрежденія въ станицахъ Терскаго войска были подчинены окружнымъ полиціямъ области, станица Черноярская въ строевомъ отношеніи вошла въ составъ 1-го военнаго отдѣла, а въ административно-полицейскомъ отношеніи подчинялась Нальчикскому окружному правленію. Въ 1888 г. по новому положенію, слившему военное и гражданское управленіе станицами въ однихъ учрежденіяхъ — въ управленіяхъ отдѣловъ, Горско-Моздокскій полковой округъ вошелъ въ составъ Пятигорскаго отдѣла, переименованнаго изъ 1-го военнаго отдѣла, съ перенесеніемъ управленія изъ станицы Прохладной въ гор. Пятигорскъ. Въ 1899 году, съ образованіемъ новаго Моздокскаго отдѣла, всѣ станицы Горско-Моздокскаго полковаго округа вошли въ составъ этого отдѣла.

Первые годы жизни населенія Черноярской станицы были полны разныхъ испытаній. Помимо трудностей положенія вообще линейныхъ казаковъ, населеніе должно было переносить нравственныя испытанія, вслѣдствіе недовѣрчиваго отношенія начальства къ горскому элементу. Имѣя раньше нѣсколько примѣровъ ненадежности горскаго элемента въ рядахъ русскихъ войскъ и судя по бывшей горской командѣ въ крѣпости Моздокской, составленной изъ кабардинцевъ и разнаго сброда горскихъ народовъ, обнаружившей нежеланіе нести казачью

службу, а также по примѣру крещеныхъ калмыковъ, переселенныхъ въ числѣ 200 кибитокъ для дополненія Моздокскаго полка, русское правительство подозрительно смотрѣло и на новыхъ казаковъ изъ осетинъ, вслѣдствіе чего происходили подчасъ крупныя ошибки и трагическія послѣдствія для осетинъ. Въ станицѣ, какъ фактъ, разсказывается слѣдующій случай. Въ 1828 году зимой изъ Моздокскаго казначейства маіоръ Суржиковъ везъ казенныя деньги въ Екатериноградъ. На участкѣ между Павлодольской и Черноярской станицами онъ былъ убитъ и ограбленъ какими то разбойниками. Пока было дано объ этомъ знать въ Екатериноградъ, преступники успѣли скрыться, переправившись черезъ р. Терекъ выше Павлодольской станицы. Черезъ годъ, по доносу, окружили войсками Черноярскую станицу и арестовали 8 человѣкъ, указанныхъ въ доносѣ, какъ ограбившихъ будто-бы маіора Суржикова. Ихъ присудили къ смертной казни. Потомъ оказалось, что Суржикова ограбили не Черноярскіе жители, а три разбойника дигорца изъ рода баделятъ и бывшій Черноярскій житель, бѣжавшій въ абреки, Гулуевъ. Гулуевъ, живя еще въ станицѣ, былъ нѣкоторое время въ прислугахъ у Суржикова, а потому лично зналъ его. Но затѣмъ, замѣченный въ станицѣ въ неодобрительномъ поведеніи, склонности къ разбоямъ, былъ выданъ обществомъ правительству и содержался въ Екатериноградской тюрьмѣ. Оттуда онъ бѣжалъ и сдѣлался абрекомъ. Зная хорошо мѣстность по Моздокской линіи, онъ привелъ для разбоевъ изъ Дигоріи 3-хъ товарищей. Эта шайка и ограбила маіора Суржикова и скрылась. (Говорятъ, что шубу, снятую съ Суржикова, впослѣдствіи видѣли на одномъ старикѣ изъ рода баделятъ, который, не скрывая ничего, разсказывалъ подробности ограбленія Суржикова). Потомъ Гулуевъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отомстить станицѣ, выдавшей его правительству, и сдѣлалъ доносъ начальству, что ограбленіе Суржикова совершено Черноярцами, указавъ при этомъ на тѣхъ, на кого былъ больше золъ. Казнь 8 человѣкъ, извѣстныхъ станицѣ за людей благонадежныхъ, сильно подѣйствовала на населеніе, впавшее въ уныніе.

Однако, не смотря на всѣ испытанія, населеніе Черноярской станицы явило замѣчательный примѣръ жизненности, а службой въ рядахъ Терскаго казачества казаки-дигорцы, являя замѣчательные примѣры выдающейся доблести, непоко-

лебимой вѣрности присягѣ и долгу, не только убѣдили всѣхъ въ своей благонадежности, но заставили оцѣнить ихъ какъ воиновъ, способныхъ сознательно положить жизнь свою за вѣру и отечество. Два элемента одинаково сильныхъ—казакъ и горецъ—слились въ казакѣ ст. Черноярской. Дигорцы, попавши въ условія казачьей службы, давали примѣры воинской неустрашимости, доходившей иногда до героизма, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Нижеприведенное дѣло изъ эпохи Кавказской войны, дѣло, гдѣ преимущественно участвовали казаки ст. Черноярской и Новоосетинской, даетъ лучшую оцѣнку казака—дигорца.

3-го марта 1843 года, когда значительная хищническая партія напала на станицу Луковскую и Моздокскіе хутора, была дана тревога по линіи. Прискакавшіе съ линіи казаки успѣли собраться въ двѣ сотни только тогда, когда непріятельская партія за нѣсколько часовъ до того отступила къ юго-востоку отъ Моздока. На общемъ совѣтѣ собравшихся офицеровъ было уже рѣшено, что идти въ преслѣдованіе хищниковъ, численность которыхъ опредѣлялась выраженіемъ «видимо-невидимо», не можетъ имѣть успѣха; въ это время подъѣхалъ къ сотнямъ командиръ маіоръ князь Эристовъ и приказалъ 6-й сотнѣ, состоявшей преимущественно изъ казаковъ станицъ Черноярской и Новоосетинской подъ начальствомъ есаула Николая Гокинаева, немедленно двинуться въ преслѣдованіе. Къ этой сотнѣ добровольно присоединились всадники кабардинцы Астемировскаго аула, составивъ особую полусотню во главѣ хаджи того-же аула. Казаки, прошедшіе всю школу Кавказской войны, не вспомнятъ и не слышали ничего печальнѣе той обстановки, въ какой оказалась сотня наша во время преслѣдованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ казаки-дигорцы нигдѣ такъ очевидно не сказались вѣрными до послѣдней капли крови присягѣ и долгу, какъ въ битвѣ, которой окончилось преслѣдованіе. Хищническая партія, ожидая преслѣдованія, по дорогѣ, верстахъ въ 20-ти отъ Моздока къ юго-востоку, въ ущельѣ устроила засаду, и что-бы скрыть свои намѣренія, при приближеніи преслѣдующей сотни, зажгла камыши, росшіе по сторонамъ дороги. Сотня, объятая дымомъ, была вынуждена проскочить это мѣсто, не зная, что ожидаетъ ее впереди. Когда сотня проѣхала засаду хищниковъ, не замѣтивъ ея, засада поднялась съ мѣста и ударила сотнѣ въ тылъ. Какъ

только сотня повернула, чтобы принять атаку засады, въ которой оказалось около 200 всадниковъ, главныя силы партіи хищниковъ показались со стороны фронта, и сотня наша оказалась въ тискахъ. Полусотня мирныхъ кабардинцевъ, замѣтивъ численное неравенство силъ, при появленіи главныхъ силъ непріятельскихъ, измѣнила нашимъ, выдѣлилась и перешла на сторону хищниковъ. Сколько не уговаривалъ ихъ хаджи, измѣнники оказались непреклонными и оставили своего предводителя одного съ нашей сотней. Такимъ образомъ сотня наша оказалась въ такихъ условіяхъ, когда приходится выбирать одно изъ двухъ: или живыми отдаться непріятелю, или умереть съ оружіемъ въ рукахъ. Казаки наши выбрали послѣднее. Окруженные со всѣхъ сторонъ тысячной толпой хищниковъ, ободряемые сотеннымъ командиромъ и младшими офицерами сотни (есаулъ Гокинаевъ, сотникъ Тускаевъ и хорунжій Гажеевъ), они съ удивительнымъ безстрашіемъ и съ замѣчательнымъ упорствомъ выдерживали натиски хищниковъ. Наконецъ, когда партія смѣшалась съ нашей сотней, каждый казакъ, какъ богатырь, сталъ пробивать себѣ путь отступленія среди массы хищниковъ. Много казачьей крови пролилось на томъ мѣстѣ, много казачьихъ тѣлъ потомъ было перевезено съ поля сраженія, но ни одинъ казакъ не отдался живымъ. Изъ сотни вернулось не болѣе полусотни, а остальные люди приняли славную смерть, оставивъ потомству въ назиданіе славный примѣръ того, какъ должно жертвовать собой для защиты знамени и долга. Битва съ чеченцами 3-го марта 1843 года въ станицѣ извѣстна подъ названіемъ «Цагди Мартта». Народъ прославилъ казаковъ, погибшихъ въ этой битвѣ, сложивъ пѣсню, въ которой славится геройская смерть павшихъ. Въ пѣсню эту вошли имена: хорунжаго Степана Гажеева, казаковъ—Махомата Агоева, Гасая Гульдіева, Заурбека Гацунаева, Гаппо Тускаева, Иналука Гацунаева, Сабана Тагурова, Довчико Кукіева, Мишир6ія Сеоева и Кубадія Байтуганова.

Казаки станицы Черноярской, въ составѣ Горскаго полка и въ составѣ отдѣльныхъ сборныхъ сотенъ, участвовали въ многочисленныхъ походахъ и сраженіяхъ во время Кавказской войны и въ заграничныхъ кампаніяхъ: въ 1829 году въ Турецкой кампаніи; въ 1831 году съ генераломъ Паскевичемъ Эриванскимъ, а въ 1832 году съ княземъ Бековичемъ противъ чеченцевъ; въ 1837 году съ генераломъ Граббе противъ

чеченцевъ; въ 1838 году съ генераломъ Крюковымъ въ Нагорномъ Дагестанѣ; въ 1839 году съ генералъ-адъютантомъ Граббе при взятіи замка Ахульго; въ 1840 году съ генералъ-маіоромъ Лабинцевымъ противъ чеченцевъ и при взятіи Карабулака; въ 1841 году съ генералъ-адъютантомъ Граббе противъ чеченцевъ; въ 1842 году съ полковникомъ Круковскимъ въ Назрановскомъ отрядѣ; въ 1843 году въ дѣлѣ съ значительною хищническою партіею, напавшею на Луковскую станицу и Моздокскіе хутора; въ томъ-же году подъ начальствемъ полковника Нестерова съ 9-го по 17-е декабря въ движеніи на присоединеніе къ Константиновскому отряду при перестрѣлкахъ у аула Фартанги, между р.р. Фартангой и Натхой, аула Казахъ-Кучу и въ сраженіи при перестрѣлкахъ внизъ по Сунжѣ и вверхъ по Ассѣ и обратно къ укрѣпленію Нестеровскому; въ 1844 году въ Назрановскомъ отрядѣ подъ начальствомъ полковника Нестерова при совокупныхъ дѣйствіяхъ съ отрядомъ начальника лѣваго фланга генералъ-маіора Фрейтага въ Малой Чечнѣ съ 14-го по 22 мая; въ 1846 году съ генералъ-маіоромъ Нестеровымъ въ безпрерывныхъ перестрѣлкахъ съ чеченцами съ 9-го января по 2-е февраля; въ 1847 году съ генералъ-маіоромъ Нестеровымъ противъ чеченцевъ, а потомъ съ 17 сентября въ движеніи отряда князя Эристова на Большой-Зеленчукъ къ укр. Каменнаго Моста, для прикрытія Карачая и Кисловодской линіи отъ покушенія Магометъ-Амина; въ 1851 году въ составѣ чеченскаго отряда противъ чеченцевъ, а затѣмъ въ составѣ летучаго отряда подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Эристова въ Закубанскомъ походѣ; въ 1852 и въ 1853 г.г. съ генералъ-маіоромъ барономъ Вревскимъ въ Бумутскомъ отрядѣ и въ 1854 году съ нимъ же въ Акинскомъ отрядѣ противъ чеченцевъ; въ 1855 и 1856 г.г. съ нимъ-же противъ турокъ; въ 1857—58 г.г. въ походахъ противъ чеченцевъ, окончившихся покореніемъ послѣднихъ, ауловъ Малой Чечни, акинцевъ и мереджинцевъ; въ 1859 году съ генералъ-адъютантомъ княземъ Барятинскимъ противъ Шамиля; въ 1863 году въ составѣ сборнаго полка противъ Закубанскихъ мятежниковъ и наконецъ въ войнѣ съ турками 1877—1878 г. въ составѣ Горско-Моздокскаго полка.

Непрерывныя войны выдвинули изъ станицы нѣсколько именъ, скромныхъ чинами, но славныхъ дѣлами, беззавѣтнымъ мужествомъ и честнымъ исполненіемъ долга предъ отчизной.

Не знатность рода, а любовь къ бранному полю, способность отдаться всѣмъ существомъ ратному дѣлу, увлекая за собой и другихъ, выдвинули ихъ изъ среды своихъ станичниковъ. Лица эти слѣдующія: подполковникъ Моисей Хоруевъ, подполковникъ Николай Гокинаевъ, подполковникъ Егоръ Гокинаевъ, генералъ-майоръ Казьма Занкисовъ, войсковой старшина Захаръ Валаевъ, войсковой старшина Иванъ Мистуловъ, есаулъ Бекъ-Мурза Мистуловъ, войсковой старшина Гуржибековъ и есаулъ Власъ Габеевъ. Эти сподвижники Кавказской войны не занимали высокихъ постовъ, но въ качествѣ сотенныхъ командировъ, начальниковъ станицъ и приставовъ оставили славную память по себѣ, и станица много обязана имъ своимъ процвѣтаніемъ. Изъ этихъ лицъ нельзя не отмѣтить особо генералъ-майора Занкисова, прославившагося при усмиреніи польскаго возстанія 1863—64 гг. и своими доблестными дѣлами заставившаго говорить о себѣ въ то время не только весь Варшавскій округъ, но и всѣхъ, кто слѣдилъ за дѣлами въ Польшѣ.

Сынъ казака станицы Черноярской Казьма Ивановичъ Занкисовъ родился въ 1823 году 9-го сентября. Поступилъ на службу въ Горскій полкъ въ 1842 году 1-го января. Въ 1843 году произведенъ въ урядники, а въ 1847 году за отличіе по службѣ въ хорунжіе. Съ 1843 года до октября мѣсяца 1852 года служба его проходитъ въ непрерывномъ рядѣ военныхъ дѣйствій противъ горцевъ, а въ 1852 году онъ былъ назначенъ начальникомъ станицъ Черноярской и Новоосетинской. Въ этой должности за отличіе противъ горцевъ награжденъ орденомъ св. Анны 4 ст. съ надписью «за храбрость». Въ 1854 году онъ былъ отчисленъ отъ командованія станицами, но въ 1855 году вновь назначенъ на эту должность и командовалъ станицами до 5 марта 1857 года. За это время Занкисовъ былъ произведенъ за отличія въ дѣлахъ противъ горцевъ въ сотники и въ есаулы. Въ 1858 году есаулъ Занкисовъ по волѣ начальства былъ командированъ въ сборно-линейный дивизіонъ въ гор. Варшаву, въ 1860 г. по Высочайшему повелѣнію прикомандированъ къ л.-гв. Кавказскому эскадрону Собственнаго Его Величества конвоя, но 15 сентября тогоже года, за неимѣніемъ въ эскадронѣ вакансіи, отчисленъ обратно въ сборно-линейный Кавказскій казачій дивизіонъ и въ 1862 году за отличіе по службѣ произведенъ въ войсковые

старшины. Въ 1863 году для Занкисова открывается широкое поле для партизанскихъ дѣйствій во время польскаго мятежа: его назначаютъ самостоятельнымъ начальникомъ летучаго отряда, составленнаго изъ сотни Кубанскихъ и 1/2 сотни Донскихъ казаковъ, давъ ему при этомъ открытый листъ на требованіе пѣхоты, гдѣ она понадобится, отъ ближайшихъ къ мѣсту его нахожденія пѣхотныхъ частей.

Назначенный 13 сентября 1863 года самостоятельнымъ начальникомъ летучаго отряда, Занкисовъ 16 сентября уже доноситъ о пораженіи конной шайки Орловскаго, оставившей 100 человѣкъ ранеными и убитыми въ Варшавской губерніи при дер. Бышевѣ, а 22 декабря о совершенномъ пораженіи и уничтоженіи шаекъ Бертрама и Косы въ Люблинской губерніи при дер. Оземкувкѣ. 30 декабря того же года Занкисовъ, вновь отправленный изъ гор. Варшавы для розыска мятежниковъ, 7 дней гоняется по слѣдамъ за конной бандой Шидловскаго, но на пути, напавъ на слѣдъ и другой шайки, называвшейся литовской кавалеріей, догоняетъ ее, 7 января совершенно уничтожаетъ, забираетъ 4 офицеровъ въ плѣнъ. Шайка эта была подъ начальствомъ Кванишевскаго (бывшаго штабсъ-ротмистра Маріупольскаго гусарскаго полка) и составляла конвой полковника Врублевскаго, воеводы Люблинскаго и Подлянскаго. Самъ Врублевскій былъ раненъ Занкисовымъ, но успѣлъ скрыться въ густыхъ кустарникахъ. На слѣдующій день, т. е. 8 января, получивъ извѣстіе, что въ лѣсахъ между дер. Устимовымъ и Любартовымъ есть нѣсколько конныхъ и пѣшихъ бандъ, Занкисовъ отыскиваетъ мятежниковъ и, не смотря на сильный встрѣчный огонь, орломъ налетаетъ на нихъ, не даетъ опомниться и совсѣмъ уничтожаетъ ихъ. Вотъ какъ доносилъ Занкисовъ объ этомъ дѣлѣ: «казаки бросились на непріятеля и вытиснули его на чистое поле, не обращая вниманія на сильный бѣглый огонь, открытый по насъ мятежниками. Я подъѣхалъ къ нимъ на 30 шаговъ, предложилъ сложить оружіе, но они на это отвѣчали выстрѣлами; тогда, чтобы не допустить ихъ до близь лежащаго лѣса, я воспользовался временемъ, когда большая часть мятежниковъ заряжала ружья, и во главѣ своихъ молодцовъ съ громкимъ гикомъ бросился на нихъ въ шашки и, не смотря на упорную защиту штыками, въ одно мгновенье вся эта толпа обратилась въ кровавую кучу тѣлъ, надъ которой при громкомъ

«ура» развился нашъ побѣдоносный бѣлый значекъ. Шайка эта, состоявшая изъ 87 человѣкъ пѣхоты и 10 кавалеристовъ, совсѣмъ уничтожена, и только начальникъ оной капитанъ Качинскій съ 6 верховыми ускакали еще до начала дѣла и успѣли скрыться въ сосѣднемъ лѣсу».

Сказочный успѣхъ Занкисова въ дѣлахъ съ польскими мятежниками сдѣлалъ популярнымъ имя его во всемъ Варшавскомъ округѣ; народная молва создала изъ него сказачнаго непобѣдимаго героя. Въ Варшаву многіе пріѣзжали для того только, чтобы посмотрѣть на него; и, дѣйствительно, проведя и 1864 годъ въ непрерывныхъ поискахъ, уничтожая шайки польскихъ мятежниковъ, Занкисовъ съ своимъ отрядомъ не имѣлъ ни одного неудачнаго дѣла. Командированный 28 января съ 120 линейными и 20 Донскими казаками для поимки шайки Гонсовскаго, состоявшей изъ 100 человѣкъ пѣхоты на подводахъ и 80 человѣкъ кавалеріи, Занкисовъ 1 февраля, найдя слѣдъ шайки, въ двое сутокъ нагоняетъ ее, сдѣлавъ 225 верстъ со взводомъ пѣхоты, слѣдовавшей на подводахъ. «3-го февраля, въ 11 часовъ утра, доноситъ Занкисовъ, подъѣзжая къ м. Головачеву, мы увидѣли непріятельскій пикетъ, а вскорѣ показалась самая банда, выходившая изъ дер. Липо. Бросивъ пѣхоту, я приказалъ распустить страшный для мятежниковъ нашъ бѣлый значекъ и съ казаками поскакалъ впередъ, чтобы не дать мятежникамъ дойти до лѣса и скрыться въ немъ. Однако, пока мы подскакали, мятежники успѣли разсыпать стрѣлковую цѣпь въ лѣсной мѣстности по опушкѣ и встрѣтить насъ частымъ бѣглымъ огнемъ. Не теряя времени, я съ казаками съ крикомъ «впередъ» бросился на нихъ въ кусты, гдѣ еще до прибытія пѣхоты всѣхъ изрубили. Оставалось ихъ около 10 человѣкъ, когда подоспѣли пѣшіе стрѣлки. Тогда, предоставивъ имъ окончательное уничтоженіе пѣхоты, я съ казаками бросился по слѣдамъ кавалеріи». Кавалерія эта была преслѣдуема 24 версты и совершенно уничтожена. Вся потеря мятежниковъ состояла изъ 110 убитыхъ и раненыхъ и 5 ч. плѣнныхъ, а со стороны летучаго отряда убитъ одинъ урядникъ, ранены 3 казака и одинъ стрѣлокъ, контуженъ и раненъ самъ подполковникъ Занкисовъ и контужены 6 казаковъ.

30-го марта штабъ войскъ въ Царствѣ Польскомъ посылаетъ Занкисова въ распоряженіе военнаго начальника Радом-

скаго отдѣла съ такимъ предписаніемъ: «Главнокомандующій, командировавъ изъ гор. Варшавы въ гор. Родомъ временно въ распоряженіе ваше подполковника Занкисова съ 50-ю линейными казаками, желаетъ, что бы ваше высокопревосходительство поручили ему, какъ офицеру, пріобрѣвшему опытность при дѣйствіяхъ въ трудно-проходимыхъ горахъ и лѣсахъ, пѣхотный отрядъ, придавъ ему линейныхъ казаковъ, и указали-бы ему, въ какихъ именно мѣстностяхъ онъ долженъ искать шайки мятежниковъ, укрывающихся въ лѣсахъ отъ преслѣдованія нашихъ отрядовъ; при этомъ, дабы въ случаѣ настойчиваго преслѣдованія не изнурять пѣхоты, главнокомандующій проситъ васъ дать подполковнику Занкисову открытый листъ для требованія пѣхоты въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся войска, на смѣну частей пѣхоты, могущихъ придти въ изнуреніе отъ продолжительнаго, или быстраго движенія. При отрядѣ этомъ, по приказанію главнокомандующаго, будутъ находиться адъютантъ его сіятельства ротмистръ фонъ-Валь и поручикъ князь Щербатовъ». Выступивъ 1-го апрѣля въ гор. Радомъ, съ 5-го апрѣля Занкисовъ съ отрядомъ изъ линейныхъ казаковъ, 2-хъ ротъ пѣхоты и 1-го эскадрона совершаетъ поиски до 1-го мая безъ дневокъ. Результатомъ этой экспедиціи было: уничтоженіе банды Шеміата съ плѣненіемъ 26 повстанцевъ, плѣненіе начальника банды Белкишина съ адъютантами, арестъ трехъ помощниковъ, найдены и забраны три склада оружія, отбитъ обозъ повстанцевъ и 62 лошади въ Самсоновскихъ лѣсахъ. Въ этой экспедиціи при подполковникѣ Занкисовѣ состоялъ лейбъ-гв. Гродненскаго гусарскаго полка корнетъ Скобелевъ, знаменитый потомъ нашъ Бѣлый генералъ. Донося о дѣйствіяхъ отряда, Занкисовъ въ концѣ рапорта прибавляетъ: «при этомъ долгомъ считаю заявить, что самымъ дѣятельнымъ и полезнымъ помощникомъ во всѣхъ вышеозначенныхъ дѣйствіяхъ были мнѣ—адъютантъ военнаго генералъ-губернатора, маіоръ графъ Генризовъ, а также состоящій при мнѣ Л.-Г. Гродненскаго гусарскаго полка корнетъ Скобелевъ и адъютантъ дежурнаго генерала, поручикъ князь Щербатовъ».

За отличія противъ мятежниковъ Занкисовъ получилъ: орденъ Св. Анны 3-й степени, золотую шашку съ надписью «за храбрость» и чинъ подполковника. Въ 1866 году Высочайшимъ приказомъ онъ былъ назначенъ командиромъ Кубан-

скаго дивизіона, а въ 1870 году уволенъ на льготу, но оставленъ въ гор. Варшавѣ чиновникомъ для особыхъ порученій при командующемъ войсками округа. Какъ офицеръ казачьяго войска, по тогдашнимъ правиламъ, онъ, по увольненіи на льготу, не получалъ никакого содержанія, но съ Высочайшаго соизволенія ему была разрѣшена пенсія, не въ примѣръ другимъ, въ размѣрѣ 600 р. Эта пенсія была утверждена за нимъ потомъ при отставкѣ. Въ представленіи своемъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Бергъ заслуги Занкисова опредѣляетъ такъ: «полковникъ Занкисовъ принималъ самое дѣятельное участіе въ многочисленныхъ дѣлахъ противъ мятежническихъ шаекъ, на которыя никто не наводилъ такого ужаса и страха, какъ Занкисовъ и храбрые кубанцы».

Не одинъ военный міръ интересовался личностью Занкисова; на него обратили вниманіе въ Петербургѣ въ высшей сферѣ, о немъ говорили въ гостинныхъ высшихъ аристократическихъ домовъ, какъ о восходящей звѣздѣ, и въ концѣ 1864 года на имя командующаго войсками Варшавскаго округа графа Берга былъ присланъ бѣлый шелковый значекъ, вышитый золотомъ, при коллективной просьбѣ Петербургскихъ дамъ вручить этотъ значекъ Занкисову въ знакъ признательности къ нему. Письмо это было подписано: «Петербургскія дамы». Въ одинъ изъ высокоторжественныхъ дней знакъ этотъ на парадѣ торжественно былъ врученъ Занкисову графомъ Бергомъ. Значекъ до смерти Занкисова хранился въ его оружейной комнатѣ, но потомъ былъ вытребованъ въ Варшавскій дивизіонъ, и въ настоящее время украшаетъ залу офицерскаго собранія этого дивизіона.

Значеніе станицы Черноярской въ исторіи заселенія и покоренія Кавказа опредѣляется значеніемъ всей Кавказской линіи. До настоящаго столѣтія роль Кавказской линіи, представлявшей рядъ укрѣпленныхъ поселеній, имѣла значеніе центра, откуда шли распоряженія и гдѣ сосредоточивались тогдашнія власти. Съ переходомъ-же военнаго центра въ гор. Тифлисъ роль линіи поселеній должна была значительно измѣниться; къ тому-же времени борьба съ сосѣдними горцами значительно обостряется, и роль линіи опредѣлилась борьбой съ ближайшими къ ней племенами и съ шатавшимися разными шайками. На кордонномъ участкѣ между Моздокомъ и Екатериноградомъ были особенно тревожныя дѣйствія чечен-

цевъ, пробиравшихся то мелкими, то крупными партіями въ русскіе предѣлы, держа въ постоянномъ напряженіи кордонную линію. Для того, чтобы противодѣйствовать такому способу дѣйствій безпокойныхъ горцевъ, необходимо было сгустить кордонную линію и образовать непрерывную цѣпь военныхъ поселеній, обязанныхъ охранять каждое свою территорію. Станица Черноярская составила единицу въ ряду станицъ, заселенныхъ по линіи отъ Моздока вверхъ по Тереку, обязанныхъ тянуть тяжелую ношу линіи—удерживать безпокойныхъ горцевъ отъ вторженія въ русскіе предѣлы, и принесла свою лепту славной исторіи покоренія Кавказа. Много крови пролили станичники въ безпрерывныхъ войнахъ, много крови пролили и на своей территоріи, защищая свое имущество и дѣтей и вмѣстѣ съ тѣмъ охраняя границу отъ вторженія хищниковъ. Теперь еще живы свидѣтели того, какія неимовѣрныя усилія употребляло населеніе, чтобы отстаивать свое существованіе. За выкомандированіемъ служилыхъ казаковъ въ дальніе кавказскіе походы и въ заграничныя кампаніи, оборона линіи оставалась часто на обязанности отставныхъ казаковъ; въ тоже время хищники, пользуясь слабостью линіи, становились особенно назойливыми, и населенію приходилось считаться съ оружіемъ въ рукахъ съ этими условіями жизни. Такимъ образомъ обязанности казаковъ станицы, не участвовавшихъ въ походахъ, были нисколько не легче, и жизнь ихъ нисколько небезопаснѣе, чѣмъ строевыхъ казаковъ; словомъ, труды Кавказской борьбы все населеніе несло одинаково. Этой ролью опредѣляется значеніе станицы въ исторіи покоренія Кавказа.

IV.

Семейный и общественный бытъ.

Семейный бытъ жителей Черноярской станицы сложился на основаніи понятій и обычаевъ народа, изъ среды котораго они вышли. Обязательная солидарность членовъ семьи, руководимыхъ старшимъ въ семьѣ, составляетъ основу семейнаго быта. Уваженіе къ старшему по возрасту не только въ отдѣльной семьѣ, но и вообще въ станичномъ обществѣ считается священнымъ долгомъ каждаго члена общества, и нарушенія этого правила порицаются общественнымъ мнѣніемъ.

Общественное мнѣніе для каждаго на столько важно, что если бы кто вздумалъ не считаться съ нимъ, и, въ силу своей необходимости, не соблюдать установленныхъ порядковъ, онъ былъ бы отрѣзаннымъ отъ общества членомъ. Только въ послѣднее время дѣленіе семействъ послѣ смерти родителей стало довольно обыкновеннымъ явленіемъ. Причиной тому послужило соприкосновеніе съ европейской жизнью и культурой: то тотъ, то другой членъ семейства обнаруживаютъ стремленіе къ личной самостоятельности и независимости, желаніе трудиться и работать въ той сферѣ, къ какой онъ чувствуетъ склонность, и при томъ только для себя, за свой счетъ и за своею отвѣтсвенностью.

Положеніе женщины въ семьѣ съ 60-ыхъ годовъ начало рѣзко измѣняться. Еще не старымъ людямъ помнится время, когда женщина въ семьѣ не жила, а служила ей, въ особенности съ выходомъ замужъ. Положеніе женщины вообще у горскихъ народовъ, создавшееся въ тѣ времена, когда мужчина зналъ только бранное поле, коня и оружіе, когда міръ представлялся ему ареною для его подвиговъ, было рабское, такъ какъ женщина не принимала никакого участія въ дѣлѣ мужчины. Такъ было въ станицѣ Черноярской въ первыя времена ея основанія и до 60-хъ годовъ. Все молодое общество, отвлекаемое службой, и выше всего любя доблесть воинскую, не имѣло времени и потребности сосредоточиться на устройствѣ домашняго и семейнаго благополучія и не признавало женщину-жену другомъ и товарищемъ въ жизни; но когда времена такого односторонняго взгляда на роль мужчины прошли, когда срокъ службы былъ сокращенъ и казакъ долженъ былъ мирно устраиваться хозяйствомъ, онъ понялъ назначеніе женщины, и жена стала его другомъ и помощницей. Къ тому-же со службы являлись въ станицу люди, видѣвшіе лучшую семейную жизнь, основанную на солидарности мужчины и женщины, жизнь, въ которой счастьемъ въ семьѣ наслаждаются одинаково всѣ члены ея. Эти-то лица первые внесли въ свою среду новое начало семейной жизни. Дальше женщинѣ не трудно было уже выйдти изъ рабскаго положенія, и въ настоящее время положеніе ея въ семьѣ на столько упорядочено, что она считается равноправнымъ членомъ семьи, гдѣ уважаются и ея потребности, и ея желанія. Тѣмъ не менѣе внѣшнее проявленіе отношеній мужа къ женѣ—гру-

бы и суровы. Мужъ никогда не называетъ ее по имени, замѣняя его мѣстоимѣніемъ «ты» или «она». Говорить другимъ о своей женѣ вообще не принято, но если приходится, то мужъ говоритъ о ней такъ, чтобы никто не заподозрилъ его въ нѣжности. Съ ней заговорить, поспорить, пошутить, спросить совѣта, вообще всякое проявленіе человѣческихъ чувствъ къ женѣ въ присутствіи другихъ, считается позоромъ. Жена тоже никогда не назоветъ мужа по имени; мало того, она не имѣетъ права называть именъ всѣхъ родственниковъ мужа, а если-бы назвала кого, даже заочно, то это для названнаго считается большимъ оскорбленімъ. Если-бы кто спросилъ жену, какъ завутъ ея мужа, она, смѣясь, отвѣтитъ: «не знаю», или-же укажетъ одноименнаго съ ея мужемъ общаго знакомаго и скажетъ, что завутъ также, какъ и его. Жена не сопровождаетъ своего мужа въ поѣздкахъ; когда же жена и мужъ встрѣтятся случайно въ обществѣ, они приходятъ въ замѣшательство и стараются показать, что не замѣчаютъ другъ друга. Если бы пришлось въ одно и тоже время итти къ знакомымъ или родственникамъ, мужъ не долженъ сопровождать жену, если она не хочетъ сдѣлаться предметомъ осужденій и насмѣшекъ. Такія отношенія мужа и жены, имѣвшія встарину значеніе рабскаго униженія женщины, въ настоящее время совершенно потеряли свой смыслъ. Теперь женщина, напротивъ, полноправная хозяйка, и у нея нѣтъ и тѣни страха передъ мужемъ. Хотя мужъ при другихъ относится къ ней невнимательно, но въ домѣ съ глазу на глазъ обращается съ нею гораздо ласковѣе. Оскорбить женщину считается величайшимъ преступленіемъ. Ея трудовая жизнь въ семьѣ, стѣсненное положеніе въ обществѣ, слабая природа даютъ ей по обычаю особыя права и преимущества, и личность ея неприкосновенна. Если-бы женщинѣ внѣ дома понадобилась какая-либо услуга, мужчина ей будетъ рыцарски покровительствовать. Занятія мужчины и женщины въ семьѣ рѣзко разграничены. Всѣ полевыя работы и вообще вся тяжелая работа лежитъ на обязанности мужчинъ; за то вся домашняя работа остается женщинѣ, и, нужно отдать ей справедливость, она чрезвычайно старательно и аккуратно выполняетъ свое дѣло. Если у нея полъ въ комнатѣ и не деревянный, то онъ плотно утоптанъ, чисто выметенъ, и съ перваго раза не замѣтишь, что онъ не деревянный, такъ плотно убита на немъ земля. Вез-

дѣ пыль вытерта, все стоитъ на своемъ мѣстѣ, каждый уголокъ говоритъ о сильной привязанности къ домашнему очагу, о необыкновенной любви къ домовитости и хозяйственности.

На дѣтей въ станицѣ Черноярской всегда обращалось большое вниманіе. Воспитаніе дѣвочекъ всегда было на обязанности матери, а мальчики съ возраста 8—9 лѣтъ попадаютъ подъ исключительное вліяніе отца. Особенное вниманіе обращается на нравственное совершенство ихъ. При воспитаніи дѣтей населеніе держится принциповъ горскаго воспитанія: при старшихъ не выражать своихъ сужденій, оказывать старшему всевозможныя услуги, уступать старшему мѣсто, когда онъ подходитъ, и не садиться безъ приглашенія. Польза обученія дѣтей грамотѣ сознана давно; еще до открытія станичной школы (въ 71-мъ году) мало-мальски состоятельные отцы старались опредѣлять дѣтей въ какое-либо учебное заведеніе, тратя на нихъ послѣднія средства. Нальчикская горская школа, Екатериноградская полковая школа, Моздокская семинарія, Владикавказское реальное училище, съ учрежденіемъ ихъ, всегда имѣли воспитанниковъ изъ ст. Черноярской. Съ образованіемъ же станичной школы, около $^2/_3$ всѣхъ станичныхъ дѣтей оканчиваютъ курсъ этой школы. Теперь въ станицѣ нѣтъ ни одного жителя, который не сознавалъ бы необходимости обученія грамотѣ своихъ мальчиковъ и не посылалъ бы ихъ въ школу. Вообще образованіе мальчиковъ въ большомъ почетѣ, но нельзя сказать того-же относительно образованія дѣвочекъ. До учрежденія въ станицѣ церковно-приходской школы, которая представляетъ изъ себя станичную женскую школу, въ станицѣ не было ни одной грамотной женщины; въ народѣ не было и сознанія того, что бы женское образованіе было полезно. Дѣвушки занимались только шитьемъ, вышиваніемъ и другими домашними работами. Но съ учрежденіемъ церковно-приходской школы, наладилась и женская грамотность. Въ этомъ дѣлѣ громадную пользу принесла жена бывшаго станичнаго священника А. Абутидзе. Сначала дѣла церковно-приходской школы шли плохо, но въ 1894 году А. Абутидзе предложила свои услуги безвозмездно обучать дѣвицъ. Дѣвицы, пройдя 3-хъ лѣтній курсъ подъ руководствомъ опытной и въ высшей степени внимательной учительницы и наставницы, сразу выдвинулись среди своихъ подругъ, не посѣщавшихъ школу. Помимо грамотности, они пріобрѣли внѣшній

лоскъ, нѣкоторую развязность, что дало имъ въ обществѣ лишнее преимущество. Съ тѣхъ поръ церковно-приходская школа охотно посѣщается малолѣтними дѣвицами, и хотя и теперь есть отцы, видящіе въ женской грамотности скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, тѣмъ не менѣе дочери ихъ рвутся въ школу, не желая отстать отъ своихъ подругъ.

Почтеніе дѣтей къ родителямъ чрезвычайно велико: сынъ при отцѣ въ присутствіи постороннихъ никогда не сядетъ, никогда не ввяжется въ разговоръ, а говоритъ тогда, когда его спросятъ. Отношеніе родителей къ дѣтямъ въ семьѣ мягкое, но въ обществѣ нѣкоторыми еще поддерживается устарѣвшій дикій обычай, въ силу котораго отецъ при постороннихъ никогда не приласкаетъ своего ребенка, не обратится къ нему и показываетъ видъ, что онъ его не замѣчаетъ. Если ребенокъ маленькій тянется къ нему, и то уже ставится въ упрекъ: часто, молъ, нянчитъ его. Если-бы даже случилось несчастіе съ сыномъ и тогда отецъ не долженъ вмѣшиваться, если при этомъ присутствуютъ посторонніе люди. На сколько строго соблюдался этотъ обычай, доказываетъ слѣдующій случай, бывшій въ 1874 году: отецъ купается въ рѣкѣ, а недалеко отъ него работникъ его наливаетъ воду въ бочку, уложенную въ арбу. Сынъ хозяина залѣзъ также на арбу, но въ это время бочка съ арбой опрокидывается и придавливаетъ мальчика. Работникъ кричитъ хозяину о несчастіи съ его сыномъ, но отецъ, въ силу обычая, не имѣя права самъ помочь и спасать сына, кричитъ на берегъ другимъ людямъ, что тамъ, молъ, мальчикъ тонетъ. Мальчикъ едва не сдѣлался жертвой требуемой обычаемъ сдержанности своего отца. Обычай этотъ въ настоящее время большинствомъ не соблюдается, тѣмъ не менѣе отецъ, говоря о сынѣ въ обществѣ, никогда не скажетъ: «мой сынъ», а назаветъ его: «нашъ мальчикъ».

Нравственно-религіозный складъ населенія Черноярской станицы сложился изъ понятій, выработавшихся у осетинъ вѣками, гдѣ христіанинъ на ряду съ исполненіемъ христіанскихъ обязанностей исполняетъ и прежніе магометанскіе или языческіе обряды и обычаи, не подозрѣвая, что они не согласны съ истинами христіанской религіи. Живя около ста лѣтъ среди православнаго населенія и слыша исключительно одно христіанское ученіе, нравственно-религіозныя понятія много измѣнились, но остались и понятія, съ которыми еще

нужно бороться путемъ проповѣдыванія христіанскихъ истинъ. Смѣшенія нравственно-религіозныхъ понятій рѣзче всего выражались въ совершеніи брачныхъ союзовъ. Мужъ при живой женѣ, по обычаю, имѣлъ право жениться, конечно, безъ совершенія таинства, на другой для того, чтобы оставить потомство. Если умретъ у молодой жены мужъ, но семья не желаетъ освободить вдову для выхода замужъ за другого, къ ней приглашали совершенно посторонняго сожителя, и такая связь не считалась безнравственной, а дѣти отъ этого сожительства пріобрѣтали фамилію законнаго мужа и всѣ права законныхъ дѣтей. Вообще при совершеніи брачныхъ союзовъ къ таинству брака относились какъ къ дѣлу необязательному, а потому въ началѣ заселенія станицы съ точки зрѣнія христіанской религіи незаконныхъ браковъ было больше, чѣмъ законныхъ. Въ клировой вѣдомости Новоосетинской церкви, къ которой было причислено населеніе Черноярской станицы, за 1839 годъ значится такая запись: съ 1833 года по 1839 годъ родилось въ станицахъ Черноярской и Новоосетинской мужскаго пола законно—71 ч., незаконно—266; женскаго пола законно—78 и незаконно—279. Съ постройкой церкви въ станицѣ Новоосетинской въ 1843 году нравственно-религіозныя понятія стали измѣняться, и теперь незаконныхъ браковъ въ станицѣ нѣтъ, если не считать двухъ случаевъ незаконнаго сожительства, но эти незаконныя жены не приняты въ обществѣ, и нарушители христіанскаго семейнаго начала клеймятся позоромъ.

Основныя нравственныя понятія населенія – уваженіе къ чести женщины, супружеская вѣрность, почтительное отношеніе младшаго къ старшему, трезвость, скромность при всякихъ взаимныхъ отношеніяхъ и неподкупность. Эти добродѣтели служатъ въ обществѣ мѣриломъ при опредѣленіи порядочности человѣка. Въ дѣлахъ объ оскорбленіи женщины общество обыкновенно вмѣшивалось само и, не допуская до суда, расправлялось самосудомъ, при чемъ для предупрежденія повтореній назначало своеобразныя позорныя наказанія. Такъ лѣтъ 15 тому назадъ молодой человѣкъ, позволившій придти къ женщинѣ съ дурнымъ намѣреніемъ, судомъ всего общества былъ водимъ по улицѣ съ торбой на шеѣ, съ крикуномъ впереди и конвоемъ сзади для того, чтобы обратить вниманіе

всѣхъ и показать, какой позоръ ожидаетъ тѣхъ, кто не умѣетъ сдержать своихъ преступныхъ вождѣленій.

Обращаетъ на себя вниманіе то, съ какой точностью исполнялись въ станицѣ долговыя обязательства и какъ относились къ неисправнымъ должникамъ. Письменныхъ документовъ до послѣдняго времени не было, но дающій въ долгъ деньги на память отмѣчалъ выдачу гдѣ нибудь: на потолкѣ, дверяхъ или на палочкѣ дѣлалъ зарубку. На сколько честно расплачивались должники при наличности такихъ своеобразныхъ документовъ, въ народѣ ходитъ слѣдующій разсказъ: одинъ одолжилъ другому 10 руб., сдѣлалъ зарубку на своей палочкѣ. Должникъ къ сроку не заплатилъ, а затѣмъ, когда онъ не заплатилъ и къ слѣдующему сроку, кредиторъ пригласилъ его на «нихасъ» (мѣсто, куда собираются для рѣшенія станичныхъ вопросовъ). Замѣтивъ уклончивые отвѣты должника, кредиторъ, съ упрекомъ обращаясь къ нему, собирался уничтожить отмѣтку на палочкѣ, желая этимъ назвать его нечестнымъ. Угрозъ этихъ было достаточно, что-бы должникъ въ тотъ-же день уплатилъ долгъ. Въ силу мѣстныхъ особенностей общежитія, и для рѣшенія общественныхъ вопросовъ установился особый порядокъ. Всѣ дѣла до 1870 года рѣшались на «нихасѣ» 12-ю почетными стариками. Старики эти рѣшали всѣ дѣла судебныя и распорядительныя, постановляли правила, дозволенія, запрещенія; производили гражданскія и уголовныя рѣшенія. Съ 70 года, хотя положеніемъ установлены атаманы станицъ, общественные сходы, судьи, но въ виду особенностей отношеній младшихъ къ старшимъ, гдѣ младшій не можетъ ни противорѣчить старшему, ни даже выражать своего мнѣнія, общественными дѣлами продолжали править тѣ же старики, а не старые члены общества, имѣвшіе по положенію право голоса; хотя они и присутствовали на сходкахъ, но только слушали, не имѣя никакого вліянія на рѣшеніе вопросовъ. Въ рѣшеніяхъ стариковъ руководящимъ началомъ служило обычное право, и рѣшенія ихъ безапеляціонно исполнялись. Вообще до изданія положенія 1891 года объ общественномъ управленіи казачьими станицами, которымъ установлены выборные гласные отъ 10 дворовъ одинъ и суды на новыхъ началахъ, вершителями станичныхъ дѣлъ были старики, пользовавшіеся поэтому особымъ авторитетомъ и почетомъ. Новое положеніе хотя устранило многолюдные сборы

и установило выборное начало для составленія общественнаго схода, но это начало въ станицѣ перешло въ очередное, т. е. каждый кварталъ выбираетъ отъ себя не лицъ, пользующихся въ обществѣ довѣріемъ, а тѣхъ, кому очередь пришла быть гласными, а потому общественные сборы, уполномоченные быть отвѣчиками передъ обществомъ по всѣмъ общественнымъ дѣламъ, но составленные изъ очередныхъ домохозяевъ, часто не удовлетворяютъ своему назначенію и служатъ иногда въ рукахъ ловкихъ людей орудіемъ для достиженія эгоистичныхъ цѣлей.

Относительно религіозныхъ вѣрованій и обычаевъ нужно замѣтить слѣдующее. Къ началу настоящаго столѣтія дигорцы христіане, съ одной стороны поощряемые Грузіей къ исповѣданію христіанской религіи, съ другой совращаемые кабардинцами въ магометанство, впали въ религіозное заблужденіе или въ безразличіе религіи. Грузинскіе миссіонеры, являясь только періодически, ничего не успѣвали дѣлать, и часто, не удовлетворяя назначенію, оканчивали свою миссію тѣмъ, что раздавали деньги желавшимъ исповѣдывать христіанскую религію и, записывая ихъ въ отчетъ, не только не утверждали въ истинахъ вѣры, но и оставляли безъ совершанія надъ ними таинства крещенія. Такіе христіане, конечно, не могли ни отрѣшиться отъ старыхъ языческихъ вѣрованій, ни уберечься отъ вліянія магометанства, и въ Дигоріи произошло смѣшеніе религіозныхъ понятій. Съ такою то религіозной неопредѣленностью вышли изъ горъ поселенцы, основавшіе Черноярскую станицу, куда они перенесли цѣликомъ свои вѣрованія. До образованія изъ станицы Черноярской особаго прихода и назначенія особаго священника, нехристіанскія понятія, заключавшіяся въ объясненіи разныхъ явленій природы по языческому міровоззрѣнію, въ своеобразныхъ оттѣнкахъ вѣрованія въ христіанскихъ святыхъ и въ загробную жизнь, почти не измѣнялись. Съ установленіемъ-же прихода изъ станицы и назначенія священника, когда населеніе начало просвѣщаться свѣтомъ христіанскаго ученія, нѣкторыя вѣрованія, явно противорѣчащія христіанскому ученію, были брошены; но то, что могло уживаться въ понятіяхъ народа на ряду съ Христовой вѣрой, осталось и до сихъ поръ. Нижеприведенные примѣры религіозныхъ обычаевъ даютъ ясное представленіе о томъ, въ чемъ именно заключаются языческіе пріемы вѣрованія населенія Черноярской станицы.

Пораженіе громами какого-либо предмета или мѣста считается не случайнымъ явленіемъ природы, а проявленіемъ гнѣва Божьяго, а потому всякій такой случай обставляется пріемами языческаго поклоненія пророку Иліи, который, по мнѣнію народа, производитъ громъ и молнію. Хозяинъ пораженнаго мѣста или предмета и его родственники приносятъ кровную жертву. Людей, пораженныхъ громомъ, считаютъ избранниками Божьими за чистоту ихъ душъ, а потому такихъ покойниковъ хоронятъ не на общемъ кладбищѣ, а выбираютъ для нихъ мѣсто такимъ образомъ: запрягаютъ въ совершенно новую арбу не обученныхъ еще черныхъ бычковъ, рожденныхъ въ первый день великаго поста; кладутъ въ арбу тѣло покойника, выводятъ бычковъ въ поле и пускаютъ ихъ безъ погонщика. За арбой слѣдуютъ семь невинныхъ юношей и семь дѣвицъ. Тамъ, гдѣ остановятся быки, хоронятъ покойника, предполагая, что это мѣсто избирается самимъ Богомъ. Преданіе землѣ такихъ покойниковъ совершается безъ священника и безъ христіанскихъ обрядовъ; для покойника не роютъ ямы, а кладутъ его обязательно на поверхность земли, заваливаютъ землею и камнями и образуютъ такимъ образомъ надъ нимъ курганчикъ. По покойнику не плачутъ, а напротивъ, женщины, собравшись вокругъ устроеннаго кургана, поютъ, бьютъ въ ладоши и танцуютъ. Курганчикъ, насыпанный надъ покойникомъ, служитъ затѣмъ мѣстомъ для принесенія ежегодно жертвы въ честь пророка Иліи въ тотъ день, когда покойникъ былъ убитъ громомъ.

Какъ на грубое суевѣріе можно указать на такъ называемый «Бундори кувдъ» (кувдъ—жертвоприношеніе; бундори кувдъ—домашній кувдъ). «Бундори кувдъ», называемый иначе и «кувдъ нафаткакъ»,—это жертвоприношеніе домовому, устраиваемое нѣкоторыми семьями, съ цѣлью заслужить доброе расположеніе домового, могущаго, по ихъ понятіямъ, принести семьѣ счастье и несчастье. Кувдъ этотъ устраивается каждой семьей тайкомъ отъ другихъ; вечеромъ рѣжутъ барана, пекутъ пышки и все это подается на столъ. Когда совершенно стемнѣетъ, вся семья выходитъ изъ комнаты, освобождая ее для того, кому приносится жертва; по ихъ мнѣнію, если домовой принимаетъ жертву, то долженъ прикоснуться къ яствамъ. Затѣмъ, войдя въ комнату, одинъ изъ членовъ семьи, указывая на какой-либо кусокъ хлѣба или мяса, сдвинутый будто-бы

домовымъ съ мѣста, объявляетъ, что жертва принята. Приготовленныя яства могутъ ѣсть только члены семьи; кости должно тщательно собрать и зарыть въ землю.

Христіанскіе святые, имена которыхъ давно были сообщены народу учителями церкви, сохранены въ памяти народа, но почитаются по язычески и одарены добродѣтелями по языческимъ понятіямъ. Для каждаго святого существуетъ легенда о томъ, какимъ образомъ онъ, какъ покровитель, сдѣлался извѣстнымъ дигорскому народу. Особенно чтутся святые — Николай Угодникъ, Георгій Побѣдоносецъ, Архангелъ Михаилъ, а нѣкоторыми фамиліями — Василій Великій. Св. Николай Угодникъ считается исключительнымъ покровителемъ дигорскаго народа. О немъ ходитъ слѣдующій разсказъ: въ незапамятныя времена дигорцы, живя въ горахъ, должны были переплыть море для того, чтобы убрать за моремъ, гдѣ они имѣли хозяйство, посѣянныя хлѣба. Во время этого плаванія поднялась буря, разрушила корабли, и весь народъ долженъ былъ погибнуть. Но въ это время всѣ святые, возвращаясь отъ Бога, пролетали надъ погибающимъ народомъ. Всѣ утопающіе замѣтили это, и каждый обратился къ нимъ съ молитвой о спасеніи. Святые уже пролетѣли, но въ это время одинъ глубокій старецъ назвалъ имя св. Николая и, прося о спасеніи, обѣщалъ принести ему въ жертву всѣхъ бѣлыхъ барановъ, которыхъ у дигорцевъ такъ много, какъ цыплятъ, и всѣхъ бѣлыхъ быковъ, которыхъ у нихъ столько, сколько бѣлыхъ барановъ. Св. Николай услышалъ молитву, вернулся и перенесъ весь народъ за море. За этотъ подвигъ Богъ сдѣлалъ св Николая Угодника старшимъ надъ всѣми святыми и назначилъ покровителемъ дигорцевъ.

Въ честь св. Николая Угодника и Георгія Побѣдоносца сложено много религіозныхъ пѣсенъ, въ которыхъ св. Николай Угодникъ называется другомъ народа, а св. Георгій Побѣдоносецъ — Золотымъ. Всѣмъ святымъ приносятся жертвы — «кувды».

Въ настоящее время вѣра во внутренній смыслъ этихъ кувдовъ совершенно ослабла, и хотя они еще устраиваются, но почти потеряли религіозное значеніе, а остались въ видѣ развлеченія, какъ пикники. Установленіе въ 1874 году въ станицѣ особаго причта (до 1835 года станица въ религіозномъ отношеніи была причислена къ приходу Павлодольской церк-

ви, а съ 1835 года по 1874 годъ къ приходу Новоосетинской церкви) много способствовало ослабленію нехристіанскихъ понятій; но сначала борьба пастырей съ языческими и магометанскими суевѣріями представляла задачу трудную, за малочисленностью въ станицѣ лицъ, прошедшихъ хотя бы начальное школьное образованіе, а потому, встрѣчая всюду упорство, пастыри иногда имѣли непріятныя столкновенія. Такъ, въ 1878 году священникъ С. Машитовъ, участвуя на кувдѣ всего общества, устроенномъ за станицей подъ деревомъ, замѣтилъ, что на томъ деревѣ висѣли сотни воловьихъ и бараньихъ череповъ; узнавъ, что черноярцы вѣрятъ въ святость головъ приносимаго въ жертву скота, онъ сталъ говорить народу о грѣховности такого вѣрованія; но когда онъ увидѣлъ, что народъ не только не слушаетъ его, но и требуетъ не осквернять ихъ священныхъ предметовъ, пылкій священникъ палкой началъ сбивать ихъ съ дерева, и десятки череповъ полетѣли на землю. Случай этотъ вызвалъ много толковъ объ оскверненіи народныхъ святынь; народъ ожидалъ, что Богъ покараетъ священника. Какъ ни грубъ былъ пріемъ, употребленный священникомъ Машитовымъ для подавленія суевѣрія, тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ успѣхъ, и теперь черепа приносимаго въ жертву скота уже не вѣшаются на деревья.

Въ настоящее время населеніе станицы, въ общемъ очень религіозное, склонно слушать религіозныя поученія; къ тому же около $^1/_8$ всего населенія уже грамотно; въ силу этихъ данныхъ грубыя суевѣрія доживаютъ послѣдніе дни и скоро о нихъ останется только воспоминаніе.

V.

Нравы и обычаи.

Изъ многочисленныхъ оригинальныхъ обычаевъ ниже будутъ описаны: обычай устраивать ежедневно всѣмъ населеніемъ «уалити кувдъ», свадебные и похоронные обычаи, которые яснѣе всего выражаютъ нравы населенія.

Слово *кувдъ* по смыслу означаетъ—моленье. Этимъ словомъ называется всякое кровное жертвоприношеніе, этимъ же словомъ принято называть всякій пикникъ, для котораго рѣжутъ быка или барана. По обычаю каждая семья въ теченіе года должна устроить хоть одинъ кувдъ. Раньше этотъ кувдъ

имѣлъ значеніе жертвоприношенія Богу въ трехъ лицахъ, а потому при устройствѣ кувда установился особый порядокъ, который соблюдается и теперь, когда эти кувды приняли характеръ пикниковъ, устраиваемыхъ для того, чтобы пригласить родственниковъ, друзей и сосѣдей, у которыхъ бываетъ каждый въ качествѣ гостя въ теченіе года. Передъ тѣмъ какъ зарѣзать барана для кувда, по головѣ его крестообразно проводятъ огнемъ, а затѣмъ приносящій жертву перекрестившись рѣжетъ барана такъ, чтобы не пустить струи крови на поверхность земли, а направить ее въ подставленный тазъ, или корыто, или для того вырытую яму. Сваренный баранъ подается на столъ порѣзаннымъ на куски, при этомъ голова обязательно кладется на особую тарелку. Къ кувду на столъ подаются такъ называемые «керета»—это толстыя пышки, числомъ 3, 5 или 7. Три пышки означаютъ вѣру въ Бога въ 3-хъ лицахъ, 7 пышекъ—вѣру въ семь таинствъ, а 5-въ воспоминаніе того, что Іисусъ Христосъ 5-ю хлѣбами накормилъ 5 тысячъ людей.

«*Уалити* кувдъ» (кувдъ изъ барановъ)—это кувдъ, устраиваеваемый всѣмъ станичнымъ обществомъ ранней весной въ день Вознесенія Господня или около этого времени. Кувдъ этотъ, по объясненію однихъ,—видоизмѣненное чествованіе св. Михаила Архангела, считающагося покровителемъ полей; прежде каждый хозяинъ обязанъ былъ ежегодно, передъ началомъ полевыхъ работъ, принести жертву названному святому, но общество станицы условилось устраивать, вмѣсто отдѣльныхъ кувдовъ, общій кувдъ. По объясненію другихъ, «уалити кувдъ»—бывшій кувдъ «зардааваранъ», устраивавшійся въ день Вознесенія Господня въ память *обѣщанія* Господа Іисуса Христа апостоламъ послать имъ Духа Святаго. Буквальный переводъ выраженія «зарда-аваранъ»—обѣщаніе.

Теперь «уалити кувдъ», носившій раньше религіозный характеръ, представляетъ изъ себя пикникъ, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ мужчины населенія станицы. Кувдъ устраивается всегда въ ясный день въ лѣсу. Вся станица дѣлится на двѣ части, каждая половина устраиваетъ кувдъ отдѣльно въ одинъ и тотъ-же день. Средства для устройства праздника собираются такъ: на каждомъ кувдѣ наряжаютъ 10-ть домохозяевъ очередного квартала, которые къ слѣдующему году должны вынести каждый по барашку, по $^1/_2$ ведра

водки, ведру вина, по семи пышекъ и семи пироговъ съ сыромъ; кромѣ того общими силами готовятъ брагу. Эти десять домохозяевъ считаются распорядителями кувда и берутъ на себя всѣ заботы по устройству его и по веденію порядка. Кромѣ того всѣ тѣ, у кого въ теченіе года родится сынъ, кто женится, кто будетъ произведенъ въ офицерскій чинъ, должны выслать на кувдъ по барашку и по 7-ми пышекъ. Такимъ образомъ для каждаго кувда собирается 30—40 барановъ, множество пышекъ, ведеръ 10 водки, много вина и браги. Для кувда устраиваютъ сидѣнія, на которыхъ собравшееся общество разсаживается по возрастамъ; дѣти также допускаются, но усаживаются особо, и распорядители ихъ угощаютъ также мясомъ и хлѣбомъ. До начала пира старшій по лѣтамъ на пиршествѣ подымаетъ пышку съ 3-мя, 5-ю или 7-ю продолговатыми кусочками легкаго, завернутыми въ сальникъ и изжаренными на вертелѣ, и импровизируетъ молитву, въ которой обращается къ милосердію Бога и святыхъ, проситъ помиловать народъ и послать на текущій годъ урожай. Во время произнесенія этой молитвы всѣ встаютъ и выслушиваютъ ее съ непокрытыми головами. Затѣмъ начинается самый пиръ. Пиръ этотъ оригиналенъ тѣмъ, что тутъ нѣтъ опредѣленнаго хозяина; есть только распорядители, которые отбываютъ очередь. Такъкакъ на этомъ кувдѣ никто не связанъ этикетомъ, въ силу котораго семейныхъ накувдахъ обыкновенно говорятъ тосты за здоровье хозяина и его родственниковъ и вообще за то, что нравится хозяину, то рѣчи носятъ особый свободный характеръ. Вспоминаются обыкновенно люди, сдѣлавшіе что-либо хорошее для станицы, и если они умерли, пьютъ за упокой ихъ; или люди, выдающіеся хорошими качествами, уживчивымъ характеромъ; словомъ, каждый за своимъ столомъ можетъ сказать или спѣть на тему, какая ему придетъ въ голову. «Уалити кувдъ» по своему смыслу и по внѣшней обстановкѣ носитъ характеръ, такъ сказать, кувда братства и имѣетъ большое значеніе для станицы въ смыслѣ сплоченія станичнаго общества въ одну дружную семью. На кувдѣ много пьютъ, но пьяныхъ нѣтъ, пьяныхъ такихъ, которые-бы нарушали приличіе. Такъ какъ станица въ двухъ мѣстахъ пируетъ, то обыкновенно одна половина съ другой обмѣнивается любезностями, посылая отъ себя депутатовъ къ другой сторонѣ съ изъявленіями добрыхъ пожеланій и для выраженія братскихъ чувствъ.

Обрядъ обрученія совершается въ тотъ же день, когда сваты окончательно получатъ согласіе родныхъ невѣсты, и такъ какъ по предъидущимъ переговорамъ сваты всегда знаютъ, когда послѣдуетъ согласіе, они приносятъ съ собой полуимперіалъ, золотое кольцо и шелковый платокъ. Вручая эти предметы матери невѣсты, или старшей хозяйкѣ, одинъ изъ сватовъ говоритъ рѣчь, въ которой изливаетъ всякія благопожеланія нарѣченнымъ и двумъ породнившимся домамъ. Этой рѣчью кончается вся процедура сватовства, и сваты, принявъ угощеніе, отправляются въ домъ жениха и объявляютъ, что сватовство окончено. Съ этого времени женихъ уже не имѣетъ права ходить въ домъ невѣсты, а невѣста, гдѣ бы не встрѣтилась съ женихомъ, должна прятаться отъ него до самой свадьбы. Въ тотъ же день, или черезъ нѣсколько дней, родные жениха, чтобы выразить радость по случаю состоявшагося сватовства и оказать вниманіе родственникамъ невѣсты, устраиваютъ пиръ, называемый «катсъ», на который приглашаютъ родственниковъ невѣсты;при этомъ родственники жениха все время стоя прислуживаютъ гостямъ. На пиру всѣ гости почетны, тѣмъ не менѣе сваты, которые обязательно участвуютъ,—въ особомъ почетѣ. Отецъ невѣсты обыкновенно не учавствуетъ; его приглашаютъ потомъ особо съ его друзьями; этимъ оказываютъ ему особый почетъ. Послѣ этихъ пиршествъ между двумя домами завязываются родственныя отношенія. Когда въ первый разъ являются члены семьи жениха въ домъ невѣсты, каждый приноситъ невѣстѣ подарокъ по состоянію. Невѣстѣ лестно получить хорошіе и дорогіе подарки, но она не должна ими выхваляться; напротивъ, при другихъ она ихъ и не разсматриваетъ и вообще должна показывать видъ, что относится къ нимъ безразлично. Передъ тѣмъ, какъ должна состояться свадьба, за мѣсяцъ или за два, со стороны жениха должны уплатить калымъ, размѣръ котораго колеблется между 100 и 150 рублями; эти деньги цѣликомъ идутъ на постройку приданаго невѣстѣ, а въ большинствѣ случаевъ родители приплачиваютъ еще столько для того, чтобы не отправить дочь изъ дому безъ какого либо положеннаго по обычаю предмета. Калымъ въ томъ видѣ, какъ существуетъ въ станицѣ Черноярской, обычай прекрасный, благодаря которому нѣтъ бѣдныхъ свадебъ. Невѣста приноситъ съ собой въ домъ жениха нарядовъ лѣтъ на 5-ть и больше и кромѣ того

хозяйственныя вещи: постель, подушки, тазы, рукомойники, зеркала, два сундука и много другихъ вещей; словомъ новобрачному на первое время не о чемъ хлопотать относительно жены; напротивъ, она и ему приноситъ подарки.

Когда калымъ уплоченъ, начинается приготовленіе невѣсты къ свадьбѣ. Покупается ей приданое, являются къ услугамъ подруги и недѣли двѣ шьютъ ей наряды. Родственники невѣсты считаютъ своей обязанностью поднести невѣстѣ подарокъ деньгами или какимъ либо изящнымъ предметомъ. Наканунѣ свадьбы изъ дома жениха разсылается приглашеніе ко всѣмъ родственникамъ и друзьямъ, а иногда, если домъ зажиточный, крикунъ объявляетъ о свадьбѣ всей станицѣ и приглашаетъ всѣхъ на свадьбу. Изъ числа приглашенныхъ ближайшіе родственники должны составить свадебный конвой, а потому они являются утромъ раньше другихъ, чтобы вмѣстѣ отправиться за невѣстой. Въ домѣ невѣсты готовятся къ пріему гостей: рѣжутъ быка или корову и приготовляютъ яства человѣкъ на 200. Туда же утромъ является вся станичная молодежь, не ожидая особаго приглашенія, и устраиваетъ танцы. Когда въ домѣ невѣсты готовы къ пріему гостей, оттуда посылается одинъ изъ близкихъ лицъ или самъ шаферъ въ домъ жениха и въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ приглашаетъ всѣхъ за невѣстой, но хозяинъ посылаетъ уже сформировавшійся почетный конвой изъ молодежи и съ нимъ нѣсколько стариковъ. Когда конвой явится въ домъ невѣсты, его встрѣчаютъ родственники невѣсты и любезно приглашаютъ къ столамъ, заранѣе устроеннымъ для гостей. Вмѣстѣ съ конвоемъ является въ домъ невѣсты впервые послѣ сватовства и женихъ. Онъ долженъ явиться прежде всего къ матери невѣсты, которая ждетъ его въ особой комнатѣ, окруженная родственницами пожилыхъ лѣтъ. Войдя въ комнату съ шаферомъ, женихъ подноситъ будущей тещѣ подарокъ, состоящій изъ кусковъ матеріи на платье и денегъ рублей 10, 20 или 30, смотря по состоянію, и взамѣнъ получаетъ блюдо съ яствами, подслащеннымъ виномъ и медомъ. Затѣмъ жениха приглашаютъ вмѣстѣ съ избранными его товарищами за отдѣльный столъ и угощаютъ особо для него приготовленными сладкими блюдами. Пиръ въ домѣ невѣсты продолжается часа 3. Все это время неженатая молодежь, не принимая участія въ пиршествѣ, танцуетъ, а невѣсту одѣваютъ къ вѣнцу.

Главнымъ распорядителемъ вездѣ является шаферъ; онъ долженъ быть душою общества и слѣдить за тѣмъ, чтобы никто изъ гостей не остался безъ вниманія. Отъ распорядительности шафера зависитъ весь порядокъ на свадьбѣ, а подчасъ и настроеніе общества, почему шаферомъ обыкновенно стараются выбрать человѣка общительнаго и распорядительнаго. Когда невѣста одѣлась, и шаферъ убѣдится, что гостей угостили хорошо, родители благословляютъ невѣсту и прощаются съ ней; шаферъ беретъ ее за руку, чтобы вести въ церковь, а хоръ національныхъ пѣвцовъ поетъ напутственную религіозную пѣснь; родители плачутъ, невѣста плачетъ, хоръ громко поетъ, а подруги стараются протолкаться къ невѣстѣ и выразить ей съ своей стороны благопожеланія. Когда хоръ окончитъ первую половину пѣсни, на невѣсту накидывается шелковое покрывало, шаферъ приглашаетъ начать шествіе, и невѣста, оставляя свою руку въ рукѣ шафер), выходитъ. Когда невѣста, окруженная подругами, показывается на дворѣ, всѣ участвовавшіе на пиршествѣ встаютъ, конвой джигитовъ присоединяется къ шествію сзади, и вся эта масса народа двигается пѣшкомъ къ церкви съ пѣніемъ религіозныхъ пѣсенъ, со стрѣльбой и съ танцами.

По окончаніи обряда бракосочетанія, вся свадебная процессія пѣшкомъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ шла къ церкви, медленно шествуетъ въ домъ жениха. По мѣрѣ приближенія къ дому жениха веселье усиливается. Во дворѣ шествіе немного останавливается, и въ это время на голову невѣсты высыпаютъ сласти, въ знакъ пожеланія ей сладкой семейной жизни; затѣмъ невѣста съ поклонами вводится въ комнату, гдѣ для встрѣчи ея собираются мать и пожилыя родственницы жениха и привѣтствуютъ ее объятіями, поцѣлуями и добрыми пожеланіями Дальше начинается пиршество въ домѣ новобрачнаго. Пиръ продолжается два дня (раньше продолжался 3 дня). Все мужское общество дѣлится на нѣсколько группъ: одну группу составляютъ старики, другую—люди почтенныхъ лѣтъ, но еще не старые, третью—танцующая молодежь какъ мужского, такъ и женскаго пола и наконецъ «офицерскій столъ»—для станичной интеллигенціи. Каждая группа устраивается особо, подъ навѣсомъ, или подъ деревомъ. Молодежь, не принимая участія въ пирѣ, все время танцуетъ подъ звуки гармоніи посреди двора на виду у всѣхъ группъ пи-

рующихъ. Женщины пожилыхъ лѣтъ, родственницы новобрачныхъ, принявъ угощеніе въ комнатахъ, составляютъ особую группу, и не принимая участія въ танцахъ, стоятъ около дѣвицъ и смотрятъ, какъ танцуютъ молодые люди.

Первыя сутки невѣста должна быть подъ покрываломъ, но на другой день вечеромъ покрывало торжественно снимается двоюроднымъ или троюроднымъ братомъ жениха. Снимая покрывало, мальчикъ произноситъ: «да дастъ тебѣ Дѣва Марія семь мальчиковъ и одну дѣвочку». Къ этому торжеству собираются родственницы со стороны невѣсты и, по снятіи покрывала, угощаются хозяевами. Казалось бы, гдѣ не только бѣдному, но и посредственному хозяину угощать столько народа, да еще съ утра до вечера; но дѣло въ томъ, что, по обычаю, каждый родственникъ посылаетъ къ свадьбѣ барана, пышекъ, водки или вина съ $^1/_2$ ведра, и такимъ образомъ отъ родственниковъ въ домахъ жениха и невѣсты набирается барашковъ по 10 или болѣе и соотвѣтственное количество хлѣба. Самъ женихъ на свадебномъ пиршествѣ не участвуетъ, а скрывается у сосѣда, или въ домѣ шафера и является домой только ночью послѣ ухода всѣхъ гостей.

Остается сказать нѣсколько словъ еще о похоронныхъ обычаяхъ. Для изъявленія сожалѣнія по случаю смерти, къ роднымъ покойника являются всѣ взрослые, кто есть на лицо въ станицѣ, мужчины и женщины; а если-бы кто не явился, онъ сдѣлался бы врагомъ родственниковъ покойника. Отсутствующіе въ день похоронъ лица, по прибытіи въ станицу, хотя бы и черезъ нѣсколько лѣтъ, должны прежде всѣхъ визитовъ посѣтить всѣ дома, гдѣ за его отсутствіе были смертные случаи, и выразить сожалѣніе. Трудно себѣ представить, какіе страшные крики и вопли раздаются въ комнатѣ, гдѣ лежитъ покойникъ. Женщины приходятъ въ изступленіе. Лѣтъ двадцать тому назадъ родственницы покойника рвали на себѣ волосы, били себя ремнями, царапали себѣ лицо, такъ что буквально обливались кровью. Родственники, подходя къ дверямъ комнаты, гдѣ лежитъ покойникъ, отчаянно вскрикиваютъ и рыдая входятъ въ комнату; въ это время всѣ женщины, которыхъ собирается въ комнатѣ столько, сколько можетъ вмѣстить она, усиливаютъ вопли. Снохи покойнаго у дверей становятся на колѣни и ползкомъ идутъ въ комнату. Женщины хотя и оставили обычай царапать себѣ лицо, но все-таки по-

казываютъ видъ, что они бьютъ себя, поднося обѣ руки къ лицу и ударяя ими затѣмъ по колѣнамъ. Какъ однако не велико горе родственниковъ, все же главную роль тутъ играетъ обрядъ, который повелѣваетъ близкимъ такія громкія изъявленія своего соболѣзнованія.

До кладбища покойника провожаютъ всѣ, а затѣмъ, по преданіи тѣла землѣ, приглашаются помянуть покойника. Относительно покойниковъ населеніе Черноярской станицы еще недавно было такихъ понятій, что умершіе на томъ свѣтѣ продолжаютъ жить также, какъ жили на землѣ, т. е. заниматься тѣмъ же, чѣмъ занимались, любить то же, что любили на землѣ. Такія понятія о загробной жизни установили особыя отношенія живыхъ къ умершимъ, выражающіяся устраиваніемъ поминокъ съ особенной пышностью, въ томъ предположеніи, что то, что будетъ предложено за упокой умершихъ, поѣдается покойниками на томъ свѣтѣ. Много писалось о вредѣ этихъ поминокъ, много говорилось и говорится о нихъ съ церковной каѳедры, но въ станицѣ брошены только нѣкоторые дикіе пріемы, какъ то: устраиваніе при поминкахъ воинскихъ доспѣховъ изъ орѣховъ и конфектъ, которые развозились верхомъ по улицамъ, стрѣльба въ цѣль, повѣшенную на высокомъ шестѣ и т. д.; самыя же поминки съ прежнимъ характеромъ устраиваются и теперь; хотя вредъ ихъ сознается и самими жителями, но никто не рѣшается первый бросить этотъ разорительный обычай.

VI.

Экономическій бытъ.

Экономическая жизнь населенія станицы Черноярской, какъ вообще и другихъ станицъ Терскаго казачества, складывалась въ началѣ подъ вліяніемъ такихъ факторовъ, которые не давали возможности развиться экономическому благосостоянію: вѣчно тревожное положеніе населенія, подвергавшагося набѣгамъ хищниковъ, уничтожавшихъ посѣвы и загоны, забиравшихъ имущество и дѣтей, а затѣмъ безпрерывная военная служба не давали возможности развиться экономической жизни населенія. Площадь земли, занятая первыми переселенцами, составлявшая непочатую новину, и громадныя пространства выпасовъ и степныхъ сѣнокосовъ были пригодны къ за-

нятію всѣми видами полевого хозяйства; но указанныя выше причины мѣшали населенію заниматься хозяйствомъ въ большихъ размѣрахъ, за неимѣніемъ рабочихъ рукъ и необезпеченнаго положенія хозяйства отъ расхищенія. Отлучки изъ станицы далеко въ поле на работы были небезопасны; выходя на работы, обыкновенно нѣсколько семействъ соединялись вмѣстѣ и, на случай нападенія хищниковъ, мужчины работали вооруженные огнестрѣльнымъ оружіемъ. Соединенные для полевыхъ работъ семьи имѣли въ полѣ общій балаганъ, общій котелъ, но работали каждый для себя. То же положеніе заставляло все населеніе долго держаться исключительно въ станицѣ и терпѣть всѣ невыгоды скученной осѣдлости, что мѣшало возникновенію хуторовъ и хуторского хозяйства. Такимъ образомъ хозяйственная жизнь станицы въ первыя времена ея основанія и до 50-хъ годовъ развилась лишь на столько, чтобы обезпечить населенію самыя насущныя незатѣйливыя потребности и исправное отбываніе воинской повинности.

Въ 50-хъ годахъ въ станицу явились въ качествѣ дешевыхъ работниковъ ногайцы, которые цѣлыми партіями ежегодно въ рабочее время являлись въ станицу на заработки; для станичниковъ явилась возможность заняться полевымъ хозяйствомъ въ большихъ размѣрахъ. Въ 1853 году подполковникъ Гокинаевъ въ 15 верстахъ отъ станицы построилъ для себя хуторъ, вырылъ капитальный колодезь, пригласилъ еще 2 семьи съ собой и такимъ образомъ положилъ начало возникшему въ скоромъ времени станичному хутору. Выгоды хуторского хозяйства сразу обнаружились, и въ одинъ годъ на этотъ хуторъ переселилось дворовъ 25. Хуторяне выкупили колодезь у Гокинаева, и съ тѣхъ поръ хуторъ служитъ житницей станицы. Привольная степь для пастьбы скота, нетронутыя еще пахотныя земли эксплуатируются въ широкихъ размѣрахъ. Менѣе чѣмъ за 10 лѣтъ хуторяне, вышедшіе съ одной коровой и парой быковъ, пріобрѣтали до 1/2 сотни штукъ крупнаго рогатаго скота; почти каждый хозяинъ пріобрѣлъ свой собственный плугъ и пахалъ безъ сопряжки съ другими. Ногайцы цѣлыми семьями въ своихъ кибиткахъ поселялись среди хутора и удовлетворяли спросъ хуторянъ на работниковъ; кромѣ того почти каждый хозяинъ имѣлъ годовыхъ работниковъ ногайцевъ за самую дешевую плату. Въ рабочее же время ногайцы большими артелями появлялись на хуторъ и

выполняли, то за часть убираемаго хлѣба, то за маленькую денежную плату, всѣ полевыя работы. Доходили ногайцы и до станицы, но въ станицѣ имъ было меньше дѣла, чѣмъ на хуторѣ. Хуторъ приносилъ пользу не только самимъ хуторянамъ, но и не имѣвшіе хутора станичники посылали свой скотъ къ хуторянамъ для выкармливанія на разныхъ условіяхъ, такъ какъ хуторъ былъ построенъ на мѣстѣ, изобиловавшемъ всегда пастбищными мѣстами и прекрасными сочными травами. Не смотря на всѣ видимыя выгоды хуторского хозяйства, нельзя сказать, чтобы первые хуторяне имѣли много послѣдователей. Число дворовъ на хуторѣ не превышало никогда 40. Объясняется это тѣмъ, что хуторское хозяйство, требующее упорнаго и кропотливаго труда, не приходилось по вкусу многимъ, отвыкшимъ на службѣ отъ физическаго труда. Долговременная служба воспитывала послушныхъ казаковъ, развивала исполнительность и военную точность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяйственную безпечность, пренебреженіе къ тяжелому земледѣльческому труду. Это обстоятельство помѣшало развиться хуторскому хозяйству во всемъ населеніи станицы, тѣмъ не менѣе 50-е годы въ населеніи считаются началомъ усиленнаго развитія земледѣлія и скотоводства.

Сѣяли пшеницу, рожь, просо, овесъ и ячмень. Какъ выражаются жители, «тогда земля ихъ не обманывала». Невозможно, за неимѣніемъ данныхъ, точно вычислить, сколько засѣвалось тогда хлѣба, но старики разсказываютъ, что хлѣба было столько, что даже тотъ, кто почему-либо не вспахалъ и не засѣялъ, могъ выѣхать въ поле, попросить чей-либо не снятый еще хлѣбъ и убрать въ свою пользу безплатно; были и такіе случаи, что бѣдный выходилъ въ поле и убиралъ хлѣбъ, самъ не зная чей, и такіе случаи не вызывали неудовольствія, такъ какъ посѣвы были большіе. Скотоводство не имѣло промышленнаго характера, а было въ связи съ земледѣліемъ. Въ плугъ впрягали 6—8 быковъ, а кто имѣлъ больше, работалъ 2 или 3 плугами или перемѣнными быками. Молочные продукты не сбывались, а шли исключительно на питаніе семьи и работниковъ. Продавали на рынкахъ только хлѣбъ, который въ то время цѣнился очень дешево: четверикъ проса доходилъ до 10 коп., а пшеницы до 25 к. Рабочимъ скотомъ служилъ главнымъ образомъ рогатый скотъ, а лошади преимущественно служили цѣлямъ снаряженія казаковъ на службу

и выполненія воинской повинности. Вообще въ хозяйствѣ тогда рогатый скотъ цѣнился больше, чѣмъ лошади, и быки, дѣйствительно, приносили дохода больше.

Кромѣ земледѣлія и скотоводства, жители до 70-хъ годовъ занимались въ свободное отъ полевыхъ работъ время извознымъ промысломъ въ Астрахань, Владикавказъ, Моздокъ, Георгіевскъ, куда жители станицы Черноярской доставляли казенные или купеческіе товары, вырабатывая каждый арбой въ день около рубля. Эта работа была тѣмъ сподручнѣе, что одинъ человѣкъ могъ работать 4-мя и 5-ю подводами. Для этой работы быки были выносливѣе и выгоднѣе, такъ какъ рѣже портятся и менѣе требуютъ ухода и корма. Извозничествомъ въ станицѣ занимались почти всѣ, и дѣло это было не случайное, а правильно въ станицѣ организованное. Обыкновенно собирались въ компанію хозяевъ 10—20, составляли подводъ 40—60. Одинъ изъ нихъ бралъ подрядъ на перевозку какого-либо товара, и старшій обыкновенно былъ блюстителемъ порядка въ дорогѣ, и подчиненіе ему было обязательно для всѣхъ. Арба за 2 недѣли зарабатывала 15—20 руб. Это дѣло давало хорошій заработокъ населенію и избавляло отъ необходимости прибѣгать къ займамъ, сталкиваться съ растовщическими процентами, такъ вредно отражающимися на хозяйствѣ въ настоящее время. Такимъ образомъ экономическое положеніе населенія съ 50-хъ до 80-хъ годовъ было обезпеченное и главнымъ образомъ составлялось изъ занятій хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и извозничествомъ.

Съ 80-хъ годовъ, съ распространеніемъ грамотности среди населенія станицы, многіе совершенно перестали заниматься полевымъ хозяйствомъ, и нося въ себѣ задатки къ болѣе легкимъ способамъ заработка и пріобрѣтенія, имѣя малую склонность къ земледѣльческому труду, стали искать заработковъ внѣ станицы: у помѣщиковъ въ качествѣ управляющихъ или надсмотрщиковъ; у богатыхъ лицъ въ качествѣ дворецкихъ; поступать на казенныя мѣста въ городахъ; по желѣзнымъ дорогамъ кондукторами; на заводахъ конторщиками и т. д. Въ настоящее время рабочихъ лицъ въ станицѣ, считая только однихъ мужчинъ, такъ какъ женщины не принимаютъ участія въ полевыхъ работахъ, съ 14-лѣтняго до 60-лѣтняго возраста сосчитано 482 человѣка. Изъ нихъ на отхожихъ заработкахъ въ разныхъ мѣстахъ Россійской имперіи 130 чело-

вѣкъ. Если изъ числа рабочаго состава исключить казаковъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, окажется, что число лицъ, не пользующихся доходами отъ хозяйствъ, равняется около 1/3 всего рабочаго населенія. Между тѣмъ эти лица, хотя и живутъ внѣ станицы, но не теряютъ, такъ сказать, матеріальной связи съ ней. Каждый изъ нихъ, за исключеніемъ совсѣмъ немногихъ, сбереженіе отъ жалованья высылаетъ къ роднымъ (къ отцу или брату) и эти денежныя средства идутъ или на улучшеніе нераздѣльнаго съ братомъ или отцомъ хозяйства, или для поддержанія собственнаго хозяйства. Отхожіе заработки на столько цѣнятся и поддерживаютъ хозяйства, что отецъ, имѣющій 2-хъ или 3-хъ сыновей, старается во что-бы то ни стало устроить, хотя одного изъ нихъ, куда нибудь на жалованье, сбереженіе отъ котораго затѣмъ поступаетъ въ расходъ по хозяйству. Развитіе грамотности помогаетъ устраиваться такимъ именно образомъ, и изъ 130 человѣкъ, находящихся въ этомъ году на заработкахъ, 3/4 хорошо грамотныхъ. Нельзя предрѣшить, что будетъ послѣ, когда находящіеся на заработкахъ вернутся въ станицу и должны будутъ сами заниматься хозяйствомъ, но въ настоящее время они деньгами помогаютъ улучшенію хозяйствъ тѣхъ семействъ, членами которыхъ они состоятъ. Вообще экономическое положеніе населенія и въ настоящее время можетъ считаться хорошимъ, удовлетворяющимъ подчасъ и затѣйливыя потребности населенія и обезпечивающимъ исправный выходъ на службу.

Земледѣліе, составляющее важнѣйшую отрасль сельскаго хозяйства, служитъ главнѣйшимъ занятіемъ населенія станицы. Земледѣліемъ занимаются всѣ, и хотя многіе не имѣютъ и не стараются пріобрѣтать скотъ, необходимый для полевого хозяйства, но и они посредствомъ найма пашутъ, сѣютъ и такимъ образомъ мѣняютъ деньги на хлѣбъ и часто получаютъ крупныя выгоды. Въ прежнее время, когда относительно количества населенія земли было много, общество не стѣсняло отдѣльныхъ своихъ членовъ въ пользованіи землею, и тогда существовала самая широкая вольница: каждый пахалъ и косилъ, гдѣ ему было угодно, пользуясь лишь правомъ захвата; но съ увеличеніемъ населенія и въ виду желанія каждаго занимать мѣсто для эксплоатаціи ближе къ станицѣ или хутору, явилась необходимость ограничить права отдѣльныхъ лицъ въ

пользованіи землею. Первый разъ населеніе выѣхало для дѣлежа пахатной земли и сѣнокосныхъ участковъ въ 1863 году. Переходъ отъ захватнаго способа къ введенію общинныхъ порядковъ не вызвалъ никакихъ недоразумѣній и споровъ. Формы ограниченій и порядковъ дѣлежа для разныхъ угодій установились различныя и касаются преимущественно пахатной земли, лѣсныхъ угодій и сѣнокосныхъ участковъ.

Нарушенія разъ установленнаго порядка случаются рѣдко и не проходятъ безнаказанно. Право на пользованіе станичными угодьями имѣютъ только отбывныя души (мужчина съ 17-ти лѣтняго возраста) и вдовы (пользуются $^1/_2$ паемъ, а если имѣютъ малолѣтнихъ сыновей или незамужнихъ дочерей — полнымъ паемъ). Для пользованія пахотными землями установился слѣдующій порядокъ: ранней весной каждаго года общество на общественномъ сборѣ опредѣляетъ, какой участокъ слѣдуетъ подѣлить между общественниками для пахоты подъ посѣвъ ярового хлѣба (преимущественно проса) и для бахчей, выдѣляя для этого два участка; смотря по количеству десятинъ въ намѣченныхъ участкахъ, каждый пайщикъ получаетъ изъ каждаго участка столько, сколько достанется по раздѣлу всей площади участка на число всѣхъ пайщиковъ въ станицѣ. Полученные такимъ образомъ паи остаются въ пользованіи лицъ, ихъ обработавшихъ, въ теченіе трехъ лѣтъ; затѣмъ земля идетъ подъ пастьбу скота, а черезъ три года подъ сѣнокосъ и вновь поступаетъ подъ пахоть не раньше, какъ черезъ 7—8—9 лѣтъ. Такимъ образомъ подъ яровой хлѣбъ ежегодно выдѣляются новые участки, раздѣляемые вышеуказаннымъ способомъ на паи, а прошлогодніе участки, уже вновь не передѣляемые, поступаютъ иногда подъ озимь, а чаще всего опять подъ ярь, при чемъ уже ихъ не пашутъ, а сѣютъ «наволокомъ», т. е. подъ борону. Съ поступленіемъ земли подъ выпасъ скота, значеніе пая уже утрачивается. Для крупныхъ хозяевъ, обрабатывающихъ земли больше, чѣмъ можетъ достаться по дѣлежу, особыхъ участковъ не отводится, но такъ какъ каждый годъ около $^1/_3$ пайщиковъ не пашутъ, то паи ихъ покупаются за дешевую цѣну (десятина отъ 50 к. до 1 р.) тѣми, кто нуждается въ пахатной землѣ, и такимъ образомъ всякому есть возможность обрабатывать земли столько, сколько онъ можетъ.

Сѣнокосными угодьями пользуются на тѣхъ же основаніяхъ, какъ пахотными землями; но такъ какъ ежегодно въ передѣлъ поступаютъ всѣ участки, годные для сѣнокошенія, и вслѣдствіе этого представляется неудобнымъ нарѣзывать паи каждому на мѣстѣ, да кромѣ того не на всѣхъ участкахъ одинаковаго качества трава, то для болѣе правильнаго и скорѣйшаго раздѣла въ полѣ, куда обязаны выѣзжать всѣ члены общества въ назначенный день, на каждомъ отдѣльномъ участкѣ производятся торги: кто на сколько паевъ возьметъ предлагаемый участокъ. Кто предложитъ большее число паевъ, за тѣмъ и остается участокъ; получившій такимъ образомъ участокъ тутъ же приглашаетъ компаніоновъ на столько паевъ, на сколько онъ принялъ участокъ, и эти вошедшіе въ компанію домохозяева тутъ же отмѣчаются писаремъ въ спискѣ, какъ получившіе паи, а затѣмъ каждая группа сама дѣлитъ участокъ на паи по числу пайщиковъ.

Порядокъ пользованія лѣсными угодьями, послѣ перехода отъ захватнаго способа къ общинному, установился не сразу, а пережилъ разныя стадіи развитія. До 70-тыхъ годовъ на нужды въ дровахъ для каждаго пая былъ опредѣленъ возъ дровъ, для чего выдѣлялся особый участокъ. Участокъ этотъ поступалъ въ пользованіе такимъ образомъ: въ назначенный для рубки день всѣ члены станичнаго общества собирались къ выдѣленному участку. По знаку старшаго всѣ кидались въ лѣсъ и каждый спѣшилъ нарубить лучшихъ дровъ столько, что-бы вывезти на столькихъ арбахъ, сколько паевъ ему причиталось. Если во время рубки нѣкоторые казаки отсутствовали, то по возвращеніи и имъ разрѣшалось въ томъ же участкѣ нарубить столько возовъ, сколько паевъ имъ приходилось, но, конечно, они должны были довольствоваться остатками. Такой порядокъ существовалъ исключительно относительно нуждъ въ дровахъ: если одного воза на пай оказывалось для дровъ недостаточно, общество выдѣляло другой участокъ, который поступалъ въ пользованіе такимъ-же порядкомъ. Оставшіеся, за вывозомъ положеннаго числа возовъ, валежникъ и мелкій малогодный лѣсъ затѣмъ разрѣшалось вывозить кому угодно и сколько угодно въ назначенные для этого особые дни. Хворостъ и колья для устройства наружныхъ плетневыхъ оградъ никому не воспрещалось рубить. Строевой лѣсъ, годный для постройки надворныхъ сроеній, въ

особый передѣлъ не поступалъ, но каждый нуждающійся въ строевомъ лѣсѣ обращался къ обществу съ просьбой, и общество почти никогда не отказывало, если находило, что проситель, дѣйствительно, нуждается.

Указанный порядокъ пользованія лѣсомъ въ 1874 году совершенно измѣнился. Въ этомъ году около $^1/_3$ части всего станичнаго лѣсного надѣла была подѣлена между всѣми пайщиками на 12 лѣтъ. Но порядокъ этотъ не выдержалъ срока, такъ какъ большинство хозяевъ преждевременно вырубили свои участки и стали похищать лѣсъ изъ чужихъ участковъ, или находились такіе, которые, имѣя еще свои участки, рубили въ сосѣднихъ. Вообще способъ этотъ вызвалъ много безпорядковъ, непріятностей, а потому въ 1878 г. былъ замѣненъ другимъ способомъ пользованія, который практикуется и до настоящаго времени. Въ настоящее время весь юртовой надѣлъ раздѣленъ на 8 участковъ. Каждый участокъ ежегодно дѣлится по длинѣ просѣками на 10—12 равныхъ частей; затѣмъ измѣреніями по ширинѣ опредѣляется, сколько сажень достается на каждый пай и на сколько паевъ можно сдать каждую просѣку. Для дѣлежа составляется особый списокъ, гдѣ каждый пайщикъ (въ настоящее время лѣснымъ паемъ пользуются только отбывшія души и вдовы) записанъ подъ особымъ нумеромъ. Въ день дѣлежа всѣ выѣзжаютъ къ лѣсу и, условившись, съ какой просѣки начать дѣлежъ, кто нибудь изъ общинниковъ вынимаетъ билетики съ нумерами до тѣхъ поръ, пока не наберется столько нумеровъ, на сколько паевъ предположено раздѣлить данную просѣку. Записанные подъ вынутыми нумерами фамиліи получаютъ выпавшіе на ихъ долю паи. Затѣмъ переходятъ къ слѣдующей просѣкѣ, и т. д. Что бы удовлетворить желанію нѣкоторыхъ жителей имѣть смежные паи для совмѣстной работы, заранѣе въ одинъ билетикъ включаются нѣсколько нумеровъ и такимъ образомъ всѣ, записанные подъ этими нумерами, попадаютъ въ одну просѣку. Группы, попавшія въ одну просѣку, дѣлятъ свой участокъ между собою уже сами, что не представляетъ никакихъ затрудненій. Если въ какой либо просѣкѣ лѣсъ окажется хуже, чѣмъ въ другихъ, что опредѣляется заранѣе, то въ этой просѣкѣ на пай нарѣзывается больше, чѣмъ въ другихъ просѣкахъ.

Земледѣліе составляетъ самую важную отрасль сельскаго хозяйства. Населеніе преимущественно занимается разведеніемъ проса, урожайность котораго въ среднемъ за послѣдніе пять лѣтъ, считая и недородъ 1894 года, опредѣляется самъ 39. Остальныя хлѣбныя растенія разводятся урывками и разведеніе ихъ пока можно считать дѣломъ случайнымъ. Съ 1890 года жители попробовали засѣять ленъ, и два года подрядъ результаты были блестящіе, но затѣмъ неурожаи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ охладили жителей, и теперь ленъ совсѣмъ перестали сѣять. Въ 1899 году населеніе занялось посѣвомъ пшеницы; какіе будутъ результаты, покажетъ будущее; но посѣвы 1898 года, сдѣланные нѣкоторыми хозяевами въ видѣ пробы, дали урожай удовлетворительный, ободрившій населеніе. Разсматривая вопросъ, на сколько обезпечивается земледѣліемъ продовольствіе населенія, приходимъ къ заключенію, что станица, за удовлетвореніемъ обыкновенной потребности въ хлѣбѣ, имѣетъ значительный остатокъ на продажу. За послѣдніе пять лѣтъ въ среднемъ ежегодный сборъ проса равняется 20450 четвертямъ; принимая во вниманіе, что населеніе снимаетъ хлѣба не семейными рабочими силами, а наемными за часть убираемаго хлѣба (жнутъ отъ 3-го снопа), въ станицѣ оставалось 13634 чет. Считая продовольственную норму въ 2 четверти на каждую душу, расходъ на ѣдоковъ въ станицѣ, имѣвшей за послѣдніе пять лѣтъ въ среднемъ 1484 души, равнялся 2968 четв.; прибавляя столько-же проса на другія надобности по хозяйству—кормъ скота и птицъ и т. п., на потребности станицѣ нужно считать 5936 ч.; прибавляя къ этой цифрѣ 520 четвертей на обсѣмененіе и вычитая сумму изъ 13634 ч., получимъ, что на продажу остается избытокъ 7178 ч. Принимая среднюю стоимость четверти въ 3 рубля, получимъ, что изъ станицы въ продажу шло ежегодно проса на сумму 21534 рубл.; кромѣ того льна продавалось въ среднемъ ежегодно на сумму 14000 р., такъ что вся сумма, полученная отъ продажи избытковъ хлѣба въ годъ, достигаетъ 35534 р., что составитъ на каждую душу 24 р. въ годъ и на семью 136 р.

Вычисленія эти хотя не точны, но близки къ истинѣ и устанавливаютъ, что земледѣліе обезпечиваетъ населеніе съ большимъ избыткомъ.

Скотоводство, составляя одну изъ наиболѣе важныхъ отраслей сельскаго хозяйства станицы, недостаточно развито и не соотвѣтствуетъ степени той важности, которую оно должно бы имѣть въ станицѣ. Какъ рогатый скотъ, такъ и лошади держатся исключительно какъ рабочіе, между тѣмъ обиліе выпасовъ и сѣнокосныхъ участковъ позволяетъ держать гораздо больше, что доставило-бы населенію большія выгоды. Рогатаго скота къ 1899 году въ станицѣ имѣлось: быковъ 531, коровъ 695, подтелковъ 683, телятъ 447 и мелкаго скота 747. Лошадей: сосунковъ 44, малолѣтнихъ 73, мереновъ 154, кобылъ 102 и жеребцовъ 8. На 100 душъ населенія приходится: крупнаго рогатаго скота—164 шт., лошадей 25 гол.; въ отдѣльности же рабочаго скота 35 гол., коровъ—46 г., рабочихъ лошадей 17 г.; на семью же приходится рабочаго скота 2, коровъ 2,6, рабочихъ лошадей 1. Но исключая 103 домохозяевъ, совершенно не имѣющихъ рабочаго скота, на семью рабочаго скота придется 3,4, коровъ 4,5, лошадей 1,6. Изъ этихъ данныхъ видно, что далеко не всѣ домохозяева могутъ работать собственнымъ плугомъ, почему для обработки земли развилась система сопряжки, заключающаяся въ томъ, что передъ пахотой хозяева, не имѣющіе собственныхъ силъ выѣхать своимъ плугомъ, составляютъ компаніи, «сопрягаются» и формируютъ такимъ образомъ плугъ съ полной запряжкой и рабочими: одинъ даетъ быковъ, другой плугъ, третій лишняго рабочаго. Работаютъ вмѣстѣ и труды дѣлятъ пропорціонально участію каждаго трудомъ и имуществомъ.

Мелкій скотъ (овецъ и козъ) имѣютъ немногіе домохозяева, и вообще овцеводство, не смотря на то, что всѣ условія благопріятствуютъ для него, не прививается въ станицѣ.

Луговодство носитъ характеръ простого сѣнокошенія. Никакихъ улучшеній естественныхъ свойствъ сѣнокосовъ не практикуется совсѣмъ; причиной тому обиліе травъ, позволяющее каждому ежегодно накашивать столько, сколько ему нужно, и даже съ избыткомъ. Ежегодно въ среднемъ выкашивается около 2000 стоговъ, что не только удовлетворяетъ потребностямъ мѣстнаго скотоводства, но даетъ возможность продать излишекъ, стоговъ 300—400.

Садоводствомъ, виноградарствомъ, виподѣліемъ и огородничествомъ станица совсѣмъ не занимается, не смотря на то, что даже вблизи станицы есть прекрасныя мѣста подъ огоро-

ды. Бахчеводствомъ занимаются издавна, но производство это никогда не имѣло и не имѣетъ промышленнаго характера.

Рыболовствомъ занимаются ежегодно 5—6 человѣкъ. Право на занятіе рыболовствомъ по рѣкѣ обыкновенно сдается ежегодно въ аренду рублей за 20—25. Заработокъ отъ рыбнаго промысла въ годъ около 150 рублей. Предметами улова служатъ: лосось, лохъ, сазанъ, сомъ и усачи. Для производства промысла употребляютъ: забойки, сѣтки, сѣжи, ванды.

Изъ побочныхъ сельскохозяйственныхъ занятій въ послѣднее время прогрессируетъ занятіе шелководствомъ. Съ производствомъ шелка жители были знакомы давно, но занимались этимъ промысломъ немногіе. До 1892 года оживлялась большею частью грена мѣстной породы, и, конечно, она не отличалась хорошими качествами. Въ 1892 году нѣкоторые жители выписали изъ Кавказской шелководственной станціи целлюлярную грену улучшенныхъ породъ. Въ 1895 году, чтобы подвинуть шелководство въ станицахъ, областное правленіе выслало безплатно целлюлярную грену разныхъ породъ для станицы безплатно 20 золотниковъ. Въ послѣдующіе годы и до настоящаго времени грена получается отъ шелководовъ, командируемыхъ шелководственной станціей съ цѣлью ознакомленія любителей этого дѣла съ правильнымъ уходомъ за греной и червями. Шелководствомъ занимается исключительно женскій полъ. Въ настоящемъ году оживлено около 100 золотниковъ, изъ которыхъ болѣе 1/2 все таки приходится на мѣстную породу. Занятіе шелководствомъ могло-бы принять и большіе размѣры, но пока едва-ли можно расчитывать на это, такъ какъ въ станицѣ шелковицы мало, а для разведенія шелковичныхъ деревьевъ пока никакихъ мѣръ не принято; между тѣмъ даже въ настоящемъ году мѣстные шелководы имѣли большую нужду при выкармливаніи шелковичныхъ червей. Мѣстный способъ обработки шелка слѣдующій: по появленіи листьевъ шелковицы, грену переносятъ въ теплыя комнаты; если грена не оживляется, ее носятъ подъ мышкой; если и это не помогаетъ, ее выносятъ на солнце; но въ послѣднихъ двухъ случаяхъ грена по большей части погибаетъ. Оживленную грену кормятъ цѣльнымъ листомъ до четвертаго возраста, а въ пятомъ возрастѣ червямъ даютъ молодыя вѣточки. Затѣмъ, по окончаніи завивки, черезъ пять-шесть дней коконы снимаются и замариваются на солнцѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней

(нѣкоторые практикуютъ замариванiе коконовъ въ печахъ при температурѣ 70°). Шелкъ разматываютъ такимъ образомъ: согрѣваютъ въ котлѣ щелочную воду съ мыломъ, бросаютъ туда коконы, мѣшаютъ ихъ палочкой, и когда начинаютъ отдѣляться нити, наматываютъ ихъ на палочку съ 2-мя поперечниками на обѣихъ концахъ: одинъ изъ поперечниковъ неподвижный, а другой можно снимать и надѣвать на конецъ палочки. Наматываютъ мотокъ въ 1/8 фунта или нѣсколько больше, затѣмъ снимаютъ и наматываютъ другой мотокъ и т. д. Когда нити перестанутъ отдѣляться, бросаютъ въ котелъ другiе коконы, предварительно удаливъ первые. Воду все время подогрѣваютъ, и такую операцiю производятъ до окончанiя размотки всѣхъ коконовъ. При такой размоткѣ пропадаетъ много шелку, и шелкъ наматывается неровный и грубый. Размотанный шелкъ крутятъ, варятъ и красятъ въ разные цвѣта. Шелкъ въ продажу не идетъ ни коконами, ни въ размотанномъ видѣ, а удовлетворяетъ мѣстнымъ потребностямъ; принадлежности казачьяго костюма—черкески, бешметы, чевяки, ноговицы принято обшивать шелковыми шнурами, котор. мастерски плетутся мѣстными женщинами. Кромѣ того шелкъ служитъ склонности мѣстной женщины къ нарядамъ: изъ шелка ткутъ изящные платки, шали и т. д.

Что касается кустарныхъ промысловъ, то до появленiя фабричныхъ суконъ, похожихъ на азiатскiя, въ станицѣ было распространено между женщинами изготовленiе мѣстнаго сукна. Сукна славились красотою и доброкачественностью, но за то кусокъ сукна на одну черкеску стоилъ отъ 9 до 20 рублей. Съ появленiемъ-же фабричныхъ суконъ, хотя уступающихъ прочностью мѣстнымъ станичнымъ, но болѣе тонкихъ и дешевыхъ, производство суконъ въ станицѣ пало.

Изъ другихъ подспорныхъ промысловъ въ станицѣ можно упомянуть о выжиганiи угля. Имъ занимаются въ станицѣ человѣкъ 50, при этомъ для однихъ оно составляетъ преимущественное занятiе, для другихъ—занятiе въ свободное время отъ полевыхъ и другихъ хозяйственныхъ работъ. Выручка отъ этого промысла достигаетъ 200—250 руб. въ годъ. Работа происходитъ весной, осенью и зимой. Занятiе это очень вредное въ смыслѣ влiянiя на здоровье.

Въ послѣднее время развивается въ станицѣ производство саманнаго кирпича и кизяковъ. Саманный кирпичъ служитъ

для построекъ жилыхъ помѣщеній и сараевъ, а кизякъ для топлива. Производству саманнаго кирпича, при недостаткѣ лѣса, предстоитъ будущность, тѣмъ болѣе что саманная постройка, поставленная на кирпичномъ фундаментѣ, предпочитается турлучной и плетневой, а при дешевизнѣ жженаго кирпича (5—6 руб. за 1000) она и не дороже. Въ продажѣ 1000 саманныхъ кирпичей стоитъ 7—8 рублей.

З. Сосіевъ.



СТАНИЦА ГЕОРГІЕВСКАЯ.

Историко-экономическій очеркъ.

Географическое положеніе станицы.

Георгіевская станица расположена на 44^0, $6'$ сѣверной широты и 61^0, $10'$ восточной долготы, на высотѣ 945 фут. надъ уровнемъ Чернаго моря. Входя въ составъ Пятигорскаго отдѣла Терской области, она, совмѣстно съ другими тринадцатью станицами: Боргустанской, Кисловодской, Ессентукской, Горячеводской, Зольской, Маріинской, Старопавловской, Новопавловской, Урухской, Незлобной, Лысогорской, Подгорной и Александрійской,—комплектуетъ въ мирное время 1-й, а въ военное 1-й, 2-й и 3-й Волгскіе полки. Отъ главныхъ административныхъ, торговыхъ и желѣзнодорожныхъ пунктовъ области станица отстоитъ: отъ города Владикавказа въ 150 верстахъ, отъ г. Пятигорска въ 52 в., отъ г. Георгіевска и отъ станціи Незлобной Вл. ж. д. въ 4 в.. Георгіевская станица расположена въ 2 верстахъ отъ р Подкумка, притока р. Кумы, на правомъ берегу канала, проведеннаго жителями въ 1875 году. Каналъ этотъ, сливаясь ниже станицы съ ручейкомъ Абазинкой, берущимъ начало отъ трехъ тутъ-же находящихся ключей, течетъ далѣе, въ изобиліи орошая сотнею проведенныхъ отъ него канавъ станичные фруктовые сады и огороды; за станичной межой, дѣлая поворотъ на юго-востокъ, онъ течетъ по естественной глубокой балкѣ и впадаетъ въ р. Золку недалеко отъ впаденія послѣдней въ Куму. Широкая въ двѣ версты долина Подкумка покрыта сплошнымъ, когда-то строевымъ, а нынѣ дровянымъ общественнымъ станичнымъ лѣсомъ. По самой серединѣ станичной земли, параллельно Подкумку, течетъ небольшая рѣчка Этока. Еще въ 50-хъ годахъ Этока,

будучи покрыта въ верхнемъ и среднемъ теченіи зарослями терновника и камыша, а въ нижнемъ—цѣлымъ лѣсомъ яблонь, грушъ и шишекъ, доносила свои воды до вышеупомянутаго канала; въ настоящее же время, вслѣдствіе уничтоженія терновника и лѣса, Этока, не выходя изъ юрта станичной земли, скрывается подъ почвой. Не смотря на незначительность своихъ размѣровъ, она въ прежнее время была замѣчательна во многихъ отношеніяхъ: теченіе ея, покрытое густымъ терновникомъ и камышемъ, было излюбленнымъ мѣстомъ несмѣтныхъ стай фазановъ, дикихъ утокъ, коростелей; съ фруктовыхъ деревьевъ нижняго теченія рѣки цѣлыми возами собирали превосходныя дикія груши, яблоки и шишки. Сама рѣчка была настолько непроходима, вслѣдствіе вязкости дна и береговъ, что даже для самыхъ отчаянныхъ разбойничьихъ шаекъ часто являлась непреодолимымъ препятствіемъ; миновавъ станицу, она дѣлала крутой поворотъ на западъ и, впадая въ вышеупомянутый ручеекъ, служила естественной преградой для враждебныхъ сосѣдей.

Рѣка Золка, узкая, но довольно глубокая, съ высокими крутыми берегами изъ желтой глины, извивается въ восточной части станичнаго юрта параллельно Этокѣ. Долина Золки на протяженіи 3-хъ верстъ покрыта мелкимъ лѣсомъ, принадлежащимъ также георгіевцамъ.

До постройки Владикавказской желѣзной дороги, главная дорога изъ Европейской Россіи на Военно-Грузинскую и далѣе въ Закавказье шла чрезъ гор. Георгіевскъ мимо Георгіевской станицы. По ней безпрестанно двигались войска, обозы, сопровождались транспорты; по ней ходила почта, мчались курьеры; по ней же были разставлены главнымъ образомъ казачьи кордоны: на Подкумкѣ, Этокѣ, Золкѣ и далѣе. Въ настоящее время дорога эта и по внѣшнему виду, и по значенію ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ обыкновенныхъ проселочныхъ дорогъ, и лишь мѣстами сохранившіеся высокіе каменные верстовые столбы слабо напоминаютъ о минувшемъ значеніи дороги. Вдоль южной границы станичнаго юрта пролегаетъ желѣзная дорога; тутъ же и станція Незлобная. Со всѣми сосѣдними населенными пунктами станица соединена удобными во всякое время грунтовыми дорогами.

По мѣстоположенію своему Георгіевская станица безспорно живописна. Берега долины Подкумка здѣсь чрезвычайно

высоки (мѣстами около 10 с. надъ рѣкой). На правомъ берегу раскинулась станица, а на противоположномъ, нѣсколько покатомъ къ сторонѣ станицы,—городъ Георгіевскъ, весь, какъ говорится, на ладони. Долина Подкумка покрыта здѣсь сплошнымъ, отъ берега до берега, лѣсомъ. Высочайшія тополевыя рощи, безпрерывной полосой идущія внизу вдоль станичнаго берега, не препятствуютъ видѣть отсюда какъ городъ, такъ равно и остроконечныя пики ближайшихъ горъ: Бештау, Машука, Лысой, Желѣзной и Змѣиной. На югѣ картина открывается величественнѣе, особенно въ ясную погоду, когда видна не только вся зубчатая цѣпь Кавказскихъ горъ съ предгоріями, но ясно обрисовываются даже всѣ мельчайшіе углубленія и бугры на Эльбрусѣ и др. великанахъ.

Мѣстность къ востоку отъ станицы, по устройству поверхности, волниста: всюду широкія балки и испещренныя курганами высоты. Замѣчательны въ историческомъ отношеніи двѣ балки: «Воровская» и «Чуксѣевская». Въ первой взятъ и уведенъ въ 1837 году въ плѣнъ партіей хищниковъ казакъ ст. Георгіевской Василій Токаревъ съ 4 сыновьями; кромѣ того по ней горцы обыкновенно угоняли ограбленный скотъ. Во 2-й же, Чуксѣевской балкѣ въ годъ отечественной войны казакъ Георгіевской станицы Чуксѣевъ, пасшій скотъ свой, сразился съ напавшей на него шайкой разбойниковъ и, убивъ на мѣстѣ трехъ хищниковъ, палъ и самъ. Скотъ угнанъ грабителями, а храброму казаку, такъ дорого отдавшему жизнь и трудами нажитое добро, признательные станичники поставили деревянный крестъ на мѣстѣ неравнаго боя.

Въ гигіеническомъ отношеніи станица не можетъ похвастаться мѣстоположеніемъ. Довольно большимъ процентомъ лихорадочныхъ заболѣваній, особенно весной, во время испареній, населеніе станицы обязано обширнымъ болотистымъ мѣстамъ подъ станицей.

II.

Историческія свѣдѣнія.

Георгіевская станица основана въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой, въ 1776 г., при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Послѣ Первой Турецкой войны, когда Россія по Кайнарджинскому миру пріобрѣла Азовское море съ проливомъ и нѣс-

колькими опорными пунктами на послѣднемъ, явилась существенная необходимость въ занятіи открытаго отъ Моздока до Азова пограничнаго пространства военными поселеніями. И вотъ благодаря энергическимъ дѣйствіямъ по заселенію всего юга Россіи генералъ-губернатора Новороссійскаго края князя Потемкина Таврическаго, бывшаго въ тоже время первымъ совѣтникомъ Императрицы,—русскія владѣнія въ низовьяхъ р. Терека (Гребенскіе и Терскіе казаки) начинаютъ подвигаться на западъ. Въ 1770 году переселена часть Волжскаго (на р. Волгѣ) войска, въ числѣ 517 семействъ, на Терекъ, гдѣ, разселившись укрѣпленными станицами приблизительно отъ устья р. Сунжи до Моздока, она образовала Моздокскій казачій полкъ. А черезъ 6 лѣтъ послѣ этого, по докладу князя Потемкина, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, въ силу котораго и вся остальная часть Волжскаго войска, въ составѣ 700 казачьихъ и офицерскихъ семействъ, была переселена сюда «для обезпеченія границъ по Тереку и для связи ихъ отъ Моздока до Азова». Захвативъ всѣ свои войсковыя заслуги и регаліи, сохранивъ также за собой всѣ привилегіи, дарованныя имъ Императрицей Анной Іоанновной, переселенцы разселились пятью укрѣпленными станицами на р.р. Малкѣ, Подкумкѣ и Кумѣ. Полкъ, комплектовавшійся казаками этихъ станицъ, былъ названъ Волгскимъ, въ память прекратившаго свое существованіе Волжскаго войска. Во главѣ полка, вмѣсто прежняго атамана, былъ поставленъ полковой командиръ, соединявшій въ своихъ рукахъ власть и по административному управленію всѣми станицами полка. Ближайшее-же непосредственное управленіе каждой станицей ввѣрялось командующему станицей, впослѣдствіи именовавшемуся начальникомъ станицы, а съ 1870 года атаманомъ.

Само собой разумѣется, что пяти станицъ было далеко недостаточно для обезпеченія занятой столь несообразно длинной линіи; между тѣмъ кабардинцы, не безъ основанія считая волжцевъ захватчиками лучшихъ земель ихъ, производили на станицы постоянные опустошительные набѣги. Одною изъ наиболѣе потерпѣвшихъ отъ такихъ набѣговъ была Георгіевская станица, передъ которой, на мѣстѣ нынѣшней желѣзнодорожной станціи Незлобной, стоялъ многолюдный и безпокойный аулъ Бабуковскій.

Предводительствуемые капитаномъ Леонтіемъ Чуксѣевымъ, первые основатели станицы, числомъ 276 семействъ (въ томъ числѣ 6 офицерскихъ), поселились на лѣвомъ берегу р. Подкумка, въ 2-хъ верстахъ отъ впаденія послѣдняго въ Куму. Помимо общаго назначенія—защищать пограничную линію отъ вторженія горцевъ, георгіевцы содержали караулъ на соленыхъ озерахъ—Большой и Малой Калмычкѣ и Карагузѣ, дарованныхъ волжцамъ Екатериной Великой. Впослѣдствіи, когда на возвышенности нѣсколько южнѣе станицы возникла крѣпость Георгіевскъ, бывшая съ 1790 по 1818 г. главнымъ городомъ Кавказской губерніи, казаки Георгіевской станицы отбывали кромѣ того различные наряды по городу. Такъ, они содержали караулы у Георгіевской тюрьмы и гауптвахты, наряжались въ качествѣ ординарцевъ и посыльныхъ къ начальствующимъ лицамъ и губернскимъ учрежденіямъ города. Трудныя служебныя и жизненныя условія волжскихъ станицъ, разрозненныхъ далеко одна отъ другой, были въ началѣ нынѣшняго столѣтія немного облегчены рядомъ принятыхъ начальствомъ мѣръ. На промежуточныхъ мѣстахъ образованы новыя станицы: Боргустанская, Кисловодская, Ессентукская, Горячеводская и др.; затѣмъ увеличившіяся числомъ, но сильно ослабѣвшія составомъ населенія, станицы усиливались посредствомъ приписывавшихся къ нимъ время отъ времени крестьянскихъ семействъ изъ южно-русскихъ губерній. Далѣе въ 1832 году крестьянскія селенія, основавшіяся незадолго до этого на рѣкахъ Золкѣ (на мѣстѣ нынѣшней Урухской) и Кумѣ: Незлобное, Нижнеподгорное, Верхнеподгорное и Александровское – переименованы въ станицы. Большая часть Георгіевской станицы въ 1824—25 годахъ переселена на горячіе источники Пятигорья, гдѣ и образовала Горячеводскую станицу. Туда же перенесена была и станичная деревянная церковь, которая и понынѣ красуется на Горячеводской площади. Всѣ офицерскія семейства, за исключеніемъ сотника Страхова, также перешли на новое мѣсто, привлекаемые по всей вѣроятности богатыми минеральными источниками тамошними. Меньшая же часть станицы, въ составѣ всего 38 казачьихъ и 1-й офицерской семьи, пока оставалась на старомъ мѣстѣ для содержанія карауловъ, а въ 1829 году перешла на правый берегъ р Подкумка, версты на 3 выше по теченію, и образовала весьма маленькую станицу, оффиціально называвшуюся въ первое время

Новогеоргіевской, а затѣмъ Георгіевской; но какъ сами георгіевцы, такъ и всѣ окрестные жители селъ, станицъ и городовъ называютъ ее Чурековской, такъ что Георгіевская станица оффиціально имѣетъ одно названіе, а въ народѣ—другое. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ расположена станица, былъ раньше хуторъ богатаго Георгіевскаго купца Афанасія Чурекова, занимавшагося здѣсь въ обширныхъ размѣрахъ хлѣбопашествомъ и пчеловодствомъ. Хотя для сбереженія своего имущества отъ часто повторявшихся на хуторъ разбойничьихъ нападеній имѣлись у Чурекова десятки хорошо вооруженныхъ работниковъ, тѣмъ не менѣе постоянныя опасенія въ уединенномъ хуторѣ не дѣлали завидной жизнь Чурекова; поэтому въ 1824 году, продавъ свой хуторъ, онъ переселился вмѣстѣ съ своими станичниками въ Горячеводскую станицу. Отсюда новогеоргіевцы и назвали станицу Чурековской.

Сосѣдями новогеоргіевцевъ были: на юго-западѣ—Бабуковскій аулъ, на сѣверо-западѣ—г. Георгіевскъ, на сѣверѣ—Абазинскій поселокъ. Этотъ поселокъ основался въ 40-хъ годахъ изъ абадзехскихъ холоповъ, бѣжавшихъ отъ своихъ владѣтельныхъ князей. Принятые русскими на предложенныхъ бѣглецами условіяхъ—креститься и служить на одинаковыхъ съ казаками началахъ, абадзехи, живя на вышеуказанномъ мѣстѣ отдѣльнымъ отъ станицы поселкомъ, именовавшимся Абазинскимъ, числились въ посемейныхъ и др. спискахъ Георгіевской станицы, крестились въ православную вѣру и, именуясь казаками, несли на собственныхъ лошадяхъ государеву службу и прочія повинности. Впослѣдствіи между ними были и свои офицеры: сотникъ Цуцу (въ крещеніи Василій) Чемезуковъ и Карпъ Кономготовъ. Изъ старинныхъ документовъ видно, что абадзехи никогда не переставали быть волками, глядящими въ лѣсъ, сколько ихъ ни корми; въ 60-хъ годахъ они начинаютъ мало по малу возвращаться въ свою магометову вѣру, часто даютъ пріютъ у себя всевозможнымъ злоумышленникамъ, а въ 1868 г. подаютъ прошеніе на Высочайшее имя о дозволеніи имъпереселиться въ Кабарду. Разрѣшеніе послѣдовало въ концѣ того-же года, и абадзехи съ радостью переселились частью въ Бабуковскій, частью-же въ Ашабовскій, Тамбіевскій и Касаевскій аулы.

При столь ничтожномъ количествѣ населенія, какъ 49 семействъ, считая въ томъ числѣ и абадзеховъ, тяжело было

отбываніе внутреннихъ нарядовъ въ станицѣ. Но вотъ въ 1836 году по распоряженію начальства было приписано къ станицѣ 35 крестьянскихъ семействъ, потомковъ стародавнихъ запорожскихъ казаковъ изъ Полтавской и Черниговской губерній; въ 1840 году приписано еще 9 крестьянскихъ семействъ изъ Воронежской губерніи, а въ 1848 году еще 22 семейства изъ Полтавской губерніи. Въ 1867 году Алкунская станица Владикавказскаго полка разселялась по станицамъ 1-й Волгской бригады, причемъ къ Георгіевской станицѣ, какъ наименьшей по количеству жителей, но наибольшей по земельному надѣлу, приписано 30 семействъ алкунцевъ. Въ 1875 году приписано къ станицѣ 3 семьи крестьянъ Екатеринославской губерніи. Кромѣ того разновременно по прошеніямъ причислены къ станицѣ 11 крестьянскихъ и казачьихъ семействъ и выписаны въ другія станицы 7 семействъ. Въ настоящее время георгіевцы имѣютъ родственниковъ во многихъ станицахъ Терскаго и даже Кубанскаго войска. Къ 1 января 1899 г. въ станицѣ числилось 1757 душъ обоего пола (320 семействъ). Кромѣ казаковъ, въ станицѣ временно проживаетъ 500 душъ иногороднихъ—мѣщанъ и крестьянъ; они живутъ частью на квартирахъ, частью же въ собственныхъ домахъ и занимаются тѣмъ же, чѣмъ и казаки, арендуя у нихъ землю, луга и огороды.

Волгскій полкъ, въ составъ котораго входила Георгіевская станица, игралъ видную роль въ боевой жизни Терскаго войска. Казаки Георгіевской станицы, издавна составляя неотъемлемую частицу Волгскаго полка, принимали живое участіе всюду, гдѣ только раздавалось волгское «ура». Въ 1802 году была послана въ Кабарду команда казаковъ Георгіевской станицы, во главѣ съ сотникомъ этой же станицы Софьевымъ. Партія кабардинцевъ, подъ предводительствомъ князя Атажукина, будучи настигнута, кинулась въ рукопашную; но вскорѣ была разсѣяна, оставивъ на мѣстѣ схватки и по пути бѣгства нѣсколько панцырниковъ. Въ 1804 году георгіевцы, въ составѣ отряда генерала Мейера, участвовали въ 6-ти часовомъ бою близъ Патрикѣевскаго (на Малкѣ) поста со скопищами кабардинцевъ, количество которыхъ плѣнные опредѣляли отъ 6 до 7 тысячъ всадниковъ съ муллами и узденями. Въ 1823 году, въ составѣ отряда генерала Вельяминова, казаки Георгіевской станицы участвовали въ знаменитомъ Закубанскомъ походѣ противъ полчищъ князя Мансурова, превратившихъ въ

развалины Круглолѣсскую станицу. Въ то время, когда волжцы и линейцы съ славной побѣдой и богатой добычей возвращались уже домой, они наткнулись на новыя силы горцевъ, которые, пользуясь выгоднымъ направленіемъ сильнаго вѣтра, подожгли степь. Огненная стѣна быстро приближалась къ казакамъ; сначала въ обозахъ поднялась суматоха, но затѣмъ смѣтливые казаки догадались поджечь степь позади себя, затѣмъ на выгорѣвшемъ мѣстѣ поставили обозы и артиллерію, и въ повторившейся схваткѣ, среди удушливаго смрада и дыма, горцы были разбиты. Въ составѣ Волгскаго полка, казаки Георгіевской станицы въ 1826 году участвуютъ въ войнѣ противъ Персіи, а въ 1829 году—въ войнѣ противъ Турціи. Въ 1838 году георгіевцы ходили въ Дагестанъ въ составѣ 2-го своднаго полка Линейнаго войска, гдѣ убитъ командовавшій этимъ полкомъ полковникъ Ушаковъ. Въ концѣ 1852 и въ началѣ 1853 года георгіевцы дѣйствуютъ въ Чечнѣ; замѣчательно дѣло при селеніи Маюртупъ, гдѣ убитъ есаулъ Николай Чуксѣевъ, вышедшій въ 1825 г. изъ Георгіевской станицы еще малолѣткомъ въ ст. Горячеводскую.

Въ 1858 году георгіевскіе казаки, въ составѣ дивизіона Волгскаго полка подъ командой маіора Красовскаго и подъ общимъ начальствомъ отряднаго начальника генерала Войтицкаго, дѣйствуютъ противъ закубанскихъ черкесовъ на лѣвыхъ притокахъ р. Кубани, гдѣ 5-я сотня есаула Муртыгина состояла исключительно изъ георгіевцевъ и незлобинцевъ. Въ 1877—78 годахъ, въ составѣ 1-го и 2-го Волгскихъ полковъ, подъ начальствомъ командировъ этихъ полковъ полковниковъ Крузенштерна, Воробьева, Джамбакуріанъ-Орбеліани и флигель-адъютанта князя Голицына, георгіевскіе казаки участвовали въ послѣдней Турецкой войнѣ, въ которой лишились шестерыхъ станичниковъ. Въ 1879 году георгіевцы, въ составѣ дивизіона 1-го Волгскаго полка подъ командой войскового старшины А. Ржевускаго, принимали участіе въ трудной Ахалъ-Текинской экспедиціи.

До окончательнаго замиренія Кавказа вся жизнь георгіевцевъ и помимо перечисленныхъ дѣлъ была, въ самомъ точномъ смыслѣ слова, боевою, бранною. Глубокая канава вокругъ станицы съ огорожей изъ двухъ толстыхъ и высокихъ плетней, съ земляною насыпью между ними, съ искусственными поверхъ насыпи препятствіями и съ часовымъ у ста-

ничныхъ воротъ, какъ нельзя живѣе подтверждаютъ это. Въ старыхъ архивныхъ документахъ станичнаго правленія то и дѣло попадаются письменные памятники объ оборонахъ станицы, о погоняхъ за хищниками, угоняющими скотъ, о жестокихъ схваткахъ на станичномъ валу съ внезапно нападавшими партіями кабардинцевъ, о засадахъ и секретахъ. Первые жители Георгіевской станицы, потомки славнаго стародавняго войска Волжскаго, унаслѣдовали воинскій духъ и непоколебимую волю своихъ предковъ. Позднѣе, когда большая половина станицы переселилась къ подножію Машука, перешли туда и храбрые учители и руководители казаковъ: есаулъ Чуксѣевъ, сотникъ Колосковъ, есаулъ Ситниковъ, есаулъ Уськовъ и др. Въ станицѣ осталось всего 38 казачьихъ семействъ. Казалось бы, что такое ничтожное количество коренного населенія неминуемо стушуется въ подавляющей массѣ чуждаго элемента, подчинится вліянію большинства. На самомъ же дѣлѣ вышло наоборотъ: меньшинство успѣшно и прочно привило пришельцамъ не только всѣ боевыя качества свои, но даже и многіе нравы и обычаи.

Семейный и общественный бытъ.

Во второй половинѣ истекшаго столѣтія жизнь георгіевца въ семейномъ и общественномъ быту подвергается значительному измѣненію, благодаря проникновенію сюда европейской цивилизаціи. Живя близъ главнаго административнаго пункта Сѣвернаго Кавказа, близъ г. Георгіевска, бывшаго, въ эпоху полувѣковой борьбы русскихъ съ дикой природой Кавказа и дикими обитателями его, главнымъ городомъ Кавказской губерніи,—георгіевскіе казаки естественно легче другихъ собратьевъ своихъ сталкивались со всѣмъ тѣмъ, что болѣе или менѣе способствовало ознакомленію съ европейскою жизнію. Главная тогдашняя дорога изъ Европейской Россіи на Кавказъ пролегала чрезъ гор. Георгіевскъ и далѣе на Военно-Грузинскую дорогу. Поэтому здѣсь перебывали, помимо войскъ, всякаго рода путешественники, писатели, поэты, русскіе и иностранные, привлекаемые страной, обильной естественными богатствами, разнообразіемъ племенного состава коренныхъ обитателей и живописными картинами природы. Раньше казачья жизнь была нетребовательна, проста, патріархальна: жили многочисленными семействами нераздѣльно, повиновались

старшему въ домѣ, по указанію котораго выполняли всѣ домашнія и полевыя работы честно и безхитростно. Старшій рѣшалъ всякаго рода семейные вопросы, призывая иногда къ участію старшихъ женатыхъ сыновей. Онъ же разбиралъ и возникавшіяся между членами семейства ссоры и недоразумѣнія. Во второй же половинѣ нынѣшняго вѣка обнаруживается стремленіе къ личной самостоятельности, чтобы работать и жить по своему хотѣнію, а не по чужой командѣ, самому быть хозяиномъ. Взрослые сыновья начинаютъ задумываться о томъ, какъ бы выгоднѣе отдѣлиться отъ родителей и свить собственное гнѣздо, въ чемъ неусыпно подзадориваютъ ихъ молодыя жены. Увѣщанія отца и матери обыкновенно бываютъ тщетны: сынъ отдѣляется, захвативъ соотвѣтствующую часть скота и пр. предметовъ домашняго обихода.

Хотя главою семьи считается мужчина, тѣмъ не менѣе и женщина – хозяйка не только пользуется совершеннѣйшимъ равноправіемъ съ мужемъ, но часто имѣетъ даже рѣшающее значеніе при обсужденіи нѣкоторыхъ хозяйственныхъ вопросовъ. Всѣ близкія и дальнія окрестности станицы давно знаютъ про чурековскіе огороды, снабжающіе всевозможными овощами не только георгіевскій, пятигорскій, прасковейскій, воронцовскій, александровскій и др. базары, но и болѣе отдаленные по желѣзной дорогѣ; эти огороды всецѣло находятся въ вѣдѣніи женщинъ. Онѣ обрабатываютъ ихъ, унаваживаютъ, разрыхляютъ, полятъ, поливаютъ, собираютъ овощи и развозятъ ихъ всюду для сбыта. При этомъ какъ выручаемыя отъ продажи овощей, такъ равно и заработанныя и вообще всѣ имѣющіяся въ домѣ деньги хранятся у женщины-хозяйки. Вообще значеніе георгіевской женщины въ жизни семейной велико. Сравнительному матеріальному благосостоянію станицы женщина способствуетъ едва ли не больше мужчины. Проводя цѣлое лѣто съ ранней весны до поздней осени въ огородѣ, въ работѣ за двухъ, она въ то же время успѣваетъ и въ полѣ, гдѣ помогаетъ мужу, и въ домѣ, гдѣ, вставши съ третьими пѣтухами, готовитъ обѣдъ, заводитъ въ домѣ порядокъ, чиститъ, моетъ, мажетъ, бѣлитъ, доитъ коровъ, кормитъ дѣтей, домашнюю птицу, носитъ воду. Несмотря на то, что населеніе станицы сколотилось изъ людей различныхъ мѣстностей, различныхъ понятій, несмотря также и на сосѣдство торговаго и желѣзнодорожнаго пунктовъ, оно въ нравствен-

номъ отношеніи сохранило патріархальную чистоту. Пьянства, драки здѣсь сравнительно съ сосѣдями весьма рѣдки; немало казаковъ вовсе не употребляютъ спиртныхъ напитковъ. Брачные разрывы, незаконныя связи также очень рѣдки. Въ свободное отъ работъ время молодые парни и дѣвушки собираются партіями—лѣтомъ въ лѣсъ, а зимой на улицу, гдѣ устраиваютъ различныя игры или танцы. Обыкновенно дѣвушки держатся отдѣльными компаніями отъ парней. Единственный музыкальный инструментъ здѣсь—гармоника. Танцуютъ казачка, трепака и цыганскаго; лезгинка неизвѣстна. По праздничнымъ вечерамъ собирается молодежь на посидѣлки и вечеринки.

Раньше, когда нѣмцевъ, французовъ и др. иностранцевъ называли бусурманами, когда и жизнь, и люди были проще, естественнѣе, откровеннѣе, взаимныя отношенія ихъ были добрѣе и безхитростнѣе. Старшій годами или службой пользовался особеннымъ уваженіемъ и почетомъ; онъ имѣлъ право нравственнаго воздѣйствія на младшаго даже посторонняго, коль скоро замѣчалъ въ поступкахъ или характерѣ его что либо несообразное съ понятіями того времени. И младшій терпѣливо и покорно выслушивалъ наставленіе. Другъ другу помогали, чѣмъ могли, другъ за друга стояли горой. Было глубокое взаимное довѣріе. Но съ теченіемъ времени казаки мало по малу усвоили новые вкусы, новые взгляды и привычки. Явилось несообразное со средствами увеличеніе жизненныхъ потребностей, вслѣдствіе чего и родилось стремленіе къ наживѣ, зависть, кляузы, ссоры. Особеннымъ уваженіемъ и почетомъ пользуется ужъ не опытная житейскою мудростью сѣдина, а богатый, смѣлый, крикливый на общественныхъ сходахъ.

Что же касается религіозныхъ понятій, то въ этомъ отношеніи населеніе станицы, хотя и малолюдное, поражаетъ чрезвычайной пестротой. Здѣсь есть и старообрядцы, и баптисты, и хлысты (шалопуты). Впрочемъ подавляющую массу составляютъ православные. Хлысты исповѣдуютъ свое ученіе тайно; но тѣмъ не менѣе они наперечетъ извѣстны всѣмъ жителямъ; перешедшій въ эту секту сразу перестаетъ употреблять мясную пищу, усердно посѣщаетъ «бесѣды»; женщины-хлыстунки носятъ на головѣ бѣлый платокъ. Секта эта перенесена сюда изъ станицы Зольской казакомъ Жерлюковымъ въ 60-хъ годахъ и растетъ съ каждымъ годомъ. Жите-

ли православнаго исповѣданія религіозны, церковныя службы посѣщаютъ охотно, посты соблюдаютъ строго, къ работѣ приступаютъ не иначе, какъ послѣ предварительной краткой молитвы. Церкви, кресты, иконы свято почитаются. По приходѣ сюда, первое время у георгіевцевъ не было церкви, не было и пастыря; но старообрядцы съ первыхъ же дней воздвигнули на станичной площади часовню для себя. Въ 1864 году распоряженіемъ наказнаго атамана г.-м. Попандопулло часовня эта была запечатана и всякаго рода сборища старообрядцевъ воспрещены.

Еще не такъ давно существовали въ станицѣ всѣ формы древнихъ русскихъ обычаевъ: гаданій, колядокъ, ряженья и проч.; теперь же существуютъ лишь скачки въ дни масляницы молодыхъ казаковъ и дѣтей. Скачки эти происходятъ обыкновенно на выгонѣ или станичной площади и сопровождаются иногда стрѣльбой и джигитовкой. Обычай этотъ заимствованъ отъ сосѣднихъ кабардинцевъ въ концѣ прошлаго вѣка. Зимой дѣвушки собираются съ работой на посидѣлки къ одной изъ подругъ, по уговору, и проводятъ вечеръ въ пѣніи, сказываніи загадокъ и проч. Казаки женятся на 18—19 году. Браки устраиваются при помощи сватовъ.. Придя въ домъ невѣсты, сваты ставятъ на столъ графинъ съ водкой и цѣлый хлѣбъ и излагаютъ цѣль своего прихода. При благопріятномъ исходѣ дѣла, приступаютъ къ выпивкѣ, послѣ чего дѣвушка считается «пропитой». Въ противномъ же случаѣ водку и хлѣбъ уносятъ обратно. Подъ праздничные вечера до дня свадьбы въ домѣ невѣсты устраиваются «вечеринки», на которыя приглашаются подруги невѣсты и товарищи жениха. На вечеринкахъ совершаются «обыгрыванія», заключающіяся въ слѣдующемъ: желающій «обыгрываться» приглашаетъ одну изъ дѣвушекъ, съ которой садится рядкомъ; всѣ остальныя дѣвушки поютъ свадебныя пѣсни; «обыгрывающійся» пьетъ вино съ своей избранницей, цѣлуется съ ней, а затѣмъ и со всѣми прочими дѣвушками, которыя одна за другой подходятъ къ нему. За это удовольствіе обыгрывающійся долженъ кинуть въ подставленную тарелку нѣсколько копѣекъ; собранныя такимъ образомъ деньги идутъ на покупку вина.

Экономическій бытъ.

Станичная общественная земля представляетъ обширную волнообразную равнину, мѣстами никогда до поселенія стани-

цы непаханную, такъ какъ исконные обитатели ея земледѣліемъ мало занимались. Равнина эта, покрытая толстымъ слоемъ чернозема и орошаемая Абазинкой, Этокой, Золкой, повсемѣстно поднимала отличнѣйшій урожай пшеницы, ржи, ячменя, льна, проса и пр. Траву, хотя и неособенно доброкачественную (разнотравіе), поднимала необыкновенно густую и высокую. Лѣсу здѣсь было также много. Съ теченіемъ времени урожай на пшеницу и овесъ постепенно падалъ, и въ настоящее время они вовсе не сѣются. Остальные хлѣба, хотя и собирались въ количествѣ, превышавшемъ собственныя потребности жителей, но трудно сбывались, за отсутствіемъ удобныхъ путей сообщеній. По этой же причинѣ и разработка лѣса не могла получить промышленнаго характера и весь онъ шелъ на удовлетвореніе хозяйственныхъ потребностей. Другая отрасль сельскаго хозяйства—пчеловодство была перенята казаками отъ сосѣднихъ бабуковцевъ. Главныя отрасли сельскаго хозяйства, на которыхъ остановились казаки, были - земледѣліе и скотоводство, заняться которыми правильно и спокойно не давали сосѣднія горскія племена; держа казаковъ въ постоянной тревогѣ и опасеніи за свое добро, они сильно препятствовали развитію земледѣлія и особенно скотоводства. Самый лучшій цвѣтъ населенія станицы постоянно отсутствовалъ для борьбы съ дерзкимъ врагомъ, а для полевыхъ работъ оставались лишь малолѣтки, женщины, да ветхіе старцы. Продолжительность царской службы тѣхъ тревожныхъ временъ была такова, что молодой казакъ, вооружившись въ отрочествѣ, сходилъ съ коня своего лишь по приходѣ въ негодность, если раньше не задѣлъ его вражій булатъ или пуля.

Но съ замиреніемъ Кавказа всѣ эти причины быстро одна за другой исчезли; горцы успокоились. Срокъ дѣйствительной службы сокращенъ, подъ бокомъ проведена желѣзная дорога, и теперь не только хлѣбъ и огородныя овощи, но даже сѣно легко, скоро и выгодно сбывать на сторону. У казаковъ появились вѣялки, косилки, молотилки и т.п. усовершенствованныя орудія производства; у многихъ пчеловодовъ азіатскія плетеныя сапетки начинаютъ уступать мѣсто усовершенствованнымъ ульямъ. Но рядомъ со всѣмъ этимъ казаки познали массу новыхъ жизненныхъ потребностей.

Георгіевская станица въ настоящее время имѣетъ въ своемъ распоряженіи земельный надѣлъ въ размѣрѣ: пахотносѣно-

косной—9739 дес. 120 кв. саж., подъ лѣсомъ—1111 дес. 580 саж., подъ кустарниками—136 д. 400 к. с., подъ огородами — 40 д. 400 с., подъ станицей—65 дес., итого удобной земли — 11091 д. 1500 к. с. Подъ дорогами—23 дес. 290 с., подъ уступами — 51 д. 1600 к. с., подъ болотами—1 дес. 1600 саж., подъ рѣками 53 д. 1210 к. саж., подъ кладбищами—1 д. 1150 кв. с., итого неудобной земли—131 д. 50 к. саж. Согласно положенію о поземельномъ устройствѣ въ казачьихъ войскахъ, Высочайше утвержденному 21 апрѣля 1869 года, права членовъ станичнаго общества на всѣ земельныя угодья опредѣляются такъ: «Ст. 11. Мужского пола жители станицы, принадлежащіе къ войсковому сословію, по достиженіи 17-ти лѣтняго возроста, имѣютъ право каждый на одинъ пай во всѣхъ общихъ станичныхъ угодьяхъ и довольствіяхъ. Ст. 13. Вдовы генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, чиновниковъ, урядниковъ и казаковъ, доколѣ всѣ сыновья не достигнутъ 17 лѣтняго возраста, а дочери пока не выйдутъ замужъ, имѣютъ право на весь пай своихъ мужей; бездѣтныя же и такія, у которыхъ всѣ сыновья достигли 17 лѣтняго возраста, а дочери вышли замужъ, пользуются половиною пая мужей. Ст. 15. Круглые обоего пола сироты генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, чиновниковъ, урядниковъ и казаковъ, а также сироты, мать которыхъ вышла замужъ, если ихъ болѣе одного, имѣютъ право всѣ вмѣстѣ на одинъ отцовскій пай. Права на участіе въ этомъ паѣ лишаются: сыновья по достиженіи 17 лѣтняго возраста и дочери по вступленіи въ бракъ. Когда же остаются въ кругломъ сиротствѣ или при матери, вышедшей вновь замужъ, всего одинъ малолѣтній сынъ или одна незамужняя дочь, то они пользуются половиною отцовскаго пая — сынъ до 17 лѣтняго возраста, а дочь до замужества. Ст. 17. Жители станицы могутъ не только лично пользоваться предоставленными имъ паями, но и передавать оные другимъ лицамъ и не принадлежащимъ къ войсковому сословію. Подобная передача допускается только на то время, на которое предоставленъ пай въ пользованіе».

Весь земельный надѣлъ, равно какъ и лѣсной, есть общее достояніе всѣхъ жителей станицы, и самый порядокъ пользованія землей и лѣсомъ опредѣляется и устанавливается всѣмъ общественнымъ сборомъ. Никто не можетъ занимать ни малѣйшаго участка земельнаго или лѣсного безъ согласія об-

щества. На отводимыхъ жителямъ огородныхъ участкахъ владѣльцы ихъ пользуются рощами, засѣваемымъ и произростаемымъ. Самая же земля подъ ними считается общимъ достояніемъ станицы, равно какъ и земля, отводимая казакамъ подъ усадьбы.

Прежде, когда станица была малолюднѣе, а земли было много, каждый членъ общества имѣлъ право пользоваться земельными и лѣсными угодьями станичными безъ стѣсненія со стороны общества, сколько было желательно; пахали и косили, гдѣ и сколько кто хотѣлъ. Слѣдствіемъ такого произвольнаго порядка было то, что зажиточный казакъ пользовался станичными угодьями за десятерыхъ, а бѣдный, не имѣвшій возможности обрабатывать землю, поступалъ въ работники. О пользованіи же землей или лѣсомъ чрезъ продажу нечего было и думать, такъ какъ у каждаго не только въ станицѣ, но въ краѣ всего этого было болѣе чѣмъ достаточно. Само собой разумѣется, что при такомъ небрежномъ отношеніи, общественный строевой лѣсъ, покрывавшій всю долину р. Подкумка, гораздо скорѣй, нежели полагали станичники, превратился въ мелкій дровяной, оставивъ на память о себѣ лишь толстые, отъ времени тлѣющіе пни, а по р Этокѣ лѣсъ совершенно исчезъ. Только съ 40 хъ годовъ, когда населеніе станицы значительно увеличилось, когда, вслѣдствіе захвата зажиточными казаками лучшихъ участковъ общественныхъ угодій, стали возбуждаться взаимныя между жителями ссоры,— появляется цѣлый рядъ ограниченій въ пользованіи этими угодьями.

Площадь сѣнокосной земли опредѣляется общественнымъ сборомъ, состоящимъ изъ выборныхъ представителей, по одному отъ каждаго квартала, и съ 20 апрѣля охраняется высылаемыми изъ станичнаго правленія разъѣздами. Разъѣзды эти, время отъ времени объѣзжая указанную площадь, наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы никто не косилъ тамъ фуража и не пасъ скота. Затѣмъ, когда трава поспѣла, общественный сборъ оповѣщаетъ жителей о днѣ предстоящаго дѣлежа сѣнокосной земли. Всѣ домохозяева въ назначенный день сходятся къ станичному правленію, гдѣ они разбиваются на сотни. При этомъ одинъ изъ наиболѣе распорядительныхъ и грамотныхъ въ каждой сотнѣ назначается за старшаго, на котораго возлагается дѣлежъ отрѣзаннаго на долю сотни участка между

всѣми казаками его сотни. Для большей правильности и удобства, участокъ предварительно разбивается на десять частей, соотвѣтственно чему и сотня дѣлится на десятки. Отдѣльные паи раздѣляются по жребію.

Точно такимъ же образомъ дѣлится и пахотная земля, причемъ неимѣющіе возможности обрабатывать полученные паи по бѣдности, болѣзни, отсутствію или др. причинамъ, продаютъ ихъ, выручая въ общемъ за земельный и сѣнокосный паи отъ 15 до 20 р. въ годъ.

Станичный лѣсъ также находится въ вѣдѣніи общественнаго сбора, безъ котораго никто не имѣетъ права его рубить. Лѣсъ охраняется круглый годъ особыми сторожами. Для предохраненія общественнаго лѣса отъ окончательнаго истребленія, онъ ежегодно дѣлится и вырубается въ количествѣ лишь 1/7 части, по очереди. Остальныя 6/7 частей отдыхаютъ. Рубка очередного участка производится ежегодно въ ноябрѣ, причемъ участокъ предварительно разсѣкается узкими продольными просѣками.

Изъ всѣхъ видовъ сельскохозяйственной промышленности первое мѣсто занимаетъ земледѣліе. Земля безъ удобренія и искусственнаго орошенія успѣшно выноситъ обработку подрядъ два-три года. Первый годъ сѣется просо и бакши, второй годъ—ленъ и третій годъ на перепаханномъ мѣстѣ сѣется ячмень. Слѣдующіе затѣмъ три года земля отдыхаетъ отъ вспашки и обыкновенно отдается въ аренду подъ выпасъ овецъ; а затѣмъ она поступаетъ подъ сѣнокосъ года на 2—3 и уже послѣ этого вновь дѣлится подъ пахоту. Больше всего сѣется просо, потому что оно родится лучше всѣхъ остальныхъ хлѣбныхъ растеній; примѣровъ дурного всхода проса почти не бываетъ здѣсь. Ленъ, какъ наиболѣе цѣнное и наиболѣе удобосбытное зерно, ежегодно сѣется въ большомъ количествѣ, хотя и рѣдко удается. Ячмень родится хорошо: десятина, на которую идетъ 10 мѣръ сѣмени, приноситъ 110—120 мѣръ. Рожь обыкновенно даетъ самъ 7, самъ 8. Овесъ здѣсь никѣмъ не сѣется, потому что плохо родится. Замѣчательно, что пшеница, прежде такъ богато всходившая, въ послѣднее десятилѣтіе вовсе перестала родиться, такъ что всѣ жители станицы ѣдятъ покупной хлѣбъ и ужъ давно (лѣтъ 7—8) никто здѣсь не сѣетъ пшеницы.

За земледѣліемъ слѣдуетъ скотоводство. Между всѣми видами этого промысла наиболѣе распространено въ станицѣ коневодство. Минувшая конская перепись показала, что Георгіевская станица, сравнительно съ количествомъ населенія (320 казачьихъ семействъ), по количеству лошадей самая богатая между всѣми станицами Пятигорскаго отдѣла. При этомъ преимущественно держатся кобылицы, такъ что подавляющее большинство упряжныхъ лошадей—доморощенныя. Рогатаго скота также разводится много, но онъ мелкой мѣстной породы. Разведеніе овецъ и козъ мало практикуется, а свиней и того меньше.

Прежде, когда георгіевцы были единственными сосѣдями губернскаго города Георгіевска съ его военными госпиталями, тюрьмами, различными складами, учрежденіями, управленіями, ежедневно прибывающими и убывающими войсками, съ его ежедневными и недѣльными базарами, — они, легко и выгодно сбывая съ рукъ всевозможные хозяйственные продукты, пристрастились къ торговлѣ и въ настоящее время считаются опытными торговцами.

Съ развитіемъ скотоводства развивается и сѣнокошеніе, особенно съ появленіемъ косилокъ и открытіемъ желѣзныхъ дорогъ въ странѣ; ежегодно накашивается по меньшей мѣрѣ на два года, причемъ излишекъ продается. Трава не отличается особенно хорошими качествами, но травосѣяніе не практикуется. Къ концу лѣта на скошенныхъ поляхъ поднимается густая атава, которая отдается обществомъ въ аренду овцеводамъ.

Пчеловодство, перенятое казаками еще въ концѣ 18-го вѣка отъ сосѣднихъ народовъ (кабардинцевъ), получило довольно большое развитіе; еще первый поселенецъ на этомъ мѣстѣ, хуторянинъ Афанасій Чурековъ, славился пчеловодствомъ, выставляя каждую весну болѣе тысячи пчелиныхъ сапетокъ. Въ настоящее время пчеловодствомъ занимаются болѣе тридцати домохозяевъ; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ до 500 сапетокъ и много ульевъ. Продукты пчеловодства — медъ и воскъ — продаются на мѣстѣ.

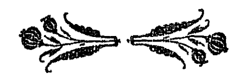
Бахчеводство даетъ довольно хорошій заработокъ. Преимущественно сѣются скороспѣлые арбузы и дыни, которые поспѣваютъ къ самому разгару Пятигорскихъ курортовъ. Поздніе арбузы обыкновенно отличаются здѣсь тонкой корой и

потому скоро портятся; объясняется это особымъ свойствомъ земли. Огородничество развито здѣсь сильно. У многихъ домохозяевъ по нѣсколько огородовъ, весьма благоустроенныхъ. Чрезъ всѣ огороды проведены оросительныя канавы. По снятіи овощей, почва покрывается равномѣрнымъ слоемъ навоза. Огромный излишекъ овощей сбывается въ сосѣднихъ городахъ и на желѣзн д. станціяхъ, а также вывозится въ прикумскія села Ставропольской губ. Часть огородовъ занята фруктовыми деревьями: яблонями, грушами, сливами и больше всего вишнями.

Будучи прилежными работниками, георгіевцы любятъ и покушать вкусно, и принарядиться въ праздничный день, любятъ и благоустройство двора. Улицы здѣсь всѣ прямыя, ровныя; во дворѣ у каждаго садикъ, въ палисадникахъ густыя линіи бѣлой акаціи и всевозможные цвѣточные кусты.

Ремесленные и кустарные промыслы въ станицѣ развиты весьма слабо. Есть, правда, между казаками нѣсколько столяровъ, плотниковъ, слесарей, плохихъ сапожниковъ, . кузнецовъ, шорниковъ; но спеціально все время какимъ-либо ремесломъ никто, кромѣ двухъ кузнецовъ, не занимается.

Хорунжій *Елоевъ*.



СТАНИЦА УРУХСКАЯ.

Историко-экономическій очеркъ.

Географическое положеніе и населеніе станицы.

До 1873 года станица Урухская была расположена вблизи укрѣпленія на правомъ берегу рѣки Уруха, но въ 1873 году она перенесена была на рѣку Золку подъ 61° 19′ 40″ восточной долготы и 44° 9′ 30′ сѣверной широты, въ 15 верстахъ на востокъ отъ города Георгіевска и въ 22 верстахъ, по тому же направленію, отъ станціи «Незлобной» Владикавказской желѣзной дороги, на дорогѣ изъ города Георгіевска въ городъ Моздокъ.

Вся мѣстность общественнаго надѣла этой станицы представляетъ слегка всхолмленную возвышенность, имѣющую степной характеръ: на многія версты не видно даже одинокаго дерева, оживляющаго горизонтъ, и только кусты караганника и дикаго вѣника, да во впадинахъ жалкаго терновника разнообразятъ ландшафтъ.

По ширинѣ всего станичнаго надѣла, верстъ на шесть съ юго-запада на сѣверо-востокъ, проходитъ глубокая долина рѣки Золки, впадающей въ предѣлахъ Ставропольской губерніи въ рѣку Куму, по правому берегу которой въ томъ мѣстѣ, гдѣ долина расширяется приблизительно до 3-хъ верстъ, расположена самая станица, на высотѣ 104 сажень надъ уровнемъ Чернаго моря.

Окруженная съ СВ и ЮЗ лѣсомъ, растущимъ по долинѣ Золки, а съ СЗ и ЮВ крутыми и высокими спусками, возвышающимися до 15—20 сажень и болѣе надъ поверхно-

стью долины, станица скрыта здѣсь отъ глазъ путника и только въ верстѣ отъ нея, при спускѣ уже въ долину, она вдругъ разворачивается у его ногъ или выступаетъ изъ-за деревьевъ лѣса, начинающагося съ СВ у самой окраины станицы, а съ ЮЗ недоѣзжая версты. Верстахъ въ двухъ отъ станицы, на СВ отъ нея образовалась среди лѣса поляна, мѣрою до 70 десятинъ, поросшая камышемъ, доставляющимъ станичникамъ крышу для домовъ и сараевъ. Лѣсъ на СВ сторонѣ, среди котораго у станичниковъ не мало садовъ и огородовъ, ежегодно весною почти весь затопляется подпочвенной водой, не высыхающей иногда въ теченіе круглаго года, особенно же у самой станицы, гдѣ вслѣдствіе большой углубленности образуется гнилое болото, служащее гнѣздомъ злокачественныхъ лихорадокъ. Болото это хотя и возможно осушить или засыпать, но этого не дѣлается, по словамъ станичниковъ, «за неимѣніемъ времени» и жители сосѣдняго квартала болѣютъ изъ года въ годъ.

Въ 1820 годахъ генераломъ Ермоловымъ, для защиты Военно-Грузинской дороги отъ станицы Екатериноградской до гор. Владикавказа, были заложены укрѣпленія: Зарѣчное. Пришибское, Аргуданское, Урухское, Минаретское, Дурдурское, Ардонское и Архонское; затѣмъ, въ 1837 году, въ пріѣздъ Государя Императора Николая Павловича, командиромъ Кавказскаго корпуса приказано было 2-му Малороссійскому казачьему полку, занимавшему съ 1831 года верховья рѣки Малки со штабомъ въ городѣ Георгіевскѣ, представиться Государю въ укрѣпленіяхъ: Пришибскомъ, Урухскомъ, Ардонскомъ и Архонскомъ по эскадронно. Послѣ блестящаго представленія въ выше названныхъ укрѣпленіяхъ, которому, кстати сказать, завидовали ихъ братья 1-го Малороссійскаго казачьяго полка, занимавшаго линію по верховьямъ рѣки Кубани,—2-й Малороссійскій полкъ былъ оставленъ на постоянное жительство въ укрѣпленіяхъ, въ которыхъ онъ имѣлъ счастье представляться, безъ возврата на родину. Для поселенія были выбраны изъ обоихъ полковъ женатые казаки, а холостыхъ перевели въ 1-й полкъ, который тогда же переведенъ былъ во Владикавказъ. Дома строились сообща, по 250 дворовъ въ каждомъ поселеніи, причемъ каждому семейному казаку выдано было отъ казны на обзаведеніе хозяйствомъ по 42 руб. 85 коп. Малороссійскія поселенія наименованы были «посе-

ленными кадрами». Въ 1839 году 2-й Малороссійскій полкъ переименованъ въ 1-й Владикавказскій, но до 1842 г. продолжалъ комплектоваться уроженцами Черниговской и Полтавской губерніи. Въ 1839 году вытребованы были семейства казаковъ на счетъ казны, и казаки съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда «жінокъ», съ которыми не видались почти восемь лѣтъ. До сихъ поръ старики съ любовью вспоминаютъ день пріѣзда семей. Это,—по ихъ словамъ,—«былъ день радости и веселья» среди годовъ безпрерывныхъ трудовъ и тягостей боевой жизни. Но недолго радовались урухцы пріѣзду «жінокъ», скоро губительный климатъ заставилъ расширить кладбище и красавицы «жінки» и малолѣтки стали переселяться туда. Въ 1843 году малороссійцы соединены въ одинъ полкъ и присоединены къ Кавказскому линейному войску, причемъ имъ подарено было казною обмундированіе, снаряженіе и вооруженіе, а также и лошади.

Такимъ образомъ на мѣстѣ маленькаго укрѣпленія на берегу рѣки Уруха, впадающаго въ Терекъ, занимаемаго до 1837 года ротой пѣхоты и артиллеристами, возникла станица, получившая свое названіе отъ рѣки и сохранившая его до настоящаго времени.

Къ кореннымъ казакамъ Черниговской и Полтавской губерній (250 дв.) добавлено было впослѣдствіи еще нѣсколько семей Полтавской губерніи; а затѣмъ производились добавленія изъ женатыхъ солдатъ, извѣстныхъ долгое время среди казаковъ подъ именемъ «солду-казакъ», и крестьянъ. Но вслѣдствіе боевой жизни и губительныхъ лихорадокъ число жителей быстро уменьшалось, такъ что къ 48 году въ станицѣ оставалось не болѣе 70 дворовъ, а потому въ этомъ году добавлено было 40 семей переселенцевъ Харьковской губерніи; но тутъ къ лихорадкамъ присоединилась холера (47—48 годовъ) и унесла не мало жертвъ. Въ 1849 году, во время заселенія станицы Змѣйской, въ Урухъ добавлено было еще нѣсколько семей; въ 1869 году, во время разселенія станицы Камбилеевской, въ Урухъ переселено 39 семей; но всѣ эти добавленія увеличивали населеніе станицы не надолго. Болотистая почва по рѣкѣ Уруху, поросшая лѣсомъ и камышемъ, а вслѣдствіе этого сырой климатъ съ своими лихорадками дѣйствовалъ особенно сильно на новыхъ поселенцевъ, урѣзывая довольно быстро число ихъ; особенно сильно страдали дѣ-

ти. Изъ приговора общества отъ 28 января 1873 года видно, что съ основанія станицы до этого года добавлено было въ разное время около 1400 душъ обоего пола, а между прочимъ въ томъ году населенія въ станицѣ было только 647 душъ обоего пола. Кромѣ борьбы съ климатомъ, урухцамъ приходилось изъ года въ годъ вести борьбу съ рѣкой, такъ какъ Урухъ своими размывами грозилъ смыть станицу. Вначалѣ въ борьбѣ съ рѣкою казакамъ помогала рота, стоявшая въ укрѣпленіи, но въ 60-хъ годахъ она ушла и станичникамъ стало не подъ силу вести борьбу съ непокорной рѣкой. Въ январѣ 1873 года черезъ начальника Нальчикскаго округа имъ предложили переселиться въ станицу Змѣйскую; но такъ какъ по климату эта станица мало чѣмъ отличалась отъ ст. Урухской, то общество приговоромъ отъ 28 января того же года просило о переселеніи на свободную войсковую землю на рѣкѣ Золкѣ, оставшуюся по переселеніи станицы Незлобной. Эта просьба была уважена и станица въ томъ же году выселилась на новую землю, съ переименованіемъ въ Урухскій поселокъ, но въ 80-хъ годахъ и по настоящее время она опять именуется станицей. Съ 1873 по 1875 годъ въ станицу переселяются привлеченные слухами о необычайныхъ урожаяхъ изъ станицъ Ардонской, Сунженской и Пришибской болѣе 100 семей, и затѣмъ переселенія въ станицу прекращаются и населеніе въ станицѣ уже увеличивается рожденіями, благодаря болѣе здоровому климату.

Такимъ образомъ, несмотря на неоднократныя добавленія, станица сохранила свой малороссійскій элементъ, но языкъ потерялъ чистоту и рѣдко кого встрѣтишь въ станицѣ говорящаго по-малороссійски.

Въ настоящее время, по посемейному списку станицы, въ ней числится 1256 душъ обоего пола казачьяго населенія. Живущихъ осѣдло не казачьяго сословія 232 души и не осѣдло 93 души, а всего въ станицѣ 1581 душа обоего пола. Домовъ въ станицѣ 278; дома всѣ деревянные или саманные, крытые камышемъ, но есть крытые черепицей и желѣзомъ. Церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы (день эскадроннаго праздника 4-го эскадрона 1-го Малороссійскаго полка) деревянная, крытая желѣзомъ, на 100 человѣкъ; ограда кругомъ ея кирпичная, довольно красивая.

До присоединенія къ Кавказскому линейному войску ста-

ница принадлежала къ управленію военныхъ поселеній, а съ 1843 года она причислена ко 2 военному отдѣлу, въ административномъ же отношеніи къ Нальчикскому округу. Казаки дѣйствительную службу несли до 1839 года во 2 Малороссійскомъ полку, а затѣмъ въ 1-мъ Владикавказскомъ, гдѣ изъ нихъ формировали 3-ю сотню. До 1839 года полкомъ командовалъ полковникъ Стоцкій, отъ него полкъ принялъ полковникъ Михаилъ Сергѣевичъ Ильинскій, а послѣ—полковникъ Василій Евменіевичъ Шостакъ. Кадромъ въ станицѣ Урухской завѣдывалъ ротмистръ Шостакъ (впослѣдствіи командиръ полка). Станицей управлялъ съ 43-го года станичный начальникъ—офицеръ. Станица была окружена высокимъ валомъ, со рвомъ болѣе двухъ сажень шириною, на четырехъ углахъ имѣлись батареи и два орудія для установки на этихъ батареяхъ, да кромѣ того два полевыхъ орудія, таково было укрѣпленіе станицы. Форма одежды у казаковъ была: черкеска (до колѣна) коричневаго сукна, зеленые бешметъ, верхъ на шапкѣ и таковой же шнуръ къ пистолету; шашки у нихъ были златоустовскія, которыя и теперь легко встрѣтить въ станицахъ у казаковъ 3-й очереди и запаса.

Много горя натерпѣлись урухцы, ведя борьбу съ горцами и поддерживая свое начинающееся хозяйство, которое особенно трудно было вести всѣмъ малороссійцамъ, вслѣдствіе малочисленности семей и неимѣнія взрослыхъ работниковъ; за выходомъ мужа въ набѣгъ, одна «жінка съ малышами» управлялась хозяйствомъ, да и сами то они еще не привыкли пахать съ шашкой на боку и ружьемъ за плечами, а станица, расположенная среди кабардинскихъ ауловъ, не разъ подвергалась нападеніямъ горцевъ. Особенно много пришлось потрудиться для защиты ея въ 1846 году, когда Шамиль съ своими скопищами задумалъ прорваться въ Кабарду вблизи Уруха, но путь его былъ открытъ: ночью, по тревогѣ собрались урухцы, пришла сотня владикавказцевъ съ полковникомъ Ильинскимъ, сотня донцевъ, да два орудія Урухской полевой артилеріи, а на разсвѣтѣ пришла форсированнымъ маршемъ изъ станицы Екатериноградской пѣхота, и сейчасъ же весь этотъ отрядъ пошелъ подъ командой полковника Ильинскаго на соединеніе съ отрядомъ, стоявшимъ въ станицѣ Николаевской подъ командой генералъ-маіора Нестерова. Не доходя верстъ пяти до р. Змѣйки, отрядъ полковника Ильинскаго

былъ остановленъ переправившимися уже черезъ Терекъ скопищами Шамиля. Въ виду невозможности задержать уже оканчивающихъ переправу чеченцевъ, а также прорваться сквозь ихъ массу для соединенія съ отрядомъ г.-м. Нестерова, полковникъ Ильинскій отступилъ и занялъ позицію для защиты станицы Урухской. Чеченцы бросились на отрядъ, такъ какъ замѣтили его малочисленность, но, потерпѣвъ неудачу и опасаясь прихода отряда изъ ст. Николаевской, прошли мимо. Эта задержка все таки помогла: Шамиль недолго погостилъ въ Кабардѣ. Однако, Кабарда возмутилась и долго держала станицу въ страхѣ нападенія возмутившихся сосѣдей; не разъ они уводили плѣнныхъ и угоняли скотину, а казаки втихомолку отплачивали имъ тѣмъ же. Вообще жизнь приходилось вести тревожную, и трудовой день начинался прежде всего выѣздомъ развѣдчиковъ. Утромъ, едва забрежжитъ разсвѣтъ, отворялись ворота, и десятокъ, а то и два казаковъ выѣзжали въ поле, быстро разсыпались и внимательно осматривали окрестности, а въ станицѣ тѣмъ временемъ выгонялась на улицу скотина; люди, окончивъ свои приготовленія на работу, выходили тоже туда, и вотъ, въ ожиданіи извѣстій отъ развѣдчиковъ, составлялись кружки, среди которыхъ слышатся пѣсни и шутки молодежи, а старики, усѣвшись на заваленки, дѣлятся надеждами на урожай или впечатлѣніями недавно бывшихъ набѣговъ, и весь этотъ говоръ и смѣхъ покрывается оглушительнымъ ревомъ, блеяніемъ и ржаніемъ скотины, ждущей съ нетерпѣніемъ, когда откроютъ ворота. Но вотъ скачетъ, махая шапкой, казакъ-развѣдчикъ: степь свободна; ворота снова отворяются и жители выгоняютъ табунъ на пастьбу, а затѣмъ и сами отправляются на полевыя работы. Всѣ работы въ полѣ производились подъ прикрытіемъ конныхъ пикетовъ, и выходъ изъ охраняемаго пространства стоилъ нерѣдко жизни или свободы смѣльчаку, такъ какъ рѣдко когда не скрывался гдѣ нибудь по близости хищникъ, готовый воспользоваться оплошностью казаковъ. Въ виду опасности полевыхъ работъ, таковыя производились недалеко отъ станицы, запашки дѣлались незначительныя и своего хлѣба у казаковъ не хватало, а потому казна выдавала на семьи казаковъ провіантъ.

Историческія свѣдѣнія.

Урухцы, въ составѣ сборныхъ сотенъ отъ Владикавказ-

скаго полка, не разъ бывали въ набѣгахъ съ славнымъ командиромъ сунженцевъ г.-м. Слѣпцовымъ. Вотъ, напримѣръ, разсказъ участника рубки лѣса на р. Гехи и боя въ этихъ лѣсахъ, во время котораго убитъ былъ Слѣпцовъ, урядника Ивана Минки: «Въ 1851 году, въ декабрѣ, наша сотня съ подполковникомъ Шостакомъ пришла въ лагерь на р. Гехи, гдѣ уже были расположены пѣхота и казаки Сунженскаго полка и артиллерія. Черезъ нѣсколько дней наша сотня ушла съ пѣхотой подъ начальствомъ полковника Карева на рубку лѣса по рѣкѣ, но часа черезъ три-четыре послѣ начала рубки намъ приказано было сѣсть на коней и по выстрѣлу изъ орудія со стороны чеченцевъ бросаться на ихъ завалы. А завалы они выстроили большіе,—ночи двѣ рубили лѣсъ и копали землю; и пушка у нихъ была, они уже разъ стрѣляли изъ нея въ нашъ лагерь. Такъ вотъ въ обѣдъ, а то и позже, какъ изъ орудія-то они по насъ ударили, мы прямо и бросились на большой завалъ, а за нами солдаты, съ другой стороны самъ Слѣпцовъ съ сунженцами и пѣхотой. И досталось же тутъ чеченцамъ! Они бросились было въ лѣсъ, гдѣ у нихъ были засѣки, но ихъ съ тылу приняли казаки въ шашки, и много ихъ полегло. Остальные убѣжали въ лѣсъ. Слѣпцовъ, чтобъ лучше видѣть, вскочилъ на завалъ. Вотъ тутъ-то его и ударила пуля въ грудь; положили его на бурку, гдѣ онъ и скончался. Черезъ нѣсколько времени мы отступили на прежнее мѣсто, а на другой день весь отрядъ былъ распущенъ, и мы вернулись въ станицу».

«Въ 1853 году я съ товарищами урухцами былъ въ составѣ одной сотни отъ Владикавказскаго полка въ сборномъ отрядѣ, которымъ командовалъ генералъ-маіоръ Вревскій, и принималъ участіе въ бою на высотахъ Кореламъ. Здѣсь намъ приходилось брать каждый аулъ съ боя. Всѣ почти аулы были окружены засѣками, но мы прямо бросались на нихъ въ аттаку съ шашками, а солдаты за нами бѣгомъ въ штыки, и горцы бросались бѣгомъ и только уже изъ саклей стрѣляли по насъ; но пѣхота скоро выгнала ихъ и оттуда штыками, или поджигая сакли, а мы за аулами рубили бѣгущихъ. Разоривъ болѣе десяти ауловъ, мы стали отступать по той-же дорогѣ, по которой пришли, домой, но горцы заступили намъ дорогу и, пользуясь прикрывавшимъ ихъ лѣсомъ и скалами,

встрѣтили отрядъ такой стрѣльбой, что нечего было и думать прорваться, къ тому же наступила ночь. Тогда начальнику отряда проводники указали обходную дорогу по берегу р. Урусъ-Мартанки, на которую мы, пользуясь темнотой, и пошли. Дорога была плохая и саперамъ не мало пришлось поработать, чтобъ хоть сколько нибудь улучшить путь для проѣзда орудій, которыя почти все время приходилось тащить или намъ, или солдатамъ. Такъ мы шли три дня до ст. Слѣпцовской, благополучно вырвались изъ ловушки, въ которой горцы думали уничтожить отрядъ. Они не ожидали, что отрядъ пройдетъ по Урусъ-Мартанкѣ, и не оберегали этой дороги, а когда узнали, то было поздно и пули ихъ до насъ не доставали».

«Въ 1858 году,—разсказываетъ урядникъ Андрей Бочаровъ,—стало извѣстно черезъ лазутчиковъ, что Шамиль задумалъ пройти изъ аула Аки-Юрта по р. Сунжѣ въ Назрановскіе аулы. Чтобы не пустить его туда, генералъ-маіоръ Мищенко собралъ отрядъ на лѣвомъ берегу р. Сунжи, верстахъ въ десяти отъ ущелья. Отрядъ состоялъ изъ пѣхоты, артиллеріи (12 орудій) и кавалеріи (1000 ч.)—сунженцы, горцы, моздокцы и 2 сотни нашихъ владикавказцевъ. Сборной кавалеріей командавалъ маіоръ Козловъ, нашими сотнями есаулъ Иванюковъ и Сердюковъ, а артиллеріей сотникъ Голяховскій. Двѣ сотни наши заняли сторожевую линію, верстахъ въ 5 –6 отъ отряда, вверхъ по рѣкѣ, лицомъ къ ущелью, на лѣвомъ-же берегу. Около полудня пришли двѣ сотни моздокцевъ на смѣну, и только что мы собрались уходить назадъ къ отряду, какъ изъ ущелья показались значки Шамиля, а затѣмъ масса чеченцевъ разомъ окружила и стиснула успѣвшихъ собраться казаковъ. Въ тѣснотѣ мы едва имѣли возможность работать шашками. Но вотъ чеченцы стали отступать; стало свободнѣе. Вдругъ съ высотъ, на правомъ берегу Сунжи, раздался залпъ изъ орудій, а затѣмъ гикъ. Чеченцы остановились, а мы, воспользовавшись тѣмъ, что стало свободнѣй, да и подмога обрадовала, тоже съ гикомъ бросились на нихъ. Чеченцы не выдержали и повернулись назадъ къ ущелью... Вотъ тутъ то натѣшились казаки! На разстояніи 15 верстъ гнали чеченцевъ, а въ ущельѣ, на ихъ несчастье, затрудняла имъ быстрое отступленіе болотистая рѣченка, гдѣ также не мало погибло и было взято въ плѣнъ ихъ.»

Много было славныхъ дѣлъ въ войну на Кавказѣ, въ которыхъ урухцы принимали участіе, но они ускользнули уже изъ памяти 70—80 лѣтнихъ участниковъ и очевидцевъ, или перепутались съ другими событіями, такъ что нѣтъ возможности изъ ихъ разсказовъ составить что либо достовѣрное. А такъ какъ полкъ не участвовалъ въ дѣлахъ въ полномъ составѣ, охраняя бывшую тогда Военно-Грузинскую дорогу, то и въ полковыхъ записяхъ едва ли сохранились дѣла горсти людей, составленныхъ часто изъ разныхъ сотенъ, какъ не сохранились ихъ послужные списки. Кончится набѣгъ или экспедиція, - они резойдутся по своимъ сотнямъ и станицамъ, подѣлятся своими впечатлѣніями съ родными и товарищами, а тамъ новыя событія, и вотъ старое отошло и забылось, а спустя много лѣтъ оно принимаетъ сказочный видъ и разсказывается въ минуту веселой пирушки, когда «бойцы поминаютъ минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они...» Но эти воспоминанія часто далеки отъ истины.

Въ 1873 году нѣсколько человѣкъ урухцевъ принимали участіе въ покореніи Хивы, въ составѣ Красноводскаго отряда, подъ командой полковника Маркозова. «Въ походъ выступили, разсказывалъ участникъ его, въ январѣ мѣсяцѣ, и сколько пришлось перенести лишеній при движеніи по Хивинскимъ песчанымъ степямъ, страдая отъ жажды и зноя!.. Отъ зноя люди падали безъ чувствъ десятками и чтобы привести ихъ въ чувство, приходилось кинжалами раскрывать ротъ, выворачивать завернувшійся языкъ и изъ чайниковъ или бутылокъ лить имъ въ ротъ воду. На привалахъ нѣкоторые копали ямы въ пескѣ и ложились туда, думая хоть немного найти прохлады. Колодцы были удалены другъ отъ друга и запасъ воды въ бурдюкахъ часто успѣвалъ отъ жары испортиться или совсѣмъ истощиться, прежде чѣмъ доходили до другихъ колодцевъ. Въ большинствѣ вода въ колодцахъ была заражена хивинцами набросанною туда падалью, и ихъ нужно было сначала очищать. Глубина же колодцевъ и зловоніе изъ нихъ были таковы, что начальники платили тѣмъ, кто рѣшался спускаться въ нихъ для очистки. Наконецъ, отрядъ отъ зноя и недостатка воды такъ разстроился, что полковникъ Маркозовъ не рѣшился двигаться впередъ и со своимъ адъютантомъ, не отдавъ никакого распоряженія, вернулся обратно, а вскорости за нимъ потянулъ и отрядъ. Такъ Красноводскій отрядъ, по-

терявъ массу людей, лошадей и верблюдовъ, не дошелъ до цѣли своего похода—Хивы, и уже по возвращеніи участниковъ похода они узнали, что другіе отряды были счастливѣе ихъ и 28 мая покорили Русскому Царю царство Хивинское.»

Въ войну съ Турціей въ 1877—78 годахъ урухцы были въ составѣ 1-го Владикавказскаго полка въ Дунайской арміи, а 2 Владикавказскаго—въ Азіятской Турціи. Дѣятельность этихъ полковъ извѣстна,-не даромъ они заслужили Царское спасибо!

Наконецъ, въ 1880 году урухцамъ пришлось побывать въ дѣлахъ противъ текинцевъ подъ начальствомъ доблестныхъ генераловъ Скобелева и Лазарева, имена которыхъ говорятъ за успѣхъ дѣла. Это былъ послѣдній военный походъ,въ которомъ принимали участіе урухцы.

Въ 1882 году станица была причислена къ Горско-Моздокскому полковому округу, а въ слѣдующемъ къ Волгскому, гдѣ казаки и отбываютъ дѣйствительную службу до сего времени.

Семейный, общественный и экономическій бытъ.

Какъ семейный, такъ и общественный бытъ урухцевъ не отличается отъ окружающаго казачьяго быта, развѣ развившіеся за послѣднее время семейные раздѣлы, но и это, пожалуй, общая черта Волгскаго полка. Истинной причины тому трудно подыскать, но вѣроятно вліяетъ на это, какъ и вообще на упадокъ нравственности среди казаковъ, примѣръ массы посторонняго элемента, проживающаго осѣдло и неосѣдло среди казаковъ. Въ большинствѣ это люди неуживчивые, смотрящіе на станицу и ея жителей, какъ на временное общество, которое они застали на пути своего безконечнаго странствованія, а потому имъ ничто не дорого среди этого общества. Неподчиненіе общественнымъ установленіямъ—дѣло обыкновенное. Придя въ станицу и поселившись въ ней, въ большинствѣ случаевъ, съ помощью подкупа или раздора, возбужденнаго ими среди казаковъ, они для своего существованія поддерживаютъ эти раздоры и тѣмъ развращаютъ окружающую среду, такъ какъ на почвѣ разслабленія общества возникаетъ ихъ благосостояніе. Отсюда ссоры и семейные раздѣлы. Разодранное-же хозяйство, при теперешнемъ малоземельи, быстро разоряетъ казака и онъ зачастую съ женой

идетъ въ работники къ тому же проживающему въ станицѣ мужику, и хорошо если при этомъ не распадается семья, что бываетъ зачастую, а тогда казаку остается одно: уходить на службу на Уссурійскую желѣзную дорогу, при чемъ земельный пай его продаетъ общество за долги общественные. Мужику и это на руку, такъ какъ онъ покупаетъ этотъ пай за безцѣнокъ, а слѣдовательно и не будетъ въ убыткѣ; казакъ же едва ли когда станетъ на ноги и дѣти его лягутъ тяжелымъ бременемъ на казачье общество, а мужикъ и тутъ въ сторонѣ.

Казалось-бы, что остальное общество должно-бы было имѣть отъ нихъ доходъ, такъ какъ они обязаны платить посаженную плату за усадьбу, гулевую скотину и лошадей, а также и за содержаніе земской почты. Но это такъ только кажется; на самомъ-же дѣлѣ посаженную плату рѣдко кто платитъ, ссылаясь или на бѣдность, или находя себѣ защитника казака, который объявляетъ, что домъ его, а мужикъ живетъ на квартирѣ у него. Съ гулевой скотиной также увертка, а о почтовыхъ и говорить нечего — ихъ просто отказываются вносить. Бьются, бьются станичныя власти и, въ концѣ концовъ, заносятъ въ книги долги за мужиками, и они за ними все растутъ и растутъ. Пробовали за долги продавать съ аукціона ихъ имущества, но ко дню описи у нихъ почти никакого имущества не оказывалось. Такъ и стоитъ это дѣло, а мужики и мѣщане, подобно чужеяднымъ растеніямъ, глубоко впустили свои корни, сосутъ кровь казачью, и никакими уже силами не вырвешь ихъ, а вырвешь - станетъ, пожалуй, и казакамъ чувствительно.

Этотъ-же кочующій элементъ служитъ разсадникомъ всякихъ ересей и расколовъ. Какихъ только сектъ не появилось за послѣдее время въ станицахъ?! Въ станицу Урухскую баптизмъ былъ занесенъ мужикомъ, осѣвшимъ въ станицѣ, и хотя его перваго отщепенца сослали въ Сибирь, но секта существуетъ довольно явно и доселѣ.

Главная поддержка нравственности казаковъ — школа, но успѣхъ ея очень невеликъ. Въ настоящее время въ станицѣ двѣ школы: министерская, содержимая всецѣло на общественный счетъ, и церковно-приходская, для которой общество нанимаетъ только квартиру съ помѣщеніемъ для учительницы, даетъ прислугу, освѣщеніе и отопленіе. Въ министерской—

курсъ трехлѣтній. Въ первой съ начала учебнаго года бываетъ до 50 учениковъ, во второй до 15; въ маѣ, т. е. въ концѣ учебнаго года, числа эти значительно падаютъ: въ первой, въ среднемъ, до 15, а во второй, по словамъ учительницы, «сколько придетъ». Такимъ образомъ, вслѣдствіе небрежнаго взгляда на школу самихъ родителей, въ ней могутъ кончать курсъ, въ среднемъ, не болѣе 5—6 мальчиковъ, и если оглянуться назадъ, то увидимъ, что успѣхи школы были таковы-же и двадцать лѣтъ тому назадъ; напримѣръ, изъ казаковъ приготовительнаго разряда старшаго возраста было въ

1896 г.	изъ числа	7-	грам.	только	4	или	57%
—97	»	»	12	»	»	8	»	66%
—98	»	»	7	»	»	5	»	71%
—99	»	»	12	»	»	6	»	50%

Среди неграмотныхъ въ 1897 году два не знали никакихъ молитвъ, а одинъ изъ нихъ былъ уже женатый,—въ 1898 г. одинъ - тоже женатый; а между тѣмъ, казалось-бы, священникъ могъ передъ вѣнчаніемъ заставить выучить хотя необходимыя молитвы. Изъ перечня грамотныхъ казаковъ за четыре послѣдніе года видно, что дѣла школы не улучшились и виною тому, конечно, родители, а послѣднихъ въ такое положеніе ставит ъ, по ихъ словамъ, нужда.

При поселеніи на берегахъ Золки казаки получили 8147 дес. 870 кв. саж., да черезполосной между р.р. Курой и Неволькой, верстахъ въ 50 на Ю-В отъ станицы, 791 дес., итого 8938 дес. 870 кв. саж.,—такъ что на душу пришлось по 23 десятины пахатной, луговой и лѣсной; а за выдѣленіемъ отсюда 300 дес. церковной и 117 дес. причтовой земли, на душу осталось по 22 десятины. Пользованіе этими угодьями велось безконтрольно: брали—кто, что и гдѣ хотѣлъ. Въ особенности отъ такого порядка страдалъ лѣсъ, такъ что сами станичники довольно скоро обратили вниманіе на быстрое его уничтоженіе и постановили слѣдующій приговоръ: «1873 года, декабря 3 дня, мы, нижеподписавшіеся, учинили сей приговоръ въ томъ, что изъ числа нашихъ жителей нѣкоторые рубятъ лѣсъ на дрова и возятъ для продажи въ ближайшій г. Георгіевскъ, а нѣкоторые рубятъ фруктовыя деревья; а потому, дабы искоренить зло, опредѣляемъ: если кто изъ насъ будетъ захваченъ съ лѣсомъ, предназначеннымъ для продажи, то тотчасъ арестовать его и взыскать отъ каждаго воза по

3 рубля шрафу; или кто срубитъ фруктовое дерево, то съ того отъ каждой штуки взыскать штрафу по одному рублю и деньги эти обратить въ поселковой доходъ». Благодаря этому приговору, лѣсъ былъ спасенъ, а вскорости его раздѣлили на 7 участковъ, и уже участокъ дѣлятъ ежегодно на паи, которые предоставляются на волю хозяина.

Лѣтъ черезъ пять и земельныя угодья стали дѣлить на паи съ расчетомъ, чтобы земля засѣвалась только три года подрядъ, а затѣмъ отдыхала не менѣе четырехъ лѣтъ; но въ настоящее время, вслѣдствіе прироста населенія, земельные паи стали малы—въ одну хозяйственную десятину (4000 к. с.) и казаки, кто позажиточнѣе, или откупаютъ землю у казаковъ же, которые по малочисленности скота не въ состояніи поднять своего пая, или на сторонѣ у мужиковъ Ставропольской губерніи и у кабардинцевъ за Малкой. Кромѣ того, раньше, вслѣдствіе незначительныхъ запашекъ, на самомъ дѣлѣ земля отдыхала болѣе четырехъ лѣтъ и производительность ея была большая, а теперь, когда она стала отдыхать дѣйствительно не болѣе четырехъ лѣтъ, выясняется, что это срокъ малый, такъ какъ производительность ея значительно упала, а вмѣстѣ съ этимъ упало и благосостояніе казака.

А. Плющъ.

СЕЛЕНІЕ АЛАГИРЪ.

(Историко-статистическій очеркъ).

Географическое положеніе селенія.

Селеніе Алагиръ находится подъ 43°03' сѣверной широты и 44°14' восточной долготы, на высотѣ 2382,5 футовъ надъ уровнемъ моря. Въ административномъ отношеніи оно входитъ въ составъ Владикавказскаго округа, Терской области. Отъ г. Владикавказа отстоитъ на западъ въ 52 верстахъ, а отъ желѣзнодорожной станціи Даргъ-Кохъ къ юго-западу въ 27 верстахъ. Расположено въ долинѣ р. Ардона, по лѣвую сторону его, на возвышенной мѣстности, недалеко отъ входа въ Алагирское ущелье, по которому проходитъ такъ называемая военно-осетинская дорога. Вообщее мѣстоположеніе села представляетъ собою нѣкоторое подобіе г. Владикавказа: такой же къ югу величественный видъ Кавказскаго хребта со склонами, покрытыми густыми лиственными лѣсами, почти такою же бурною рѣкою (Ардонъ) какъ Терекъ, съ тѣмъ различіемъ, что село расположено не по обоимъ берегамъ рѣки, какъ Владикавказъ, а въ сторонѣ на разстояніи ½ версты отъ нея къ западу; ближе къ рѣкѣ, параллельно Алагиру, на востокъ, стоитъ въ лощинѣ сосѣднее селеніе Салугардонъ, населенное осетинами, выходцами изъ Алагирскаго ущелья, и почти слившееся съ Алагиромъ, отдѣляясь отъ него въ срединѣ только одною улицею. На западъ отъ села Алагиръ, въ разстояніи версты отъ него, протекаетъ рѣка Црау, служащая границей полевого жительскаго надѣла. Она беретъ начало въ известковомъ хребтѣ горъ, направляясь къ сѣверу; теченіе ея обык-

новенно покойное, но во время дождей, усиливаясь водою изъ многочисленныхъ балокъ, она выходитъ изъ береговъ и въ страшномъ потокѣ несетъ камни и лѣсъ. Въ началѣ поселенія Алагира, на разстояніи отъ него въ полуверстѣ, тоже къ западу, существовала еще небольшая рѣчка, окаймлявшаяся съ обѣихъ сторонъ лѣсомъ и кустарникомъ; но нѣсколько лѣтъ тому назадъ, съ уничтоженіемъ береговой лѣсной защиты, совсѣмъ изсякла, оставивъ на память о себѣ только сухое, извилистое русло. Для довольствія жителей водою, при самомъ устройствѣ Алагира, проведена была къ нему канава изъ р. Ардона, существующая и теперь.

Изъ села проходятъ три главныя дороги: на сѣверъ—въ станицу Ардонскую, Сунженскаго отдѣла, отстоящую въ 17-ти верстахъ; на сѣверо-западъ—въ селеніе Христіанское и на югъ—въ Алагирское ущелье; послѣдняя на протяженіи 7 верстъ шоссирована и содержится на счетъ вѣдомства путей сообщенія.

Въ настоящее время въ Алагирѣ имѣютъ постоянное мѣстопребываніе: начальникъ 3-го участка Владикавказскаго округа, судебный слѣдователь, мировой судья, лѣсничій Алагирскаго лѣсничества, начальникъ 4-й дистанціи Терскаго отдѣленія Кавказскаго округа путей сообщенія. Имѣется почтово-телеграфное отдѣленіе и церковно-приходская школа.

Населеніе Алагира.

Село Алагиръ основано въ 1850 году и прежде называлось Горною станицей (до 1863 г.). Причиною возникновенія этого села послужило основаніе здѣсь казеннаго Алагирскаго серебро-свинцоваго завода. Считаю умѣстнымъ изложить здѣсь исторію водворенія горнаго промысла вообще на Кавказѣ и въ частности въ Алагирскомъ ущельѣ, отъ котораго село и получило свое названіе.

Съ самаго начала владычества Россіи на Кавказѣ были дѣлаемы въ разное время попытки развѣдокъ и разработки серебряныхъ и другихъ рудъ въ разныхъ мѣстахъ, но всѣ они принесли мало пользы и скоро были оставлены. Ученый графъ Мусинъ-Пушкинъ, взявшій на себя трудную обязанность раскрыть металлическое богатство Кавказа, при всѣхъ огромныхъ средствахъ, ему данныхъ, не рѣшилъ практически вопроса: какую пользу могутъ принести правительству метал-

лическія богатства новой страны. Не зная свойства климата мѣстности, гдѣ онъ основалъ главныя свои дѣйствія, и не слушая совѣтовъ на этотъ счетъ опытныхъ людей и мѣстныхъ жителей, онъ скоро палъ жертвою злокачественныхъ болѣзней въ лѣтнее время на берегахъ Куры и съ нимъ вмѣстѣ погибли почти всѣ прикомандированные къ нему опытные чиновники изъ Сибири. Всѣ открытые имъ заводы по смерти его, по недостатку практическихъ познаній и дѣятельности и по неустройству края, были вскорѣ оставлены. Развѣдки однако продолжались и пріисковъ серебро-свинцовыхъ рудъ въ разныхъ мѣстахъ Кавказа найдено до 14. На всѣхъ этихъ пріискахъ замѣтны были слѣды старыхъ работъ; но работы были небольшія и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ производилась жителями въ маломъ видѣ выплавка свинца для пуль.

Въ 1840 году сдѣлался извѣстенъ правительству Садонскій пріискъ серебро-свинцовыхъ рудъ въ Алагирскомъ ущельѣ. Пріискъ этотъ въ то-же время былъ разрабатываемъ рудопромышленникомъ грекомъ Спиридономъ Чекаловымъ, выходцемъ изъ Трапезундскаго пашалыка въ Азіатской Турціи. Этотъ грекъ прежде состоялъ подрядчикомъ каменныхъ работъ при постройкѣ мостовъ и проч. по военно-грузинской линіи и какъ видно имѣлъ значительный капиталъ. Получивъ извѣстіе о подземныхъ богатствахъ Садонскаго ущелья, онъ, какъ человѣкъ въ высшей степени предпріимчивый и рѣшительный, вошелъ въ соглашеніе съ 4-мя осетинскими фамиліями садонцевъ и сталъ добывать на ихъ земляхъ серебро и свинецъ, предварительно испросивъ разрѣшеніе начальства. Для производства работъ по примитивному способу, Чекаловъ пригласилъ нѣкоторыхъ соотечественниковъ, преимущественно занимавшихся на родинѣ тоже горными работами на турецкихъ рудникахъ Киснишхана. Нѣкоторое время греки добывали, при всемъ несовершенствѣ знанія, порядочное количество свинца и часть серебра, изъ коихъ первый металлъ сдавался въ артиллерію Кавказскаго корпуса, а второй на С.-Петербургскій монетный дворъ.

Въ 1842 году, для осмотра и описанія Садонскаго мѣсторожденія, былъ командированъ горный чиновникъ Картеронъ, служившій при канцеляріи намѣстника кавказскаго. Ученый комитетъ корпуса горныхъ инженеровъ, изъ описанія Картерона и присланныхъ имъ образцовъ, вывелъ заключеніе о

продуктивности Садонскаго мѣсторожденія; но для основательнаго сужденія о богатствѣ его нашелъ необходимымъ подробно изслѣдовать его. Въ 1843 году состоялось Высочайшее повелѣніе изыскать, «нѣтъ-ли способа снабжать войска собственнымъ россійскимъ свинцомъ». Во исполненіе сего Высочайшаго повелѣнія, чиновникъ Картеронъ былъ вновь командированъ для осмотра всѣхъ свинцовыхъ мѣсторожденій, извѣстныхъ на Кавказѣ. Изъ донесенія этого чиновника оказалось, что изъ числа 13-ти мѣсторожденій, самое благонадежное есть мѣсторожденіе Садонское въ Алагирскомъ ущельѣ. Послѣ того князь Воронцовъ, бывшій намѣстникъ кавказскій, желая, чтобы это богатое мѣсторожденіе серебра и свинца перешло въ руки казны, имѣющей гораздо болѣе способовъ воспользоваться оными, вошелъ о томъ въ переписку съ министромъ финансовъ и просилъ его приказать лучше изслѣдовать все это дѣло и потомъ принять мѣры, которыя окажутся нужными для учрежденія завода. Камандированный для сего съ Алтайскихъ заводовъ капитанъ Рейнке, осмотрѣвъ мѣсторожденіе, представить результатъ своихъ изслѣдованій въ ученый комитетъ корпуса горныхъ инженеровъ, который, соглашаясь съ мнѣніемъ г. Рейнке, счелъ нужнымъ для совершеннаго убѣжденія въ надежности мѣсторожденія, командировать съ сибирскихъ заводовъ особую партію казенныхъ горныхъ мастеровыхъ, которая и была съ Высочайшаго разрѣшенія прислана изъ Уральскихъ заводовъ въ 1847 году, въ числѣ 80 человѣкъ, которыхъ по тогдашнему военному времени снабдили казенными ружьями и обмундировали наподобіе казаковъ, пошивъ имъ черкески изъ верблюжьяго сукна и бешметы изъ синей матеріи. Произведенныя развѣдки привели г. Рейнке къ положительному убѣжденію въ богатствѣ Садонскаго мѣсторожденія и оно было взято въ 1850 году въ казну, съ уплатою греку Спиридону Чекалову за добытыя нерасплавленныя руды и кромѣ того онъ, по ходатайству князя Воронцова, Всемилостивѣйше награжденъ былъ чиномъ прапорщика, а впослѣдствіи произведенъ въ подпоручики.

Для расплавки добываемыхъ въ Садонѣ рудъ необходимо было устроить заводъ, мѣсто для котораго избрано было еще въ 1849 году, на плоскости, въ разстояніи 33-хъ верстъ къ сѣверу отъ рудника. Въ октябрѣ мѣсяцѣ того-же 1849 го-

да князь Воронцовъ лично осматривалъ избранное мѣсто для завода, на которомъ были уже трассированы: вододѣйствующая канава, заводъ въ видѣ отдѣльной крѣпости, горная станица съ цитаделью, валомъ и бастіонами. Князь Воронцовъ остался вполнѣ доволенъ удачнымъ выборомъ мѣстности, которая представляла всѣ необходимыя удобства какъ для заводского дѣйствія, такъ и для устройства горнаго города. Тогда же въ его присутствіи заложенъ былъ первый камень завода, съ наименованіемъ онаго Алагирскимъ. Затѣмъ, о разрѣшеніи постройки серебро-свинцоваго завода и объ отпускѣ заимообразно суммы какъ для вознагражденія владѣльцевъ за земли и лѣса, отходящіе подъ заводъ, такъ и на самую постройку завода, князь Воронцовъ входилъ въ январѣ 1850 г. съ представленіемъ въ Кавказскій комитетъ, по положенію коего Государь Императоръ въ 27 день февраля 1850 года Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) разрѣшить князю Воронцову устройство на избранныхъ мѣстахъ какъ серебро-свинцоваго завода, для ежегодной выплавки 100 пудовъ серебра и 35/т. пудовъ свинца, по составленнымъ горнымъ инженеромъ подполкоником Иваницкимъ проектамъ, разсмотрѣннымъ въ ученомъ комитетѣ корпуса горныхъ инженеровъ, такъ и другихъ сооруженій, при чемъ князю Воронцову же предоставить распорядиться объ отмежеваніи къ заводу предназначенныхъ количествъ земли и лѣсу, съ удовлетвореніемъ за оные жителей, согласно предположенію; 2) предоставить министру финансовъ о настоящемъ Высочайшемъ повелѣніи сообщить, въ самомъ непродолжительномъ времени, князю Воронцову, дабы можно было сдѣлать благовременнно всѣ надлежащія распоряженія къ скорѣйшему по возможности открытію работъ по постройкѣ завода. Въ то-же время Государь Императоръ удостоилъ Высочайшей конфирмаціи штатъ управленія Алагирскимъ заводомъ. По полученіи объ этомъ увѣдомленія министра финансовъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1850 года, немедленно было приступлено къ постройкѣ завода, съ укрѣпленіемъ станицы и всѣхъ вспомогательныхъ зданій, къ приведенію въ дѣйствіе временнаго штата Алагирскаго завода и къ переселенію изъ Алтайскихъ, Уральскихъ и Луганскаго заводовъ горныхъ мастеровыхъ въ числѣ 380 семействъ, потребныхъ для дѣйствія завода и рудника. Избранные княземъ Воронцовымъ для замѣщенія должностей по временному штату офицеры и чинов-

ники прибыли и 1-го сентября 1850 г. открыта для управленія заводомъ горная контора.

Первая партія мастеровыхъ прибыла изъ ближайшаго къ Кавказу Луганскаго литейнаго завода (Екатеринославской губерніи) въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1850 г. и на первый разъ помѣщена была въ большихъ госпитальныхъ палаткахъ, такъ какъ на мѣстѣ, отведенномъ подъ станицу, не было никакого жилья. Для охраны переселенцевъ назначена была команда Донскихъ казаковъ, земляковъ Луганцевъ. Однако въ палаткахъ нельзя было долго оставаться съ семействами и потому Луганцы, получивъ пособіе по 30 рублей на мастероваго, немедленно устремились въ сосѣдній аулъ Салугарданъ и закупили себѣ осетинскія сакли, которыя перевезли на мѣсто, отведенное подъ станицу, и построили первую по времени улицу, носящую до сихъ поръ названіе Луганской. Затѣмъ стали прибывать мастеровые съ Уральскихъ заводовъ (Пермской губерніи,) которые размѣщались на время, до устройства своихъ домовъ, по квартирамъ у Луганцевъ и, наконецъ, послѣдними явились мастеровые съ Алтайскихъ заводовъ (Томской губерніи), заставшіе уже поселеніе въ нѣсколько улицъ, такъ что недостатка для временнаго ихъ размѣщенія не было. Такимъ образомъ сформировалась горная станица Алагиръ, съ населеніемъ казенныхъ природныхъ горныхъ мастеровыхъ, обязательная служба для коихъ полагалась въ 35 лѣтъ, считая съ 18 лѣтняго возраста, не принимая въ расчетъ работу съ 12 до 18 лѣтъ (подростками). Хотя станица находилась въ сторонѣ отъ разбойничьихъ туземныхъ ауловъ, тѣмъ не менѣе, по тогдашнему военному времени, необходимо было чѣмъ-либо защитить ее отъ нападеній шаекъ абрековъ и вторженій полчищъ Шамиля. Для такой защиты усиліями мастеровыхъ и военныхъ командъ, подъ руководствомъ саперовъ, былъ выкопанъ глубокій ровъ вокругъ станицы, наполнявшійся водою изъ проведенной канавы отъ рѣки Ардона, а образовавшійся изъ земляной насыпи валъ покрытъ толстымъ слоемъ колючаго кустарника, точно также, какъ это было въ казачьихъ станицахъ. По валу съ 4-хъ сторонъ станицы устроены были батареи по одному орудію на каждой ($^1/_2$ пудовые единороги) съ прислугой изъ команды артиллеристовъ, назначенныхъ военнымъ вѣдомствомъ. Для проѣзда и прохода въ валу станицы

было четверо воротъ, на ночь запиравшихся, съ высокими вышками при нихъ, на которыхъ посмѣнно находились часовые; кромѣ того, для безопасности, мастеровые были снабжены ружьями, отпущенными отъ артиллерійскаго вѣдомства, причемъ въ нѣкоторые свободные дни мастеровые обучались практической стрѣльбѣ въ цѣль подъ руководствомъ военныхъ унтеръ-офицеровъ, а также дѣйствію при орудіяхъ, къ чему мастеровые скоро привыкли и представляли собою массивную дружину въ 300 слишкомъ человѣкъ, большею частью рослыхъ и здоровыхъ людей.

Хотя мастеровые состояли на правахъ военнослужащихъ, но особаго обмундированія имъ не полагалось, а всякій справлялъ себѣ одежду по своему вкусу и достатку, и потому означенная дружина ходила въ разнообразныхъ костюмахъ: черкескахъ, свитахъ, поддевкахъ и т. п. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляли такъ называвшіеся нижніе чины, служившіе по письменной и технической частямъ: урядники, уставщики, пробиреры и кондуктора, которые носили обмундированіе военнаго образца.

Въ отношеніи существенныхъ потребностей мастеровые были вполнѣ обезпечены, получая жалованья въ мѣсяцъ отъ 3-хъ до 5 рублей, смотря по спеціальности, и провіантъ на себя и жену по два пуда, а на малолѣтковъ по одному пуду въ мѣсяцъ на каждую душу; кромѣ того, нѣкоторымъ подспорьемъ служило огородничество въ небольшомъ видѣ при дворахъ, а отчасти и внѣ станицы. На первое время для исполненія религіозныхъ потребностей служила церковь въ сосѣднемъ аулѣ Салугарданѣ, а такъ какъ тамъ служба производилась на грузинскомъ языкѣ, то изъ числа мастеровыхъ одинъ (Дмитрій Сергѣевъ), хорошо знакомый съ церковнымъ уставомъ, былъ опредѣленъ чтецомъ, съ освобожденіемъ его отъ казенныхъ работъ. Вскорѣ изъ числа служащихъ нижнихъ чиновъ нашлись любители пѣнія и служба церковная пошла, какъ и въ русскихъ селахъ.

Одновременно съ устройствомъ станицы, производилась и постройка серебро-плавильннаго завода на юго-востокъ отъ нея, въ разстояніи одной версты отъ центра станицы, въ лощинѣ, каковая постройка окончена въ 1853 году и 19 мая того же года, послѣ освящѣнія, заводъ пущенъ въ дѣйствіе въ присутствіи намѣстника Кавказскаго князя Воронцова и

блестящей свиты, его сопровождавшей. Первый опытъ удался болѣе чѣмъ удовлетворительно: изъ 300 пудовъ серебристаго свинца (веркблей) выплавлено $26^{1}/_{2}$ фунтовъ серебра и 264 пуда чистаго свинца.

Полученный 21-го мая 1853 года серебряный слитокъ (бликъ) былъ всеподданнѣйше поднесенъ Государю Императору Николаю I-му, при всеподданнѣйшемъ донесеніи князя Воронцова.

Его Величество, удостоивъ князя Воронцова всемилостивѣйшаго рескрипта, а лицъ, участвовавшихъ въ трудахъ по устройству завода, награжденія, Высочайше повелѣлъ: самый слитокъ серебра препроводить къ министру Императорскаго Двора, съ тѣмъ, чтобы одна половина была употреблена на изготовленіе сосуда для строившейся въ Петергофѣ церкви, у Бабьяго гона, а другая половина на сосудъ Исаакіевскаго собора; на каковыхъ сосудахъ сдѣлать надпись, что оные изготовлены изъ перваго серебра, выплавленнаго на Алагирскомъ заводѣ 21-го мая 1853 года.

Заводъ имѣетъ видъ квадратнаго укрѣпленія, занимающаго площадь въ 1200 квадратныхъ саженъ; выстроенъ изъ трахитоваго туфа, добывавшагося изъ скалы, недалеко отъ мѣста постройки (1 верста). Работа производилась мастерами изъ грековъ, а отчасти и русскими казенными мастеровыми. Лицевая часть стѣнъ чистой тески; самыя стѣны толщиною $1^{1}/_{2}$ аршина; въ стѣнахъ устроены амбразуры для ружейной стрѣльбы, а на противоположныхъ углахъ, по діогонали укрѣпленія, сооружены двѣ башни для фланговой обороны, изъ коихъ сѣверо-восточная 2-хъ этажная, а юго-западная 3-хъ этажная; въ верхнихъ этажахъ помѣщались орудія ($^{1}/_{2}$ пудовые единороги), а въ нижнихъ артиллерійская прислуга. На верху коническихъ крышъ башенъ сдѣланы были деревянныя окрашенныя будки для часовыхъ и приспособленія для установки флаговъ въ высокоторжественные дни. Съ сѣверной стороны укрѣпленія, по бокамъ воротъ, сложены еще двѣ 3-хъ этажныя квадратныя башни для различнаго назначенія и, наконецъ, въ сѣверо-западномъ углу тоже въ родѣ 2-хъ этажной башни—помѣщеніе для лабораторіи. Для провоза внутрь завода рудъ съ Садонскаго рудника устроены съ южной стороны ворота и при нихъ будка для часового. Внутри укрѣпленія сооружены корпуса плавильныхъ печей, воз-

духодувная машина кузница, пробирная контора, магазины и проч.

Въ томъ же 1853 году окончена въ станицѣ каменная церковь, которая заложена была еще 8 ноября 1850 года въ присутствіи начальника Владикавказскаго военнаго округа генералъ-маіора Ильинскаго. 22 октября 1853 года она торжественно была освящена, въ присутствіи начальника того же округа генералъ-маіора Вревскаго, архіепископомъ Карталинскимъ и Кахетинскимъ Исидоромъ, экзархомъ Грузіи, при многочисленномъ стеченіи богомольцевъ изъ окрестныхъ казачьихъ станицъ.

Церковь сложена изъ трахитоваго туфа въ византійскомъ стилѣ по плану художника князя Гагарина. Кладка производилась греческими мастерами, подъ ближайшимъ надзоромъ горнаго начальника полковника Иваницкаго, хорошàго знатока строительнаго искусства, и горнаго кондуктора Шарапова, впослѣдствіи инженеръ-технолога. Спустя нѣкоторое время, она внутри прекрасно была разрисована, а вокругъ нея устроена каменная ограда съ башнями по угламъ и каменная же колокольня, на которой имѣется теперь два большихъ колокола: одинъ въ 34, а другой въ 106 пуд. Кромѣ того, въ среднемъ ярусѣ установлены самобойныя часы, пожертвованныя бывшимъ намѣстникомъ Кавказскимъ княземъ Барятинскимъ. Вообще церковь имѣетъ массивный и чрезвычайно изящный видъ.

Къ началу 1854 года почти всѣ необходимыя зданія были совершенно окончены, при содѣйствіи со стороны военнаго вѣдомства назначеніемъ ежегодно на работы воинскихъ нижнихъ чиновъ и подводъ конно-подвижнаго магазина.

Пока устраивалась Горная станица и Алагирскій заводъ, шла дѣятельная работа еще по проложенію горной дороги по Алагирскому ущелью до Садонскаго рудника, на протяженіи 33 верстъ.

Начатая въ 1848 году, дорога эта въ теченіе лѣта 1848 и 1849 г. была до половины окончена для повозочной ѣзды; на остальномъ же разстояніи разработана вьючная тропа, которую въ 1850 году предполагалось обратить въ колесную, но наступившіе весною того года проливные дожди съ быстрымъ таяніемъ снѣговъ, образуя бурные потоки, подобныхъ коимъ не помнили старожилы, разрушили дорогу. Опытъ по-

казалъ, что проведенная по ущелью дорога, хотя и дешевле другой, но при повтореніи наводненій потребуетъ или значительнаго ремонта, или вовсе изчезнетъ, а потому признано необходимымъ проложить дорогу не по рѣчному руслу, а въ полугорѣ.

Издержанные на устройство прежней дороги 13038 руб. приняты княземъ Воронцовымъ безвозвратнымъ расходомъ на счетъ суммъ, состоявшихъ въ его распоряженіи.

Затѣмъ на новое проведеніе дороги, по произведенному исчисленію, оказалось нужнымъ до 100 т. руб. (или на версту 3333 руб. 33 коп.), при чемъ по окончаніи дороги получился остатокъ въ 5044 руб. 13¼ коп., который также употребленъ на расходы по ремонту дороги.

Разработка дороги, порученная сначала начальнику 1-го отдѣленія VIII округа путей сообщенія подполковнику Иванову, съ 1-го января 1852 года передана была горному начальнику Алагирскаго завода подполковнику Иваницкому. Для содержанія въ должной исправности горной дороги отъ завода до Садонскаго рудника переведена была въ Алагиръ имѣвшаяся въ VII округѣ корпуса инженеровъ военныхъ поселеній одна свободная военно-рабочая рота, которая оставлена навсегда при Алагирскомъ заводѣ, съ отчисленіемъ въ горное вѣдомство и наименованіемъ «горно-рабочею ротою». Въ составѣ этой роты были семейные нижніе чины, которымъ разрѣшено было устроить себѣ вблизи завода, на юго-западъ отъ него, слободку; остальные неженатые солдаты помѣщались въ казармѣ, построенной немного далѣе слободки на возвышеніи; тамъ же былъ и домъ командира роты.

Теперь приходится сказать о земляхъ и лѣсахъ, требовавшихся для надобностей завода и довольствія горно-заводской команды.

Потребность эта имѣлась въ виду въ самомъ началѣ дѣла и потому еще въ 1848 г. произведена была съемка земель и составленъ проектъ отмежеванія лѣса, при чемъ по подробномъ разсмотрѣніи собранныхъ свѣдѣній оказалось:

1) Для дѣйствія завода на ежегодную выплавку 100 пудовъ серебра и 35 т. пуд. свинца, для разныхъ хозяйственныхъ потребностей завода и для довольствія горной команды, нужно 3700 десятинъ удобной земли; 2) лѣса для вѣчнаго

довольствія завода, на полное его дѣйствіе, т. е. на выплавку 100 пуд. серебра и соотвѣтственнаго количества свинца, потребно 30 т. десятинъ; 3) для рудника и небольшого поселенія на немъ, на основаніи устава горнаго, хотя и слѣдовало бы отмежевать одну квадратную версту земли, но какъ въ этомъ количествѣ не представлялось существенной надобности, да и невозможно было отмежевать онаго, по недостатку земли въ Садонскомъ ущельѣ, то признано достаточнымъ имѣть для этого около 20 десятинъ рѣчного каменистаго русла и части безплодныхъ горъ.

По произведенному предварительно дознанію чрезъ мѣстное начальство и по личному осмотру князя Воронцова оказалось, что это количество земли и лѣса для Алагирскаго серебро-свинцоваго завода можно отвести безъ стѣсненія жителей окрестныхъ туземныхъ ауловъ. Лѣсъ, предположенный къ отмежеванію, не составлялъ частной собственности, но состоялъ въ общемъ пользованіи, а земля принадлежала осетинскимъ ауламъ, выселеннымъ изъ ущелья на плоскость еще при генералѣ Ермоловѣ; но такъ какъ населеніе здѣсь было небольшое, то за надѣленіемъ завода землею изъ общаго участка, жителямъ оставалось еще довольно.

Для вознагражденія за земли, кромѣ лѣса, назначенныя къ отмежеванію для завода, по бывшимъ уже сего рода случаямъ при отмежеваніи земли подъ казачьи станицы, исчислена сумма въ 34 т. руб. сер.; что же касается до лѣса, то, какъ выше сказано, онъ не составлялъ частной собственности, а принадлежалъ разнымъ обществамъ туземцевъ, которые имѣли право употребленія онаго, равно какъ и часть войскъ нашихъ и жителей Владикавказа; поэтому особенной платы за него по настоящей его цѣнности не положено; но такъ какъ чрезъ отмежеваніе формальнымъ образомъ столь большого количества лѣса могли потерпѣть особенно осетинскія общества, которыя свободно пользовались онымъ для своихъ нуждъ, то предполагалось дать имъ вознагражденіе въ количествѣ 15 т. рублей.

Назначенная подъ Алагирскій заводъ земля, въ количествѣ 3700 десятинъ удобной и 415 неудобной, а всего 4115 десятинъ изъ земель, принадлежащихъ Алагирскимъ и Дигорскимъ осетинамъ, отмежевана и нормальнымъ образомъ передана горному начальству 7-го іюля 1852 года, съ выдачею

жителямъ 7042 руб. 50 коп. вознагражденія; что же касается лѣса, то таковой не отмежеванъ и количество вознагражденія не опредѣлено; тѣмъ не менѣе лѣса, въ окрестности завода расположенные, находились подъ ближайшимъ надзоромъ горнаго начальства, которое, по сношенію съ мѣстною администраціей, установило съ 1857 г. нѣкоторый порядокъ въ загатовкѣ туземцами лѣсныхъ матеріаловъ для своихъ строительныхъ нуждъ и частью на продажу. Такое фактическое завѣдываніе окрестными лѣсами продолжалось до учрежденія въ Терской области особыхъ лѣсничествъ въ 1874 году.

Для обезпеченія же Садонскаго рудника лѣсомъ, необходимымъ для укрѣпленія горныхъ выработокъ и на другія по руднику нужды, отведены и переданы въ 1857 году въ горное вѣдомство, по распоряженію бывшаго главнокомандующаго Кавказскою арміею генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго, сосновые лѣса, произрастающіе въ Кассарскомъ ущельѣ въ недалекомъ разстояніи отъ рудника, общая площадь коихъ, по произведенной таксаціи, опредѣлена въ 2920 десятинъ. По неимѣнію въ горахъ другихъ лѣсовъ, разрѣшено было пользоваться изъ этой дачи лѣсными матеріалами на необходимыя нужды и валежникомъ для отопленія жилищъ 11-ти окрестнымъ селеніямъ, жители коихъ ранѣе сего пользовались отчужденною отъ нихъ дачей.

Теперь обратимся къ главной сути горнаго дѣла. Богатство нѣкоторыхъ выходовъ Садонскаго руднаго мѣсторожденія поражало не только грековъ—рудопромышленниковъ, но и горныхъ инженеровъ, осматривавшихъ это мѣсторожденіе, и такъ сказать ослѣпляло ихъ, причемъ они, не обращая вниманія на скудость рудъ на прочихъ выходахъ, брали въ основаніе своихъ расчетовъ только богатыя обнаженія; между тѣмъ развѣдочныя и очистныя работы впослѣдствіи показали, что рудное мѣсторожденіе въ подземной части далеко не соотвѣтствовало наружному богатству выходовъ, такъ какъ главную массу жилы составляла не серебро-свинцовая, а цинковая руда, но правительству, согласно воли Государя Императора Николая I, нуженъ былъ свинецъ для потребностей войскъ, а не цинкъ, производство котораго во время основанія Алагирскаго завода не могло быть введено по многимъ причинамъ.

Къ правильной развѣдкѣ Садонскаго руднаго мѣсторожде-

нія приступлено было въ 1853 году по окончаніи дороги къ руднику, а въ слѣдующемъ 1854 году Восточная война была причиною начала добычи въ совершенно неподготовленномъ для того руднике. Добыча рудъ продолжалась въ 1855 году; въ слѣдующемъ же 1856 году прекращена совершенно, равно какъ и плавка рудъ на заводѣ, и всѣ силы направлены на развѣдку мѣсторожденія. Въ томъ же 1856 году снаряжена была подъ руководствомъ горнаго инженера С. И. Щастливцева рудоискательная партія, которая въ теченіе 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ того года обслѣдовала всю Осетію отъ Терека до Уруха и отъ снѣгового хребта между Казбекомъ и безъимянною горою (послѣ Эльбруса—высочайшая точка Кавказа) до такъ называемой плоскости. На этомъ пространствѣ открыто множество незначительныхъ выходовъ свинцоваго блеска, изъ которыхъ нѣкоторые были изслѣдованы поверхностно, а другіе, по очевидной бѣдности, оставлены безъ вниманія. Вообще разсматривая труды партіи, надо придти къ заключенію, что рудоносность наиболѣе развита между Ардономъ и Урухумъ, гдѣ находится наибольшее число рудныхъ признаковъ. Изъ пріисковъ, представлявшихъ лучшіе задатки, предназначены были для подробнаго изслѣдованія слѣдующіе: 1-й Байрагонъ, 2-й Архонъ, 3-й—Холстъ, 4-й—Вакацъ и 5-й—Стуръ-Изды. Вслѣдствіе этихъ развѣдокъ, плавка рудъ на заводѣ пріостановилась на четыре года (1856, 1857, 1858 и 1859 г.). Въ 1859 г., для лучшаго ознакомленія съ процессами расплавки рудъ на иностранныхъ заводахъ и съ цѣлью введенія обогащенія рудъ по новымъ способамъ, былъ командированъ за границу горный инженеръ С. И. Щастливцевъ который по возвращеніи своемъ занялся составленіемъ проекта дѣйствія завода на новыхъ началахъ, предложивъ рядъ сокращеній для безубыточнаго веденія дѣла. Проектъ этотъ былъ одобренъ и съ 1860 года приступлено было къ выполненію его, съ возобновленіемъ дѣйствія завода.

Въ 1861 году г. состоялось Высочайше утвержденное положеніе о горнозаводскомъ населеніи казенныхъ горныхъ заводовъ вѣдомства министерства финансовъ, въ силу коего измѣнился весь прежній строй заводовъ, по случаю освобожденія людей отъ обязательной заводамъ службы. Прежде всего были освобождены горно-заводскіе люди въ Россіи; въ Алагирѣ же это освобожденіе началось съ 8-го марта 1862 года

и окончилось 8-го марта 1863 года, такъ какъ мастеровые увольнялись не сразу, а по срокамъ службы. Многіе изъ получившихъ свободу отправились на родину; часть разошлась по разнымъ мѣстамъ Кавказа, а часть осталась на мѣстѣ, поступивъ на работы на условіяхъ вольнаго найма. Въ это переходное время (1861 и 1862 г.) дѣйствіе завода опять было пріостановлено. Будучи возобновлено въ 1863 году, оно затѣмъ не прекращалось въ теченіе 32-хъ лѣтъ (почти до начала 1896 года), постепенно совершенствуясь въ техническомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, благодаря опытности и энергіи такихъ горныхъ инженеровъ, какъ братья Щастливцевы, изъ коихъ одинъ стоялъ во главѣ съ 1861, а другой съ 1881 г.

На основаніи упомянутаго положенія и журнала главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія 1-го ноября 1861 года, нижнимъ чинамъ и мастеровымъ Алагирскаго завода, въ виду особенныхъ условій ихъ пребыванія на Кавказѣ, предоставлены были слѣдующія права:

1 Освобожденіе отъ рекрутской повинности на томъ же основаніи, на какомъ освобождены были отъ оной всѣ жители сего края, каковая льгота продолжалась до 1874 года, то есть до изданія новаго устава о воинской повинности, призвавшаго всѣ сословія государства къ отбыванію этой священной обязанности.

2) Освобожденіе отъ казенныхъ податей и повинностей, впредь до дальнѣйшаго по сему предмету распоряжнія правительства.

3) Надѣленіе землею, по усмотрѣнію и распоряженію намѣстника Кавказскаго, въ высшемъ размѣрѣ противъ другихъ заводовъ.

Въ 1863 году окончательно было образовано изъ освобожденныхъ нижнихъ чиновъ и мастеровыхъ Алагирское сельское общество и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года Пятигорскій мировой посредникъ г. Шанъ-Гирей открылъ дѣйствіе волостного правленія, съ утвержденіемъ избраннаго народомъ старшины и подчиненіемъ волости учрежденіямъ Терской области.

Въ 1866 году на Кавказъ прибыла партія переселенцевъ изъ Вятской губерніи, съ намѣреніемъ приписаться въ казачье сословіе; а такъ какъ въ усиленіи казачьихъ станицъ не

предстояло никакой надобности, то высшее начальство Кавказскаго края распорядилось этихъ переселенцевъ направить въ Алагиръ, въ виду того, что послѣдніе на родинѣ до освобожденія крестьянъ служили на помѣщичьихъ Главно-Холуницкихъ желѣзодѣлательныхъ заводахъ и что слѣдовательно въ Алагирѣ для нихъ найдется болѣе подходящее, привычное занятіе, нежели служба въ казакахъ. Мѣстное горное начальство съ удовольствіемъ изъявило согласіе на причисленіе къ Алагирской горно-заводской волости означенныхъ переселенцевъ для пополненія уменьшившагося числа рабочихъ, вслѣдствіе ухода многихъ мастеровыхъ на родину по полученіи свободы.

Переселенцы прибыли въ Алагиръ 22-го апрѣля 1866 года, въ числѣ 53 семействъ, состоявшихъ изъ 197 душъ обоего пола, и были торжественно встрѣчены горно-заводскимъ начальствомъ и всѣмъ кореннымъ населеніемъ съ крестнымъ ходомъ во главѣ. На первое время размѣстили ихъ по квартирамъ у мѣстныхъ жителей и въ теченіе цѣлаго мѣсяца они получали пособіе отъ завода провіантомъ и деньгами, а затѣмъ поступили на работы по вольному найму, частью на заводѣ, а частью въ Садонскомъ рудникѣ и такимъ образомъ слились съ коренными алагирцами, построивъ себѣ дома на отведенныхъ безплатно усадебныхъ мѣстахъ въ Алагирѣ и Садонѣ.

Около того же времени также причислилось 24 семьи, въ числѣ 55 душъ мужского пола отставныхъ солдатъ изъ Кавказской арміи, пріобрѣвшихъ себѣ усадьбы отъ выбывшихъ мастеровыхъ и вдовъ.

Рядъ неурожайныхъ годовъ въ Рачинскомъ уѣздѣ, Кутаисской губерніи, былъ причиною къ постепенному переселенію въ Алагиръ имеретинъ, начавшемуся съ 1880 года. За ними стали переселяться сюда же и осетины изъ Алагирскаго ущелья. чтобы избѣжать затрудненій при перевозкѣ въ горы хлѣба, засѣваемаго на арендуемой на плоскости землѣ. Всѣ эти переселенцы пріобрѣли въ полную собственность подъ усадьбы огородныя мѣста, отведенныя кореннымъ жителямъ подъ огороды, рядомъ съ чертою селенія. Такой наплывъ пришлыхъ людей весьма повысилъ цѣну на участки, которые до этого продавались отъ 50 коп. до 3-хъ руб. за участокъ въ 120 квдр. саж., а потомъ стали продаваться по

120 и болѣе рублей. Переселенцы нѣсколько разъ хлопотали о пріемѣ ихъ въ составъ Алагирской волости, но безуспѣшно, такъ какъ коренное населеніе не соглашалось на это, ввиду недостаточности надѣльной земли. Такимъ образомъ, переселенцы, проживая въ селеніи Алагирѣ на собственныхъ усадьбахъ, вынуждены арендовать полевыя угодья у коренныхъ жителей, а также въ казнѣ и у частныхъ владѣльцевъ, по довольно высокой цѣнѣ: пахотную десятину отъ 5 до 10 рублей и покосную по 3 руб.

Къ 1 января 1899 года состояло въ волости:

а) Коренныхъ жителей:

мужского пола	676	душъ
женскаго »	599	»
А всего обоего пола	1275	»

б) имеретинъ:

мужского пола	398	душъ
женскаго	338	»
Обоего пола . .	736	»

в) Осетинъ:

мужского пола	502	»
женского	447	»
Обоего пола . . .	949	»

я г) Разночинцевъ:

мужскаго пола	97	душъ
женскаго	102	»
Обоего пола . .	199	»

Всего же населенія къ 1 января 1899 года состояло: мужского пола 1673 и женскаго 1486, всего 3159 душъ.

Въ числѣ разночинцевъ заключаются: служащіе и отставные офицеры и чиновники, мѣщане, крестьяне и проч. осѣдло и временно проживающіе.

Изъ сопоставленія этихъ данныхъ видно, что пришлый элементъ далеко превышаетъ численность коренного населенія и становится какъ бы господствующимъ.

Семейный и общественный бытъ.

Положеніе женщинъ и дѣтей какъ у коренного населе-

нія, такъ и у пришлаго почти одинаково: женщины преимущественно занимаются домашними работами, дѣти до 12 лѣтъ обучаются въ школѣ и затѣмъ мальчики отдаются въ обученіе мастерствамъ, въ услуженіе или помогаютъ отцамъ въ ихъ работахъ. Инородческій элементъ никакого вліянія на бытовую жизнь коренного населенія не имѣетъ.

Какъ тѣ, такъ и другіе православнаго исповѣданія, исключая одного двора изъ осетинъ, исповѣдующаго магометанскую религію.

Нравы и обычаи коренного населенія общи съ таковыми же, существующими въ Россіи. Инородцы, проживая съ русскими, замѣтно утрачиваютъ свои прежніе обычаи, описанные уже неоднократно многими путешественниками и учеными изслѣдователями, такъ что повторять ихъ не представляется надобности.

Экономическій бытъ селенія.

Формальный надѣлъ земельными угодьями уволенныхъ отъ обязательной службы горнозаводскихъ людей, а также причисленныхъ къ селенію Алагиръ вятскихъ переселенцевъ и отставныхъ солдатъ Кавказской арміи послѣдовалъ въ 1872 году, хотя уставная грамота составлена была въ 1867 году.

Къ 1 марта 1867 г., ко дню составленія уставной грамоты, числилось въ Алагирской волости: уволенныхъ отъ обязательной службы нижнихъ чиновъ и мастеровыхъ и дѣтей ихъ мужескаго пола 293 души, отставныхъ нижнихъ чиновъ и мастеровыхъ 65 душъ, вятскихъ переселенцевъ 113 душъ мужескаго пола и приписанныхъ отставныхъ солдатъ 63 души, а всего 534—д. мужескаго пола. Коренному населенію назначено по одной десятинѣ пахотной и по двѣ десятины покосной земли на каждую душу мужескаго пола; причисленнымъ же въ составъ волости вятскимъ переселенцамъ и отставнымъ нижнимъ воинскимъ чинамъ только по двѣ десятины покоса на мужскую душу. Такимъ образомъ, по этому расчету отведено въ постоянное пользованіе Алагирскаго сельскаго общества: пахотной земли 358 десятинъ и покосной 1068 десятинъ, а всего 1426 десятинъ, и кромѣ того въ общее съ Алагирскимъ заводомъ пользованіе выгонной земли 750 десятинъ.

Независимо сего оставлены въ вѣчное потомственное

владѣніе собственно бывшимъ горнозаводскимъ людямъ усадебныя мѣста, отведенныя имъ при первомъ поселеніи, а именно по 150 кв. саж.; затѣмъ отведено, при составленіи уставной грамоты, какъ кореннымъ, такъ и постороннимъ лицамъ, вошедшимъ въ составъ волости, то есть вятскимъ переселенцамъ и отставнымъ солдатамъ, подъ огороды, внѣ черты селенія, по 120 квадратныхъ саженъ на каждую душу мужескаго пола; тѣмъ же изъ бывшихъ горнозаводскихъ людей, которые до освобожденія имѣли уже огороды, таковые оставлены въ томъ размѣрѣ, какъ они занимали, безъ всякой надбавки или убавки. Полевая земля распредѣляется между членами общества по приговору.

За пользованіе надѣльными землями, пахотными и сѣнокосными, общество уплачиваетъ въ казну изъ мірскихъ суммъ по 92 рубля.

Содержаніе общественнаго управленія и всѣ расходы по благоустройству села, содержаніе общественныхъ зданій устройство мостовъ, канавъ и ремонтъ ихъ относятся также на мірскіе доходы, получаемые преимущественно отъ отдачи въ аренду права содержанія духана и свободной земли, остающейся отъ умершихъ членовъ общества, безвѣстно отсутствующихъ и бездомныхъ жителей, постоянно находящихся въ отхожихъ промыслахъ.

Сельскохозяйственные промыслы.

Населеніе Алагира, собственно коренное, какъ состоящее преимущественно изъ ремесленниковъ, земледѣліемъ не занимается, исключая незначительнаго посѣва кукурузы для корма домашней птицы и лошадей, тѣмъ болѣе. что другіе хлѣба, какъ напримѣръ рожь и пшеница, на общественныхъ земляхъ не могутъ созрѣвать, вслѣдствіе изобилія дождей; къ кукурузному же хлѣбу русскіе люди не привычны, а потому для продовольствія себя покупаютъ муку съ базара. Большую часть надѣльной земли сдаютъ въ аренду временно-проживающимъ въ Алагирѣ осетинамъ и имеретинамъ, которые усердно занимаются посѣвомъ кукурузы, какъ для собственнаго продовольствія, такъ и на продажу избытка урожаевъ.

Скотоводство какъ у коренныхъ жителей, такъ и у пришлыхъ ограничивается необходимымъ количествомъ домашняго и рабочаго скота.

Къ 1 января 1899 года состояло скота:

а) у коренныхъ жителей:

быковъ	4 шт.
коровъ и телятъ	222 »
лошадей и жеребятъ	143 »
	369 шт.

б) у имеретинъ:

быковъ	114 шт.
коровъ и телятъ	166 »
буйволовъ	8 »
лошадей и жеребятъ	133 »
свиней	255 »
	676 шт.

в) у осетинъ:

быковъ	99 шт.
коровъ и телятъ	271 »
буйволовъ и буйволятъ	16 »
козъ и барановъ	283 »
лошадей и жеребятъ	261 »
	930 шт.

г) у разночинцевъ:

коровъ и телятъ	90 шт.
буйволовъ	4 »
лошадей и жеребятъ	35 »
	128 шт.

а всего скота 2103 штуки при 750 десятинахъ выгонной земли, состоящей въ общемъ пользованіи съ Алагирскимъ серебро-свинцовымъ заводомъ. Травъ луговыхъ не засѣвается. Сѣнокошеніе производится только для домашняго потребленія. Садоводство въ Алагирѣ развито въ довольно значительныхъ размѣрахъ, благодаря климатическимъ особенностямъ. Оно началось съ 1852 года насажденіемъ казеннаго сада при домѣ горнаго начальника Алагирскаго серебро-свинцоваго завода горнаго инженера полковника Иваницкаго, любителя всего прекраснаго и полезнаго; къ тому же онъ состоялъ членомъ Кавказскаго сельскохозяйственнаго общества, тогда уже

существовавшаго по иниціативѣ намѣстника Кавказскаго князя Воронцова, вообще желавшаго распространить въ здѣшнемъ краѣ всякую промышленность, несмотря на тревожное положеніе неумиротворенной еще страны. Спустя нѣкоторое время, въ Алагирѣ поселился по торговымъ дѣламъ курскій мѣщанинъ Андрей Андреевичъ Яковлевъ, обратившій серьезное вниманіе на садоводство, и сталъ разводить въ своей усадьбѣ фруктовыя деревья, пользуясь прививками изъ казеннаго сада. Дѣло у него пошло также хорошо, какъ и въ казенномъ саду. Фрукты получались отмѣннаго качества и заслужили громкую извѣстность, въ особенности зимній сортъ такъ называемой черной Алагирской груши. Въ то же время заведенъ садъ при церкви, а послѣ того садоводствомъ занялся горный инженеръ Павелъ Петровичъ Семянниковъ и, наконецъ, съ 1870 года охватила всѣхъ манія къ разведенію садовъ не только въ Алагирѣ, но и въ окрестныхъ туземныхъ селеніяхъ, при чемъ для послѣднихъ Алагиръ былъ поставщикомъ дичковъ и прививокъ. Затѣмъ, жестокія зимы 1879, 1880, 1881 и 1882 г. сильно повліяли на сады, такъ что черныя груши совсѣмъ захирѣли и не оправились до сихъ поръ, несмотря на всѣ принятыя мѣры къ оздоровленію ихъ; что касается другихъ сортовъ, то они продолжали давать урожаи, хотя не въ томъ количествѣ, какъ было при основаніи садовъ. Въ послѣдніе годы зимы стали замѣтно легкія, почти такія же, какъ были прежде до 1879 г., при чемъ сады замѣтно поправились и ежегодно привлекаютъ массу скупщиковъ, преимущественно армянъ и персовъ изъ г. Владикавказа. Крупныхъ садовъ въ Алагирѣ считается 12-ть, площадью около 30 десятинъ, и нѣсколько мелкихъ при усадьбахъ

Одновременно съ разведеніемъ первыхъ садовъ была сдѣлана горнымъ начальникомъ Алагирскаго завода А. Б. Иваницкимъ попытка къ пріохоченію женъ горнозаводскихъ мастеровыхъ къ занятію шелководствомъ, для чего внѣ черты селенія, къ югу, была по его старанію насаждена тутовая платанція, площадью около 2-хъ десятинъ; но желающихъ заняться этимъ дѣломъ не оказалось, хотя нѣкоторое время при казенномъ садѣ производилось выкармливаніе шелковичнаго червя листьями изъ упомянутой платанціи довольно удачно и коконы получались хорошей доброты. Впослѣдствіи тутовая платанція была подарена мѣстному обществу и такъ

какъ деревья значительно устарѣли, то общество распорядилось продать ихъ на срубъ одному колеснику, имѣя въ виду на этой плантаціи развести фруктовый садъ, хотя намѣреніе это пока не осуществилось по недостатку средствъ.

Виноградарствомъ и винодѣліемъ никто въ Алагирѣ не занимается, такъ какъ опыты разведенія винограда не удались. Пчеловодствомъ занимаются здѣсь только два лица: мѣстный священникъ отецъ Георгій Кораевъ и обыватель селенія Алагиръ Яковъ Толмачевъ, имѣющій до 200 ящиковъ-ульевъ линеечной системы и ведущій пчеловодство съ 1886 г. по методѣ владикавказскаго пчеловода Д. Д. Осипова. Для большаго развитія пчеловодства окрестности Алагира не представляютъ удобства по малости полей, которыя при томъ засѣваются сплошь одною кукурузой, причемъ для взятка пчеламъ остаются сады и покосы; но при изобиліи дождей и эти два источника не всегда могутъ быть использованы. Бахчеводство, по этой же причинѣ, здѣсь совсѣмъ не существуетъ.

Огородничество ведется въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ для собственнаго потребленія. Рѣки окрестностей Алагира не изобилуютъ рыбою; въ нихъ водятся только форель и усачъ въ незначительномъ количествѣ, а осенью изъ Терека заходитъ лососина.

Изъ ремесленныхъ промысловъ преобладаютъ плотничный столярный, сапожный, кузнечный; кустарныхъ производствъ не существуетъ, такъ какъ всѣ ремесленники большею часть занимаются работами на сторонѣ и на рудникахъ горнопромышленныхъ компаній.

Въ заключеніе необходимо—сказать, что Алагирскій серебро-свинцовый заводъ съ Садонскимъ рудникомъ 30 ноября 1895 года сданъ правительствомъ, на выгодныхъ для казны условіяхъ, въ арендное содержаніе, срокомъ на 60 лѣтъ, лейтенанту запаса флота Н. В. Фильковичу, а послѣднимъ вскорости право это уступлено Бельгійской компаніи, которая имѣетъ въ виду утилизировать цинковыя руды, съ попутнымъ добываніемъ и серебро-свинцовыхъ рудъ. Рядомъ съ водвореніемъ въ Алагирскомъ ущельи Бельгійской компаніи, открыла свои дѣйствія и чисто русская компанія, извѣстная подъ названіемъ «Терскаго Горнопромышленнаго Обще-

ства», которая заняла нѣсколько рудниковъ не только въ Алагирскомъ, но и въ Дигорскомъ ущельяхъ, при чемъ нѣкоторые изъ этихъ рудниковъ обѣщаютъ блестящую производительность.

С. И. Толмачевъ.

МАТЕРІАЛЫ КЪ ИСТОРІИ ТЕРСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

Малороссійскій казачій полкъ.

25 августа 1901 года Терское войско отпраздновало 324-ю годовщину своего существованія на Кавказѣ. «Вѣкъ прожить, не поле перейти», говоритъ одна изъ русскихъ пословицъ; а тутъ выходитъ, что войско прожило три вѣка слишкомъ! Конечно, не сидѣло оно сложа руки въ теченіе такого длиннаго періода времени; нѣтъ, пришлось казакамъ не мало встрѣтить горя, а иногда радости въ своей боевой жизни на Кавказѣ. Но гдѣ и что сказано объ этомъ? Почти нигдѣ или очень мало, отрывочно; а между тѣмъ весьма интересно и поучительно для подростающаго казачьяго поколѣнія знать о прошлой жизни своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ.

Исторія Терскаго войска, по нашему мнѣнію, слагается главнымъ образомъ изъ монографій полковъ, составляющихъ войско, а потому прежде всего нужны повѣствованія о жизни и дѣятельности каждаго полка; но этихъ повѣстей у насъ нѣтъ; составленіе ихъ представляетъ громадный трудъ, по отсутствію надлежащихъ матеріаловъ; да кромѣ усидчивой, кропотливой работы, необходимы здѣсь и денежныя затраты: на поѣздки. канцелярскіе припасы, чѣмъ не всякій изыскатель располагаетъ. Вотъ эти-то причины и тормазятъ дѣло.

Желая принести посильную лепту для исторіи Терскихъ казаковъ, я намѣренъ помѣстить на страницахъ «Терскаго Сборника» рядъ историческихъ матеріаловъ, сначала о бывшемъ Владикавказскомъ полкѣ,—нынѣ 1-й Сунженско-Владикавказскій генерала Слѣпцова полкъ—а за нимъ и о другихъ. При этомъ долженъ оговориться, что въ мой трудъ войдутъ свѣдѣнія, взятыя изъ дѣлъ полкового архива и иныхъ источниковъ, а равно изустныя преданія казаковъ – ветерановъ, отошедшихъ въ вѣчность, и личныя мои замѣтки. Въ

матеріалахъ можетъ оказаться «и горкое, и сладкое», но исторія справедлива: она должна разсматривать историческаго дѣятеля со всѣхъ сторонъ, не взирая на его высокій рангъ.

Если мои труды вызовутъ дополненія или основательныя опроверженія, то я этому буду радоваться; даже, если появятся укоризны, то и въ такомъ случаѣ гнѣваться не стану, памятуя, что изъ споровъ и пререканій вытекаетъ истина.

Въ 1831 году, по случаю возмущенія въ Польшѣ, были сформированы по особому Высочайшему повелѣнію изъ малороссійскихъ губерній 12 конныхъ полковъ, изъ которыхъ 8 направлены въ Виленскую и Минскую губерніи для подавленія мятежа, а остальные 4 находились въ предѣлахъ Малороссіи, какъ резервъ.

Обстоятельства того времени настойчиво требовали спѣшить формированіемъ полковъ, и дѣйствительно, полки были готовы къ выступленію въ походъ черезъ мѣсяцъ со дня объявленія мобилизаціи. При этомъ многіе изъ малороссійскихъ дворянъ изъявили добровольное желаніе поступить на службу въ комплектуемыя части. Въ штатномъ числѣ полковыхъ офицеровъ были лица знакомыя съ военнымъ дѣломъ (1), но находились и гражданскіе чиновники, переименованные въ офицеры при поступленіи на службу: коллежскіе регистраторы—въ корнеты; коллежскіе и губернскіе секретари—въ подпоручики; титулярные совѣтники—въ поручики и т. д. Не мало также поступило въ полки молодыхъ дворянъ, не имѣвшихъ чиновъ, которые принимались унтеръ-офицерами и, будучи впослѣдствіи произведенными въ офицеры, замѣщали свободныя вакансіи.

Выступавшіе изъ Малороссіи полки получили №№ отъ 1 до 8-го включительно; каждый полкъ имѣлъ 4-хъ эскадронный составъ и заключалъ въ себѣ строевыхъ: штабъ и оберъ-офицеровъ 17, унтеръ-офицеровъ 56, нижнихъ чиновъ 624, итого 697; нестроевыхъ: писарей 2, фельдшеровъ 2, коновалъ 1, кузнецовъ 5, фурлейтовъ 2 (2), деньщиковъ 42, итого 54, а всего 751.

(1) Т. е. офицеры, поступившіе изъ отставки.
(2) По нынѣшнему—обозныхъ.

Казаки были взяты въ полки отъ плуга и бороны, слѣдовательно, далеко не знакомые съ военнымъ ремесломъ; тѣмъ не менѣе многіе изъ нихъ охотно шли «бітьця зъ ляхами»,— времена запорожской сѣчи были имъ памятны по преданію.

Когда всѣ 8 полковъ приготовились къ выступленію, малороссійскій губернаторъ, генералъ-адъютантъ князь Репнинъ, выразивъ въ приказѣ свою искреннюю благодарность штабъ и оберъ-офицерамъ за ихъ содѣйствіе и труды при сформированіи частей, добавилъ: «Излишнимъ считаю взывать къ вамъ, избраннымъ изъ среды дворянства, начальствовать надъ малороссійскими казаками; дворянство россійское, по словамъ монаршимъ: *вѣрная и крѣпкая ограда Престола, умъ и душа народа*, издревле доказываетъ ничѣмъ не нарушимую преданность и любовь къ Царю и Отечеству, и вы, достойные члены онаго, навѣрно собственнымъ примѣромъ укажете новымъ воинамъ путь къ чести и славѣ.

«Симъ прощаюсь съ вами, дражайшіе сотрудники, да будетъ у каждаго изъ васъ душа и мечъ надъ врагами, а сердце на родинѣ».

Не менѣе трогательный приказъ былъ отданъ княземъ Репнинымъ, относившійся къ нижнимъ чинамъ а именно:
«Малороссійскіе казаки!

«Государь Императоръ возвалъ васъ первыхъ къ умноженію воинскихъ силъ своихъ для наказанія измѣны и возстановленія спокойствія въ Отечествѣ. Сіе отличіе есть награда доблестей и вѣрности предковъ вашихъ, будьте ихъ достойными, поддержите славу родины, оправдайте довѣріе монаршее, и милосердіе добраго отца Государя нашего не оставитъ вѣрной службы вашей безъ воздаянія его благостей.

«Я уповаю, что вы исполните долгъ вашъ, ибо ряды ваши по большей части пополнялись охотниками; усердіе ваше помогло мнѣ образовать изъ васъ строевое войско въ теченіе одного мѣсяца, духомъ и ревностью вы сравнялись уже со старыми воинами.

«Благодарю васъ, добрые казаки, за сей благородный порывъ вашъ и за ту приверженность и откровенность, которую оказывали вы мнѣ при осмотрѣ полковъ вашихъ. Вы симъ наградили меня, 15 лѣтъ пекущагося о благѣ вашемъ, и сіи чувства удостовѣряютъ меня, что вы послушаетесь начальника и друга вашего, воззывающаго къ вамъ въ послѣдній разъ

съ напамятованіемъ обязанностей новаго служенія вашего.

«Добрый воинъ долженъ безпрекословно повиноваться своимъ начальникамъ, въ рядахъ соблюдать стройность и тишину, и тогда при твердомъ мужествѣ противъ враговъ побѣда всегда увѣнчаетъ его усилія. Бывъ таковыми, малороссійскіе казаки, вы содѣлаетесь достойными доблестей предковъ вашихъ; но помните тоже, какъ православные христіане, что врагами вашими должны быть одни измѣнники, дерзнувшіе поднять оружіе противъ Помазанника Господня; мирныхъ же жителей, не участвовавшихъ въ томъ, обязаны вы почитать братьями вашими и обижать ихъ есть грѣхъ передъ Богомъ и противно Высочайшей волѣ Государя нашего.

«Прощайте, казаки-молодцы! Да благословитъ васъ Всемогущій ходатайствомъ Спасителя нашего Іисуса Христа на предстоящемъ вамъ пути чести и славы! Въ бою вспомните о бывшемъ вашемъ начальникѣ и другѣ, вспомните, что успѣхи ваши будутъ лучшею для меня наградою, славою и торжествомъ родины вашей!

«Съ вами Богъ,—никто же на вы!»

11-го августа 1831 года полки, раздѣленные на двѣ равныя части, двинулись въ походъ. Колонна изъ четырехъ полковъ: № 1, 2, 6 и 7 направлена въ предѣлы Виленской губерніи, а колонна—№ 3, 4, 5 и 8—Минской губерніи. По прибытіи первой колонны въ гор. Вильно, она поступила въ распоряженіе виленскаго военнаго губернатора, а полки второй колонны состояли въ вѣдѣніи минскаго генералъ-губернатора. Обязанности малороссійскихъ казаковъ въ обѣихъ губерніяхъ заключались въ томъ, чтобы содѣйствовать мѣстному гражданскому начальству къ возстановленію порядка и охраненію общественной безопасности, нарушенныхъ литовскими и польскими мятежниками, а также въ разсѣяніи «крамольныхъ шаекъ преступниковъ, всюду появлявшихся въ вооруженныхъ скопищахъ». Вслѣдствіе этого юному малороссійскому войску пришлось дѣлать безпрерывные переходы съ мѣста на мѣсто, поиски въ лѣсахъ, засады въ тѣснинахъ горъ, битвы среди непроходимыхъ болотъ и огражденіе невинныхъ обывателей отъ насилій инсургентовъ.

Доблестные сыны Украйны честно выполнили службу Престолу и Отечеству: примѣрно похвальнымъ поведеніемъ они пріобрѣли справедливую признательность начальства, пра-

вотою и кротостью внушили жителямъ чувство должнаго къ себѣ уваженія и тѣмъ поддержали славное имя русскихъ воиновъ. Не сохранилось свѣдѣній о томъ, была ли убыль въ малороссійскихъ полкахъ, какая именно и отчего.

Пробывъ въ Польшѣ 1 годъ и 3 мѣсяца,—считая тутъ и время походовъ,—съ веселыми пѣснями возвращались казаки домой, представляя въ своемъ воображеніи радостную встрѣчу семьи и полный отдыхъ въ родной хатѣ; но не знали они, что многимъ изъ нихъ придется разочароваться въ мечтахъ, потому что до прибытія ихъ въ Малороссію уже было сдѣлано распоряженіе о сформированіи изъ возвращавшихся частей двухъ новыхъ конныхъ полковъ для отправленія на Кавказъ.

По прибытіи въ Полтаву, 15 ноября 1832 года, казаки узнали объ этомъ распоряженіи, вслѣдствіе чего между ними, какъ говоритъ преданіе, явилось маленькое сопротивленіе, вызвавшее безпорядокъ, для возстановленія котораго было приглашено духовенство съ хоругвями и св. иконами, начались увѣщанія и пастырскія назиданія... Послѣ этого объявлено казакамъ: 1) что срокъ службы опредѣленъ для нихъ въ *15 лѣтъ*, *), а затѣмъ они будутъ уволены въ отставку, съ возвращеніемъ, по ихъ желанію, на родину; 2) что они будутъ служить на Кавказѣ смежно съ Дономъ; 3) что формируемые полки будутъ пополняться казаками только Полтавской и Черниговской губерній и 4) что офицеры у нихъ будутъ изъ малороссіянъ тѣхъ же губерній.

Успокоивъ такимъ образомъ казаковъ, приступили *немедленно* къ формированію двухъ полковъ, набирая въ нихъ лучшихъ людей изъ другихъ частей, не исключая и резервныхъ эскадроновъ. Несомнѣнно, что нѣкоторымъ утѣшеніемъ для казаковъ было еще и то обстоятельство, что товарищи ихъ, не попавшіе въ формируемые полки, были зачислены въ другія части войскъ: въ гарнизонные баталіоны внутренней стражи, въ артиллерію и регулярную кавалерію; вернулись же въ свои селенія только тѣ, которые оказались совершенно неспособными ни къ какой службѣ.

Формированіе новыхъ полковъ и затѣмъ командованіе ими возложено на полковника *Рашевскаго* (командиръ № 1 полка)

---

*) Въ прочихъ регулярныхъ войскахъ, кажется, существовалъ тогда 25-лѣтній срокъ.

и подполковника *Стоцкаго* (командиръ № 2 полка). Эти штабъ-офицеры участвовали съ казаками въ вышеприведенной польской кампаніи. Новые полки были также 4-хъ эскадроннаго состава и въ такомъ же штатномъ числѣ, какъ упомянуто выше, съ добавленіемъ лишь священника и церковника (псаломщикъ).

Полкамъ предстояло обнаружить свою храбрость противъ другихъ враговъ отечества: кавказскихъ горцевъ. Идя въ Польшу, казаки думали, что, подавивъ мятежъ, они вернутся въ свои хаты; при отправленіи же на Кавказъ надежды на возвращеніе къ родному очагу не было. Слово «Кавказъ» наводило въ то время страхъ и ужасъ почти на всѣхъ и каждаго, можетъ быть и это обстоятельство служило одной изъ причинъ возмущенія между казаками, о которомъ упомянуто выше.

Мы видѣли, какъ спѣшно формировались 8-мь полковъ, командированныхъ въ Польшу, но еще скорѣе скомплектовали два полка, подлежавшихъ отправленію на Кавказъ: 15-го ноября 1832 г. казаки прибыли въ Полтаву изъ Виленской и Минской губерній, а 2 и 14 декабря того же года два новыхъ полка уже выступили изъ Полтавы на Кавказъ. Это впрочемъ само собою понятно; во 1-хъ, люди были готовы, а во 2-хъ, ихъ нужно было быстрѣе удалить съ родины во избѣжаніе новыхъ осложненій.

Казаки, попавшіе въ полки № 1 и 2, были уроженцы Черниговской и Полтавской губерній, имѣли возрастъ отъ 19 до 30 лѣтъ и очень немногіе старше 30 лѣтъ, роста по большей части средняго, почти половина—женаты.

Строевыя лошади и конская принадлежность: уздечки, сѣдла и проч. пожертвованы казакамъ малороссійскими помѣщиками. Въ числѣ лошадей были и кобылицы, вслѣдствіе чего, какъ гласитъ преданіе, произошелъ однажды такой случай: эскадронный начальникъ подалъ команду: на конь, садись! но исполнили эту команду не всѣ нижніе чины, часть изъ нихъ осталась неподвижна. На вопросъ, почему они не сѣли,—казаки отвѣтили, что согласно команды нужно садиться на *конь*, а у нихъ *кобылы*. Извѣстно, что малороссы большіе юмористы, а потому приведенный разсказъ дѣйствительно могъ случиться, тѣмъ болѣе, что люди были озлоблены командировкой на Кавказъ.

Вооруженіе какаковъ составляли: *сабля* съ желѣзными ножнами, съ кожаными темлякомъ и портупеей, а также тремя желѣзными пряжками, *ружье*, *пистолетъ* 7 лин. калибра со шнуромъ, кистью и пробойникомъ и *пика* съ кожанымъ темлякомъ. Оружіе принималось изъ Черниговскаго комитета, Херсонскаго арсенала, Кременчугскаго комиссаріатскаго депо и Кіевскаго арсенала; оно было устарѣвшее, отчасти заржавленное и вообще мало годное для боя.

Обмундировка выдавалась изъ цейхгауза Полтавской городской полиціи и состояла: изъ *кивера* черного барашка, верхъ краснаго сукна съ репейкомъ и помпономъ, *шинели*, *полукафтана* (мундиръ) темно-зеленаго сукна съ такими же погонами краснаго цвѣта. Полукафтанъ застегивался на крючки. *Шаровары*,—одинаковаго цвѣта съ мундиромъ, на 1/4 арш. обложенные внизу кожею. Кромѣ того, каждый казакъ имѣлъ: 3 холщевыхъ рубахи съ такимъ же количествомъ подштанниковъ, *сапоги*, *фуражку*, *подсумокъ* черной юфти, *перевязь и коробочку* (?).

Въ назначенный день для выступленія изъ Полтавы каждый полкъ выстраивался развернутымъ фронтомъ на городской площади, гдѣ былъ приготовленъ налой. Кругомъ масса народа. По отслуженіи духовенствомъ напутственнаго молебна и произнесеніи пастырями церкви прочувственнаго слова, обращеннаго къ казакамъ, раздавалась громкая команда: садись!—и полки трогались въ дальній путь, распѣвая:

Засвистали казаченьки въ походъ съ полуночи,
Заплакала Марусенька свои ясны очи..

Въ это время плакала не одна Марусенька, а рыдали горько казачьи жены, дѣти и «старый батько і маты».

Двигались полки на Кавказъ одинъ за другимъ по слѣдующему маршруту, черезъ двухнедѣльный промежутокъ: Полтавской губ. хуторъ Иванченки 20 верстъ, сел. Карловка 29, гор. Константиноградъ 23, Новониколаевка 19; Екатеринославской губ. Перещепино 18 вер., Губиниха 26, гор. Новомосковскъ 21, Карибино 25, г. Павлоградъ 25, Дмитріевка 29, Петропавловка 20, Славянка 21, Гришино 24, Новое 18, Васильевка 28, г. Бахмутъ 31, Луганское 23, Чернухино 22, Ивановка 35, Есауловская 25; Земля войска Донского: слоб.

Леснова-Шавва 15, Платова-Лысогорская $28^1/_2$, Крѣпинская 18, хуторъ Платовъ 19, Аксайская $29^1/_2$—переправа черезъ Донъ, Батайская 20, Кагальницкая $17^1/_2$, Мечетная 28, Нижне-Егорлыкская 26; Кавказской области: Средне-Егорлыкское 24, Песчанокопское $27^1/_2$, Лѣтницкое 30, Медвѣжье 18, Преградное 23, Безопасное 24, ст. Донская 25. Московская 18, гор. Ставрополь 31. Итого 902 версты, 38 переходовъ, 53 дня марша.

Хотя оба полка составлены одновременно изъ людей однѣхъ губерній и назначеніе ихъ было тоже одинаково, тѣмъ не менѣе они несли службу на Кавказской линіи отдѣльно, а потому считаемъ необходимымъ прослѣдить особо за жизнью и дѣятельностью каждаго малороссійскаго полка до тѣхъ поръ, когда ихъ соединили въ одинъ *Владикавказскій казачій полкъ*.

По маршруту полкъ выступилъ изъ Полтавы на Кавказъ 2-го декабря подъ начальствомъ своего командира, полковника *Рашевскаго*.

Александръ Яковлевичъ Рашевскій былъ уроженецъ Черниговской губерніи. Въ 1795 году онъ 16-лѣтнимъ юношей поступилъ на службу въ Сумской легко-конный (впослѣдствіи гусарскій) полкъ и участвовалъ съ нимъ въ нѣсколькихъ кампаніяхъ какъ въ предѣлахъ Россіи, такъ и заграницей. Былъ раненъ. Въ 1831 году, т. е. спустя 36 лѣтъ со времени поступленія на службу, онъ былъ уже въ чинѣ полковника и имѣлъ отъ роду 52 года. Во время польскаго возстанія А. Я. командовалъ 8-мъ малороссійскимъ полкомъ и энергично преслѣдовалъ инсургентовъ въ Минской губерніи.

По возвращеніи изъ Польши, ему было поручено образовать новый полкъ 4-хъ экскадроннаго состава, выбравъ для этого физически крѣпкихъ людей изъ всѣхъ полковъ, пришедшихъ изъ Польши, и резервныхъ экскадроновъ, остававшихся на мѣстѣ. Порученіе это выполнено имъ въ 16 дней.

Гдѣ получилъ образованіе полковникъ Рашевскій—неизвѣстно; но судя по приказамъ, отданнымъ разновременно по полку, можно отмѣтить, что онъ хорошо владѣлъ перомъ. Изъ тѣхъ же приказовъ усматриваются нѣкоторыя черты его характера, а равно взгляды на службу и ея требованія; такъ наприм. справедливость и честное отношеніе къ дѣлу службы составляли всегдашнее его правило. Строго придерживаясь этого правила, онъ не могъ выносить, если кто нибудь изъ

офицеровъ его полка позволялъ себѣ уклоненіе отъ обязанностей службы и—Боже сохрани—корыстолюбіе, отъ котораго могла потерпѣть казна или же собственность казака. Уличивъ въ такихъ предосудительныхъ дѣйствіяхъ, онъ бичевалъ виновнаго въ полковыхъ приказахъ, и если корыстолюбецъ былъ начальникъ части, то немедленно же отрѣшалъ его отъ командованія ею. Понятно, что такая строгость сильно не нравилась тѣмъ офицерамъ, которые смотрѣли на ввѣренную имъ часть, какъ на источникъ личныхъ выгодъ.

Какъ истый кавалеристъ, Александръ Яковлевичъ особенно заботился о «казенныхъ лошадяхъ», хотя ихъ казенными едва-ли можно назвать, потому что онѣ, какъ мы видѣли, были пожертвованы казакамъ малороссійскимъ дворянствомъ, и такъ какъ лошади принимались безъ брака и строгаго осмотра,—«дарованному коню въ зубы не глядѣли»,—то между ними были и старыя, и испорченныя. Одинаково забота полковника Рашевскаго распространялась на поддержаніе въ лучшемъ видѣ казачьяго обмундированія, которое было сшито на первыхъ порахъ частію изъ простого крестьянскаго матеріала и вслѣдствіе этого скоро приходило въ негодность. Что относится до конской сбруи, то она также была сдѣлана изъ залежавшейся кожи и быстро портилась.

При выступленіи на Кавказъ отпущено полку на поддержаніе его въ исправности 10 т. руб. ассигнаціями, которыхъ, однако, было мало въ виду многихъ недостатковъ въ полковомъ хозяйствѣ, а потому крайняя необходимость заставляла Александра Яковлевича быть на сколько возможно экономнымъ и расчетливымъ, что онъ и соблюдалъ неупустительно.

Увлекшись интересными біографическими данными о полковникѣ Рашевскомъ, я невольно отклонился отъ хронологической послѣдовательности въ изложеніи матеріаловъ, а потому возвращаемся къ началу.

Первый приказъ по полку, отъ 15 ноября 1832 г. былъ слѣдующаго содержанія: «Поспѣшая исполненіемъ предписанія г. Малороссійскаго военнаго губернатора о немедленномъ образованіи командуемаго мною полка для отправленія его по Высочайшему повелѣнію на службу на Кавказскую линію, предписываю: 1) гг. поручикамъ—Королеву, Хоревичу и Карпинскому и подпоручику Лизогубу о пріемѣ эскадроновъ, а

подпоручику Дивыдовскому о пріемѣ подъемныхъ лошадей со всѣми приборами и полковыхъ ящиковъ,—что исполнить непремѣнно и окончательно къ 18 числу сего мѣсяца; 2) въ эскадронахъ усилить швальни для пригонки нижнимъ чинамъ новаго одѣянія, назначеннаго къ отпуску на весь полкъ изъ Полтавской городской полиціи, для пріема котораго командировать корнета Ждановича; 3) все одѣяніе нижнихъ чиновъ негодное приготовить къ сдачѣ командиру Полтавскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона за перемѣною онаго новымъ одѣяніемъ; также и неспособныя сѣдла со всѣми вообще лошадиными приборами отобрать и приготовить къ сдачѣ въ названную городскую полицію для замѣны новыми же.

«Командующіе эскадронами офицеры, не занятые командировками и нарядами, имѣютъ заняться образованіемъ нижнихъ чиновъ по фронтовой части, имѣя въ виду, что его сіят—во Малороссійскій военный губернаторъ далъ знать, что 27 числа сего мѣсяца, сдѣлавши осмотръ полка во всѣхъ частяхъ, онъ отправитъ оный по Высочайшему назначенію».

1-го декабря эскадронные командиры перемѣнили въ Полтавскомъ цейхгаузѣ негодныя пики съ древками на другія, соотвѣтствовавшія своему назначенію; тутъ же приняты были недостававшіе въ полку пистолетные шнуры, казачьи шапки съ репейками и помпонами, кушаки, галстухи, суконные чемоданчики, баклажки, сѣдла, узды, суконныя съ под кладками попоны, саквы, торбы, скребницы, щетки и арканы.

Во время слѣдованія на Кавказъ было замѣчено полковникомъ Рашевскимъ, что нѣкоторые казаки продавали полученный ими казенный сапожный товаръ, а потому немедленно подтвердилъ эскадроннымъ командирамъ въ приказѣ по полку строго слѣдить за этимъ и воспрещать всякую продажу казенныхъ вещей.

23 декабря полкъ проходилъ черезъ гор. Бахмутъ (Екатеринославской губер.) въ «полной походной аммуниціи съ распущенными флюгерами». Это впрочемъ соблюдалось и въ другихъ городахъ, черезъ которые слѣдовалъ полкъ.

Не мало стоило трудовъ, заботъ и времени полковнику Рашевскому и эскадроннымъ командирамъ, чтобы пріучить казаковъ къ правильному и бережливому обращенію съ оружіемъ, лошадьми и прочими вещами,—короче сказать, чтобы передѣлать крестьянина-землепашца въ воина-кавалериста Случа-

лось, что казакъ,сѣдлая лошадь, клалъ на нее сѣдло передней лукой назадъ; продѣлывалось это нижними чинами иногда съ тайнымъ умысломъ, чтобы испортить спину у «противной» лошади для замѣны ея другимъ конемъ, а болѣе для того, чтобы сдѣлаться пѣшимъ и не злботиться совсѣмъ о конѣ. Не мало также было хлопотъ начальникамъ частей къ пріученію казаковъ правильно называть оружіе и другіе предметы снаряженія, напр. сабельный эфесъ нѣкоторые казаки произносили «маныхвэсъ».

11-го января 1833 г. полкъ прибылъ на Кавказъ и расположился въ слѣдующихъ пунктахъ Ставропольской губерніи: 1-й эскадронъ въ селеніи Преградномъ, 2-й—Медвѣжьемъ (тутъ же и штабъ полка), 3-й—Лѣтницкомъ и 4-й—Средне-Егорлыкскомъ и Песчано-копскомъ, смѣнивъ занимавшій эти мѣста 3-й конный Черноморскій казачій полкъ.

Весной этого года по Высочайшему повелѣнію передѣланы «способами командира полка» сабли на шашки по образцу, употребляемому линейными казаками; а въ іюнѣ мѣсяцѣ присланы для полка ружья изъ гор. Херсона, и такимъ образомъ постепенно замѣнялось у казаковъ старое оружіе новымъ, болѣе годнымъ для стрѣльбы.

9 мѣсяцевъ полкъ оставался на занимаемыхъ мѣстахъ, а затѣмъ, въ октябрѣ, по распоряженію командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, генералъ-лейтенанта Вельяминова, передвинулся къ р. Кубани и остановился въ казачьихъ станицахъ: Сенгилѣевской, Новомарьевской, Каменобродской, Рождественной и сел. Московскомъ (штабъ полка) Остановка на этихъ мѣстахъ была сдѣлана временно по случаю усилившихся набѣговъ закубанскихъ горцевъ. Занимая кордонные посты, полкъ каждый часъ былъ готовъ по первому извѣщенію броситься въ преслѣдованіе «хищническихъ партій». 21 ноября полкъ снова перемѣщенъ и занялъ посты: Базово-Балковскій, Горькорѣченскій, Сергіевскій, Калиновскій, Саблинскій и г. Александровъ (нынѣ заштатный), въ которомъ расположился штабъ полка. Не долго однако пришлось служить и на этихъ постахъ: 8 декабря по распоряженію командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса полкъ подвинули дальше, и онъ занялъ посты: Сухопадинскій, Александрійскій, Лысогорскій, Павловскій, Маріинскій и ново-учрежденный штабъ полка— въ гор. Георгіевскѣ. Часть ка-

Часть казаковъ была въ командировкахъ: въ укр. Константиногорскомъ и ст. Ессентукской. Здѣсь полкъ установился и пробылъ до 1837 года. Кромѣ кордонной службы, на обязанности полка лежало конвоированіе почтъ, курьеровъ, фельдъегерей и другихъ лицъ, проѣзжавшихъ по тракту изъ Россіи на Кавказъ и обратно; но особенно усиленно шло занятіе строевымъ образованіемъ казаковъ.

На означенныхъ мѣстахъ полкъ простоялъ болѣе трехъ лѣтъ, затѣмъ его передвинули опять къ р. Кубани и расположили тамъ на кордонныхъ постахъ,—полковой штабъ въ ст. Невинномысской, при этомъ полкъ былъ подчиненъ начальнику Кубанской линіи генералъ-маіору Зассу.

Самыми безпокойными племенами были въ то время закубанскіе горцы; не проходило дня, чтобы кордонные начальники не извѣщали по линіи о собравшихся «партіяхъ» съ намѣреніемъ произвести «злодѣяніе» въ русскихъ селеніяхъ; вслѣдствіе этого казакамъ приходилось держать ухо востро.

Въ 1837 году два эскадрона казаковъ подъ командой маіора Капли и главнымъ начальствомъ генерала Засса участвовали *въ первый разъ* въ набѣгѣ за Кубань къ Баговскимъ ауламъ. При этомъ въ перестрѣлкѣ съ абадзехами были ранены подъ нѣкоторыми казаками строевыя лошади. За проявленную въ этомъ набѣгѣ храбрость присланы въ полкъ три знака отличія военнаго ордена, которые и возложены: на унтеръ-офицера Корицкаго (впослѣдствіи офицеръ) и казаковъ Беца и Моренца, какъ болѣе отличившихся.

Съ этого времени полкъ сталъ принимать участіе почти въ безпрерывныхъ набѣгахъ на аулы подъ начальствомъ неутомимаго генерала Засса.

Не найдено свѣдѣній въ дѣлахъ полкового архива о числѣ нижнихъ чиновъ, исключенныхъ изъ полка по случаю смерти въ теченіе 6 лѣтъ (съ 1832 по 1838 г.), но, по всей вѣроятности, убыль въ людяхъ отъ климатическихъ условій и другихъ причинъ была значительная, ибо въ этомъ году по Высочайшему повелѣнію назначено 500 чел. рекрутъ изъ Полтавской губерніи на укомплектованіе полка.

Въ этомъ же году Государь Императоръ повелѣлъ: малороссійскіе полки (№ 1 и 2) подчинить походному атаману Донскихъ полковъ, на Кавказской линіи находящихся, гене-

ралъ-маіору Николаеву *), съ предоставленіемъ ему по управленію малороссійскими полками правъ, бригаднымъ командирамъ присвоенныхъ.

Ночью 6 марта 1838 г. приказомъ по полку назначенъ былъ ротмистръ Томашевскій съ двумя сводными эскадронами (дивизіонъ) въ летучій отрядъ генерала Засса, собиравшійся за Кубанью въ укр. Вознесенскомъ. Отрядъ этотъ дѣйствовалъ противъ Эрукаевскаго племени, обитавшаго по лѣвому берегу р. Лабы. Въ дивизіонѣ находились, кромѣ командира его, поручикъ Малашевскій, корнеты Добронисскій и Мокритскій и 200 нижнихъ чиновъ; чрезъ двѣ недѣли дивизіонъ возвратился къ полку.

8 апрѣля малороссійцы опять принимаютъ участіе съ отрядомъ Засса въ разбитіи скопищъ абадзеховъ за р. Бѣлой, гдѣ и оказываютъ отличіе, за которое произведенъ въ корнеты унтеръ-офицеръ Петренко.

Къ сожалѣнію, этотъ годъ былъ послѣднимъ для Александра Яковлевича Рашевскаго... Радовали его успѣхи казаковъ, отличавшихся въ битвахъ съ непріятелемъ; ясно видѣлъ онъ, что многолѣтніе труды его по образованію полка не погибли напрасно; но съ другой стороны—сильно огорчался непохвальными поступками подчиненныхъ ему офицеровъ. Передъ сдачей полка онъ излилъ всю свою горечь въ приказахъ, изложивъ въ нихъ беззаконныя, своекорыстныя дѣйствія нѣкоторыхъ эскадронныхъ командировъ, не могущія быть терпимы ни въ какой части войскъ.

Во избѣжаніе упрековъ въ голословности приводимъ нижеслѣдующія доказательства:

1) «При отправленіи 6 марта—говоритъ полковникъ Рашевскій въ приказѣ (**),—двухъ сводныхъ эскадроновъ за Кубань въ частную экспедицію, строевыя лошади были въ хорошемъ тѣлѣ, за исключеніемъ перваго эскадрона; на 4-ре дня данъ былъ въ натурѣ зерновой фуражъ; по возвращеніи же 20 числа (марта), я нашелъ всѣхъ лошадей въ самомъ изнуренномъ состояніи, потому что довольствовались онѣ подножнымъ кормомъ, какъ увѣдомилъ меня генералъ Зассъ. Между тѣмъ командовавшій дивизіономъ ротмистръ Томашев-

*) Генералъ Николаевъ впослѣдствіи былъ наказнымъ атаманомъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска.

(**) Отъ 5 апрѣля за № 45.

скій показалъ на покупку сѣна на каждый день бытности за Кубанью 376 рублей, въ чемъ однако требуемаго у него свидѣтельства не представилъ и не могъ представить, какъ обнаружилось теперь изъ увѣдомленія генерала Засса и приложеннаго свидѣтельства. Я никакъ не ожидалъ, чтобы тотъ, которому ввѣряется въ команду значительная часть, рѣшился на подобныя предпріятія и въ видахъ собственныхъ выгодъ дѣлалъ невыгодную репутацію полку; въ первый разъ еще встрѣчаю такую неосновательность, за что ротмистру Томашевскому дѣлаю выговоръ; предписываю возвратить 376 руб. по полученіи сего; для поправки же лошадей къ отпускаемому зерновому фуражу прибавлять еще бывшимъ въ отрядѣ по одному гарнцу въ сутки, въ теченіе 27 дней».

2) «Штабсъ-ротмистръ Ницикъ, по назначеніи его 29 марта начальникомъ резерва, при первомъ требованіи командующаго Баталпашинскимъ участкомъ, маіора Венеровскаго, объявилъ, что онъ боленъ и подалъ рапортъ командиру 2-го дивизіона, тогда какъ онъ до того и послѣ вездѣ выходитъ, былъ у меня и нисколько не замѣченъ въ перемѣнѣ здоровья; отговорки же его, не въ первый разъ при назначеніяхъ на службу, заставляютъ меня предложить г-ну штабсъ-ротмистру Ницику удалиться изъ полка и искать мѣста, гдѣ онъ можетъ по собственному произволу располагать своими желаніями, не заставляя другихъ нести за себя службу.»

3) «Вчерашняго числа (4 апрѣля), осматривая 2-й эскадронъ, нашелъ его въ совершенномъ безпорядкѣ, за что маіору Каплѣ дѣлаю выговоръ и, по долговременномъ ожиданіи, не имѣю уже на него болѣе надежды; ротмистръ Томашевскій также не можетъ быть полезенъ для службы: вовсе неспособенъ и строптивъ, а потому назначаю для командованія тѣмъ эскадрономъ корнета Марченко и предписываю ему исправить всѣ безпорядки; маіору же Каплѣ прибыть немедленно въ штабъ квартиру полка».

4) «По требованію слѣдуемыхъ на перевозку 9 стоговъ сѣна *) 72 руб., для отправленія къ командиру Хоперскаго полка, штабсъ-ротмистръ Ницикъ донесъ, что въ эскадронѣ суммъ на лицо нѣтъ; тогда какъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ (1837 г.) выдано 272 р. 54 1/2 к. съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ употреблять деньги и на перевозку сѣна; кромѣ того по рапорту его занято для эскадрона изъ артельной суммы 100 руб. Книги

*) Приказъ по полку отъ 11 апрѣля за № 48.

экономической суммы, на основанiи приказа по полку, не представилъ для повѣрки съ наступленiемъ мѣсяца, а только вчерашняго числа (10 апрѣля) за сдѣланнымъ уже ему выговоромъ; по разсмотрѣнiи которой нахожу: на лицо экономической суммы показывается 63 руб. $99^1/_2$ коп., изъ числа коихъ 24 руб. удерживаются имъ, и несмотря на то, что въ эскадронѣ весьма недостаточно было экономической суммы и скудна артель, онъ допустилъ излишнiе расходы для эскадроннаго праздника 6 ноября 63 руб. 35 коп., въ составъ этого расхода вошли: $2^1/_4$ ведра водки, 1 ведро чихиря 8 руб., тогда какъ онъ дороже 4 р. не бываетъ; ромъ, сантуринское и донское вина и проч. припасы. Подобная роскошь должна быть чужда нижнимъ чинамъ, если это употреблено на угощенiе знакомыхъ г-на Ницика и въ его квартирѣ, то предосудительно относить такой расходъ на бѣдную казачью экономическую сумму, хотя и съ согласiя нижнихъ чиновъ, по какому бы то ни было поводу. Заплочено священнику за освященiе иконы 12 руб.,—цѣна, которую можетъ назначить эскадронный командиръ изъ своей только собственности; на 6 р. свѣчей (церковныхъ) также много; если же онѣ покупались для продажи, то вырученныя деньги слѣдовало записать на приходъ. 27 ноября для какого-то праздника на посты и казакамъ записано выданными 17 руб. 78 коп.; для праздника Рождества Христова водки 3 ведра и на Пасху $3^1/_2$ ведра. На этотъ послѣднiй праздникъ издержано 80 руб. 43 коп., тогда какъ для состоящихъ на постахъ 62 чел. и бывшихъ въ мѣстахъ заготовленiя сѣна достаточно было бы на все выданныхъ отъ меня 25 руб., прочимъ же, находившимся при штабѣ и бывшимъ въ парадѣ, дано было все нужное отъ меня; въ эскадронѣ оставалось не болѣе 20 чел., которые могли разговѣться и на своихъ квартирахъ, а если и въ эскадронѣ, то не требовался такой большой расходъ. 4-го марта (1838 г.) дано унтеръ-офицеру Козлову для улучшенiя пищи нижнимъ чинамъ, командированнымъ въ отрядъ за Кубань, 6 руб., но израсходованы ли они и на что именно—не объяснено. Все это доказываетъ невниманiе и нерасчетливость штабсъ-ротмистра Ницика, который и самъ въ короткое время перевода его въ полкъ *) успѣлъ задолжать эскад-

*) Былъ переведенъ изъ 2 Малороссiйскаго полка.

рону и мнѣ впередъ почти годовое жалованье; сверхъ того удержалъ порученныя ему командиромъ 2-го Малороссійскаго полка для доставленія ко мнѣ, вычтенныя съ него за повышеніе чина деньги и просилъ вычета изъ жалованья, на предметъ сей, конечно, не дѣлать; удерживаетъ и оставшіяся отъ расхода экономическія казачьи деньги, къ которымъ онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъбыть прикосновененъ: онѣ должны быть на рукахъ у артельщика. Послѣ этого я не могу ни въ чемъ надѣяться на штабсъ-ротмистра Ницика, а между тѣмъ онъ самъ объяснялъ мнѣ это въ свое извиненіе простотой и недоразумѣніемъ, сего же числа (11 апрѣля) проходилъ мимо меня съ удивительной неопрятностію, возбуждая смѣхъ въ простолюдинахъ на площади: сморкалъ въ пальцы носъ, въ мундирѣ измѣнившагося цвѣта, засаленномъ, изношенномъ, съ заплатками, со странными втачками въ таліи, покроя едва похожаго на полковой, безъ эполетъ, сапоги несмазаны,—однимъ словомъ, примѣръ его только можетъ имѣть невыгодное вліяніе на нравственность нижнихъ чиновъ, и я не надѣюсь, чтобы онъ могъ быть полезенъ для службы, почему отказываю ему отъ командованія 3-мъ эскадрономъ, назначивъ для того поручика Парфентьева, которому и принять оный немедленно на законномъ основаніи и донести мнѣ съ представленіемъ вѣдомости и въ случаѣ недостачи или неисправности объяснить: за чье командованіе то послѣдовало, такъ какъ г. Ницикъ съ 30 октября и по сіе время не донесъ о пріемѣ того эскадрона отъ ротмистра Хоревича. Издержанные имъ 117 р. на покупку водки, винъ и рому, за исключеніемъ 11 р. на одно только ведро состоящимъ на постахъ и въ мѣстахъ заготовленія сѣна на праздникъ Воскресенія Христова на отпущенныя мною деньги, представить ко мнѣ для занесенія обратно на приходъ, на пополненіе недозволительныхъ расходовъ, такъ какъ покупка напитковъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принята въ счетъ экономической суммы».

5) «Вслѣдствіе приказа по полку отъ 5 апрѣля № 45,—говоритъ полковникъ Рашевскій, *)—ротмистръ Томашевскій въ рапортѣ своемъ пишетъ, что лошади 4 эскадрона были въ прошломъ году не только въ худомъ тѣлѣ, но даже въ худор-

*) Приказъ по полку отъ 14 апрѣля № 49.

бѣ, о чемъ онъ доносилъ при принятіи эскадрона, ибо онъ не получалъ зернового фуража, а было отпущено просо, и во время командованія его поправились, за что отъ меня получилъ благодарность, и что, не получивши овса въ походѣ, лошади могли скоро похудѣть, а что онъ во время бытности его въ отрядѣ, не выпуская на подножный кормъ, покупалъ для нихъ фуражъ, поэтому проситъ произвести слѣдствіе и ссылается: съ 15 марта на маіора Венеровскаго, а до того проситъ позволить ему отлучиться къ генералу Зассу въ крѣп. Вознесенскую для полученія свидѣтельства, котораго брать ему не было предписано при отправленіи, а что его превос—во отказалъ въ выдачѣ таковаго, то онъ, Томашевскій, полагаетъ, что я, не получивши отъ него подробнаго расхода, выставилъ расходъ въ большей суммѣ. Это послѣднее безразсудное и грубое выраженіе онъ сдѣлалъ, конечно, судя по себѣ, и хотя бы слѣдовало представить начальству для преданія его суду, но, принимая это какъ отъ человѣка безъ всякаго образованія и вовсе не понимающаго ни порядка службы, ни военной дисциплины, я ограничиваюсь арестомъ его съ посаженіемъ на гауптвахту. Снисхожденіе это дѣлаю потому, что не ожидаю ни отъ кого во ввѣренномъ мнѣ полку подобныхъ поступковъ и чтобы кто либо подражалъ ротмистру Томашевскому. До перевода его изъ 2-го полка *) строгая дисциплина была основой ревностнаго исполненія службы, гг. офицеры были въ томъ примѣромъ. 40 лѣтъ службы я провелъ съ честью, былъ чуждъ собственныхъ выгодъ и доказалъ это, командуя этимъ полкомъ: при недостаточномъ отпускѣ на фуражъ суммы и не получая ни на что ремонта, старался о благосостояніи полка, пополнялъ убыль лошадей, не щадя собственности. Обстоятельства, по которымъ лошади не получаютъ овса, выше понятій Томашевскаго; продовольствіе полка и отвѣтственность за него лежитъ на моемъ попеченіи; отпущенные 2 р. 50 коп. за четверть овса почти вдвое меньше, почемъ можно купить фуражъ съ перевозкой; слѣдовательно, не ему судить, что вмѣсто овса дается просо.—По рапорту его командиръ 1-го дивизіона, маіоръ Ереховичъ, нашелъ, что онъ донесъ несправедливо: лошади тогда были не въ *худорбѣ*, какъ выражается Томашевскій, а въ хорошемъ тѣлѣ, исключая 46 лош.,

*) Повидимому подполковникъ Стоцкій «сплавлялъ» такихъ офицеровъ изъ своего полка.

да и тѣхъ при хорошемъ досмотрѣ и стараніи въ непродолжительное время можно привести въ такое состояніе, какъ и первыя. Изъ всѣхъ донесеній, при дѣлахъ имѣющихся, я видѣлъ только страсть Томашевскаго къ кляузамъ и никогда не надѣялся, чтобы онъ могъ быть полезенъ для службы, какъ послѣдствія и показали, и видно изъ приказовъ моихъ по полку сего (1838) года № 10, 36, 37, 42 и 45; кромѣ того, я по убѣжденіямъ его простилъ ему за то, что являлся ко мнѣ въ нетрезвомъ видѣ. Благодарности отъ меня никогда не получалъ и не можетъ заслужить ее. О производствѣ слѣдствія въ издержкѣ имъ въ отрядѣ 376 руб., которые превышаютъ всю сумму, слѣдуемую на овесъ и сѣно по отпускаемымъ цѣнамъ, я представилъ генералъ-маіору Зассу, и послѣ этого нѣтъ надобности Томашевскому отправляться въ крѣп. Вознесенскую для испрошенія свидѣтельства: онъ долженъ былъ знать порядокъ и испросить его ранѣе и безъ предписанія».

Эти приказы служатъ наглядной иллюстраціей выше отмѣченной черты характера А. Як. Рашевскаго, какъ строго честнаго начальника, и въ то же время указываютъ на умственную и нравственную сторону нѣкоторыхъ эскадронныхъ командировъ,—прямыхъ помощниковъ командира полка. Несомнѣнно, что далеко не всѣ офицеры были съ такими наклонностями и понятіями, какими заявили себя вышеназванные, тѣмъ не менѣе подобныя явленія сильно раздражали Александра Яковлевича, разстраивали здоровье раненаго старика-командира и вынудили его просить начальство объ увольненіи въ отставку. Въ апрѣлѣ этого года онъ былъ уволенъ отъ службы тѣмъ же чиномъ по разстроенному здоровью и за ранами.

13 февраля высочайшимъ приказомъ назначенъ, а 22 апрѣля принялъ полкъ отъ Рашевскаго подполковникъ Константинъ Борисовичъ Рихтеръ. Онъ нашелъ полкъ въ «разстроенномъ состояніи», причемъ главной причиной разстройства было отсутствіе ремонта, который со времени выступленія полка на Кавказъ не производился ни деньгами, ни натурой, ни на лошадей, ни на конскую сбрую. Да и самую обмундировку нижнихъ чиновъ стали освѣжать отъ коммисаріатскаго вѣдомства лишь съ 1836 года. Присланное въ полкъ оружіе было прежняго драгунскаго образца, тяжеловѣсное, на

которое также никакого ремонта не производилось, а между тѣмъ предписывалось передѣлать «способами командира полка» сабли на шашки по образцу, употребляемому линейными казаками. Пожертвованныя малороссійскимъ дворянствомъ изъ патріотическаго чувства строевыя лошади были, какъ выше замѣчено, съ значительными недостатками и пороками, нѣкоторыя были взяты изъ крестьянской упряжи, изнуренныя на работѣ; понятно, что многія изъ нихъ отъ дальняго похода и постояннаго исполненія службы на Кавказѣ пали, а оставшіяся въ незначительномъ числѣ приходили въ совершенную негодность, и если длилось существованіе полка, то собственно отъ усердія и благоразумія командира его, который, не желая оставить людей пѣшими и потому въ службѣ безполезными, попеченіемъ своимъ и на счетъ извлекаемой отъ фуражнаго довольствія экономіи по возможности покупалъ лошадей, исправлялъ конскую сбрую и многія аммуничныя и мундирныя вещи. Отсюда становится яснымъ, почему полкъ пришелъ въ разстроенное состояніе при сдачѣ его подполковнику Рихтеру.

Если о полковникѣ Рашевскомъ мало сохранилось свѣдѣній въ дѣлахъ полка, то о Рихтерѣ еще менѣе. Извѣстно только, что онъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ въ 1824 году и до вступленія въ командованіе полкомъ состоялъ личнымъ адъютантомъ при командирѣ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса генералъ-адъютантѣ баронѣ Розенѣ 1.

Въ отрядъ генерала Засса, дѣйствовавшій за Кубанью противъ горцевъ, новый командиръ полка назначилъ и отправилъ 16 іюля подъ командой поручика Парфентьева 60 чел. казаковъ. Вскорѣ затѣмъ на усиленіе отряда была послана другая команда въ 90 чел. съ поручикомъ Лизогубомъ. Въ первыхъ числахъ августа обѣ команды возвратились.

25 августа казаки, состоявшіе на кордонныхъ постахъ, участвовали въ перестрѣлкѣ и преслѣдованіи партіи Закубанскихъ хищниковъ, сдѣлавшихъ нападеніе на станицу Барсуковскую. Кромѣ нижнихъ чиновъ принимали тутъ участіе и офицеры: Томашевскій, Лизогубъ, Домбровскій, Малашевскій и Енько-Доровскій. Дѣло это закончилось тѣмъ, что впослѣдствіи получили строгій выговоръ отъ начальства Томашевскій и Енько-Доровскій за «безпечность». Неизвѣстно, къ сожалѣнію, въ чемъ заключалась ихъ безпечность.

Судя по приведеннымъ нами даннымъ, а равно приводимымъ ниже, между офицерами полка не было замѣтно дружбы, товарищества и сплоченности, какую слѣдовало ожидать отъ полковой военной семьи, принадлежащей къ одной національности.

За отсутствіемъ подполковника Рихтера оставался за него маіоръ Капля, который въ приказѣ по полку отъ 17 августа объявилъ, что «маіоръ Ереховичъ, прибывъ изъ гор. Пятигорска, не явился ко мнѣ, какъ къ командующему полкомъ, между тѣмъ дѣлаетъ по дивизіону и командуемому имъ эскадрону собственныя распоряженія въ противность службы; а 15 числа сего мѣсяца встрѣтился со мной въ ст. Невинномысской въ формѣ, противной нашему мундиру. Строптивость и неглежировка по службѣ даютъ поводъ подкомандующимъ къ несоблюденію по службѣ дисциплины, безъ чего военная служба существовать не можетъ; тѣмъ заставилъ меня напомнить ему, г. маіору Ереховичу, что ему надо быть примѣромъ для подкомандующихъ. Предлагаю ему, Ереховичу, донести мнѣ, почему, по прибытіи въ полкъ, онъ не явился ко мнѣ».

Ереховичъ не остался въ долгу передъ Каплей и, по возвращеніи Рихтера, сдѣлалъ ему «докладъ»; послѣ чего, 26 августа, состоялся другой приказъ, что «Командиръ 1 дивизіона г. маіоръ Ереховичъ подалъ мнѣ лично рапортъ, заключающій въ себѣ донесеніе къ командиру 2-го дивизіона, маіору Каплѣ, командовавшему полкомъ за моимъ отсутствіемъ, о павшей въ 1 дивизіонѣ казенной лошади. Маіоръ Капля, получивъ рапортъ и прочтя его, вмѣсто того, чтобы по оному сдѣлать зависящее распоряженіе, припечаталъ его (рапортъ) собственною печатью, приказалъ писарю сдѣлать наружную на томъ самомъ конвертѣ надпись, съ возварщеніемъ къ маіору Ереховичу. Я съ моей стороны долженъ замѣтить Каплѣ, что вѣжливое обращеніе со старшимъ составляетъ непремѣнное условіе военной службы. Г. маіоръ Капля, кажется, это совершенно забылъ и тѣмъ поставилъ меня въ непріятное положеніе напомнить ему объ этомъ».

По особому роспоряженію высшаго начальства полкъ оставилъ 18 октября 1838 г. берега Кубани и тронулся на востокъ къ берегамъ р. Терека, въ крѣп. Владикавказъ, куда и прибылъ 7 ноября. Согласно заранѣе сдѣланному распредѣленію, онъ смѣнилъ Донской казачій № 5-й полкъ и занялъ

посты: Елизаветинскій, Константиновскій, Редантскій, Ларьскій, Казбекскій и Кобійскій; штабъ полка во Владикавказѣ. Здѣсь полкъ, такъ сказать, сблизился со 2-мъ малороссійскимъ полкомъ, находившимся невдалекѣ отъ него, гдѣ шла энергичная подготовка къ соединенію обоихъ полковъ въ одинъ съ тѣмъ, чтобы поселить ихъ на Кавказѣ навсегда.

Замѣчательно, что, съ прибытіемъ полка на новыя мѣста службы, у нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ явилось желаніе вступить въ законный бракъ. По этому вопросу Рихтеръ оповѣстилъ въ приказѣ, что желающій жениться долженъ положить отъ невѣсты въ полковой ящикъ: унтеръ-офицеръ 1000 руб. ассигн., а казакъ—500 руб., или же, чтобы невѣста имѣла достоянія (имущества) на эту сумму; иначе бракъ не разрѣшался.

8-го декабря по высочайшему повелѣнію корнетъ Тумашенко отставленъ отъ службы въ полку за «дурное поведеніе».

Съ прибытіемъ къ Тереку полкъ становился почти лицомъ къ лицу съ отчаяннымъ горскимъ племенемъ чеченцами, руководимымъ извѣстнымъ въ Кавказскихъ лѣтописяхъ—Шамилемъ, и хотя казаки, находясь въ отрядахъ противъ закубанцевъ, достаточно нанюхались порохового дыма, тѣмъ не менѣе приходилось ежеминутно быть на сторожѣ: всякая оплошность могла принести имъ вредъ во многихъ отношеніяхъ.

Въ концѣ 1839 года произошелъ въ полку слѣдующій несчастный случай: 9 человѣкъ нижнихъ чиновъ сопровождали изъ укрѣпленія Константиновскаго въ Моздокскій госпиталь больного казака Пантелеймона Рудака. На половинѣ пути, въ 2 ч. дня, они были окружены партіею чеченцевъ. Тотчасъ завязалась перестрѣлка, окончившаяся тѣмъ, что больной казакъ былъ тяжело раненъ и одинъ изъ конвойныхъ, Иванъ Киріенко убитъ, а остальные 8 человѣкъ *) взяты въ плѣнъ съ оружіемъ и лошадьми. Видя медленное возвращеніе конвойныхъ, командиръ 1-го эскадрона поручикъ Сухачевъ, послалъ унтеръ-офицера Кузьменку съ 5-ю казаками на встрѣчу конвоирамъ; посланные нашли на дорогѣ убитаго Киріенку и раненаго Рудака, которыхъ и доставили въ Константиновское.

*) Евстафій Олехъ, Иванъ Лебедь, Прохоръ Шереметъ, Семенъ Прокоренко, Ефимъ Харченко, Карпъ Кашенко, Деонисій Пелипейко и Алексѣй Баглай.

Взятые въ плѣнъ казаки были исключены изъ списковъ полка; но трое изъ нихъ въ декабрѣ 1839 года освобождены изъ плѣна и выведены въ крѣп. Грозную вмѣстѣ съ лошадьми. По возвращеніи въ полкъ они показали, что партія чеченцевъ была до 70 человѣкъ, что горцы на первомъ же привалѣ раздѣлили плѣнныхъ между собой, что они, казаки, не знаютъ, гдѣ и у кого находились въ плѣну, и что всѣхъ ихъ вывели въ Грозную неизвѣстные имъ азіяты. 12 января 1840 г. были выведены и остальные казаки. При этомъ горячее участіе въ освобожденіи плѣнныхъ принималъ начальникъ лѣваго фланга Кавказской линіи генералъ-маіоръ Пулло.

Этотъ печальный случай указалъ на крайнюю необходимость соблюдать величайшую осторожность на кордонныхъ постахъ.

Выше было замѣчено объ энергичной подготовкѣ, направленной къ тому, чтобы соединить оба малороссійскихъ полка въ одинъ и поселить ихъ на Кавказѣ, теперь необходимо сказать, что всѣ проекты о водвореніи полковъ составлялись по особому распоряженію начальства командиромъ 2-го малороссійскаго полка и съ нѣкоторыми дополненіями и измѣненіями удостоились въ этомъ году Высочайшаго утвержденія, а затѣмъ послѣдовало распоряженіе о переводѣ всѣхъ женатыхъ нижнихъ чиновъ 1-го полка во 2-ой, а холостыхъ изъ 2-го полка въ 1-й, для поселенія женатыхъ на военно—грузинской дорогѣ. Казачьи семейства въ это время оставались въ Малороссіи; за ними, какъ увидимъ далѣе при описаніи 2 малороссійскаго полка, были посланы особыя команды при офицерѣ.

Несмотря на поселеніе женатыхъ нижнихъ чиновъ, 1-й малороссійскій полкъ, состоявшій изъ холостыхъ казаковъ, продолжалъ существовать отдѣльно еще около двухъ лѣтъ, участвуя въ это время въ экспедиціяхъ противъ чеченцевъ и другихъ непокорныхъ горскихъ племенъ восточнаго Кавказа.

Переходя къ описанію служебной дѣятельности 2 малороссійскаго полка, мы въ свое время отмѣтимъ походы и отличія 1-го полка, сдѣланные имъ до окончательнаго сліянія со вторымъ.

О. П. Пономаревъ.

ПЯТЬ ГОРСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ КАБАРДЫ.

I.

Географическое положеніе; флора и фауна.

Территорія пяти горскихъ обществъ: Баксанскаго или Урусбіевскаго, Чегемскаго, Хуламскаго, Безенгіевскаго и Балкарскаго, занимая сѣверные склоны центральной части главнаго Кавказскаго хребта, составляетъ самую юго-западную оконечность Нальчикскаго округа, Терской области, находится между 60° 3′ 40″ и 60° 24′ 10″ восточной долготы и 42° 53′ 35″ и 43° 30′ 20″ сѣверной широты и граничитъ съ сѣвера аульными надѣлами большой Кабарды и кабардинскими пастьбищами, съ востока горной Дигоріей, съ юга главнымъ снѣговымъ хребтомъ, отдѣляющимъ Сванетію Кутаисской губерніи, и съ запада территоріей карачаевскаго общества Кубанской области. Осѣдлость названныхъ пяти обществъ ютится въ четырехъ узкихъ, глубоко врѣзавшихся въ горные кряжи, ущельяхъ рѣкъ Баксана, Чегема, Черекъ-тхахо и Череко или Урвани.

Земельная площадь Баксанскаго общества, составляя самую западную часть горскихъ территорій, занимаетъ главнымъ образомъ баксанское ущелье и омывается системою водъ рѣки Баксана, берущаго свое начало отъ ледника Азау, одного изъ группы ледниковъ Эльбруса и въ предѣлахъ территоріи протекающаго на сѣверо-востокъ на протяженіи 53 верстъ. Изъ притоковъ р. Баксана болѣе или менѣе замѣчательны по величинѣ съ правой стороны: Юсенги, Адыръ-су, Адыль-су, Тюпно-су, Куркужанъ, непосредственно питающіеся ледниками, и Ксанты, вытекающая изъ подножія скалистаго кряжа; съ лѣвой стороны: Итъ-колъ и Ирикъ-су, вытекающіе изъ ледниковъ Эльбруса, Кыртыкъ, берущій свое на-

чало изъ горы Исламъ-чатъ или Балыкъ-башъ (отрогъ Эльбруса), Камыкъ и Гижгитъ.

Въ ряду всѣхъ горскихъ ущелій Терской области наиболѣе замѣчательное изъ выше указанныхъ—это обитаемое Кыртыкское ущелье по своему значительному возвышенію надъ уровнемъ моря: оно, начинаясь у селенія Урусбіевскаго, на протяженіи 6—7 верстъ подымается чрезвычайно круто, идетъ въ очень узкихъ скалистыхъ тѣснинахъ, гдѣ воды р. Кыртыка съ шумомъ и ревомъ падаютъ живописными каскадами; затѣмъ ущелье превращается въ расширенную долину съ поселками. Здѣсь долина достигаетъ отъ 7000 до 9000 фут. высоты надъ уровнемъ моря. Рѣка Гижгитъ собственно не образуетъ ущелья, а ея окрестности представляютъ обширнѣйшую долину, окаймленную съ сѣвера и юга высокими скалистыми кряжами, а широкіе и плоскіе хребты этой долины заняты покосами и пастбищами; такими же покосами и пастбищами отличаются окрестности ущелья р. Ксанты. Остальныя ущелья узки, малодоступны и годны только въ своихъ низовьяхъ для пастьбы баранты.

Въ этомъ же Баксанскомъ ущельѣ находятся очень красивыя два озера: одно Сильтранъ-коль расположено въ 6 $^{1}/_{2}$ вер. къ востоку отъ селенія Урусбіевскаго, находится на высотѣ 10542 ф. и имѣетъ въ ширину 140 с. и въ длину 200 с.; съ западной стороны оно примыкаетъ вплотную къ скаламъ снѣгового хребта (отрогъ Эльбруса) и изъ него вытекаетъ ручей Сильтранъ, впадающій въ р. Кыртыкъ. Другое озеро Донгузъ-орунъ-коль, на высотѣ 8302 ф., не менѣе перваго и находится съ лѣвой стороны тропы, идущей къ перевалу въ Сванетію. Ледники около этого озера, отражаясь въ его водѣ, придаютъ ему волшебный видъ; вода окрашена въ ярко зеленый цвѣтъ. Изъ ледниковъ перваго порядка *) въ ущельѣ р. Баксана извѣстны въ группѣ горы Эльбруса: *Азау*, замѣчательный не по длинѣ, а по колоссальной толщинѣ, *Ирикъ* и *Терсъ-колъ*. Этотъ послѣдній ледникъ хорошо извѣстенъ туристамъ и альпинистамъ, совершавшимъ восхожденіе на Эльбрусъ, такъ какъ изъ этого ущелья по леднику Терсъ-колъ лежитъ единственный путь на эту гору.

*) Ледниками перваго порядка называются тѣ, которые спускаются на дно ущелій; низшихъ порядковъ ледники-глетчеры находятся на большихъ высотахъ и въ ущелья не спускаются.

Изъ снѣговыхъ вершинъ въ предѣлахъ территоріи Баксанскаго общества, само собою разумѣется, первымъ является гигантъ Эльбрусъ, по горски *Миньгитау*; гора эта находится не въ цѣпи главнаго снѣгового хребта, а къ сѣверу отъ него, соединяясь съ нимъ снѣговымъ кряжемъ. Эльбрусъ, какъ колоссальный бѣлый драконъ, сторожитъ три земельныя владѣнія: кабардинскія пастбища, территоріи Баксанскаго общества Терской обл. и Карачаевскаго общества Кубанской обл. и состоитъ изъ двухъ вершинъ, возвышающихся надъ уровнемъ моря: западная на 18,473 ф. и восточная на 18347 ф. *) Въ 1 $^1/_2$ вер. отъ восточной вершины находится мертвый кратеръ, открытый въ 1889 г. топографомъ Голумбіевскимъ; имъ же въ юго-восточной части снѣгового поля обозначена совершенно горизонтальная долина фирноваго снѣга Джика-узенъ-кезъ протяженіемъ болѣе 10 вер. Вся же фирновая площадь Эльбруса съ ледниками занимаетъ пространство въ 150 кв. вер.

Изъ другихъ вершинъ особенно замѣчательна возвышающаяся совершенно правильнымъ конусомъ гора Ушба, высота которой надъ моремъ 15470 ф.. Гора эта находится на сторонѣ Сванетіи не въ цѣпи главнаго хребта, а соединяется съ нимъ узкимъ снѣговымъ кряжемъ. **) Замѣчательна же эта гора тѣмъ, что всѣ альпинисты-иностранцы, бывшіе здѣсь, лелѣяли мысль взобраться на ея вершину, съ которой по ихъ мнѣнію долженъ открываться восхитительный видъ во всѣ стороны, но всѣ попытки достигнуть завѣтной цѣли разбивались о положительную недоступность этого конуса.

Помимо главнаго снѣгового хребта по обѣимъ сторонамъ Баксанскаго ущелья спускаются снѣговые кряжи съ восточной стороны Эльбруса: отъ снѣжной долины Джика-узенъ-кезъ на протяженіи 10 вер. тянется на юго-востокъ хребетъ Сильтранъ; онъ съ южной стороны спускается скалами, а съ сѣверной снѣговыми скатами; затѣмъ отъ вершины на главномъ хребтѣ Джанъ-тусанъ отдѣляется узкій снѣговой отрогъ,

*) Надобно замѣтить, что восхожденій на Эльбрусъ было безчисленное множество; объясняется это тѣмъ, что гора болѣе другихъ доступна для подъема. Тѣмъ не менѣе почти никто изъ альпинистовъ не достигалъ вершинъ, а обыкновенно предѣлъ восхожденія ограничивался сѣдловиною между вершинами, до которыхъ подъемъ еще въ 700 ф. Говорятъ, что англичанинъ Фрешфильдъ былъ на одной изъ вершинъ Эльбруса.

**) Замѣчательно, что всѣ снѣговыя вершины Кавказскихъ горъ, какъ напр. Эльбрусъ, Ушба, Кошкантау и Дыхтау находятся не въ главномъ хребтѣ, а на его отрогахъ и только Казбекъ пріютился въ цѣпи главнаго хребта.

который, направляясь на сѣверо-западъ, на протяженіи 7 вер. спускается небольшими ледниками. Наконецъ самый большой по длинѣ (22 вер.) и ширинѣ своихъ снѣговыхъ скатовъ хребетъ отдѣляется отъ вершины Сары-колъ-баши; онъ идетъ въ сѣверномъ направленіи хребетъ и отдѣляетъ воды р.р. Баксана и Чегема, спускаясь на сѣверъ, востокъ и западъ значительными ледниками.

Хотя Баксанское ущелье по своей красотѣ и живописности особенно не выдѣляется въ ряду другихъ ущелій, однако оно очень оживленно. Благодаря тому обстоятельству, что въ этомъ ущельѣ имѣется нѣсколько удобныхъ переваловъ въ Сванетію, въ лѣтнее время оно кишитъ сванетами, спускающимися въ Терскую бласть на заработки; эти же перевалы привлекаютъ сюда альпинистовъ русскихъ и иностранныхъ цѣлыми массами. *)

Второе послѣ Баксанскаго ущелья—это Чегемское. Рѣка Чегемъ беретъ свое начало изъ небольшого ледника, у подножья сѣвернаго склона горы на главномъ хребтѣ Сары-колъ-баши, течетъ сначала на востокъ до впаденія въ нее р. Гара-су и на этомъ пространствѣ носитъ названіе Башиль-су. Отъ упомянутаго соединенія Чегемъ течетъ на сѣверо-востокъ до селенія Чегема и отсюда идетъ на сѣверъ до отселка Гудурги, а затѣмъ направляется на сѣверо-востокъ до вновь образованнаго селенія Чижокъ-кабакъ. Общее же протяженіе р. Чегема въ предѣлахъ территоріи Чегемскаго общества 50 верстъ.

Притокъ р. Чегема съ правой стороны Гара-су, самый значительный и замѣчательный по красотѣ ущелья съ сосновымъ лѣсомъ, питается отъ двухъ ледниковъ Кулаккъ и Шаурту. Здѣсь же между этими ледниками находится минеральный источникъ желѣзистой воды въ видѣ небольшого озерца въ діаметрѣ около 2 арш., со дна котораго выбивается минеральная вода; она пріятна на вкусъ и напоминаетъ знаменитый Нарзанъ, но слабѣе газами. Далѣе идутъ притоки: Булунгу, Корданъ или Нумала, Абарданъ-су, Бекмылги-су, Сакалъ-тупъ-су, Кустосъ-су, Чурчуръ-су и Адай-су, съ лѣвой стороны Чегема: Джайлыкъ-су, Сыринъ-су, Джилки-су, Этмушъ-колъ-су, Джунгу-су и Кокташъ-су. Ущелья этихъ

*) О перевальныхъ дорогахъ чрезъ главный хребетъ въ Сванетію будетъ рѣчь ниже.

рѣчекъ, за исключеніемъ ущелья р. Джилки-су, незначительны и очень доступны для покосовъ и пастбищъ.

Въ Чегемскомъ ущельѣ по части ледниковъ перваго порядка очень скудно; изъ нихъ самые большіе въ ущельѣ р. Гара-су: Кулаккъ-чиранъ длиною въ 6 $^1/_2$ вер. и Шаурту-чиранъ длиною въ $7^1/_4$ версты. Главная вершина главнаго хребта этого раіона Техтенгенъ въ 15127 ф. надъ уровнемъ моря, находящаяся противъ упомянутыхъ ледниковъ, и безыменная гора въ 14266 ф., отъ которой въ сѣверномъ направленіи идетъ снѣговой отрогъ, отдѣляющій воды Чегема отъ водъ Черекъ-тхахо.

Третье ущелье—Хуламско-Безенгіевское омывается водами рѣки Черекъ-тхахо. *) Рѣка эта главнымъ образомъ питается отъ большихъ ледниковъ Уллу-чиранъ (Безенгіевскій ледникъ) и Мижерги-чиранъ, течетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи и въ предѣлахъ территорій Хуламскаго и Безенгіевскаго обществъ протекаетъ 37 верстъ. Ея притоки съ правой стороны: Думала съ притокомъ Уккы, Шельды-су и Тушхаръ-су; съ лѣвой стороны: Муколъ-су, Шаки-су, Кшлыкъ-су, Кушхули-су, Шаудоръ-су и самый большой притокъ Кара-су.

Всѣ ущелья упомянутыхъ рѣчекъ очень доступны и весьма богаты травами, а мѣстами и пашнями.

Изъ ледниковъ перваго порядка этого ущелья самымъ достопримѣчательнымъ не только въ группѣ ледниковъ Кавказа, но и другихъ горъ считается Безенгіевскій, по горски Уллу-чиранъ, что значитъ «великій ледникъ». Онъ идетъ отъ верховья р. Черекъ-тхахо въ юго-западномъ направленіи совершенно прямою линіей на протяженіи 9 $^1/_2$ вер. вплоть до самаго снѣгового хребта; здѣсь онъ ломается почти подъ прямымъ угломъ, направляясь на юго-востокъ на протяженіи 6 $^1/_2$ в. до горы Шхара; такимъ образомъ вся длина ледника 16 вер., ширина же его внизу 300 с., а постепенно расширяясь вверхъ, доходитъ до 1 $^1/_2$ в. Красота ледника необыкновенна, если наблюдать его съ какой либо горы напротивъ: въ хаосѣ мрачныхъ, черныхъ скалистыхъ горъ взорамъ представляется бѣлая, ровная, какъ линейка, полоса, посрединѣ которой тянутся совершенно правильно и въ равномъ

---

*) «Тхахо» по кабардински—бѣшеный

разстояніи другъ отъ друга (по крайней мѣрѣ такъ кажется зрителю) двѣ темно-сѣрыя полосы, какъ рельсы желѣзной дороги; это водоточины или ручьи, сбѣгающіе внизъ по ледяному покрову. Особенность ледника еще въ слѣдующемъ: его конецъ у верховья р. Черека возвышается надъ грунтомъ земли на 37 с. и представляетъ изъ себя гигантскую ледяную арку съ громадной зіяющей черной пастью, откуда съ шумомъ и громомъ выбрасывается вся масса воды р. Черекъ-тхахо. Затѣмъ идутъ ледники къ востоку отъ Безенгіевскаго и рядомъ съ нимъ: Мижирги-чиранъ длиною въ 6 вер., Уккы-чиранъ и Уллу-аузъ-чиранъ и много другихъ ледниковъ низшихъ порядковъ.

Въ этомъ же раіонѣ, за исключеніемъ Эльбруса, сосредоточены самыя высокія вершины Кавказскихъ горъ, а именно: на главномъ хребтѣ гора Шхара, имѣющая высоту надъ моремъ 17010 ф. Къ сѣверу отъ главнаго хребта и почти въ параллель ему тянется снѣговой кряжъ, на которомъ находится гора Дыхтау высотою 17052 ф. По внѣшнему строенію, представляя безформенныя, плоскія, съ торчащими острыми скалами, снѣжныя возвышенности горы Шхара и Дыхтау замѣтно не выдѣляются изъ общей массы сосѣднихъ горъ; вотъ почему долгое время геодезисты и географы считали эти горы ниже горы Казбека, тогда какъ онѣ значительно выше послѣдней (16546 ф.). На этомъ же, параллельномъ къ главному хребту, кряжѣ находится очень красивая конусообразная гора Коштантау высотою 16387 ф. Эта гора стала особенно извѣстна въ Англіи и у насъ съ 1888 года, когда отважные альпинисты, президентъ англійскаго альпійскаго клуба Донкинъ въ сопровожденіи богатаго фабриканта Фокса и швейцарскаго гида, пытаясь взойти на недоступную вершину Коштантау, безслѣдно погибли въ глетчерахъ.

Территорія Балкарскаго общества занимаетъ три ущелья рѣкъ: Черека или Урваня, Псеганъ-су (по кабардински) или Секанъ-су (по горски) и Хазны-донъ (по осетински) или Хазны-су (по горски.)

Рѣка Черекъ или Урвань въ своемъ началѣ состоитъ изъ двухъ рѣчекъ, изъ которыхъ западная Дыхъ-су питается отъ ледника Дыхъ-котюбугой-су и восточная Акъ-су (бѣлая вода) въ верховьѣ развѣтвляется на три горныхъ ручья, вытекающіе изъ трехъ ледниковъ; изъ нихъ два находятся въ

группѣ главнаго хребта, а третій спускается отъ параллельнаго къ главному хребту снѣгового кряжа.

Замѣчательно, что во время таянія снѣговъ и ледниковъ въ іюнѣ и августѣ Акъ-су несетъ совершенно желтую воду, а Дыхъ-су-черную, и быстрота теченія этихъ водъ настолько стремительна, что послѣ соединенія рѣчекъ въ одно общее русло, воды на очень значительное разстояніе сохраняютъ свои цвѣта и потомъ уже они сливаются въ общій черно-сѣроватый цвѣтъ.

Отъ соединенія Акъ-су и Дыхъ-су Черекъ направляется на сѣверо-востокъ и въ предѣлахъ Балкарскаго общества течетъ на протяженіи 50 верстъ до соединенія съ Черекъ-тхахо.

Притоки Черека: съ правой стороны Рцывашка-су, берущая начало съ горы Гульчи, на снѣговомъ отрогѣ; съ лѣвой стороны р. Тютюнъ-су, вытекающая изъ ледниковъ горы Коштантау, р. Рычи-су, берущая начало изъ ледниковъ горы Каяшки, и самый большой изъ притоковъ р. Кара-су балкарская (въ отличіе отъ Кара-су хуламской.)

Всѣ эти ущелья очень доступны въ смыслѣ, конечно, горской доступности и богаты пастбищами. Самое-же красивое и цѣнное по своимъ пастбищамъ—это ущелье р. Акъ-су, или урочище Штула. Урочище это, примыкая къ главному Кавказскому хребту, представляетъ очень возвышенное и относительно расширенное ущелье, окаймленное почти со всѣхъ сторонъ снѣговыми горами. Здѣсь имѣются въ разныхъ мѣстахъ разбросанныя сосновыя и лиственныя рощи; здѣсь же находится нѣсколько минеральныхъ источниковъ, изъ нихъ желѣзистые расположены на небольшой равнинѣ, которая отъ разлитія этихъ источниковъ образуетъ сплошное болото, окрашенное въ красный цвѣтъ; другіе кислые источники находятся у самаго перевала въ Дигорію въ ущельѣ р. Уруха.

Изъ ледниковъ перваго порядка самый большой въ этомъ урочищѣ Котю-бугой-су-чиранъ, идущій въ параллель главному хребту съ запада отъ горы Шхара на востокъ на протяженіи 9 верстъ. Онъ замѣчателенъ тѣмъ, что мѣстами идетъ по верху отвѣсныхъ скалъ, и во время таянія надъ скалами нависаютъ гигантскія ледяныя сосульки, которыя временами въ жаркіе дни отрываются и съ страшнымъ шумомъ падаютъ внизъ на дно ущелья; эхо этого шума въ

горномъ пространствѣ отдается на очень большое разстояніе. Затѣмъ по главному хребту болѣе или менѣе значительныхъ ледниковъ насчитывается до 12 и нѣсколько въ группѣ снѣгового кряжа, на которомъ находятся вершины Дыхтау и Коштантау.

Второе ущелье на территоріи Балкарскаго общества—это ущелье р. Секанъ-су, что по горски означаетъ «холодная вода». Рѣка Секанъ-су беретъ свое начало изъ группы ледниковъ, спускающихся съ грандіознаго снѣгового хребта, усѣяннаго отвѣсными пиками, идущаго параллельно главному хребту и соединяющагося съ нимъ поперечнымъ узкимъ скалистымъ хребтомъ. Р. Секанъ-су отъ своего начала въ предѣлахъ территоріи Балкарскаго общества протекаетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи на протяженіи 23 верстъ. Ущелье отличается пониженной температурой воздуха.

Третье ущелье на территоріи Балкарскаго общества —ущелье р. Хазны-су, которая вытекаетъ изъ группы ледниковъ, спускающихся съ того-же снѣгового хребта параллельно главному; этотъ же хребетъ служитъ границею между территоріями горной Дигоріи и Балкарскаго общества.

Осѣдлое населеніе пяти горскихъ обществъ расположено въ глубинѣ ущелій, которыя съ сѣвера съ узкими промежутками замыкаются очень характерными высокими скалами. Въ предѣлахъ горскихъ территорій скалы эти, начинаясь въ самомъ сѣверо-западномъ углу отъ скалы Наужидзе (по кабардински —«бабьи зубы»), тянутся съ запада на востокъ, прерываясь глубокими и узкими ущельями р.р. Баксана, Чегема, Черекъ-тхахо, Урвани, Секанъ-су и Хазны-су. Съ южной стороны въ направленіи горской осѣдлости этотъ рядъ грандіозныхъ хребтовъ спускается отвѣсными скалами и мѣстами террасами, а съ сѣверной крутыми скатами сначала безъ всякой растительности, вслѣдствіе значительной высоты, потомъ съ тучными лугами и сплошными лиственными лѣсами. Съ лѣвой стороны р. Баксана отъ скалы Наужидзе тянутся скалы Алмалы-кая, которыя у р. Баксана круто поворачиваютъ на сѣверъ и у сыроваренная завода Урусбіевыхъ спускаются на нѣтъ; наивысшая точка этихъ скалъ 8904 ф. Между р.р. Баксаномъ и Чегемомъ тянутся скалы Лха, которыя, начинаясь отъ впаденія р. Кудахурта въ Баксанъ, идутъ сначала на югъ низкими террасами, потомъ, постепенно

возвышаясь, круто поворачиваютъ на востокъ и, идя по лѣвому берегу Чегема, постепенно понижаются и у впаденія р. Кустосъ-су въ Чегемъ сходятъ на нѣтъ; высшая точка 9100 ф. Между р.р. Чегемомъ и Черекъ-тхахо тянутся скалы Ахъ-кая, наивысшая точка 10885 ф. Ихъ направленіе и свойства такія же, какъ и предыдущихъ скалъ. Между р.р. Черекъ-тхахо и Урваномъ идутъ скалы Итъ-кая и Суукъ-аузъкая такого же свойства и направленія; высшія точки 10500 ф. и 11480 ф. Между р.р. Урванью и Секанъ-су въ такихъ же условіяхъ тянутся скалы Мехтигенъ, высшая точка 10480 ф. Между р. р. Секанъ-су и Хазны-су тянутся скалы Хазны-башъ; высшая точка 10045 ф. Наконецъ съ правой стороны Хазны-су тянутся скалы Кунюмъ съ высшей точкой 10367 ф.

Всѣ упомянутыя скалы, подходя къ рѣкамъ, значительно сближаются, образуя, такимъ образомъ, чрезвычайно узкія и глубокія ущелья, которыя, по выходѣ рѣкъ изъ этихъ тѣснинъ на югъ къ горской осѣдлости, расширяются и превращаются въ долины съ плоскогоріями.

Обыкновенно принято считать предѣломъ снѣговой линіи, т. е. вѣчнаго снѣга, 10.000 ф., но эту мѣрку нельзя отнести къ Кавказскимъ горамъ, такъ какъ эти высоты, хотя безъ растительности, въ іюлѣ и августѣ освобождаются отъ снѣгового покрова; предѣлъ-же снѣговой линіи въ этихъ горахъ надо отодвинуть на высоту не менѣе 12.000 ф.

Природа на территоріи пяти горскихъ обществъ не отличается особеннымъ разнообразіемъ растительности: наилучшее сѣно—это сѣно съ поемныхъ луговъ; по свидѣтельству горцевъ оно гораздо питательнѣе овса и ячменя; сѣно обыкновенныхъ луговъ, изъ такъ называемыхъ альпійскихъ травъ, снимается, при одинаковомъ пространствѣ, въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ съ поемныхъ луговъ и менѣе питательно. Пастбища имѣютъ двоякаго рода значеніе. Въ горахъ, далеко отъ населенныхъ пунктовъ, пастбища съ большимъ обиліемъ хорошихъ альпійскихъ травъ, но къ сожалѣнію эти пастбища въ лѣтнее время до того наводняются громаднымъ количествомъ баранты, скота и лошадей, что чрезъ короткое время обращаются въ положительную Сахару. Объясняется это не скудостью вообще горскихъ пастбищъ, а тѣмъ, что большая часть ихъ сосредоточена въ частномъ владѣніи горцевъ—та-

убіевъ. Другой сортъ пастбищъ—это выгоны около поселеній для скота и ословъ, содержимыхъ при домѣ круглый годъ. Но это не выгоны, а жалкая пародія на нихъ: они представляютъ собою почти отвѣсныя горы съ торчащими повсюду скалами, почти сплошь покрыты камнями, между которыми въ узкихъ промежуткахъ робко выглядываетъ чахлая трава въ видѣ тонкихъ и желтыхъ соломинокъ, растущихъ въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга и вполнѣ оправдывающихъ пословицу: «колосъ отъ колоса не слыхать человѣческаго голоса.» Достаточно на этихъ пастбищахъ попастись скотинѣ 1—2 мѣсяца, чтобы явиться безъ копытъ, съ обликомъ скелета въ кожаной оболочкѣ; поэтому крайне поражаешься худобѣ и выносливости горской домашней скотины. Самыми скудными покосами и пастбищами владѣетъ Баксанское общество; лучшіе и обильные покосы имѣютъ Балкарцы, за то у нихъ мало пастбищъ.

Изъ хлѣбныхъ злаковъ въ горахъ сѣются преимущественно ячмень ($^2/_3$ площади) и въ небольшихъ количествахъ пшеница и овесъ ($^1/_3$ площади); эти растенія требуютъ ирригаціи и искусственнаго удобренія, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обходятся безъ ирригаціи, какъ напр., и въ Балкарскомъ обществѣ, гдѣ пашни находятся на склонахъ горъ, недоступныхъ орошенію; за то здѣсь урожаи очень плохи. За послѣднее время горцы, хотя въ очень маломъ количествѣ, стали воздѣлывать картофель; благодаря песчаному грунту онъ получается вкусный и въ хорошихъ урожаяхъ; при нѣкоторыхъ горскихъ домахъ имѣются небольшіе огороды преимущественно съ лукомъ, но есть также въ очень маломъ количествѣ, какъ лакомство для горцевъ, морковь и рѣдька; есть попытки на огородахъ сѣять кукурузу, но она не вызрѣваетъ. Предѣлъ произрастанія ячменя, пшеницы и овса надо считать 5600 ф. высоты надъ уровнемъ моря.

Лѣса на территоріи пяти горскихъ обществъ разбросаны въ разныхъ мѣстахъ; сплошные исключительно лиственные расположены на сѣверныхъ склонахъ скалистыхъ хребтовъ Лха, Ахъ-кая, Итъ-кая, Мехтигена и Хазны-баша. Въ Чегемскомъ ущельѣ, съ правой стороны Башиль-су, есть на небольшомъ пространствѣ сосновая роща, состоящая изъ чрезвычайно толстыхъ вѣковыхъ деревьевъ, и по р. Гара-су сосновый лѣсъ съ деревьями средней величины; въ Хуламѣ и Безенги

совсѣмъ нѣтъ лѣсу, если не считать маленькую заповѣдную березовую рощицу, пріютившуюся у самаго ледника Уллучиранъ (Безенгіевскій). Въ Баксанскомъ ущельѣ находится знаменитый сосновый лѣсъ, разбросанный около ледниковъ Азау и Терсъ-кола по ущельямъ Ирикъ-су, Кыртыкъ и Тютюнъ-су.

Изъ ягодъ, свойственныхъ россійскому климату, здѣсь встрѣчается малина, произрастающая относительно на низкихъ мѣстахъ; много ея въ Баксанскомъ ущельѣ по Тютюнъ-су. Горская малина очень крупная, сочная и обыкновеннаго цвѣта, хотя въ Безенги встрѣчается и бѣлаго цвѣта. Много костяники и брусники—первая растетъ низко, а вторая не ниже 6500 ф. Грибы масленники, бѣлые, рыжики, грузди и т. п. встрѣчаются въ сосновыхъ лѣсахъ. Цвѣты разныхъ окрасокъ, свойственные альпійской природѣ, встрѣчаются на соотвѣтственныхъ высотахъ въ большомъ количествѣ. Наконецъ мелкій лѣсной орѣхъ въ большомъ изобиліи находится въ лѣсахъ на сѣверныхъ склонахъ скалистыхъ горъ. Фруктовые сады могутъ успѣшно разводиться въ среднихъ и нижнихъ частяхъ ущелій; чему доказательствомъ служитъ то, что одинъ изъ Балкароковыхъ—Асланъ-бекъ въ ущельѣ Чегема у своего хутора развелъ садъ, состоящій исключительно изъ абрикосовъ, правда, мелкихъ, но очень вкусныхъ.

Изъ живыхъ существъ царемъ скалъ безспорно является неуклюжій по виду, но чрезвычайно проворный и быстроногій рогатый туръ. Туры обыкновенно живутъ колоніями въ недоступныхъ для человѣка скалахъ, а для пастьбы выходятъ на болѣе доступныя мѣста, и здѣсь-то они гибнутъ массами отъ рукъ горскихъ охотниковъ. Ни одинъ изъ нихъ, намѣченный въ жертву, не уйдетъ отъ мѣткаго выстрѣла горца. Насколько успѣшно туры истребляются горскими охотниками, видно изъ того, что на Баксанѣ мнѣ говорили старые охотники, что за свой вѣкъ каждый изъ нихъ убилъ отъ 1500 до 2000 экземпляровъ, а такихъ охотниковъ въ каждомъ обществѣ надо считать десятками. Кромѣ туровъ въ горахъ водятся серны и дикія козы; олени живутъ въ лѣсахъ, на сѣверномъ склонѣ скалистыхъ хребтовъ по смежности съ кабардинскими лѣсами. Въ тѣхъ-же лѣсахъ въ большомъ количествѣ водятся дикія свиньи; медвѣдь-же встрѣчается очень рѣдко; есть среди нихъ экземпляры, которые жи-

вутъ на совершенно открытыхъ мѣстахъ—въ пещерахъ скалъ. Изъ пернатаго царства на первое мѣсто должны быть поставлены горныя индѣйка и курочка. Первая гнѣздится на высокихъ недоступныхъ скалистыхъ мѣстахъ, а вторая на низменностяхъ, въ камняхъ. Та и другая встрѣчаются въ большихъ количествахъ, такъ какъ онѣ не истребляются горскими охотниками. Крики индѣекъ и курочекъ неумолчно раздаются изъ мѣстъ ихъ обиталищъ и напоминаютъ крикъ домашнихъ индѣекъ и куръ. Охота на индѣекъ крайне затруднительна, по недоступности мѣстъ ихъ обитанія; курочки, хотя водятся на доступныхъ для охотника мѣстахъ, но охота на нихъ можетъ быть успѣшна только съ собаками, такъ какъ онѣ, какъ и индѣйки, по своему цвѣту совершенно сливаются съ окружающими камнями, поэтому замѣтить ихъ можно только тогда, когда онѣ взлетаютъ на воздухъ. Горныя курочки очень легко приручаются: для этого нужно, чтобы изъ ихъ яицъ домашняя курица вывела цыплятъ. Въ горахъ встрѣчаются еще и тетерева.

Изъ насѣкомыхъ, причиняющихъ большія непріятности человѣку и скотинѣ, въ горахъ водятся: мелкая мошка (іюль и августъ), крылатый муравей (цѣлое лѣто) внизу и на высотахъ (9000 ф.) и слѣпни (въ іюнѣ), живущіе около лѣсовъ и въ лѣсахъ, расположенныхъ по смежности съ кабардинскими. Затѣмъ на ледникахъ водятся почти незамѣтныя для глазъ крылатыя насѣкомыя, присутствіе которыхъ замѣтно по красной окраскѣ нижнихъ частей ледниковъ.

Въ горскихъ рѣчкахъ въ изобиліи водится форель довольно внушительныхъ размѣровъ; осенью заходитъ очень много лосъ-форели длиною въ аршинъ и болѣе. Горцы почему-то не ѣдятъ рыбы, поэтому систематически не производятъ ловли ея. Горскіе мальчики ловятъ эту лосъ-форель самымъ оригинальнымъ способомъ: разщепываютъ одинъ конецъ палки и въ эту разщепу вставляютъ поперекъ горскій ножъ остріемъ наружу. Вода въ рѣчкахъ очень прозрачна. Замѣтивъ форель, лежащую за какимъ нибудь камнемъ, мальчикъ осторожно подходитъ и своимъ импровизированнымъ орудіемъ пригвождаетъ рыбу. Часто бываетъ, что рыба разрѣзывается на двѣ части и приходится ловить и ту и другую.

II.

Все населеніе пяти горскихъ обществъ, составляя одно обще-татарское племя (тюркское), говоритъ на одномъ обще-татарскомъ языкѣ, исповѣдуетъ мусульманскую религію и въ обыденной жизни держится совершенно одинаковыхъ обычаевъ (адатъ).

Откуда появились и когда поселились въ почти недоступныхъ горныхъ тѣснинахъ предки настоящихъ обитателей,—объ этомъ никакихъ свѣдѣній преданіе не сохранило. Сохранились только въ семьяхъ высшаго сословія (таубіевъ) преданія о происхожденіи ихъ предковъ и обстоятельствахъ прихода ихъ въ горы, но и они крайне сбивчивы. *) Несомнѣнно только одно, что первые и самые древніе поселенцы были балкарцы, обитающіе нынѣ по ущелью р. Черека или Урвани; по мнѣнію профессора М. Ковалевскаго, отсюда уже они разселились по всѣмъ другимъ ущельямъ. По мнѣнію этого-же ученаго, цѣлый рядъ топографическихъ названій свидѣтельствуетъ, что до прихода предковъ нынѣшнихъ обитателей въ этихъ ущельяхъ жили осетины (Иронъ).

Общественный строй первоначальныхъ поселенцевъ былъ демократическій, но съ появленіемъ среди нихъ родоначальниковъ таубіевъ—выходцевъ изъ странъ съ аристократическимъ строемъ жизни, людей ловкихъ, воинственныхъ и умѣющихъ пользоваться обстоятельствами,—устанавливается тотъ строй раздѣленія сословій на высшее и низшее, какой существуетъ по настоящее время, но только безъ прежняго значенія.

Въ основѣ возникновенія аристократическаго строя жизни въ горскомъ населеніи лежала воинская доблесть. Въ

---

*) Родоначальникомъ чегемскихъ таубіевъ Балкароковыхъ, Барасбіевыхъ и Кучуковыхъ былъ Анероко, выходецъ изъ Абадзехіи; Келеметовыхъ и хуламскихъ таубіевъ Шакмановыхъ—выходцы изъ Дигоріи; безенгіевскихъ таубіевъ Суншевыхъ—Алтутъ, выходецъ изъ Крыма; балкарскихъ таубіевъ—Басіатъ и Мисака, выходцы изъ Маджаръ и баксанскихъ таубіевъ Урусбіевыхъ—Чепеллеу Суншевъ, выходецъ изъ Безенги.

отдаленныя времена нашей эры горцы и ихъ сосѣди наполняли всю свою жизнь воинственными набѣгами другъ на друга; главною цѣлью этихъ смѣлыхъ походовъ было пріобрѣтеніе рабовъ.

Изъ разсказовъ о происхожденіи чегемскихъ и балкарскихъ таубіевъ и изъ старинныхъ военныхъ пѣсенъ горцевъ усматривается, что предки теперешняго высшаго сословія дѣйствительно были умѣлые и доблестные ремесленники войны. Они неустанно совершали набѣги не только на окружающія сосѣднія земли: Сванетію, Имеретію, Осетію, Кабарду и т. д., но въ союзѣ съ кабардинскими князьями предпринимали походы вглубь плоскости къ ногайцамъ, калмыкамъ, а въ болѣе близкое намъ время—даже къ казакамъ. Такіе люди въ глазахъ своего племени олицетворяли всѣ совершенства человѣка. Они становились во главѣ своего народа, но главенство вначалѣ было чисто военнаго свойства, а въ обыденной жизни каждый занимался своимъ дѣломъ и никому не подчинялся. Главную военную добычу составляли рабы, которые распредѣлялись между участниками походовъ, сообразно военнымъ заслугамъ. Такимъ образомъ въ горахъ появляется два сословія: господа и рабы.

Постоянные и удачные набѣги все больше и больше увеличивали сословіе рабовъ, а такъ какъ содержаніе большого количества ихъ въ однѣхъ рукахъ требовало соотвѣтственныхъ затратъ на жизненныя потребности, что становилось въ тягость господамъ, то владѣльцы отдѣляли извѣстную часть рабовъ и отпускали ихъ отъ себя. Вольноотпущенники по заимочному праву селились въ удобныхъ мѣстахъ и занимались хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, но какъ подвластные обкладывались извѣстной данью. Такимъ образомъ возникаетъ новое сословіе—сословіе чагаръ, зависимое отъ своихъ бывшихъ владѣльцевъ. *)

Высшее сословіе—владѣльцы въ Чегемѣ, Безенги, Хуламѣ и Урусбіи—именовались *акъ-суекъ* (бѣлая кость); въ Чегемѣ они еще назывались *схалты* и въ Балкаріи—*басіаты* **) (этимъ послѣднимъ именемъ называлось все горское высшее сословіе сосѣдними народами) и были нѣчто въ родѣ

*) Свѣдѣнія о переходѣ рабовъ въ «чагары» мною заимствованы отъ чагемскаго старшины таубія Муссы Барасбіева.

**) Я въ Хуламѣ и Балкаріи записалъ два разсказа о происхожденіи «Акъсуека» и «Басіата», но что означаетъ «Схалты» никто не знаетъ.

кабардинскаго *тлокотлеша* (первой степени уздень), дигорскаго *баделята* и тагаурскаго *алдара*.

Наименованіе таубіевъ (горскій князь) допущено правительствомъ съ 1852 года, т. е. со времени принятія Императоромъ Николаемъ I депутаціи отъ этого общества; до того же времени лица, принадлежащія къ сословію таубіевъ, во всѣхъ правительственныхъ и административныхъ сношеніяхъ съ горцами всегда именовались горскими старшинами *).

Что высшее горское сословіе имѣло и имѣетъ только узденское, а не княжеское значеніе, доказывается тѣмъ, во-первыхъ, что этотъ классъ можетъ брать себѣ женъ у кабардинскихъ узденей, дигорскихъ баделятъ и тагаурскихъ алдаръ, но никакъ не у княжескихъ родовъ, и, во-вторыхъ, таубіи являлись «аталыками» кабардинскихъ княжескихъ дѣтей, т. е. ихъ воспитателями, а по коренному обычаю воспитывать и вскармливать дѣтей высшихъ сословій могли только семьи низшихъ классовъ.

За таубіями идетъ второе сословіе «кара-кеши»—уздени второй степени; затѣмъ идутъ «чагары» зависимые отъ первыхъ двухъ сословій, «казаки»—рабы, «караваши»—рабы дворовые, составлявшіе полную собственность первыхъ двухъ классовъ, и «азаты»—вольноотпущенники. Чагары, какъ выше указано, имѣли своихъ собственныхъ холоповъ обоего пола, которые пріобрѣтались сначала путемъ войны, потомъ, когда хищническіе набѣги стали рѣже и затруднительнѣе, покупкою.

Бывшій нальчикскій окружной врачъ Грамматиковъ, занимаясь, для составленія диссертаціи на степень доктора медицины, антропометрическими иcлѣдованіями горскаго населенія, находилъ типы кабардинцевъ, осетинъ, имеретинъ, сванетовъ, чеченцевъ и т. п. и чрезвычайно мало татарскаго типа. И въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что большая часть предковъ таубіевъ не тюркскаго происхожденія; жители селенія Озрокова—выходцы изъ кабарды; жители селенія Куркужанъ—выходцы изъ Дигоріи; среди горскаго населенія сплошь и рядомъ можно встрѣтить людей съ большими зобами—это выходцы изъ Сванетіи и Имеретіи, такъ какъ жители этихъ областей отличаются большими зобами и горцы иначе ихъ

*) «Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ», выпускъ III, «Привиллегированныя сословія кабардинскаго округа», стр. 10-я.

не называютъ, какъ зобатыми. Покойный М. З. Кипіани на Баксанѣ встрѣтилъ старика Эристова, который по разспросамъ оказался грузиномъ и даже родственникомъ Кипіани; я лично въ Куркужанѣ видѣлъ старика—чеченца, бывшаго плѣненнаго холопа, поэтому и фамилію ему дали Чеченовъ. Всѣ эти многочисленные вольные и невольные переселенцы, поступая въ горы не вдругъ, не массами, а постепенно въ маломъ числѣ, ассимилировались, такъ сказать, растворялись въ средѣ коренного населенія, быстро усваивая мѣстные языкъ, религію и обычаи.

Аграрные порядки, существующіе и по настоящее время въ горахъ, выработались не вдругъ и не подъ вліяніемъ силы и власти таубіевъ. Горцамъ—первымъ поселенцамъ и ихъ послѣдующимъ поколѣніямъ—не было присуще понятіе о собственности на земли, не подвергшіяся обработкѣ трудами человѣка. Эта собственность возникаетъ въ то время, когда стало тѣсно жить. Здѣсъ подъ вліяніемъ суровой горной природы и чрезвычайной скудости земли, годной для хлѣбопашества, выработались два типа землевладѣнія. Каменистая почва, превращенная въ культурную землю чрезвычайными усиліями человѣка, становилась собственностію лица, производившаго очистку отъ камней, орошеніе и удобреніе почвы навозомъ и черноземомъ, приносимымъ изъ другихъ мѣстъ. Такая собственность по воззрѣніямъ горцевъ считается неотъемлемою обычною собственностью. Всѣ-же остальныя земли, какъ-то: пастбища, обыкновенные покосы и лѣса, тоже по изстари сложившемуся обычаю, были общественными и на первыхъ двухъ категоріяхъ земель существовало заимочное право, т. е. горцы свободно занимали эти земли временными хуторами, производили покосы и пасли баранту, скотъ и лошадей и чѣмъ больше у кого было домашнихъ животныхъ, тѣмъ больше была его заимка.

Въ то время, когда населеніе горъ было незначительно, а земли послѣдней категоріи было сравнительно много, скотоводы, потравивъ одно мѣсто, безпрепятственно переходили на другое; но съ увеличеніемъ народонаселенія такіе свободные переходы становились невозможными или крайне затруднительными; тогда скотоводы, осѣвши на однѣхъ и тѣхъ-же займищахъ и передавая ихъ изъ рода въ родъ, превратили ихъ какъ-бы въ родовую собственность, но не какъ юридическій

институтъ по нашимъ понятіямъ: заимки все-таки продолжали считаться отчасти общественными землями, такъ какъ въ прежнее время по обычаю не подлежали дробленію по раздѣламъ и наслѣдству и только въ очень недавнее время горскій судъ упразднилъ этотъ обычай.

Послѣдствіемъ заимочнаго права было то, что у всѣхъ горцевъ чрезвычайно мало общественной земли; вся она разобрана по участкамъ цѣлыми фамиліями и отдѣльными лицами. Если же у таубіевъ оказалось гораздо больше земли, то это обусловливалось совершенно другими причинами, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, и отчасти отъ того, что они были гораздо богаче каракешей и чагаръ, слѣдовательно и заимки ихъ были больше.

Профессоры Всев. Миллеръ и Макс. Ковалевскій, *) собиравшіе свѣдѣнія исключительно и непосредственно отъ таубіевъ Балкароковыхъ, Баразбіевыхъ, Шакмановыхъ и Урусбіевыхъ, въ интересахъ которыхъ было преувеличивать значеніе своихъ предковъ и свое, дабы удержать за собою захваченныя земли, говорятъ, что аристократическій строй горцевъ имѣлъ всѣ атрибуты феодализма Западной Европы, не исключая земельнаго права, и что «въ средѣ балкарцевъ (разумѣя всѣхъ горцевъ Кабарды) всѣ остальныя сословія—каракеши, чагары, казаки и отпущенные на волю рабы или азаты безразлично сидятъ на земляхъ таубіевъ, неся въ ихъ пользу напередъ опредѣленныя повинности и платежи». Если всѣ низкія сословія горцевъ сидѣли на земляхъ таубіевъ, то какъ-же могло случиться, что при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ 1867 году таубіи за выкупъ получили отъ чагаръ громадное количество пахатныхъ, покосныхъ участковъ и зимовниковъ съ пастбищными землями, причемъ третья часть осталась за чагарами? Каракеши-же не только не освобождались отъ власти таубіевъ, какъ вольные уздени, но сами за свободу своихъ бывшихъ подвластныхъ—чагаръ получили наравнѣ съ таубіями пахатные, покосные и пастьбищные участки. **)

Почему, въ такомъ случаѣ, таубіи не воспользовались своимъ правомъ владѣльцевъ всей горской земли, какъ рус-

*) Вѣстникъ Европы 1884 г., Апрѣль.

**) Свѣдѣнія о выкупной операціи извлечены изъ книгъ посредническихъ коммиссій Нальчикскаго округа.

скіе помѣщики или кумыкскіе князья? Надо полагать, такого права не было.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Хуламскомъ ущельѣ выше селенія Скуру, въ развалинахъ башни нашли два плитовыхъ камня, одинъ большаго размѣра, а другой малаго; на большомъ камнѣ вырѣзаны арабскими буквами на горскомъ языкѣ слова, которыя гласятъ, что собравшіеся почетные люди (имя рекъ) отъ крымскаго хана, изъ Кабарды и отъ горцевъ установили границы горскихъ владѣній отъ крымскихъ и русскихъ владѣній. На другомъ камнѣ тѣмъ же шрифтомъ и языкомъ начертано, что вслѣдствіе спора каракеша Бекмурзы Гиргокова съ кѣмъ-то (не указано съ кѣмъ) свидѣтели: изъ Баксана Исмаилъ Урусбіевъ, изъ Балкаріи Муртазали Біевъ, изъ Хулама Султанъ Шакмановъ и другіе установили границы владѣнія Бекмурзы Гиргокова; судя по этимъ границамъ, у него оказываются обширныя владѣнія. Все это происходило по магометанскому счисленію въ 1127 году, а по нашей эрѣ въ 1711 г. Стало быть почти за 200 лѣтъ отъ насъ назадъ каракеши считали своею собственностью большія земли и сами таубіи безпрекословно признавали это, что видно изъ того, что они-же, служа посредниками при тяжбахъ, устанавливали чужія нетаубіевскія земельныя владѣнія.

Въ адатахъ горцевъ, собранныхъ въ 1844 году начальникомъ центра Кавказской линіи княземъ Голицынымъ и напечатанныхъ въ 1-мъ выпускѣ книги Ѳ. И. Леонтовича подъ заглавіемъ «Адаты Кавказскихъ горцевъ», ничего не говорится о власти таубіевъ надъ всею горскою землею; напротивъ, въ одномъ мѣстѣ говорится, что «для произведенія хлѣбопашества и сѣнокоса въ пользу старшинъ (таубіевъ) эти (подвластные) должны дать землю и быковъ на время». Выходитъ, что какъ будто у таубіевъ не было опредѣленной земельной собственности, а они пользовались землею въ нужныхъ размѣрахъ отъ своихъ подвластныхъ.

Надо полагать, что свѣдѣнія, собранныя въ 1844 г., ближе къ истинѣ, чѣмъ собранныя М. Ковалевскимъ въ 1884 году изъ устъ таубіевъ, потому что въ 1844 году крѣпостное право и другіе горскіе обычаи господствовали въ полной силѣ и каждое свѣдѣніе легко могло быть провѣрено на практикѣ, да и таубіи того времени, во первыхъ, не могли показывать противъ очевидности и, во-вторыхъ, не было причинъ

преувеличивать значеніе своей власти и власти своихъ предковъ, тогда какъ теперь эти причины имѣются въ наличности.

Въ прежнія времена горцы находились въ полномъ подчиненіи у кабардинскихъ князей и «вліяніе ихъ, хотя не въ равной степени, распространялось на всѣ окружающія Кабарду племена. Такимъ образомъ племена болѣе отдаленныя, напр. ингуши, карабулаки, кистинцы, тагаурцы и дигорцы были только данниками кабардинскихъ князей, а ближайшія, какъ-то: Карачаевцы, Урусбіевцы, Чегемцы, Хуламцы и Безенгіевцы (балкарцы, благодаря своей численности и трудно доступнымъ ихъ жилищамъ, сумѣли сохранить свою относительную независимость) находились у нихъ почти въ состояніи рабства. Степень зависимости послѣднихъ пяти племенъ отъ кабардинскихъ князей легко усматривается изъ слѣдующаго факта: «если княжескимъ холопомъ положенъ былъ камень у дверей сакли горца, или на его пахотномъ или покосномъ мѣстѣ, то этого дѣйствія вполнѣ достаточно было для воспрещенія владѣльцамъ пахоты и покоса пользоваться ими» *).

«Чегемцы и Урусбіевскіе осетины съ давняго времени принадлежатъ Атажукинской фамиліи и никто въ ихъ отношенія не вмѣшивается, а князь Атажукинской фамиліи требуетъ съ нихъ дань, сколько назначитъ, отчего они отнюдь отказываться не могутъ.» **)

Горцы и кабардинцы разсказываютъ, что однажды пресловутый князь Атажука Атажукинъ имѣлъ дѣло въ горскомъ судѣ, и когда нѣкоторые изъ горскихъ таубіевъ явились въ качествѣ свидѣтелей, то онъ, считая ихъ своими подвластными, (подвластные по обычаю не могли свидѣтельствовать въ судѣ), сотворилъ извѣстную молитву и тѣмъ разрѣшилъ имъ, какъ вольнымъ людямъ, свидѣтельствовать.

Исторически извѣстно, что кабардинскіе князья, имѣя неограниченную власть надъ своимъ народомъ и право лишать жизни своихъ холоповъ, ***) никогда не пользовались землею на правахъ собственниковъ по нашимъ понятіямъ, хо-

---

*) Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, выпускъ III-й.

**) «Исторія Адыхейскаго (Кабардинскаго) народа», Шора-Бекмурзинъ-Ногмава, стр. 133.

***) Въ прокламаціи генерала Ермолова отъ 27 іюня 1822 года говорится: «предоставляю владѣльцамъ и узденямъ прежнія права надъ подвластными, но отнынѣ впредь уничтожается власть лишать рабовъ жизни».

тя распоряжались ею неограниченно. Вся кабардинская территорія находилась въ общинномъ пользованіи. Это обстоятельство кабардинскіе князья, уздени и почетные люди 20-го августа 1863 года, въ присутствіи тогдашняго начальника области Лорисъ-Меликова торжественно подтвердили письменнымъ актомъ.

Ковалевскій въ свой книгѣ «Законъ и обычай на Кавказѣ» говоритъ, что на политическій и соціальный бытъ горцевъ имѣли сильное вліяніе сосѣди: кабардинцы, сванеты и осетины; онъ даже горцевъ пяти горскихъ обществъ называетъ отатарившимися осетинами, до того ихъ обычаи схожи съ осетинскими. Но это не совсѣмъ вѣрно. Топографическія и другія условія мало способствовали сношенію горцевъ съ осетинами, тогда какъ тѣ же условія и въ особенности полная подчиненность горцевъ кабардинскимъ князьямъ, политическая и экономическая зависимость горцевъ отъ всего кабардинскаго племени заставляли первыхъ быть въ постоянномъ общеніи съ послѣдними; поэтому горцы скорѣе должны были усваивать кабардинскіе обычаи, чѣмъ осетинскіе, которые, какъ обычаи всѣхъ горцевъ, очень похожи другъ на друга.

Посмотримъ, не заключается ли въ соціальной и политической жизни окружающихъ горцевъ сосѣдей тѣхъ элементовъ, которые послужили для горскихъ таубіевъ прототипомъ феодальнаго права.

Раньше я уже говорилъ, что кабардинскіе князья и уздени не были обладателями поземельной собственности. Сванетія, дѣлившаяся въ то время на Вольную и Княжескую, тоже была чужда такой собственности. По словамъ М. Ковалевскаго, Вольная Сванетія, ближайшая сосѣдка горцевъ, даже не знала крѣпостного права, а въ Княжеской представителями этого права были князья Дадешкольяни, которые не простирали своихъ правъ на земли; единственное ихъ право въ этомъ отношеніи «являлось правомъ князя выкупать отчуждаемыя крестьянскимъ дворомъ земли» и «когда во дворѣ никого не оставалось въ живыхъ, князь наслѣдовалъ надѣлъ предпочтительно предъ однофамильцами». Наконецъ высшее сословіе сосѣднихъ дигорцевъ и осетинъ—баделяты и алдары, будучи крѣпостниками, никогда не владѣли землею, какъ собственники.

Вообще же мы видимъ, что всюду на Сѣверномъ Кавказѣ, гдѣ процвѣталъ аристрократическій укладъ жизни и гдѣ

крѣпостное право не выродилось въ полное рабство, какъ въ другихъ странахъ, тамъ земельная собственность какъ юридическій институтъ не была присуща высшимъ классамъ. Если наше правительство въ 60-хъ годахъ признало кумыкскую площадь собственностью кумыкскихъ князей, то это случилось не на почвѣ сюзереннаго права, а по инымъ политическимъ мотивамъ. Здѣсь, какъ въ Кабардѣ, Осетіи, Дигоріи князья и уздени въ прежнее время и понятія не имѣли о поземельной собственности.

Такимъ образомъ вліяніе сосѣдей, отразившееся на всѣхъ сторонахъ народной жизни горцевъ не дало ни по обычаю, ни по праву крѣпостничества того, что теперь есть, а именно, поземельной собственности высшему горскому сословію.

Самые обширные захваты горскихъ земель таубіями происходили въ эпоху владычества кабардинскихъ князей надъ сосѣдними народностями.

Кромѣ политической зависимости отъ кабардинскихъ князей горцы въ экономической жизни стояли въ тѣсной связи вообще съ кабардинскимъ племенемъ; вызывалось это слѣдующими причинами,

Топографическія и климатическія особенности горной мѣстности съ очень высокими хребтами и глубокими ущельями, на которой обитаютъ пять горскихъ обществъ, исключаютъ всякую возможность обработки земли для хлѣбопашества въ необходимыхъ размѣрахъ; за то здѣсь существовали самыя благопріятныя условія для развитія скотоводства. И дѣйствительно эта отрасль сельскаго хозяйства ведется здѣсь въ значительныхъ размѣрахъ. Обширное скотоводство и овцеводство, несмотря на крайній недостатокъ въ краѣ самаго необходимаго продукта—хлѣба, достаточно обезпечиваетъ жизнь горца; въ этомъ же скотоводствѣ лежала и теперь лежитъ причина, почему горецъ ни за какія блага не согласится выселиться на плоскость, чтобы имѣть потребное количество пахотной земли. Но тѣмъ не менѣе стремленіе горцевъ имѣть на низменностяхъ и предгорьяхъ покосы и пастбища всегда существовало, съ самаго водворенія ихъ въ горахъ; обусловливается это суровымъ климатомъ горъ, непозволяющимъ держать тамъ скотъ круглый годъ.

Между тѣмъ горцы, замкнутые въ своихъ ущельяхъ, дальше высящихся предъ ихъ жилищами съ сѣвера скалъ

Алшалы—кая, Лха, Ахъ-кая, Итъ-кая, Суукъ-аухъ-кая, Мехтигенъ и Хазны-башъ выходить не могли, такъ какъ сѣверные склоны этихъ скалъ уже принадлежали кабардинцамъ.

Большое ското-овцеводство возможно въ горахъ при наличности четырехъ условій: 1) пастьба скота въ теченіе лѣта на значительныхъ высотахъ горъ, 2) содержаніе скота въ зимовникахъ на сѣнѣ два-три мѣсяца, 3) осенью подножный кормъ для овецъ на плоскости или въ предгорьяхъ на два-три мѣсяца и 4) пастьба на плоскости весною два, два съ половиною мѣсяца.

Первыя два условія вполнѣ удовлетворяются средствами самихъ горъ, остальныя же два. вызываемыя недостаткомъ сѣна въ горахъ, суровостью въ нихъ осени и весны и необходимостью при свѣжемъ подножномъ кормѣ пользоваться большимъ тепломъ во время и послѣ котки овецъ, находились вслѣдствіе отсутствія у горцевъ собственныхъ земель на плоскости, въ крайне неопредѣленномъ положеніи и неопредѣленность эта нерѣдко причиняла безпокойство какъ горскимъ обществамъ, такъ и жителямъ кабардинской плоскости.

Въ прежнее, до-ермоловское время, какъ я уже говорилъ, всѣ горскія общества находились въ болѣе или менѣе тяжкой зависимости отъ кабардинскихъ князей, безъ покровительства которыхъ имъ обойтись не было никакой возможности. Необходимость въ этомъ покровительствѣ проистекала, во-первыхъ, изъ потребности горцевъ весною и осенью выходить со своими стадами на кабардинскую территорію и, во-вторыхъ, въ защитѣ самихъ себя и своихъ жилищъ отъ хищническихъ набѣговъ кабардинцевъ. Оказывая всякія услуги вліятельнѣйшимъ кабардинскимъ князьямъ, горцы достигли того, что стали свободно пользоваться плоскостью и предгорьями скалъ для своихъ стадъ.

Такими преимуществами прежде всѣхъ воспользовались богатые и вліятельные горцы, т. е. таубіи и нѣкоторые каракеши. Они, принадлежа къ высшему сословію своего народа, ближе стояли къ кабардинскимъ князьямъ и больше другихъ пользовались ихъ милостями главнымъ образомъ, вслѣдствіе семейныхъ услугъ: таубіи всѣми способами старались брать на воспитаніе княжескихъ дѣтей. Если этого имъ не удавалось путемъ взаимныхъ соглашеній, они прибѣгали къ тайному увозу дѣтей, а разъ княжескій ребенокъ попалъ ка-

кимъ бы то ни было способомъ въ домъ на воспитаніе, то онъ уже, по обычаю, не подлежалъ возврату въ родительскій домъ или отдачѣ на воспитаніе въ другія руки. Такимъ образомъ таубіи дѣлались *аталыками* (воспитателями) княжескихъ дѣтей, а воспитанники и сыновья аталыка становились *эмчеками* (молочные братья). Все это вело таубіевъ и кабардинскихъ князей къ тѣсному родству, стоящему по обычаю выше кровнаго.

Результатомъ такихъ родственныхъ сближеній и другихъ услугъ было занятіе таубіями на Кабардинской территоріи и у себя дома лучшихъ земель.

Несмотря, однако, на все это гнетъ, налагаемый на горцевъ господствомъ кабардинскихъ князей, всетаки давалъ себя чувствовать въ разнаго рода реквизиціяхъ и штрафахъ, а потому естественно было стремленіе таубіевъ и всѣхъ горцевъ освободиться отъ ига, для чего они искали удобнаго случая.

Съ покореніемъ Кабарды генераломъ Ермоловымъ (1818 г.) и обнародованіемъ извѣстныхъ его прокламацій, *) клонящихся къ обузданію своеволія кабардинскихъ князей и униженію ихъ въ глазахъ народа горцы отчасти были избавлены отъ княжескаго ига.

Съ наступленіемъ болѣе спокойной жизни между кабардинскимъ и горскими обществами установились относительно правильныя отношенія, ставшія потомъ обычаемъ, по которому горцы за право выпаса своихъ стадъ на кабардинскихъ земляхъ обязывались одаривать аульныхъ владѣльцевъ (такъ въ прежнее время правительство именовало высшее сословіе туземцевъ).

Переходъ отъ треволненій войны къ спокойной и мирной жизни выдвинулъ въ кабардинскомъ племени новыя формы отношеній высшаго класса и народа: князья и уздени мало-по-малу утрачивали свое прежнее вліяніе на низшіе классы, а эти послѣдніе—киворки (подвластные) и вольноотпущенники становились самостоятельными. При такихъ обстоятельствахъ горскіе скотоводы, задумавъ быть независимыми отъ кабардинцевъ, отказывались отъ обычной платы за выпасъ своихъ стадъ.

---

*) Напечатаны въ I-мъ выпускѣ „Адатовъ Кавказскихъ горцевъ" Ѳ. И. Леонтовича.

Въ виду этого кабардинскіе владѣльцы настоятельно требовали этой дани, или самовольно брали натурою, скотомъ и овцами, отчего часто возникали большія недоразумѣнія и столкновенія, сопровождавшіяся дѣйствіями криминальнаго характера. Что бы устранить такія ненормальныя отношенія между кабардинцами и горцами въ 1867 году рѣшено было нашею правительственною властью опредѣлить дальнюю черту прогона горскихъ овецъ для весеннихъ и осеннихъ пастбищъ съ установленіемъ извѣстныхъ сроковъ, а въ 1887 году каждому изъ пяти горскихъ обществъ выдѣлили для постояннаго пользованія особые участки изъ общихъ кабардинскихъ пастбищныхъ земель. Еще ранѣе 1864 года нашею же властью прирѣзано къ горскимъ территоріямъ изъ кабардинскихъ земель сѣверныя предгорья скалистыхъ горъ въ количествѣ 40 т. дес. для увеличенія пастбищъ для горскаго скота.

Политическая зависимость горцевъ отъ кабардинскихъ князей какъ нельзя лучше послужила въ пользу таубіямъ: осѣвши съ разрѣшенія и подъ покровительствомъ кабард. князей на сѣверныхъ склонахъ скалъ, таубіи держали тамъ изъ года въ годъ свои стада, имѣли зимовники, а когда эти земли, вслѣдствіе отклоненія границы горской территоріи ниже къ сѣверу, очутились въ раіонѣ горскихъ владѣній, то они объявили ихъ своею собственностью.

Нѣтъ надобности подробно останавливаться на фактахъ захватовъ отдѣльными лицами общественной земли,—захватовъ покоющихся, такъ сказать, на льготной почвѣ, такъ какъ они совершались въ наше время чрезъ посредства горскаго словеснаго суда; съ одной стороны путемъ купли и продажи такихъ земель, которыя на основаніи акта 20-августа 1863 г. не составляли частнаго владѣнія, и съ другой стороны путемъ судебныхъ процессовъ, своеобразно рѣшаемыхъ.

Такимъ образомъ установилось хуторное заимочное право; кабардинскіе князья и горскій словесный судъ являются тѣми факторами, которые установили современное землевладѣніе въ горахъ, выразившееся въ такомъ видѣ.

При распредѣленіи частнаго общественнаго владѣнія лѣса не будутъ приняты во вниманіе, такъ какъ они въ горахъ не составляютъ элемента сельскаго хозяйства, потому что горцы никакихъ лѣсныхъ промысловъ не знаютъ, а пользуются лѣсомъ для своихъ нуждъ, которыя у нихъ весьма ограни-

чены; слѣдовательно, лѣса для горцевъ малоцѣнны и относительно безполезны.

Все баксанское ущелье и его окрестности оспариваются Урусбіевыми и княземъ Мисостомъ Атажукинымъ (Куркужанская дача), поэтому распредѣлять земли подворно преждевременно.

Въ Чегемскомъ обществѣ всей земли значится 61.643 дес., изъ которыхъ 27750 дес. или 45.2% общаго пространства, на которомъ находятся пахотные и покосные участки, селенія, общественные выгоны, пастбища, лѣса и другія земли и 33.893 дес. или 54.8% въ частномъ владѣніи. Исключивъ изъ общественной земли 2237 дес. лѣсу, получимъ 25513 дес. общественнаго владѣнія, т. е. приходится на дворъ 39 дес. и на душу 5, 8 дес.

Въ Хуламскомъ обществѣ всей земли 20515 дес., изъ которыхъ 14433 дес. заняты подъ пахотными и покосными участками, пастбищами и лѣсомъ, или 65.4% общаго пространства и 6082 дес. или 34.6% частной собственности. Исключивъ изъ общественной земли 3096 дес, лѣсу, получимъ 11337 дес., приходится на дворъ 39 дес. и на душу 4. 7 десятины.

Въ Безенгіевскомъ обществѣ значится всей земли 16979 дес., изъ нихъ 10328 дес. составляютъ пахотные и покосные участки, селенія, выгоны, пастбища и лѣсъ, или 60.8% общаго пространства и 6651 дес. частнаго владѣнія или 39.2%. Исключивъ изъ общественной земли 470 дес. лѣсу получимъ 9858 дес.; приходится на дворъ 48.8 д. на душу 6. 9 дес.

Въ Балкарскомъ обществѣ числится земли 58107 дес., изъ которыхъ 28413 дес. или 48.2% составляютъ пахотные и покосные участки, селенія, выгоны, пастбища и лѣсъ и 29012 дес. или 51.8% частнаго владѣнія. Исключивъ изъ общественной земли 9976 дес. лѣсу, получимъ 18437 дес.; приходится на дворъ 25.9 дес. и на душу 2.9 дес.

Въ Чегемскомъ обществѣ изъ числа 652 дворовъ числится безземельныхъ 119 дворовъ или 18.3% общаго числа дворовъ; въ Урусбіевскомъ изъ 430 дворовъ безземельныхъ 52 двора—12%; въ Безенгіевскомъ изъ 202 дв. безземельныхъ 19 дв.—9.4%; въ Хуламскомъ изъ 290 двор. безземельныхъ 23 дв.—8%; въ Балкарскомъ изъ 711 дв. безземель-

ныхъ 33 дв.—4.6%. Всего въ пяти обществахъ безземельныхъ 246 дворовъ.

Къ показанному числу безземельныхъ надобно присоединить малоземельныхъ, потому что нельзя же считать земельными тѣ дворы, которые убираютъ съ своихъ полей отъ $^1/_2$ до 4 копенъ хлѣба или сѣна и ничего больше не имѣютъ. Таковыхъ во всѣхъ обществахъ набирается 154 двора, слѣдовательно безземельныхъ будетъ 400 дворовъ.

Несмотря на безземелье и малоземелье, нѣкоторые изъ состава дворовъ этихъ категорій живутъ относительно безбѣдно: имѣютъ много скота и овецъ и держатъ для нихъ и себя на бегендномъ правѣ много пахотныхъ и покосныхъ участковъ. За то жизнь большинства этихъ дворовъ весьма плачевна: всѣ члены такихъ семействъ мужского пола, отъ мала до велика, мало-мальски способные къ труду, мыкаются по чужимъ людямъ, всю жизнь состоя въ работникахъ. Трудъ-же въ горахъ весьма дешевъ, такъ, напр., въ самое горячее страдное время при уборкѣ хлѣба и сѣна, когда на плоскости однодневный трудъ работника оплачивается отъ 1 до 2 руб., здѣсь за два кипучихъ рабочихъ мѣсяца хорошій здоровый работникъ получаетъ заработную плату въ 35 руб. (58 коп. въ день), по этому несчастныя семьи, перебиваясь кое-какъ трудами своихъ кормильцевъ, живутъ чуть не умирая съ голоду.

III.

Населеніе Урусбіевскаго или Баксанскаго общества исключительно обитаетъ въ очень глубокомъ и живописномъ ущельѣ р. Баксана, по обѣ стороны котораго высятся чрезвычайно высокія, крутыя и скалистыя горы съ гигантомъ Эльбрусомъ во главѣ. Общество, заключая въ себѣ 340 дворовъ съ 1546 душъ мужского пола и 1454 женскаго—всего 3000 душъ, состоитъ изъ 30 селеній и поселновъ: 1) Гижгитъ у подножія скалъ Алмалы-кая, затѣмъ отъ сліянія р. р. Гече-Камыкъ и Куркужана съ р. Баксаномъ, по обѣ стороны послѣдней вплоть до ледника Терсъ-комъ, расположены: 2) Гече-камыкъ, 3) Уллу-камыкъ, 4) Куркужанъ, 5) Эльджуртъ, 6) Тюпно, 7) Муколамъ, 8) 1-й Чалмасъ. 9) 2-й Чалмасъ 10) 3-й Чалмасъ, 11) 4-й Чалмасъ, 12) 5-й Чалмасъ, 13)

Верхній Кызылъ-кезъ, 14) Нижній Кызылъ-кезъ, 15) Келды, 16) Калышъ-тала, 17) Верхній Курму, 18) Нижній Курму, 19) Верхній Куба-сакты, 20) Нижній Куба-сакты, 21) Гагишъ, 22) Верхній Казгенъ 23) Нижній Казгенъ, 24) Джапаръ-тала, 25) Койсургенъ, 26) Чегетъ, 27) Итъ-колъ, 28) Терсъ-колъ, 29) Кыртыкъ въ ущельѣ р. Кыртыка и 30) главное селеніе Урусбіевское на р. Кыртыкѣ немного выше слiянiя ея съ р. Баксаномъ.

Населеніе Чегемскаго общества занимаетъ ущелье р. Чегема и побочныя къ ней ущелья. Общество состоитъ изъ 652 дворовъ съ населеніемъ въ 2264 душъ мужского пола и 2101 женск., всего 4365 д., которые разселены въ слѣдующихъ 19 селеніяхъ и поселкахъ: 1) Джюра, 2) Гудурги 3) Бопу, 4) Джунгу, 5) Бытургу, 6) Кала, 7) Верхній Быкмынги, 8) Ниж. Быкмынги, 9) Кокташъ, 10) Актопрахъ, 11) Тызги, 12) Нумала, 13) главное селеніе Чегемъ 14) Булунгу, 15) Кямъ, 16) Тузунгу, 17) Сосусларъ, 18) Джарильги и 19) Орсудакъ.

Населеніе Хуламскаго общества расположено въ ущельѣ р. Черекъ-тхахо и состоитъ изъ 290 дворовъ съ населеніемъ въ 1238 душъ мужского пола и 1155 женскаго,—всего 2393 д., разселенныхъ въ слѣдующихъ 5 селеніяхъ: 1) главное селеніе Хуламъ, 2) Дотуръ, 3) Узень, 4) Джабой и 5) Скуру.

Населеніе Безенгіевскаго общества занимаетъ тоже ущелье южнѣе Хуламскаго общества; оно состоитъ изъ 202 дворовъ съ населеніемъ въ 719 душъ муж. пола и 713 жен., всего 1432 д., разселенныхъ въ двухъ селеніяхъ: 1) главное селеніе Безенги (Тубенель) и 2) Шаки.

Населеніе Балкарскаго общества занимаетъ ущелье р. Черека или Урваня и состоитъ изъ 711 дворовъ съ населеніемъ въ 3275 д. муж. пола и 3064 д. женск., всего 6339 душъ, разселенныхъ въ слѣдующихъ 22 селеніяхъ: 1) Чегетъ эль, 2) Фордыкъ, 3) Чегетъ, 4) Сауту, 5) Зильги, 6) Верній Шканты, 7) Ниж. Шканты, 8) Турахабль, 9) Верхній Кунюмъ, 10) Нижн. Кунюмъ, 11) Тубень-эль, 12) Мухолъ, 13) Шаурдатъ, 14) Курноятъ, 15) Галашки, 16) Верхній Чегетъ, 17) Нижн. Чегетъ, 18) Куспарты, 19) Мукушъ, 20) Жарильги, 21) Дагатъ, 22) Ташлы-кала.

Все населеніе пяти горскихъ обществъ состоитъ изъ 2195

дворовъ съ 9042 душъ мужского пола и 8487 душъ женскаго пола,—всего 17529 душъ.

Почти каждый поселокъ въ горскихъ обществахъ составляетъ семейную общину, носящую одну общую фамилію и происходящую отъ одного родоначальника, но въ обыденной жизни каждый дворъ живетъ обособленно, управляемый старшимъ въ домѣ.

Суровая горная природа, тѣсныя ущелья, скалы, камни, всюду разбросанные, все это въ совокупности является очень малою ареною для хлѣбопашества. Здѣсь, что бы имѣть хоть небольшой клочекъ земли годной для культуры, горцамъ приходилось и приходится съ чрезвычайными усиліями шагъ за шагомъ завоевывать у скалъ и каменистой почвы гомеопатическіе клочки земли, для чего нужно было: очистить почву отъ камней, унавозить, а гдѣ требовалось, натаскать въ мѣшкахъ землю съ другихъ мѣстъ и затѣмъ провести цѣлую сѣть ирригаціонныхъ канавъ, взятыхъ издалека и искусно проведенныхъ по горнымъ кручамъ, и все это для того, чтобы впослѣдствіи снимать съ этихъ клочковъ земли нѣсколько копенъ ячменя или сѣна. Поэтому эти клочки культурной земли, именуемые обычно земельною собственностью, до того сроднились—срослись въ одно цѣлое съ хозяиномъ горцемъ, настолько глубоко внѣдрились въ народномъ сознаніи, что горецъ и помыслить не можетъ, что бы они когда нибудь могли быть оспариваемы или отняты. Пашня или поемный лугъ, это часть его самого—его тѣло и кровь. Посягательство на его пашню или лугъ—это посягательство на его личную свободу, это значить похитить его самаго; но такъ какъ въ обыденной жизни это немыслимо, то, понятно, посягательство на его пашню тоже немыслимо. Таково воззрѣніе горцевъ на ихъ мелкіе участки, превращенные упорнымъ и тяжелымъ трудомъ въ культурныя земли.

Вся семья горца знаетъ, гдѣ лежитъ каждый камешекъ на ихъ кормилицѣ—пашнѣ; границы этихъ участковъ отчетливо знаютъ не только мужчины и женщины, но и дѣти. И въ самомъ дѣлѣ этотъ видъ землевладѣнія никогда и нигдѣ не вызывалъ и не вызываетъ никакихъ споровъ, ни изъ за границъ владѣнія между сосѣдями, ни иныхъ недоразумѣній, кромѣ судебныхъ тяжбъ юридическаго и адатнаго свойства.

Малое количество пахотныхъ земель въ горскихъ общест-

вахъ обусловливается не неимовѣрной трудностью въ ихъ созиданіи, такъ какъ горцу не занимать стать трудъ,—онъ съ нимъ сроднился съ пеленокъ, а тѣмъ, главнымъ образомъ, что нѣтъ достаточно мѣстъ, способныхъ культивироваться. Въ этомъ же лежитъ причина, что хлѣбопашество является для горцевъ не главною отраслью сельскаго хозяйства, а маленькимъ подспорьемъ къ главнымъ жизненнымъ средствамъ, вытекающимъ изъ пастушеской жизни—отъ скотоводства.

Поливные пахотные участки обыкновенно расположены у самыхъ поселеній или вблизи ихъ. Есть также пашни, лишенныя ирригаціи; это такія, которыя ютятся по крутымъ склонамъ горъ, недоступныхъ искусственному орошенію; но это не пашни, а жалкія пародія на нихъ: рѣдкій хозяинъ собираетъ съ нихъ скудныя крохи.

Тоже самое представляютъ собой и поемные луга; размѣры ихъ въ равной степени не превышаютъ пахотныхъ и для созиданіи изъ требуется такой же трудъ, какъ для пахотныхъ земель.

Изъ хлѣбныхъ злаковъ преимущественно сѣятся во всѣхъ обществахъ ячмень—$^2/_3$ площади, затѣмъ пшеница и овесъ—$^1/_3$, при среднемъ урожаѣ всѣхъ хлѣбовъ самъ 5,3. Размѣръ посѣвныхъ полей и поемныхъ луговъ опредѣляется количествомъ копенъ, такъ какъ горцы никакихъ мѣръ не знаютъ.

Всѣхъ сортовъ хлѣба въ обществахъ убирается съ 6577 пахотныхъ участковъ 23423 копны, каждая горская копна хлѣба равняется 2 сабамъ или 3 русскимъ четверикамъ, что въ общемъ составитъ 70270 четвериковъ всего собираемаго хлѣба. Для обсѣмененія полей требуется 13533 четверика, остается для продовольствія населенія въ 17530 душъ 56737 четвериковъ. Полагая минимумъ на человѣка $1^1/_2$ ф. хлѣба въ день, или 12 четвериковъ зерна въ годъ на человѣка, получимъ для продовольствія всего горскаго населенія въ годъ 210.360 четвериковъ, слѣдовательно не хватаетъ годового продовольствія 153.623 четвер. или 73%.

Сѣно съ поемныхъ луговъ и обыкновенныхъ покосовъ выкашивается во всѣхъ пяти обществахъ 133.959 копенъ. Каждая горская копна вмѣщаетъ отъ 8 до 10 пудовъ, въ среднемъ 9 пудовъ, что составитъ всего сѣна. 1.205631 пудъ. Во всѣхъ обществахъ имѣется 46.558 головъ рогатаго скота,

223.786 овецъ и 5900 лошадей,—всего 276.244 головъ, приходится на голову 4. 4 пуда сѣна.

Такимъ образомъ продуктовъ земли далеко не хватаетъ горцамъ для прокормленія себя и своего скота; поэтому то и другое восполняется: первое покупкою кукурузы на нальчикскомъ базарѣ преимущественно у кабардинцевъ, а другое путемъ аренды сосѣднихъ земель у кабардинцевъ и у сванетовъ (балкарцами.).

Какъ я уже говорилъ раньше, въ горахъ большая часть пахотныхъ и покосныхъ участковъ подвергаются ирригаціи, безъ чего немыслима посѣвная растительность и хорошія питательныя травы. Въ виду этого по ущельямъ горскихъ обществъ устроена цѣлая сѣть ирригаціонныхъ канавъ, искусно проведенныхъ по очень гористымъ мѣстностямъ. Ежегодно, когда настаетъ время орошенія полей, а это время настаетъ съ самой ранней весны и продолжается съ перерывами до половины августа, общества выбираютъ надсмотрщиковъ, на обязанности которыхъ лежитъ наблюденіе за правильнымъ выходомъ и въ потребномъ количествѣ воды изъ главныхъ водныхъ артерій въ побочныя канавы, развѣтвленныя въ разныхъ направленіяхъ и идущія непосредственно для напаиванія полей.

Вода дѣлится на равные паи не по числу орошаемыхъ участковъ и не по ихъ размѣрамъ, а по числу домохозяевъ, считающихся собственниками главныхъ водныхъ артерій, и каждый таковой дворъ получаетъ по очереди на однѣ сутки свой пай, не входя въ разсмотрѣніе, нужна ли ему вода или нѣтъ. Такой своеобразный обычай вызвалъ другой—торговлю водой: неимѣющіе совсѣмъ пахотныхъ и луговыхъ участковъ продаютъ свои паи другимъ, ощущающимъ большой недостатокъ въ водѣ, а равно продаютъ свою воду или часть ея тѣ, которые по размѣрамъ своихъ участковъ или по мѣстоположенію ихъ, не нуждаются въ полномъ паѣ. Пустить воду на поля не есть еще полное орошеніе, нуженъ еще самый тщательный присмотръ и трудъ, чтобы поля насыщались равномѣрно и во всѣхъ своихъ частяхъ; съ этой цѣлью мужчины и женщины съ самаго ранняго утра до поздняго вечера ходятъ по своимъ полямъ съ особаго рода желѣзными заступами и въ буквальномъ смыслѣ слова заглядываютъ во всѣ уголки, производя разныя манипуляціи надъ почвой и водой;

гдѣ нужно уравнивать почву, строятъ валы, прокапываютъ еле замѣтныя канавки, пропускаютъ въ разныя стороны различной величины струи воды и т. п. и когда по соображеніямъ вся площадь оросится, отводятъ воду въ сторону.

Прежде по искони заведенному обычаю начало оросительныхъ канавъ (башъ татаулъ) можно было брать безпрепятственно въ чужихъ владѣніяхъ, но въ настоящее время этотъ прекрасный обычай утратилъ свою силу и землевладѣльцы и общества стали запрещать проведеніе канавъ чрезъ ихъ земли, отчего въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ горскаго населенія такой порядокъ является истиннымъ бѣдствіемъ. Такъ напр., Хуламское общество страдающее безводіемъ и имѣющее возможность достать воду изъ рѣчки, протекающей по землѣ Безенгіевскаго общества, не можетъ воспользоваться ею, вслѣдствіе запрещенія безенгіевцевъ взять начало на ихъ землѣ.

Кромѣ орошенія горская каменистая почва требуетъ удобренія. Матеріаломъ для этого служитъ навозъ рогатаго скота и овецъ; послѣдній считается самымъ лучшимъ.

Удобреніе почвы навозомъ производится не каждый годъ, а чрезъ два—три до пяти лѣтъ. Различные сроки для удобренія полей зависятъ, во-первыхъ, отъ качества почвы и, во-вторыхъ, отъ недостатка навоза. Для скопленія навоза устраиваются особыя помѣщенія—конюшни; богатые скотоводы имѣютъ свои собственныя, а бѣдные устраиваютъ ихъ въ компаніи и по мѣрѣ надобности разновременно вывозятъ навозъ на свои поля. Когда-же является необходимость въ одновременномъ удобреніи, то компаніи дѣлятъ навозъ по ровну. Для полей удаленныхъ отъ жилыхъ мѣстъ и расположенныхъ вблизи пастбищъ, владѣльцы полей, чтобы скопить навозъ, сообща устраиваютъ конюшни для загона на ночлеги скота или баранты. Лучшимъ временемъ для удобренія считается весна, когда почва уже разрыхлена сохой (озимыхъ хлѣбовъ въ горахъ нѣтъ), но бѣдный людъ производитъ эту операцію осенью, когда рабочая скотина бываетъ дома, весною же угоняется въ горы далеко отъ жилищъ.

Кромѣ капитальнаго удобренія почвы навозомъ у горцевъ есть и другія средства, служащія поддабриваніемъ полей. Верховья оросительныхъ канавъ и рѣчекъ слегка запружая, набиваютъ навозомъ, если онъ поблизости находится; его топ-

чутъ ногами и, такимъ образомъ, навозная эссенція, носясь вмѣстѣ съ водой, осаждается на поляхъ.

Балкарцы и нѣкоторые горцы другихъ обществъ сохой подымаютъ почву полей осенью, сейчасъ послѣ уборки хлѣба, когда оставшаяся подрѣзанная серпомъ солома еще не потравлена скотомъ и овцами; эта солома, оставаясь прикрытою почвою, разлагается и служитъ нѣкоторымъ образомъ матеріаломъ для сдабриванія почвы.

Затѣмъ осенью на убранныхъ загонахъ и самою раннею весной на поемныхъ лугахъ держутъ много скота и баранты, что служитъ, такъ сказать, естественнымъ удобреніемъ.

IV

Продажныя цѣны на земли въ пяти горскихъ обществахъ до сихъ поръ были чрезвычайно разнообразны и неустойчивы. Можно встрѣтить много земель, пріобрѣтенныхъ по очень низкой цѣнѣ, что совсѣмъ не гармонируютъ съ общей цѣнностію земель, существующей въ этомъ раіонѣ. Такое колебаніе цѣнъ на земли есть послѣдствіе, во-первыхъ, упраздненія крѣпостнаго права (въ 1867 г.) и, во-вторыхъ, неопредѣленности поземельныхъ владѣній въ крупныхъ участкахъ.

Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости къ бывшимъ владѣльцамъ перешло отъ ихъ бывшихъ подвластныхъ очень много пахотныхъ и покосныхъ участковъ, а также зимовники и пастбищныя пространства. Владѣльцы, оставшись безъ обычной дани и даровыхъ рабочихъ рукъ, очутились въ безвыходномъ положеніи. Временный исходъ изъ такого непріятнаго положенія владѣльцы скоро нашли: они свои земли и полученныя отъ своихъ чагаръ обратили въ статью дохода, т. е. стали ихъ продавать. И дѣйствительно, по словамъ старожиловъ, никогда въ горахъ не было такой оживленной купли—продажи, какъ за этотъ періодъ времени (конецъ 60-хъ годовъ, 70-е годы и первая половина 80-хъ годовъ). Но такъ какъ рыночныя цѣны всегда въ зависимости отъ спроса и предложенія, а въ данномъ случаѣ предложеніе значительно превышало спросъ, ибо горцы—вчерашніе крѣпостные, разоренные выкупомъ, не могли въ данный моментъ располагать средствами для покупки земель,

а дѣлали это постепенно—исподволь, поэтому купли—продажи сходили по весьма низкой цѣнѣ.

Такого же сорта купли—продажи явились вслѣдствіе опасенія владѣльцевъ, въ фактическомъ владѣніи которыхъ находились пастбищныя и покосныя земли, что ихъ земли будутъ отобраны для обществъ или въ казну. Эти опасенія возникли еще въ 60-хъ годахъ, когда кабардинская территорія объявлена была общественною. Въ началѣ этого періода времени, находясь еще подъ сильнымъ страхомъ лишиться своихъ земель, владѣльцы усиленно продавали ихъ по весьма дешевой цѣнѣ, но вслѣдствіе долговременнаго неустройства поземельныхъ отношеній нагорной полосы, эти опасенія постепенно теряли свой острый характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ возрастала и цѣнность земель. Такое положеніе вещей продолжалось вплоть до второй половины 80-хъ годовъ, когда въ горахъ появились межевые техники для производства съемки. Съ появленіемъ послѣднихъ въ народѣ сталъ циркулировать слухъ, который продолжается и теперь, что земельныя владѣнія будутъ отобраны; эти слухи въ глазахъ землевладѣльцевъ превратились почти въ увѣренность, отчего цѣны на земли опять пали, потому что покупателей изъ такихъ же опасеній было мало, а продавцовъ много.

При такихъ ненормальныхъ условіяхъ, конечно, трудно и почти невозможно установить строго-опредѣленныя цѣны на земли въ горскихъ обществахъ.

Тѣмъ не менѣе цѣлый рядъ сдѣланныхъ мною записей даетъ понятіе о существующихъ цѣнахъ на культурныя и иныя земли.

Такъ, цѣнность пространства въ одну копну (три русскихъ четверика) хорошей поемной пашни, расположенной у самыхъ селеній, доходитъ до 250 р.; принимая, по личнымъ измѣреніямъ, 20 копенъ за десятину, получимъ стоимость послѣдней въ 5000 руб. Правда, такихъ покупокъ очень мало и заключаются не въ десятинахъ, а въ маленькихъ клочкахъ пашни въ 1—2 копны; за то цѣнность пространства въ одну копну въ 100 р., или десятина въ 2000 р. встрѣчается сплошь и рядомъ. Изъ 283 дѣйствительныхъ покупокъ я вывелъ среднюю стоимость одной копны (пространство) хлѣба, которая выразилась въ 73 руб. илу 1460 р. десятина, но при этомъ въ число этихъ пашенъ входятъ такія безводныя

и на крутыхъ покатостяхъ расположенныя, которыя очень часто не даютъ никакихъ урожаевъ.

Цѣнность пространства въ одну копну сѣна (10 п.) поемнаго луга доходитъ до 150 р., полагая 15 копенъ на десятину, получимъ стоимость послѣдней въ 2250 р. Изъ 164 дѣйствительныхъ покупокъ взята средняя стоимость копны (пространства) въ 28 р., причемъ здѣсь нужно принять на десятину поемнаго луга 15 копенъ и обыкновеннаго покоса 10 копенъ, въ среднемъ $12^1/_2$ коп., тогда получимъ стоимость 6 десят. въ 350 р.

Установить же стоимость въ отдѣльныхъ участкахъ съ обыкновенными покосами и пастьбой почти нельзя, ибо здѣсь встрѣчаются въ 100 р. десятина и въ 4—5 р.; эта громадная разница въ цѣнахъ обусловливалась вышеприведенными явленіями.

Стоимость же мѣстъ въ большихъ селеніяхъ—это нѣчто баснословное: такъ въ Хуламѣ мѣсто, гдѣ построенъ домъ для сельскаго правленія въ 80 кв. с., одинъ хуламецъ покупаетъ за 1300 р. Отбросивъ 300 р. за домъ (дѣйствительная стоимость его), получимъ на одну кв. сажень $12^1/_2$ р. Въ Балкаріи куплено мѣсто для сельскаго правленія въ 170 кв. с. и заплачено 1400 р., т. е. приходится по 8 р. на кв. саж.

Вообще же стоимость мѣстъ для построекъ въ селеніяхъ на столько высока, что положительно становится не подъ силу бездомнымъ, желающимъ завести свой очагъ, поэтому общества, какъ напр., Хуламское, отводятъ имъ подальше отъ селеній, смотря по условіямъ мѣстности, совершенно никуда негодныя каменистыя мѣста для жилыхъ построекъ и за это всетаки взимаютъ за каждый таковой отводъ по 10 рублей.

V

Если климатическія и топографическія условія горной природы отказываютъ сельскому жителю горъ въ его естественномъ трудѣ—хлѣбопашествѣ; за то горы даютъ ему всѣ данныя, что бы сдѣлаться скотоводомъ а именно: луга и пастбища.

Несмотря на то, что больше половины горскихъ территорій сосредоточены въ частномъ владѣніи немногихъ лицъ, горцы всетаки ведутъ обширное ското-овцеводство. Обуслов-

ливается это близъ лежащими Кабардинскими пастбищами и надѣломъ горцевъ отдѣльными участками земли изъ тѣхъ же пастбищъ.

Въ 1887 году было выдѣлено для горцевъ изъ общихъ пастбищъ ихъ съ кабардинцами: для Баксанскаго общества въ одномъ участкѣ 6208 дес., для Чегемскаго въ 4-хъ мѣстахъ 8923 дес., для Хуламскаго въ 3-хъ мѣстахъ 4000 дес., для Безенгіевскаго въ 4-хъ мѣстахъ 2751 дес. и для Балкарскаго въ 18-ти мѣстахъ 12109 дес.

Обширныя площади кабардинскихъ пастбищъ за ненадобностью самимъ кабардинцамъ отдаются въ аренду за сравнительно недорогую плату горцамъ, которые имѣютъ тамъ все, что требуется для скотоводства: покосы, пастьба и зимовники.

Но это послѣднее обстоятельство, конечно, не можетъ служить гарантіею въ прогрессивномъ развитіи этого хозяйства, потому что отсутствіе собственнаго простора, постоянная зависимость отъ чужихъ земель, исключаютъ тѣ благопріятныя условія, при которыхъ возможно веденіе крупнаго скотоводства.

Какъ бы то ни было, скотоводство въ горахъ есть единственный источникъ народнаго благосостоянія. Домашнія животныя въ народной жизни горцевъ фигурируютъ вездѣ: они замѣняютъ собою денежные знаки при куплѣ—продажѣ и отдачѣ въ бегенду земель, при заключеніи накяха (калымъ) служатъ предметомъ ссуды. Рогатый скотъ и овцы воспѣваются въ пѣсняхъ и при поздравительныхъ импровизаціяхъ первое и самое почетное пожеланіе имѣть побольше скота. Домашнія животныя одѣваютъ горца, ими же онъ и кормится, ибо единственною пищею горцевъ служатъ молочные продукты. Словомъ:

Гайда, душа—скотинушка,
Душевно люблю васъ, милыя.
Гайда, душа—бычки,
Желто—жирныя спинки....

Какъ поютъ горцы въ своихъ пѣсняхъ. Это пульсъ народной жизни горскаго населенія. Его интенсивное или слабое біеніе служитъ критеріемъ экономическаго богатства или разстройства.

Эта главная отрасль сельскаго хозяйства горцевъ распре-

дѣляется по обществамъ въ слѣдующемъ видѣ, (причемъ замѣчу, что свѣдѣнія по этому отдѣлу мною собирались путемъ проса всѣхъ домохозяевъ съ провѣркою по регистраціоннымъ книжкамъ). Въ Баксанскомъ обществѣ имѣется 10775 головъ рогатаго скота, 62012 овецъ и 1302 лошади (въ послѣднее число не вошли лошади поселковъ Гижгита и Куркужана,—свѣдѣнія не собраны), въ среднемъ выводѣ приходится на дворъ 25 головъ рогатаго скота, 144 овцы и 3 –4 лошади.

Въ Чегемскомъ обществѣ 14.780 головъ скота, 65423 овецъ и 2096 лошадей,—на дворъ 27.7 штукъ скота, 100. 3 овецъ и 32 лошади.

Въ Хуламскомъ обществѣ—6,919 головъ скота, 23,407 овецъ и 871 лошадь,—на дворъ—23.9 скота, 80.7 овецъ и 3 лошади.

Въ Безенгіевскомъ обществѣ—4,150 головъ скота, 15,648 овецъ и 422 лошади,—на дворъ—20.5 скота, 77.5 овецъ и 2 лошади.

Въ Балкарскомъ обществѣ—9,941 гол. скота, 57,296 овецъ и 1,209 лошадей,—на дворъ 14 штукъ скота, 82 овецъ и 1.7 лошади. Всего въ пяти горскихъ обществахъ имѣется 46.558 головъ рогатаго скота, 223.786 овецъ и 5,900 лошадей.

Сравнивая скотоводство пяти горскихъ обществъ съ таковымъ же у туземцевъ другихъ округовъ Терской области*) мы увидимъ, что горцы имѣютъ больше скота противъ Грозненскаго округа въ 1.7 раза, Владикавказскаго въ 3.4 раза, Хасавъ-юртовскаго въ 1.9 раза и Кабарды въ 1.3 раза; овецъ противъ Грозненскаго округа въ 8.3 раза, Владикавказскаго въ 6.6 раза, Хасавъ-юртовскаго въ 3.3 раза и Кабарды въ 3.5 раза; лошадей противъ Грозненскаго округа въ 4.4 раза, Владикавказскаго въ 2 раза, Хасавъ-юртовскаго въ 2 раза и Кабарды одинаково.

Главными покупателями рогатаго скота у горцевъ являются Имеритины Рачинскаго уѣзда, Кутаисской губерніи и сосѣдняя Сванетія. Первые почти ежегодно закупаютъ большіе гурты скота и перегоняютъ ихъ чрезъ перевалъ Штула;

*) Свѣдѣнія о народонаселеніи и количествѣ домашнихъ животныхъ округовъ Грозн., Влад., Хасав. и Кабарды заимствованы изъ Всеподданнѣйшаго отчета Нач. Тер. обл. за 1896 годъ.

вторые, кромѣ покупки, состоя въ качествѣ работниковъ у горцевъ, получаютъ большую часть скота въ видѣ платы; главнымъ поставщикомъ для сванетовъ--Баксанское ущелье. Овцы продаются въ разныя мѣста и преимущественно кабардинцамъ. Годовой сбытъ скота у всѣхъ обществъ бываетъ до 2,000 головъ и овецъ до 14,000; принимая среднюю стоимость головы рогатаго скота въ 15 р. барана въ 3 р., получимъ 72,000 р. годовой выручки.

Сильно развитое овцеводство обусловливаетъ производство въ горахъ въ большомъ количествѣ сукна, которое выдѣлывается самыми примитивными способами, а потому получается грубое и плохого качества. Дѣло это сосредоточено исключительно въ рукахъ женщинъ и имъ же принадлежитъ доходъ съ продажи сукна. Горская женщина чрезвычайно трудолюбива: гдѣ бы вы ни встрѣтили горскую женщину: бесѣдуетъ ли она съ сосѣдками, разговариваетъ ли съ мужчинами, идетъ ли изъ селенія въ селенія за 5—6 верстъ, вездѣ—въ саклѣ и на улицѣ, у нея неизбѣжно въ рукахъ шерсть и веретено, которое, безостановочно крутясь, сучитъ нитку. Встрѣтить женщину безъ этихъ атрибутовъ, значитъ или она больна, или очень бѣдна; за то доходъ отъ этого труда принадлежитъ ей, но это еще не значитъ, чтобы она его клала всецѣло въ свой карманъ, напротивъ она его расходуетъ на общую пользу семьи.

Самыя лучшія сукна выдѣлываются въ Баксанскомъ и Хуламскомъ обществахъ, гдѣ онѣ попадаются, хотя очень мало, цѣнностью въ 1 р. аршинъ. Сукно изготовляется кусками длиною въ 100 и болѣе аршинъ и въ 1/2 ар. ширины, цвѣта преимущественно темно-сѣраго. Размѣръ этого производства зависитъ отъ размѣровъ овцеводства и въ обществахъ распредѣляется такъ: Чегемское общество производитъ 114,500 ар., Баксанское 108500 ар., Балкарское 100,000 ар., Хуламское 41,000 ар. и Безенгіевское 27,000 ар.,—итого 390,400 ар., приходится на дворъ 170 ар.

Вся эта масса суконъ сбывается за безцѣнокъ и, собственно говоря, въ руки горской женщины не перепадаетъ и гроша, потому что тутъ не продажа, а простая мѣна товара на товаръ. Ежегодно въ лѣтнее время селенія горцевъ наводняются имеретинами,—они то и являются единственными скупщиками горскаго сукна. Предварительно появленія въ горахъ, имеретины закупаютъ въ Москвѣ ситцы, бумазеи, канаусъ,

шали, ярко-цвѣтные платки и тому подобные соблазны для горской женщины. Съ такимъ баластомъ они являются въ горы и раскидываютъ свои сѣти-лавочки отъ Баксана до балкарскаго Черека. Какъ только растворились имеретинскія лавочки съ соблазнительными товарами, такъ цѣлой вереницею потянулись женщины и малыя, и большія съ тяжеловѣсными тюками на своихъ плечахъ. Начинается самая оживленная и весьма характерная торговля, т. е. обмѣнъ товаровъ; совершается же это слѣдующимъ образомъ: приходятъ женщины съ свертками сукна (женщины въ одиночку не ходятъ,—всегда толпой, хотя при одномъ свертке); торговцы, разсмотрѣвши сукно, выгружаютъ на прилавокъ свои ситцы и т. п. Если лавочный товаръ выбранъ цѣнностью въ 5—6 коп арш. (торговцы увѣряютъ, что у нихъ ситца въ покупкѣ менѣе 12 коп. ар. нѣтъ), то обмѣнъ идетъ локоть на локоть, т. е. мѣра эта идетъ по длинѣ отъ оконечности средняго пальца до локтя, причемъ лавочный товаръ мѣряетъ маленькій имеретинъ съ короткими руками, а сукно большой имеретинъ съ длинными руками. Если же товаръ выбранъ цѣнностью въ 10—12 к. ар. (несомнѣнно, что такой высокой цѣны ситца въ лавкахъ нѣтъ), то сукно идетъ на аршины, а лавочный товаръ на локоть, равный $^1/_2$ ар. Когда же товаръ намѣченъ болѣе цѣнный, какъ-то: дешевый шелкъ, канаусъ, большіе ярко-цвѣтные платки, шали и т. п., то тутъ уже существуютъ особыя условія: или идетъ штука за штуку, смотря по количеству сукна, или еще дается что либо въ придачу. При обмѣнѣ большихъ кусковъ сукна въ 100 и болѣе ар. снисходительные торговцы даютъ въ бешкешъ своимъ выгоднымъ покупательницамъ—продавцамъ ярко-цвѣтный платокъ, или что либо изъ шелка и канауса, а то даже дешевенькую шаль.

Имеретины увѣряютъ, что они горское сукно продаютъ въ Кутаисской губерніи по 20 к. ар., но торговцы изъ горцевъ говорятъ, что не менѣе, какъ за 35—40 к. ар.

Кромѣ сукна горскія женщины вырабатываютъ грубыя бурки и плохія жидкія полсти, то и другое въ маломъ количествѣ; первыя идутъ преимущественно для собственнаго употребленія, а вторыя сбываются горскимъ евреямъ, торгующимъ въ Нальчикѣ, которые тоже являются своего рода вампирами горскаго населенія, имъ же сбывается и овечья

шерсть. Эта послѣдняя сбывается тѣми горскими семьями, въ которыхъ женщинъ нѣтъ или мало.

Горскіе евреи тоже зимой и лѣтомъ раскидываютъ свои сѣти-лавочки въ горскихъ селеніяхъ, обмѣнивая шелки, нитки, спички и мелкій красный товаръ на сырье, какъ то: овчины, турьи шкуры и рога, кожи отъ скота и лошадей, шерсть, полсти и т. п. и навѣрняка пользуются барышемъ болѣе. чѣмъ въ 200%.

Перейдя къ путямъ сообщенія въ горскихъ обществахъ, я исключительно имѣю въ виду тѣ дороги, которыя служатъ для сообщенія съ плоскостью и главнымъ образомъ съ слоб. Нальчикомъ, который въ буквальномъ смыслѣ слова является жизненнымъ источникомъ, откуда горцы черпаютъ насущное продовольствіе. Раньше я указалъ, что горцы $^2/_3$ года должны покупать хлѣбъ (кукурузу); эти покупки совершаются на нальчикскихъ базарахъ по понедѣльникамъ. Вотъ почему дороги, идущія изъ горъ въ Нальчикъ, играютъ чрезвычайно важную роль въ экономическомъ быту горскаго населенія. Сами горцы вполнѣ сознаютъ, что хорошія колесныя дороги, выражаютъ собою полъ-богатства, потому всѣ усилія ихъ съ давняго времени направлялись на устройство этихъ дорогъ, но предоставленныя своимъ собственнымъ силамъ безъ знанія и средствъ нѣкоторыя общества тратили большія деньги. но завѣтной цѣли не достигли. Въ этомъ отношеніи наглядными примѣромъ могутъ служить общества Чегемское, Хуламское и Безенгіевское, первое затратило около 32 т. р. и вторыя два раза строили дорогу, затративъ до 50 т. р. и въ концѣ-концовъ эти дороги оказались непригодными къ колесному сообщенію.

Баксанское и Балкарское общества въ отношеніи путей сообщенія съ плоскостью находятся въ болѣе счастливыхъ условіяхъ. Благодаря топографическому положенію Баксанскаго ущелья, тамъ для проведенія дороги не требовалось никакихъ особыхъ усилій и денежныхъ затратъ: дорога все время идетъ по берегу р. Баксана, то съ правой, то съ лѣвой ея стороны безъ всякихъ подъемовъ, но и здѣсь лѣтомъ, во время таянія снѣговъ, воды Баксана часто совершаютъ опустошенія, подмывая дорогу и смывая мосты. Строго-же говоря и эта дорога непригодна для колеснаго сообщенія.

Единственное общество Балкарское, благодаря трудамъ

г. Муратандова, имѣетъ прекрасную дорогу, стоющую до 42 т. руб. съ приплатою извѣстнаго количества скота и казеннаго пороху. Дорога закончена въ 1894 году и очень живописна; она идетъ на довольно значительномъ разстояніи въ высѣченной, отвѣсной скалѣ и, хотя имѣетъ небольшіе уклоны, вполнѣ годна для колеснаго сообщенія. И дѣйствительно съ проведеденіемъ этой дороги многіе балкарцы обзавелись арбами и даже европейскими экипажами.

Посмотримъ же, какъ отражается на населеніи и въ особенности на бѣднякахъ отсутствіе колеснаго сообщенія съ Нальчикомъ. Для закупки кукурузы горцы отправляются въ Нальчикъ верхомъ; сдѣлавъ покупку, они навьючиваютъ туже лошадь и возвращаются пѣшкомъ. Обыкновенно лошадь подымаетъ 6 пудовъ. Превративъ у себя дома эту кукурузу самымъ примитивнымъ способомъ въ муку, горецъ уже получитъ не 6 пуд., а гораздо меньше, слѣдовательно для семьи съ среднимъ количествомъ душъ продовольствія хватитъ неособенно надолго. Такимъ образомъ часто приходится совершать такія поѣздки въ Нальчикъ. Безлошадники же (ихъ много), чтобы привести себѣ продовольствіе, нанимаютъ лошадей у своихъ односельчанъ, и каждая такая поѣздка стоитъ 3 р., а привезетъ провизіи рубля на 2. Сколько же этимъ несчастнымъ безлошадникамъ приходится выплачивать въ теченіе года?

Въ особенности затруднительнымъ становится доставка хдѣба, когда одновременно наступаетъ покосъ и жнитво, когда каждая минута дорога. Такую же непригляднную картину представляетъ собою доставка хлѣба во время дождей, а ихъ въ горахъ выпадаетъ обильно; вообще во время распутицы, кто близко наблюдалъ эту картину, тотъ непремѣнно назоветъ ее народнымъ бѣдствіемъ. Правда, горцы къ этому привыкли, но тѣмъ не менѣе они съ завистью смотрятъ на своихъ сосѣдей Балкарцевъ, имѣющихъ колесное сообщеніе.

Самыя удобныя и доступныя тропы чрезъ главный хребетъ находятся въ Баксанскомъ ущельѣ. Здѣсь перевалы въ Сванетію: *Юсенги* на высотѣ 11074 ф., *Донгузъ-орунь*-10700 ф. и чрезъ ледникъ Азау *Чеперъ-азау*-10717 ф.; въ Карачай чрезъ ледникъ Азау и другой *Хутно-тау*-11634 ф. идетъ по фирновому снѣгу южнаго склона Эльбруса. Затѣмъ идутъ перевальныя дороги изъ ущелья Адыль-су въ ущелье Адыръ-

су *Кай-аваньауш* на высотѣ 11480 ф., изъ ущелья Кыртыкъ въ ущелье р. Малки на Кисловодскъ *Кыртыкъ-аушъ* —10640 ф. и изъ того же ущелья въ долину р. Гижгитъ *Суарыкъ-аушъ*—10563 ф.

Въ Хуламскомъ и Чегемскомъ ущельяхъ перевальныхъ дорогъ въ Сванетію нѣтъ, если не считать въ послѣднемъ ущельѣ очень трудно доступный перевалъ въ ущельѣ Гора-су.

Въ Балкарскомъ ущельѣ, въ урочищѣ Штула имѣются два перевала одинъ *Гезе-вцекъ* очень удобной ведетъ въ Сванетію и другой *Штулу-вцекъ* на высотѣ 10.983 ф. ведетъ въ ущелье р. Уруха въ горную Дигорію. Кромѣ этихъ дорогъ имѣется много внутреннихъ дорогъ (горныя тропы), служащихъ для сообщенія обществъ между собою и ведущихъ къ пастбищамъ, покосамъ и къ кошамъ. Многія изъ нихъ небезопасны для путешественниковъ.

VII

Языкъ горцевъ, какъ уже раньше говорено, обще-татарскій, но съ большими отклоненіями отъ него, какъ въ измѣненіи многихъ словъ, такъ и въ произношеніи; въ этомъ отношеніи онъ представляетъ замѣчательный контрастъ съ обще-татарскимъ языкомъ. Татары вообще говорятъ тихо, скороговоркой, безъ всякихъ оттѣнковъ въ рѣчи, тогда какъ горцы говорятъ внятно, громко, нараспѣвъ, отчеканивая каждое слово, что дѣлаетъ этотъ языкъ очень пріятнымъ для слуха. Выработка языка въ смыслѣ интонаціи обусловливалась горною природою: въ горахъ при постоянномъ шумѣ и ревѣ горныхъ потоковъ нельзя говорить тихо и скоро. Кромѣ того рѣдкій изъ горцевъ въ молодости не былъ пастухомъ, а пастухи отдѣльныхъ стадъ (баранты), стоя другъ отъ друга на далекомъ разстояніи, всегда переговариваются между собою, поэтому при шумѣ рѣчекъ и на далекихъ разстояніяхъ на горныхъ возвышенностяхъ необходимо не просто разговаривать, а растягивать слова—пѣть и настолько громко пѣть, чтобы слышно было, о чемъ идетъ рѣчь. Во многихъ случаяхъ я былъ свидѣтелемъ, какъ пастухи—мальчики, находясь на противоположныхъ горахъ, въ промежуткахъ версты въ двѣ и болѣе, *) совершенно свободно между собою разго-

*) Голосъ и рѣчь въ горахъ слышны на большихъ разстояніяхъ, чѣмъ на плоскости, объясняется это разрѣженіемъ въ горахъ воздуха.

варивали; я же, находясь тоже неблизко отъ разговаривающихъ и плохо понимая горскій языкъ, внятно слышалъ каждое слово. Между тѣмъ я пробовалъ на болѣе близкихъ разстояніяхъ перекликаться по—русски съ русскими, но ничего не выходило: мы слышали голоса другъ друга, но ни одного слова не могли разобрать. Находясь долгое время среди различныхъ народностей Терской Области, я пришелъ къ убѣжденію, по крайней мѣрѣ на мой личный взглядъ, что изъ всѣхъ нарѣчій туземцевъ сѣвернаго Кавказа самымъ пріятнымъ, отчетливымъ и музыкальнымъ является именно горское нарѣчіе. Нѣчто похожее на горскій представляетъ собой языкъ Кумыковъ, но они по сравненію съ горцами говорятъ скоро и тихо, что скрадываетъ музыкальность языка.

Горцы, исповѣдуя мусульманскую религію, принадлежатъ къ ~~шіитскому~~ суннитскому толку. Горская молодежъ по отношенію религіи является полными индифферентами, впрочемъ такое явленіе замѣчается и въ другихъ туземныхъ племенахъ. Старики-же аккуратно совершаютъ предписанныя кораномъ ежедневныя молитвы. Въ горахъ почти нѣтъ людей, которые знали бы хоть мало-мальски коранъ и главныя религіозныя основы. Муллы и тѣ крайне невѣжественны; попадаются иногда единичныя личности, нѣсколько обученныя по—арабски: т. е. знающія коранъ, немного по—арабски и нѣсколько шаріатскихъ правилъ, нужныхъ въ обыденной жизни.

Съ цѣлью религіознаго образованія въ нѣкоторыхъ большихъ селеніяхъ существуютъ такъ называемыя *Медрессе*, гдѣ обучаются мальчики, а иногда и дѣвочки; учителями являются тѣ же невѣжественные муллы. Софты или ученики собираются изъ разныхъ селеній и живутъ на счетъ общества, для этого они разгуливаютъ по ауламъ и собираютъ себѣ продовольствіе.

Горцы очень хорошо сложены: мужчины средняго роста, съ правильнымъ, немного продолговатымъ лицомъ, окаймленнымъ жиденькой бородкой и жиденькими усами, преимущественно шатены; стройная узкая талія; ходятъ медленно, нѣсколько наклоняя корпусъ впередъ, дѣлаютъ длинные шаги, къ чему пріучили ихъ родныя горы. Горская женщина вообше красива и очень стройна; на бѣломъ часто матовомъ, слегка подернутомъ румянцемъ лицѣ выразительно выглядываютъ большіе черные глаза, окаймленные такими же черными рѣсницами; талія въ

строгомъ смыслѣ слова рюмочкой, внѣ дома одѣта изящно; ходитъ прямо, но всегда съ наклоненной внизъ головой, къ чему пріучилъ ее обычай скрываться, стыдиться въ присутствіи мужчинъ. Всѣ эти прелести имѣютъ мѣсто покуда она дѣвушкой, по выходѣ же замужъ и подъ вліяніемъ постоянной домашней и полевой работы, онѣ скоро старѣются, тонкая талія исчезаетъ, онѣ дѣлаются неуклюжими, лицо тускнѣетъ и дѣлается какимъ-то сѣрымъ; словомъ дѣвушка и женщина въ физическомъ строеніи—это два совершенно различныхъ субъекта, имѣющіе между собою отдаленное сходство.

Горцы въ противоположность другимъ туземнымъ племенамъ отличаются необыкновенно хладнокровнымъ, спокойнымъ и добродушнымъ характеромъ. По преимуществу флегматическаго темперамента, они всякую несправедливость по ихъ адресу переносятъ удивительно добродушно, не горячатся, не сердятся и всегда далеки отъ какой бы то ни было мести своимъ недругамъ. Отнимите у него собственную вещь, онъ, если относительно горячаго темперамента, выразитъ свой протестъ на словахъ громкимъ голосомъ, а флегматикъ будетъ отмалчиваться, протестуя легкой иронической улыбкой. Рѣдкій изъ горцевъ прибѣгнетъ къ активнымъ дѣйствіямъ, чтобы защитить свою особу отъ причиненныхъ обидъ, или чтобы возвратить отнятую у него вещь. Ношеніе оружія туземцами въ значительной степени увеличиваетъ кровавыя преступленія, совершаемыя при воровствѣ или въ дракахъ и ссорахъ; это совершенно справедливо по отношенію къ какимъ хотите туземцамъ, но только не къ горцамъ. Я лично не однажды наблюдалъ ссорящихся между собою горцевъ; въ однихъ случаяхъ дѣло кончалось крупной бранью, а въ другихъ общей потасовкой на кулакахъ или палкахъ, въ тѣхъ и другихъ случаяхъ ссорящіеся были при кинжалахъ, но никто изъ нихъ не только не обнажалъ ихъ, но и не дотрогивался до ноженъ.

Тоже самое по отношенію нравственности: можно съ увѣренностію сказать, что изъ всѣхъ туземныхъ народностей Терской области и пожалуй всего Кавказа населеніе пяти горскихъ обществъ является самымъ нравственнымъ, честнѣйшимъ, тихимъ и трудолюбивымъ племенемъ. Какъ извѣстно, самое большое зло, вытекающее изъ нравственности и темперамента туземцевъ,—это постоянное ското-коннокрадство, убійства изъ корыстныхъ цѣлей и т. п. дѣйствія криминаль-

наго свойства. Между тѣмъ эти художества положительно незнакомы горцамъ. Ихъ табуны лошадей, гулевой и дойный рогатый скотъ всегда пасутся далеко въ горахъ безъ всякаго присмотра; пастухи бываютъ только для овецъ. Часто бываетъ, что хозяева, когда нѣтъ надобности въ лошадяхъ и быкахъ, не видятъ ихъ цѣлый пастбищный сезонъ, а при надобности по цѣлымъ днямъ отыскиваютъ ихъ по разнымъ горнымъ трущобамъ, и не было примѣра, чтобы лошадь или скотина пропадала чрезъ воровъ горцевъ. Въ этомъ отношеніи баксанцевъ и балкарцевъ тревожатъ сванеты, отличные конно-скотокрады, поэтому эти общества въ лѣтнее время въ верховьяхъ своихъ ущелій держатъ караулъ.

Сплошь и рядомъ лѣтомъ, въ дневное время, можно встрѣтить оставленные пастухами коши на открытомъ воздухѣ; прохожіе или проѣзжающіе могутъ на этихъ кошахъ утолить голодъ сыромъ и жажду айраномъ (кислое молоко) и продолжать свой путь, не тронувъ ничего изъ оставленнаго. Таковъ обычай. Любой горецъ или охотникъ, подымаясь на высоты горъ, свободно оставляютъ на тропѣ свою бурку и другую одежду, обременительную при подъемахъ, въ полной увѣренности, что имъ оставленное можетъ лежать сколько угодно времени никѣмъ не тронутое. Тамъ въ горахъ нѣтъ надобности имѣть ни днемъ, ни ночью толстые засовы и дверные замки, все можетъ быть открыто и никто ничего не тронетъ. Не надо думать, что такое честное отношеніе горцевъ къ чужому добру относится только къ односельчанамъ; нѣтъ, оно одинаково равносильно и къ чужимъ пришлымъ людямъ и сосѣдямъ, и въ этомъ отношеніи я могъ бы привести много примѣровъ честности горцевъ, но полагаю, что нѣтъ надобности удлинять свой очеркъ. Объ убійствахъ, пораненіяхъ и говорить нечего, даже въ прежнее время пресловутая кровная месть сопровожалась въ большинствѣ случаевъ не убійствами, а вознагражденіемъ потерпѣвшихъ деньгами или скотомъ.

Горцы, какъ всѣ туземцы Кавказа, гостепріимны, но не въ такой степени, какъ другія народности, какъ напр., кабардинцы, чеченцы и др. Болѣе гостепріимны Баксанцы, менѣе Чегемцы. Вообще же надобно замѣтить, что горцы, обитающіе въ глубинѣ горъ, менѣе гостепріимны, чѣмъ плоскостные туземцы.

При всѣхъ хорошихъ качествахъ горцевъ, они крайне нечистоплотны; впрочемъ, въ этомъ отношеніи они только отражаютъ общую черту, свойственную почти всѣмъ туземцамъ. Правда, въ сакляхъ (дворы у рѣдкихъ жилищъ имѣются) какъ будто чисто: они аккуратно подметаются, но за то на улицахъ соръ, всевозможные отбросы, навозъ, тутъ же на улицахъ выбрасываемый съ кручъ и издающій страшное зловоніе. На кошахъ, прочно устроенныхъ, творится нѣчто невообразимое: остатки отъ молочныхъ продуктовъ выбрасываются и выливаются у самыхъ дверей; постепенно накоплясь и смѣшиваясь съ пометомъ скота и овецъ, они обращаются въ сплошныя болота, при приближеніи къ которымъ въ буквальномъ смыслѣ слова надобно зажимать носъ.

Горцы бѣлья почти никогда не мѣняютъ и не моютъ до тѣхъ поръ, покуда оно не истлѣетъ у нихъ на плечахъ. Бываетъ и такъ, въ особенности на кошахъ: снимутъ съ себя рубахи, пополощутъ въ холодной водѣ, высушатъ и опять одѣнутъ. Мужчины, прикрытые бешметами, черкесками, бурками и т. п., не такъ еще обнаруживаютъ грязь бѣлья и тѣла, за то въ этомъ отношеніи крайне непріятное впечатлѣніе на непривычнаго человѣка производитъ горская женщина: женщины у себя дома всегда бываютъ въ однѣхъ широчайшихъ панталонахъ и длиннѣйшихъ съ широчайшими и длиннѣйшими рукавами рубахахъ; этотъ незатѣйливый костюмъ, часто оборванный, едва прикрываетъ голое тѣло и до того грязенъ, что положительно становится невозможнымъ опредѣлить первоначальный цвѣтъ его. Особенно некрасивую картину представляетъ горская женщина, когда она въ этомъ грязномъ костюмѣ, вываливъ полностію свои длинныя, отвислыя и грязныя груди, при всемъ честномъ народѣ кормитъ своего ребенка Совсѣмъ не рѣдкость встрѣтить въ горскихъ лугахъ, около дверей сакель, на плоскихъ крышахъ, на площадкахъ такого рода характерныя идилліи: сидитъ молодая женщина, передъ ней растянулся молодой горецъ, положивъ голову на ея колѣна; она ищетъ въ его головѣ желто-сѣрыхъ паразитовъ и тутъ же между ногтями пальцевъ предаетъ ихъ смерти. *) Такія обычныя занятія нисколько не шокируютъ дѣйствующихъ лицъ даже и тогда, когда прохо-

*) Это занятіе столь обыденное явленіе, что горцы на этотъ предметъ придумали загадку: «Между двухъ горокъ убитая овца.»

жіе или проѣзжающіе не—горцы останавливаются полюбопытствовать на эту идиллію. Пастухи же на кошахъ употребляютъ другой способъ: они просто—напросто снимаютъ съ себя бѣлье и трусятъ его надъ костромъ; отъ падающихъ въ огонь паразитовъ раздается только учащенный трескъ. Если вы поспите на горской постели, то утромъ ваше бѣлье или платье будутъ изображать пастбища, на которыхъ пасутся жаждущіе вашей крови паразиты.

Современный культурный человѣкъ, преждевременно увядающій, сѣдѣющій, теряющій зрѣніе, зубы, волосы и обремененный всевозможными хроническими болѣзнями, можетъ вполнѣ позавидовать дѣтямъ горъ, которымъ эти плоды современнаго просвѣщенія незнакомы.

Выносливость горцевъ при всѣхъ невзгодахъ жизни поистинѣ изумительна. Къ холоду они такъ привыкаютъ, что ходятъ босикомъ и въ однѣхъ рубахахъ даже зимой по снѣгу. На кошахъ мальчики и взрослые, изъ которыхъ составляется весь контингентъ горцевъ—мужчинъ, находясь постоянно и днемъ, и ночью подъ открытомъ небомъ, подвергаются всѣмъ стихійнымъ невзгодамъ: туманамъ, вѣтрамъ, дождямъ и снѣгу, а между тѣмъ для защиты нѣтъ ничего, грязное и дырявое исподнее бѣлье и на плечахъ накинутые дырявыя пальтенки, или куски шерстяной матеріи, или, наконецъ, что-то такое, которое когда-то именовалось буркою. Затѣмъ крайне скудное питаніе въ качествѣ и количествѣ; въ особенности на кошахъ пастухи просто-таки голодаютъ. Несмотря, однако, на все это горцы до самой глубокой старости пользуются отмѣннымъ здоровьемъ, почти никогда не болѣютъ и большинство доживаетъ до 100 и болѣе лѣтъ. Въ 70—80 лѣтъ они еще не считаются старыми людьми, по крайней мѣрѣ на видъ имъ можно дать не болѣе 50 лѣтъ: ни одной сѣдины, зрѣніе и слухъ остры, ноги крѣпки и ходки, бѣлые зубы цѣлы и крѣпки и т. д., поэтому эти старики наравнѣ съ молодыми исполняютъ всѣ работы дома и въ полѣ. Въ Баксанскомъ ущельѣ я не вездѣ, а такъ, между прочимъ, записалъ поименно больше 20 человѣкъ мужчинъ и женщинъ въ возрастѣ отъ 70 до 120 лѣтъ (послѣдній возрастъ преобладаетъ) и крайне сожалѣю, что не велъ правильную статистику старческому возрасту во всѣхъ пяти горскихъ обществахъ, чтобы такъ сказать, этими краснорѣчивыми цифрами потвердить свое пока-

заніе. Само собою разумѣется, что и горцы не гарантированы отъ простудныхъ болѣзней; они также болѣютъ лихорадкой и разными острыми воспаленіями, но гораздо рѣже, чѣмъ культурные люди. Также горцы не избавлены отъ дѣтскихъ болѣзней: дифтерита, скарлатины и т. п., хотя болѣютъ ими тоже рѣдко; но когда эти болѣзни посѣщаютъ горы, то дѣти мрутъ, какъ мухи. Горецъ плохо вѣритъ въ русскую медицину и очень рѣдко обращается къ участковому фельдшеру или окружному врачу, да и послѣдніе совершенно безсильны оказать существенную пользу населенію: фельдшеръ и врачъ принимаютъ всевозможныя мѣры изоляціи больныхъ дѣтей, прописываютъ лѣкарства, дѣлаютъ указанія по санитарной части и т. п.; но всѣ эти благія мѣры и указанія разбиваются прахомъ о косность и невѣжество горцевъ; уѣхали врачъ и фельдшеръ, и все остается по старому: женщины съ малыми и грудными дѣтьми, по обычаю, продолжаютъ посѣщать дома, гдѣ есть больныя и умершія дѣти, навозъ и грязь продолжаютъ царить всюду, отсюда широкое распространеніе дѣтской эпидеміи, которая, безпрепятственно разгуливая по домамъ, коситъ и коситъ дѣтей.

Эпидемическихъ болѣзней, вродѣ холеры, горы не знаютъ Въ 1892 году, во время холеры въ Россіи и Терской области, когда кругомъ по сосѣдству горъ въ Нальчикѣ и Кабардѣ умирала масса народу, въ горскомъ населеніи не только не было ни одного случая смерти, но и самая болѣзнь отсутствовала.

Русская грамота въ горскомъ населеніи почти отсутствуетъ. Въ нальчикской горской школѣ изъ горцевъ обучается очень мало, а въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и того меньше. Объясняется это различными причинами: горское населеніе замкнуто въ своихъ мало доступныхъ, далеко отъ русскихъ поселеніяхъ, родъ сельскохозяйственныхъ занятій, необщеніе горцевъ за ненадобностію съ жителями плоскости, свой словесный горскій судъ, все это въ совокупности дѣлаетъ положеніе горцевъ изолированнымъ отъ тѣхъ элементовъ, которые могли бы послужить имъ толчкомъ къ сознанію пользы просвѣщенія. Тѣ же горцы, которые сознаютъ пользу русской грамоты и желали бы воспитывать своихъ дѣтей въ русскихъ школахъ, за недостаткомъ средствъ не могутъ этого достигнуть, такъ какъ воспитывать своихъ дѣтей имъ приходится всегда на свой счетъ. Въ горской школѣ горцевъ при-

нимаютъ очень мало, ибо школа преимущественно наполняется кабардинцами и даже осетинами и русскими. Существующія стипендіи изъ общей кабардинской горской суммы получаютъ исключительно кабардинцы, даже тѣ, которые въ этихъ стипендіяхъ не нуждаются. И это очень понятно: стипендіи назначаетъ сходъ кабардинцевъ и горцевъ, а такъ какъ первыхъ въ нѣсколько разъ больше вторыхъ, то, очевидно, перевѣсъ въ назначеніи стипендій имѣютъ кабардинцы. Другимъ факторомъ, мѣшающимъ горцамъ обучать своихъ дѣтей русской грамотѣ и вообще давать имъ порядочное воспитаніе, есть нужда въ рабочихъ рукахъ: вслѣдствіе обширнаго горскаго скотоводства дѣти почти съ самыхъ малыхъ лѣтъ становятся серьезными помощниками своихъ родителей или родственниковъ. Отдавая дѣтей въ ученіе, надо, въ такомъ случаѣ, нанимать работниковъ; выходятъ двойные расходы; за обученіе дѣтей и работникамъ надо платить, что уже не по силамъ не только бѣднякамъ, но мало-мальски зажиточнымъ людямъ.

Такимъ образомъ, отсутствіе грамотности среди горскаго населенія вытекаетъ, кромѣ слабаго сознанія въ пользѣ просвѣщенія, еще изъ сложившихся для него неблагопріятныхъ обстоятельствъ. А между тѣмъ очень недалеко то время, когда горцы будутъ ощущать настоятельную потребность въ русской грамотѣ: горнозаводская промышленность въ Терской области уже теперь обнаруживаетъ интенсивно—лихорадочную дѣятельность, и мы стоимъ на рубежѣ того знаменательнаго времени, когда во многихъ углахъ нагорной полосы застучатъ молотъ и кирка, извлекая изъ горныхъ нѣдръ минеральныя богатства. На почвѣ такихъ постепенно возникающихъ новыхъ условій горской жизни, съ одной стороны земельная собственность, какъ главный факторъ народной жизни и горнозаводской промышленности, сдѣлается объектомъ частаго движенія путемъ купли—продажи, залоговыхъ и арендныхъ договоровъ и т. п., но такъ какъ обычные горскіе суды отойдутъ въ вѣчность, то всѣ указанныя сдѣлки будутъ совершаться на основаніи нашихъ общихъ законовъ; съ другой стороны, помимо земельныхъ сдѣлокъ, постоянное сношеніе горцевъ по общимъ дѣламъ съ пришлымъ образованнымъ элементомъ, все это при отсутствіи знаній и грамотности въ значительной степени неблагопріятно отразится на экономическомъ бытѣ горскаго населенія.

Въ количественномъ отношеніи, какъ я уже сказалъ, горцы питаются очень мало. Главная пища ихъ молочные продукты и лепешки изъ кукурузной и ячменной муки, испеченныя въ горячей золѣ. Молоко въ сыромъ видѣ горцы никогда не употребляютъ, оно перерабатывается въ сыръ и «*айранъ*». Сыръ изготовляется обыкновеннымъ способомъ посредствомъ сычужной закваски. Такъ какъ горцы не имѣютъ своей соли, а приходится ее покупать, то многіе бѣдняки употребляютъ сыръ въ свѣжемъ—сладкомъ видѣ; такой непросоленный сыръ не можетъ долго сохраняться, въ особенности въ лѣтнее время. Зажиточные же горцы, имѣющіе много овецъ и скота и могущіе покупать соль, заготовляютъ сыръ въ прокъ. Другой молочный продуктъ - айранъ или кислое молоко приготовляется тоже путемъ закваски изъ кислаго—же молока; этотъ прекрасный и здоровый напитокъ или пища горцевъ, приготовляемый ежедневно на кошахъ преимущественно изъ коровьяго молока, въ бурдюкахъ свозится въ селенія. Вотъ два продукта, составляющіе главную пищу горцевъ. Хлѣбъ изъ кукурузы или ячменя бѣдныя семьи не всегда имѣютъ, а пастухи на кошахъ почти его не видятъ. Богатые горцы ѣдятъ и пшеничный хлѣбъ, рѣжутъ барановъ и заготовляютъ мясо на зиму посредствомъ копченія или сушки. Кромѣ сказаннаго, въ горахъ въ малыхъ количествахъ варятъ пиво изъ ячменя и овса; затѣмъ, какъ пища имѣется *кефиръ*, который, какъ извѣстно, за послѣдніе года получилъ широкое распространеніе, какъ лѣчебный продуктъ. Кефира въ пяти горскихъ обществахъ мало, больше его въ Балкаріи, а въ самыхъ большихъ количествахъ въ Карачаѣ, Кубанской области. Первоначальное происхожденіе эластичныхъ зеренъ кефира никто не знаетъ, знаютъ только, что онъ въ молокѣ сильно размножается. Въ 1881 году лаборантъ Московскаго университета, сдѣлавши анализъ кефира, нашелъ, что онъ состоитъ изъ мельчайшихъ микро-организмовъ, служащихъ ферментомъ для окисленія молока. Интересно повѣрье горцевъ на счетъ кефира: если кто добровольно отдаетъ часть кефира въ чужія руки, то онъ у хозяина долженъ изсякнуть, поэтому, чтобы воспользоваться кефиромъ, надо его украсть, что не считается предосудительнымъ. Впрочемъ, это повѣрье за послѣднее время стало мало по малу исчезать.

Жилища горцевъ во всѣхъ пяти обществахъ построены по одному типу съ тою только разницей, что на Баксанѣ при обиліи лѣсного матеріала сакли выстроены изъ толстыхъ сосновыхъ бревенъ, а въ остальныхъ обществахъ онѣ сложены изъ безформенныхъ камней безъ всякихъ цементныхъ и иныхъ скрѣпленій. Такъ какъ горскія селенія обыкновенно ютятся у подножія скалъ и высокихъ крутизнъ, то сакли располагаются террасами и часто бываетъ, что плоскія крыши нижнихъ домовъ служатъ дворами верхнихъ. Большинство сакель состоитъ изъ трехъ искусственныхъ стѣнъ, а четвертая естественная, прилегающая къ скалѣ или крутизнѣ. Эти сакли представляютъ изъ себя прямоугольникъ въ одну довольно просторную комнату съ землянымъ поломъ, вымазаннымъ глиною. Съ одного края сакли дверь, съ другого отверстіе въ видѣ окна, а посрединѣ очагъ—каминъ въ уровень съ поломъ; очагъ этотъ—внизу широкій—постепенно суживается кверху и заканчивается на крышѣ изъ хвороста трубою въ видѣ усѣченнаго конуса, обмазаннаго глиной, а то и простымъ отверстіемъ въ крышѣ (Балкарія). По срединѣ отверстія очага вставленъ деревянный брусокъ, къ которому прикрѣплена желѣзная цѣпь (*сынжиръ*), спускающаяся до низу; на этой цѣпи вѣшается мѣдный или чугунный котелъ. Подъ самымъ отверстіемъ помѣщается два желѣзныхъ бруска, покрытыхъ грифельной доской или гладкимъ плоскимъ камнемъ для печенія хлѣба; это послѣднее приспособленіе бываетъ только у богатыхъ, бѣдные же пекутъ свои каржины (хлѣбъ) въ горячей золѣ. Въ сакляхъ во всю длину стѣнъ идутъ въ одинъ или въ два ряда полки изъ простыхъ досокъ; на этихъ полкахъ на первомъ планѣ красуются принадлежности постели: перины, громадныя подушки и толстыя одѣяла; все это симетрично и аккуратно уложено другъ на другѣ; затѣмъ на этихъ полкахъ размѣщается посуда: каменныя бѣлыя чашки фабричной работы, деревянные чинаки и чашки, глиняные кувшинчики, разнаго сорта бутылки, разныхъ формъ жестяныя коробки изъ подъ консервовъ и конфектъ и тому подобный хламъ, имѣющій въ глазахъ полудикаго горца—пастуха нѣкоторую цѣнность. Тутъ же въ саклѣ деревянныя кадушки и ведра, принадлежности для доенія коровъ и изготовленія сыра и айрана. Часто бываетъ, что тутъ же въ саклѣ ночуютъ курица съ цыплятами и новорожденные телки и ягнята.

Центральная часть сакли, «подобно атріуму, считается главною частью двора и играетъ важную роль во всѣхъ дѣйствіяхъ, совершаемыхъ семьею или отъ ея имени: тутъ рѣшаются вопросы объ отдачѣ въ замужество и о полученіи платы за кровь; ищущій убѣжища преступникъ старается прежде всего проникнуть въ это помѣщеніе; разъ онъ вошелъ подъ его кровлю,—онъ считаетъ себя спасеннымъ отъ преслѣдованій и по обычаю не можетъ быть выданъ, будь онъ даже виновникомъ смерти кого либо изъ домочадцевъ. Помѣщеніе съ очагомъ является одновременно и кухней, и столовой; въ немъ каждому отведено свое мѣсто: прислугѣ налѣво отъ очага; хозяйкѣ направо; хозяину же посрединѣ. Это-же помѣщеніе служитъ залою для увеселеній; если танцы не происходятъ на воздухѣ передъ саклею, то для нихъ нѣтъ другого мѣста, кромѣ столовой. Фамильныя торжества, какъ общее правило, отправляются исключительно здѣсь. Наконецъ и въ семейномъ культѣ общая кухня играетъ главную роль: въ ней производятся всѣ поминки по мертвецамъ и приносятся въ ихъ честь всякаго рода жертвоприношенія»*).

Само собою разумѣется, что у богатыхъ горцевъ имѣется не одна сакля, а есть, такъ называемыя кунацкія для пріема гостей и другія помѣщенія для женщинъ и кухни.

Среди занятій, пользующихся у горцевъ особеннымъ уваженіемъ, первое мѣсто принадлежитъ охотѣ.

Горскіе охотники никогда на пернатую дичь не охотятся, а объектомъ ихъ дѣйствій служатъ звѣри: туры, серны, дикія козы, олени, медвѣди и кабаны, но преимущественно туры. Здѣсь въ горахъ нѣтъ того обычая, какъ въ Швейцаріи, гдѣ выдающіеся охотники отмежевываютъ себѣ извѣстныя горныя пространства для охоты и никто другой не смѣетъ появляться въ этихъ мѣстахъ. Напротивъ здѣшніе охотники могутъ распространять свои дѣйствія вездѣ, гдѣ пожелаютъ, но всегда предпочитаютъ свои родныя ущелья, какъ болѣе ими изученныя.

Когда на охотѣ нѣсколько человѣкъ, то тотъ, кто убилъ звѣря, беретъ себѣ голову и верхнюю часть груди, остальное дѣлится поровну; кожа дѣлится между всѣми охотниками на равныя части. При встрѣчѣ охотниковъ съ посторонними лицами каждый изъ нихъ обязанъ дать имъ нѣкоторую долю

*) М. Ковалевскій, «Законъ и обычай на Кавказѣ». Т. I, стр. 200 и 201.

изъ своей части. Когда убитый звѣрь оставленъ въ полѣ за невозможностью нести его одному человѣку или по другимъ причинамъ, охотникъ отрѣзываетъ голову или потрошитъ внутренности и отправляется въ аулъ или на кошъ за помощью; оставленнаго въ полѣ звѣря никто не тронетъ.

По обычаю старшій предлагаетъ младшему первому стрѣлять но это не больше, какъ церемонія: младшій все-таки предоставляетъ старшему первый выстрѣлъ. Когда охотникъ охотится съ гостемъ, то первый выстрѣлъ обязательно предоставляется послѣднему, хотя бы онъ былъ гораздо моложе охотника. Если раненый звѣрь ушелъ и убитъ другимъ охотникомъ, то право первенства въ дѣлежѣ принадлежитъ первому охотнику.

О количествѣ истребляемыхъ туровъ я говорилъ раньше, прибавлю только, что эти благородныя животныя истребляются охотниками во всякое время года, не обращая вниманіе на существующій законъ объ охотѣ, если у горцевъ появится усовершенствованное дальнобойное оружіе, то турамъ грозитъ полное истезновеніе.

VIII

Женщины у горцевъ, какъ у всѣхъ некультурныхъ народностей Сѣвернаго Кавказа, считаются существами низшими, онѣ не болѣе какъ самки. Жена и дочери въ домѣ не имѣютъ другой воли, кромѣ воли мужа и отца. Иниціатива во всѣхъ домашнихъ дѣлахъ исключительно принадлежитъ главѣ семьи, хотя часто въ разнаго рода дѣлахъ онъ совѣтуется съ женою и съ старѣйшими женщинами; но эти совѣты нисколько не стѣсняютъ его поступать по своему усмотрѣнію. Женщины никогда не могутъ ѣсть за однимъ столомъ съ мужчинами и въ присутствіи ихъ должны стоять. Жена никогда и нигдѣ не можетъ произносить имя мужа. На женщинѣ лежитъ вся домашняя работа; ея трудолюбіе изумительно; она не работаетъ только тогда, когда спитъ, а спитъ очень мало. Она обшиваетъ и себя, и всѣхъ мужчинъ въ домѣ; у очага ея неотъемлемое мѣсто; она рубитъ дрова, чиститъ конюшни и дворы, дѣлаетъ кизяки, ткетъ сукно, валяетъ полсти и бурки, встрѣчаетъ съ пастьбы и доитъ коровъ, вмѣстѣ съ мужчинами стрижетъ овецъ, въ полѣ уби-

раетъ сѣно, жнетъ и т. д., и т. д. Одновременно съ этими разнообразными работами она успѣваетъ няньчиться съ дѣтьми, кормить, забавлять и укладывать ихъ спать. Это послѣднее обстоятельство является для женщины—работницы ужаснѣйшей обузой, потому что въ силу обычая отцы не только не ухаживаютъ за своими дѣтьми, но даже не имѣютъ за ними мало—мальски призора. Этотъ ничѣмъ неоправдываемый и своеобразный обычай доходитъ до полнаго отрицанія человѣколюбія, а тѣмъ паче къ собственнымъ дѣтямъ: отцы и пальцемъ не пошевелятъ и ни въ какомъ случаѣ не подадутъ руку помощи своимъ дѣтямъ даже тогда, когда имъ грозитъ опасность гибели или увѣчья; въ этомъ случаѣ они ограничатся громкимъ призывомъ на помощь жены или другихъ женщинъ. Отца нельзя поздравить съ новорожденнымъ —это стыдно.

Абсолютная подчиненность женщины мужчинѣ въ семьѣ рѣзко сказывается и внѣ дома: при встрѣчахъ мужчинъ съ женщинами гдѣ бы то ни было, послѣднія спѣшатъ посторониться, отойти въ сторону и всѣмъ корпусомъ повернуться въ противуположную сторону; когда сидятъ, обязаны встать, даже когда ѣдутъ на арбѣ или верхомъ, то и тогда должны хоть немного приподняться. Поворачиваться при встрѣчѣ съ мужчиной корпусомъ въ противуположную сторону обязательно только для дѣвушекъ; для старыхъ и пожилыхъ женщинъ допускается исключеніе. Женщины вообще отъ природы очень любопытны, и въ этомъ отношеніи горянки не составляютъ исключенія; поэтому забавно наблюдать борьбу между любопытствомъ и стыдливостью молодыхъ дѣвушекъ горянокъ при встрѣчѣ ихъ съ рѣдкими посѣтителями горъ.

При всемъ приниженномъ положеніи женщины, горцы все-таки смотрятъ на нее какъ на слабое созданіе въ смыслѣ физическомъ и въ этомъ отношеніи оказываютъ ей уваженіе. Въ противуположность чеченцамъ, ингушамъ и горному Дагестану, здѣсь въ пяти горскихъ обществахъ нельзя встрѣтить, чтобы мужчина ѣхалъ верхомъ, а женщина рядомъ съ нимъ шла бы пѣшкомъ, или женщина шла бы съ тяжелою ношею, а мужчина съ пустыми руками, тутъ происходитъ какъ разъ обратное.

Горскія женщины ѣздятъ верхомъ троякимъ образомъ: дѣвушки обыкновенно сидятъ на колѣняхъ у мужчины, спу-

стивъ ноги въ одну сторону; женщины или сидятъ по мужски въ сѣдлѣ, а сзади на крупѣ лошади сидитъ мужчина и правитъ ею, или ѣздятъ самостоятельно; въ послѣднемъ случаѣ иногда мужчина ведетъ лошадь въ поводу.

Типъ горскихъ женщинъ, какъ говорено выше, красивый, и между дѣвушками можно встрѣтить положительныхъ красавицъ; но красота эта умаляется отсутствіемъ бюста, искусственно задержаннаго въ своемъ естественномъ развитіи. Дѣло въ томъ, что дѣвушки съ ранняго возраста зашиваются въ кожаный корестъ, который носится вплоть до замужества и только одинъ мужъ можетъ распороть его. Такимъ образомъ, задержанный въ своемъ естественномъ развитіи, бюстъ дѣвушки представляетъ плоскую доску.

У себя дома женщины въ горскихъ обществахъ держатся съ мужчинами свободно, а молодежь обоего пола часто и совершенно безпрепятственно сходится на вечеринкахъ, свадьбахъ и т. п. увеселеніяхъ, устраиваемыхъ въ просторныхъ сакляхъ (зимой) и въ «предверьяхъ» или на просторныхъ площадкахъ (лѣтомъ). На этихъ увеселительныхъ сходкахъ дѣвушки и парни относятся другъ къ другу совершенно свободно, шутятъ, вслухъ отпускаютъ очень вольныя любезности и т. п. На этихъ собраніяхъ обыкновенно стоятъ группами— дѣвушки отдѣльно и парни отдѣльно. Изъ танцевъ обще-распространенный и любимый танецъ – лезгинка; танцуютъ подъ звуки гармоніи и хлопанья въ ладоши. Молодыя замужнія женщины по обычаю не могутъ ни играть на гармоніи, ни принимать участіе въ танцахъ. Вызовъ къ танцамъ происходитъ такъ: танецъ начинаетъ одинъ парень; онъ танцуя приближается къ избранной имъ дѣвушкѣ, останавливается предъ ней, продолжая выдѣлывать «па» на одномъ мѣстѣ, и слегка наклоняетъ корпусъ въ сторону дѣвушки; это продолжается до тѣхъ поръ, покуда дѣвушка не выйдетъ танцо́вать. Такимъ образомъ составляется пара. Если парень раньше отсталъ, а дѣвушка продолжаетъ танцовать одна, то она такимъ же маневромъ вызываетъ парня. Въ особенно торжественныхъ случаяхъ дѣвушки наряжаются въ праздничныя одежды: сверхъ длинной шелковой рубахи съ широчайшими рукавами онѣ одѣваютъ разноцвѣтные шелковые бешметы съ широкими полами, спускающимися до самой земли, и съ очень узкими рукавами; талію обхватываетъ широкій подъ серебро

поясъ; края широкихъ рукавовъ рубахи обязательно должны выходить наружу изъ подъ узкихъ рукавовъ бешмета; на голову накидывается шелковый платокъ, обматываемый черезъ шею; во время танцевъ широкія рукава рубахи развиваются по воздуху, напоминая крылья фантастической птицы.

Несмотря на то, что горская дѣвушка въ замужество покупается (калымъ) и этимъ даетъ своимъ родителямъ нѣкоторую матеріальную помощь, и чѣмъ больше дочерей, тѣмъ эта помощь больше, однако, горскія семьи желаютъ имѣть больше мальчиковъ, чѣмъ дѣвушекъ. Обусловливается это чисто экономическими соображеніями: горцы по преимуществу скотоводы, а за скотомъ ухаживаетъ и оберегаетъ его исключительно мужчина; вотъ почему горской семьѣ всегда желательно имѣть дѣтей мужского пола: дѣвушки принесутъ ли калымъ или нѣтъ—это вопросъ далекаго будущаго, тогда какъ мальчики съ 5—6 лѣтъ дѣлаются помощниками на лѣтнихъ кошахъ.

Многоженства всѣ пять горскихъ обществъ почти не знаютъ; двѣ жены—это величайшая рѣдкость; объясняется это не только экономическими условіями, но и просто обычаемъ.

Бракъ у горцевъ совершается по свободнымъ договорамъ и по правиламъ шаріата. Когда намѣчена невѣста, родители жениха или самъ женихъ посылаютъ довѣренное лицо въ домъ невѣсты для переговоровъ. Въ случаѣ согласія родителей невѣсты, приступаютъ къ заключенію брачнаго обряда, называемаго «накяхъ». При этомъ выговаривается размѣръ калыма и подарки отъ жениха родителямъ и родственникамъ невѣсты.

Обрядъ вѣнчанія заключается въ слѣдующемъ: родственники жениха, или онъ самъ, и родственники невѣсты, или вообще избранные посредники, преимущественно старики, приходятъ къ муллѣ или эфендію и заявляютъ ему, что такіе-то желаютъ вступить въ бракъ. Тогда мулла отъ себя посылаетъ кого либо къ невѣстѣ для троекратнаго опроса ея согласія; согласіе, конечно, получается, ибо желаніе родителей для дочери законъ. По полученіи отъ невѣсты согласія, посредники въ присутствіи муллы берутся за руки такъ, чтобы большіе пальцы были соединены вмѣстѣ и вытянуты вверхъ; мулла правой рукою обнимаетъ пальцы въ видѣ кольца и три раза спрашиваетъ посредниковъ, желаютъ ли ихъ довѣритель и довѣрительница соединиться бракомъ. Послѣ утвердительнаго отвѣта

мулла читаетъ молитву, и тѣмъ совершается религіозный обрядъ вѣнчанія.

Если послѣ совершенія этого обряда женихъ отказывается отъ невѣсты, то онъ уплачиваетъ половину условленнаго калыма въ томъ случаѣ, когда не воспользовался еще супружескими правами; въ противномъ случаѣ уплачиваетъ калымъ полностью. Исключеніе бываетъ въ томъ только случаѣ, когда обнаружится въ невѣстѣ изъянъ, который былъ скрытъ до и во время совершенія накяха, напримѣръ, лишеніе дѣвственности или физическіе недостатки. Бываетъ и такъ, что дѣвушка, согласно желанію своихъ родителей, изъявитъ согласіе на замужество, любя другого; тогда она по взаимному тайному уговору съ своимъ возлюбленнымъ позволяетъ выкрасть себя. Въ такихъ случаяхъ первый бракъ уничтожается, когда дѣвушка открыто заявитъ, что это произошло съ ея согласія.

Когда есть согласіе на бракъ, но у жениха нѣтъ калыма, то въ подобныхъ обстоятельствахъ претендентъ съ товарищами выкрадываетъ дѣвушку, и родители послѣдней волей—неволей должны мириться съ совершившимся фактомъ, ибо въ этихъ случаяхъ накяхъ заключается безъ ихъ участія. Но если умыканіе произведено безъ согласія дѣвушки, и она это открыто заявитъ, то такой бракъ по шаріату не считается дѣйствительнымъ.

Послѣ заключенія накяха невѣста, смотря по условію, можетъ оставаться въ родительскомъ домѣ болѣе или менѣе продолжительное время (бываетъ годъ и два). Въ это время она, ея родные и подруги приготовляютъ приданое. Какъ только пара объявлена женихомъ и невѣстою, и накяхъ заключенъ, то они уже не могутъ видѣться явно, а дѣлается это тайно при содѣйствіи родственницъ невѣсты.

Когда наступаетъ условленное время водворенія невѣсты въ домѣ жениха, или его родственниковъ, или, наконецъ, у знакомыхъ (первоначально невѣста должна пребывать не въ домѣ жениха, а въ чужомъ), и если невѣста живетъ въ другомъ аулѣ, то для привода ея снаряжается цѣлая экспедиція изъ молодежи, которая верхомъ, по прибытіи въ селеніе невѣсты, направляется къ ея саклѣ. Въ это время молодыя женщины и дѣвушки загораживаютъ ей дорогу, требуя выкупа, т. е. подарки за снаряженіе невѣсты. Молодые

люди отдѣлываются шутками и мѣдными деньгами, а женщины обливаютъ ихъ водою, помоями, бросаютъ въ нихъ грязью и каменьями, теребятъ за черкески, гикаютъ на лошадей и т. п. Надобно быть очень ловкимъ, чтобы избѣгнуть всего этого и съ удалью взять невѣсту, лицо которой въ это время покрыто покрываломъ, посадить на лошадь и умчаться. Обыкновенно невѣсту одинъ изъ дружковъ жениха сажаетъ къ себѣ на лошадь и такимъ образомъ блестящій кортежъ съ разноцвѣтными флагами, со стрѣльбой изъ пистолетовъ, ружей и съ пѣснями возвращается домой въ аулъ жениха. Здѣсь молодыя женщины, дѣвушки и подростки тоже самое продѣлываютъ надъ пріѣзжей молодежью. Невѣсту помѣщаютъ въ отдѣльную комнату, а молодежь обоего пола нѣсколько дней веселится: угощаются, танцуютъ, поютъ пѣсни, а несчастный женихъ въ это время долженъ находиться вдали отъ веселья и своей молодой жены.

Когда невѣсту берутъ изъ того же аула, гдѣ живетъ женихъ, или изъ близкаго аула, то ее ведутъ въ домъ жениха исключительно женщины и дѣвушки. Шествіе представляетъ вереницу хорошо одѣтыхъ женщинъ: впереди несутъ приданое молодой, посрединѣ идетъ невѣста съ подругами, а позади тоже несутъ что либо изъ приданаго.

Послѣ свадебныхъ пиршествъ жизнь вступаетъ въ обыкновенную колею, но только не для новобрачныхъ: молодой мужъ нѣкоторое время (а это бываетъ мѣсяцы) не можетъ проживать подъ одной кровлей съ молодой женой и днемъ не долженъ видѣть ее, а по ночамъ онъ, какъ воръ, крадучись, тайно отъ постороннихъ взоровъ, пробирается къ своей женѣ и, Боже упаси, если его инкогнито будетъ открыто молодежью; его начинаютъ травить насмѣшками, бросаютъ въ въ него грязью, тряпьемъ и т. п. Въ этотъ періодъ молодая, проживая въ домѣ жениха или у его родственниковъ, тоже должна скрываться отъ постороннихъ; дома она живетъ изолированно, и когда къ ней кто либо взойдетъ, она покрываетъ лицо покрываломъ. По мнѣнію М. Ковалевскаго, такое поведеніе молодыхъ послѣ свадьбы несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что въ прежнее время браки у горцевъ совершались по обычаю умыканія невѣстъ.

Такой своеобразный образъ жизни молодые ведутъ мѣсяцы, и это зависитъ отъ старшихъ, т. е. отъ родителей мо-

лодого мужа. Когда же по соображеніямъ стариковъ настаетъ время водворенія мужа подъ одну кровлю съ женой, то это сопровождается слѣдующимъ церемоніаломъ: молодой мужъ, собравъ своихъ дружковъ и товарищей, отправляется вмѣстѣ съ ними къ дому своихъ родителей; здѣсь онъ старается укрыться въ толпѣ товарищей. У предверья толпу встрѣчаетъ одинъ изъ старѣйшихъ дома съ чашкой (чинакъ), наполненной брагой или пивомъ, а старѣйшая изъ женщинъ съ небольшой закуской. Старикъ, отыскивая глазами молодого, обращается къ нему со словами: «Отнынѣ твоя молодость кончена», и если старикъ находчивъ, что бываетъ въ большинствѣ случаевъ, то произноситъ приличествующую случаю импровизацію. Молодой, конфузясь, съ нахлобученной на глаза папахой, съ опущенной внизъ головой, подходитъ, беретъ чашу и закуску и передаетъ дружкамъ; тѣ, отвѣдавъ того и другого, возвращаютъ ихъ старикамъ. Если домъ богатъ, устраиваются танцы и угощеніе.

Калымъ—плата за невѣсту выплачивается деньгами, скотомъ, лошадьми, вещами домашняго обихода и землею. Въ Хуламѣ, Безенги и Чегемѣ таубіи вносятъ *калымъ* до 1500 р., пару быковъ, двѣ лошади, а по совершеніи *накяха* еще одну хорошую лошадь, называемую передовою—*алъ-атъ*. Каракеши выплачиваютъ отъ 600 до 800 р. и тоже пару быковъ и лошадь; простой народъ не свыше 200 р. и также скотомъ. Въ Балкаріи и на Баксанѣ калымъ почти вдвое больше. Само собою разумѣется, указанные размѣры калыма не всегда одинаковы: они то повышаются, то понижаются, что зависитъ отъ договаривающихся сторонъ.

Такъ какъ въ горахъ деньги очень дороги и почти ихъ нѣтъ, а въ особенности было мало въ прежнее время, то калымъ большею частію заключается въ $^1/_3$ деньгами и $^2/_3$ скотомъ по оцѣнкѣ на деньги. Часто бываетъ, что вмѣсто денегъ или скота въ калымъ идутъ пахотные и покосные участки—тоже по оцѣнкѣ на деньги. Послѣдній видъ калыма обусловливается съ жениховой стороны въ интересахъ брачущихся: въ принципѣ, по обычаю, весь калымъ долженъ идти въ собственность невѣсты, на дѣлѣ имъ пользуются ея родители, ибо въ горахъ и вообще у туземцевъ дочери не могутъ имѣть собственную волю и во всемъ подчиняются своимъ родителямъ. При такихъ условіяхъ нѣкоторые предусмотрительные

отцы жениховъ стараются вмѣсто денегъ или скота давать земельные участки. Если молодые пожелали бы, по истеченіи нѣкотораго времени, отдѣлиться отъ своихъ родителей и жить своимъ домомъ, то они по обычаю имѣютъ право взять калымный участокъ въ свое пользованіе; если же собственники земли пожелаютъ возвратить участокъ себѣ, то уплачиваютъ молодымъ оцѣночную сумму. Такимъ образомъ, отдавая въ калымъ земельный участокъ, родители молодого руководствуются благоразумными побужденіями сохранить что либо изъ калыма для сына и его жены. Кромѣ того при отдачѣ калыма землею и скотомъ соблюдаются и матеріальныя выгоды: обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ посредники принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы какъ можно дороже оцѣнить скотъ и земельныя угодья, дабы хоть этимъ немного парализовать тяжелыя обязанности, налагаемыя на жениховъ и ихъ родителей обычаемъ сѣдой старины. Дѣйствуя въ пользу плательщиковъ, посредники тѣмъ самымъ выражаютъ косвенный протестъ противъ установившагося неестественнаго обычая. Однако, въ горскомъ населеніи не замѣчается стремленія уничтожить его или покрайней мѣрѣ уменьшить размѣры его, напротивъ, съ каждымъ годомъ этотъ обычай крѣпчаетъ, и величина калыма обнаруживаетъ повышательное движеніе.

IX

Въ сферѣ экономическихъ правоотношеній у горцевъ есть много интересныхъ обычаевъ, среди которыхъ особый интересъ представляетъ бегенда.

Бегендное право, неизвѣстное ни нашему законодательству, по обычному праву, чрезвычайно характерно и есть ничто иное, какъ своеобразное договорно—залоговое право по денежнымъ и инымъ ссудамъ. Оно выражается въ слѣдующемъ: лицо, взявши деньги, скотъ или овецъ въ домъ, отдаетъ въ безотчетное пользованіе свой участокъ земли заимодавцу, который имъ владѣетъ, на правахъ собственника, покуда долгъ не будетъ уплаченъ.

Такимъ образомъ, всѣ выгоды, вытекающія изъ пользованія объектомъ залога, замѣняютъ собою обыкновенные наши проценты. *Бегенда* не лишаетъ собственника права продавать зало-

женную землю. Покупщикъ въ этомъ случаѣ можетъ уплатить или всю договорную сумму сполна или часть ея. Въ первомъ случаѣ онъ поступаетъ такъ: часть, составляющую бегендную сумму, возвращаетъ заимодавцу, а другую часть выдаетъ продавцу. Въ этомъ случаѣ покупщикъ выплачиваетъ продавцу изъ договорной суммы только ту часть, какая ему причитается, оставляя по прежнему участокъ въ пользованіи залогодержателя до уплаты ссуды. Послѣдняя сдѣлка возможна въ томъ случаѣ, когда залогодержатель соглашается перенести ссуду на другое лицо, въ противномъ случаѣ продажа можетъ состояться только при полной оплатѣ всей оцѣночной суммы. На практикѣ чаще всего имѣетъ мѣсто нежеланіе заимодавца переводить долгъ на другое липо, что обусловливается личными выгодами. Лица, берущія земли на бегендомъ правѣ, обыкновенно состоятельныя и ихъ завѣтная мечта пріобрѣтать какъ можно больше земель, а этимъ путемъ земли идутъ несравненно дешевле, чѣмъ прямою покупкою. Для содержателей земель на бегендномъ правѣ совершенно безразлично, будутъ ли они именоваться собственниками земель или только залогодержателями, лишь бы неограниченно пользоваться ихъ плодами. За первыми собственниками, вслѣдствіе ихъ большой задолженности, они признаютъ гораздо меньше шансовъ на выкупъ своихъ земель, чѣмъ за вторыми—покупателями, не менѣе ихъ состоятельными. Наконецъ въ первомъ случаѣ залогодержателямъ несравненно легче сдѣлаться собственниками бегендныхъ земель, приплативъ небольшія деньги къ суммѣ, уже выданной въ ссуду, на что владѣльцы земли охотно соглашаются.

Стремленіе залогодержателей во чтобы то ни стало завладѣть бегендными землями вызываетъ съ ихъ стороны разнаго рода препоны въ отношеніи выкупа земель владѣльцами. Если ссуда сдѣлана деньгами и скотомъ, то возвратъ требуется въ такомъ же порядкѣ. Въ прежнее время, когда серебряные рубли и золото имѣли свободное обращеніе, и когда ссуда была произведена этимъ металломъ, то уплата требовалась тѣмъ же металломъ, несмотря на то, что его уже не было въ обращеніи. Чтобы крѣпче держать въ кабалѣ своихъ дебиторовъ, залогодержатели при малѣйшей нуждѣ первыхъ спѣшатъ имъ на помощь выдачею дополнительныхъ ссудъ, если первоначальная была незначительна. Такимъ образомъ,

затягивая накинутую на своихъ заемщиковъ петлю все туже и туже, кредиторы достигаютъ полнаго и безпрепятственнаго владѣнія бегендными землями навсегда, и только въ рѣдкихъ случаяхъ при особенно благопріятныхъ условіяхъ земли выкупаются обратно.

Помимо сказаннаго о бегендѣ, въ основѣ этого института лежитъ не менѣе важный элементъ—размѣры вознагражденія за ссуду, т. е. проценты, выраженные въ пользованіи бегендными землями. Для вывода этихъ процентовъ я воспользуюсь своею записною тетрадью, откуда извлеку самыя точныя цифры, характеризующія вознагражденіе бегендодержателей.

Во всѣхъ пяти горскихъ обществахъ состоитъ на бегендномъ правѣ: поемныхъ луговъ 4822 копны, обыкновеннаго покоса 9935 копенъ, поемныхъ пашень 1441 копна и обыкновенныхъ пашень 479 коп. Ссуда, переложенная на деньги, составляетъ капиталъ въ 114.165 р. Принимая самую низшую цѣнность копны поемнаго луга въ $1^1/_2$ р., обыкновеннаго покоса въ 1 р. и копны зерна, состоящей изъ двухъ горскихъ сабъ или трехъ русскихъ четвериковъ—въ 3 р., получимъ стоимость продуктовъ отъ бегендныхъ земель въ 23528 р., или иначе говоря за ссуду взимается 20.6%; вычтя отсюда 2.6%, составляющія трудъ по орошенію, посѣву и уборкѣ хлѣба и сѣна, мы въ окончательномъ результатѣ получимъ 18% годовыхъ.

Такимъ образомъ институтъ бегенды, оперируя въ пяти горскихъ обществахъ неослабно въ большихъ размѣрахъ, плодитъ съ одной стороны безземельный пролетаріатъ, а съ другой создаетъ земельныхъ кулаковъ, обогащающихся на счетъ перваго. Такое явленіе, хотя оно и вызвано къ жизни вѣковымъ обычаемъ, не можетъ считаться нормальнымъ, потому что такой легко пріобрѣтаемый кредитъ развращаетъ населеніе, пріучая его къ непроизводительнымъ тратамъ и приводя его къ полной безпомощности.

Послѣ *калыма* и *бегенды* третимъ бичемъ горскаго населенія служатъ семейные раздѣлы, принявшіе за послѣднее время большіе размѣры. Раздробляя движимое и недвижимое имущество до микроскопическихъ по величинѣ, раздѣлы наносятъ экономическому быту населенія не мало бѣдъ.

Причины семейныхъ раздѣловъ кроются въ неуживчивости и враждебныхъ отношеніяхъ женщинъ въ большихъ семьяхъ. Возьметъ ли въ домъ глава семьи по смерти жены другую, или, прогнавъ первую, женится на другой при существованіи женатыхъ сыновей, немедленно возникаютъ раздоры на женской половинѣ, и въ результатѣ сыновья или добровольно уходятъ, или самымъ жестокимъ образомъ выгоняются отцемъ, на худой конецъ съ выдѣломъ ничтожныхъ клочковъ пашни и луга, а въ большинствѣ случаевъ безъ всякихъ выдѣловъ.

Однако при такихъ насильственныхъ раздѣленіяхъ семействъ движимое и недвижимое имущество страдаетъ отъ дробленія гораздо меньше, чѣмъ при раздѣлахъ между братьями и при выдѣлѣ имущества и земельныхъ угодій замужнимъ женщинамъ по праву *тереке* (отцовское наслѣдство); въ этихъ случаяхъ земли и другое имущество дробятся до безконечности. Здѣсь причины раздѣловъ, кромѣ неуживчивости женской половины, кроются въ неодинаковости семей братьевъ: живутъ совмѣстно три-четыре брата, у одного дѣтей много, у другого мало или совсѣмъ нѣтъ, поэтому расходы на содержаніе семей и пользованіе продуктами общаго труда бываетъ неравномѣрное, а между тѣмъ каждый изъ братьевъ имѣетъ совершенно одинаковую долю въ общемъ имѣніи; отсюда неудовольствія малосемейныхъ противъ многосемейныхъ и въ конечномъ результатѣ раздѣлы.

Выдѣлы или раздѣлы имущества по *тереке* составляютъ тоже больное мѣсто сельскаго хозяйства горца. Замужнія женщины имѣютъ право на часть отцовскаго наслѣдства. По адату дѣти женскаго пола ничего не наслѣдуютъ, но съ введеніемъ въ мусульманскомъ мірѣ Сѣвернаго Кавказа шаріата женщины стали получать извѣстную часть наслѣдства. Вполнѣ сознавая разорительность такихъ выдѣловъ по шаріату, горцы стали прибѣгать къ компромиссу, т. е. къ медіаторскимъ рѣшеніямъ. Медіаторы принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы какъ можно менѣе выдѣлить женщинамъ, а когда имущество разнообразно и заключается въ движимости и недвижимости, то стараются выдѣлять какое нибудь однородное сравнительно въ большемъ количествѣ, не дробя другое; такъ, напримѣръ, если въ наличности имѣются рогатый скотъ, овцы, пахотныя, покосныя и другія земли, то, смотря по обстоятельствамъ, вы-

дѣляютъ скотомъ и овцами, а земли не дробятъ, или поступаютъ обратно. Такимъ образомъ, горцы въ дѣлѣ *тереке*, отдавая въ нѣкоторой степени дань и адату, и шаріату, усвоили практическіе пріемы, дѣлающіе послѣдствія дѣлежа сравнительно не такъ разорительными.

Въ куплѣ—продажѣ земель (по горски *сату*), какъ и въ другихъ сдѣлкахъ, горцы выработали особые обычаи.

Въ покупкахъ земли родственники имѣютъ преимущество предъ всѣми другими покупщиками; затѣмъ идутъ сосѣди и только по отказу тѣхъ и другихъ право на покупку дается всѣмъ желающимъ. Повидимому шаріатъ придаетъ важное значеніе родственникамъ въ дѣлѣ купли-продажи земель; такъ, если горецъ совершаетъ намазъ (моленіе) и услышитъ о продажѣ, шаріатъ разрѣшаетъ ему прервать молитву, чтобы заявить о своемъ родственномъ преимуществѣ. Изъ этого видно, что землевладѣлецъ не обязывается при продажѣ своихъ земель предупреждать родственниковъ или сосѣдей; послѣдніе сами должны слѣдить за подобными сдѣлками, что, конечно, на практикѣ весьма затруднительно, отчего по этимъ сдѣлкамъ часто возбуждаются судебные процессы. На обычномъ судѣ, если родственники докажутъ свое незнаніе о совершенныхъ продажахъ, судъ даетъ имъ право выкупать земли.

Что же касается сосѣдей—землевладѣльцевъ, то нѣкоторые продавцы легко обходятъ ихъ: они заявляютъ, что изъ проданнаго или продаваемаго участка узкая полоса, примыкающая къ участку сосѣда, претендующаго на покупку, подарена кому либо, а потому продаваемый участокъ не лежитъ въ сосѣдствѣ съ землею претендента. Правда, такая комбинація не имѣетъ еще большого примѣненія въ горской жизни; она покуда практикуется лицами бывалыми и хорошо знающими обходъ законовъ.

Обычное право *ортикъ* (по-русски—*изъ половины*) существуетъ въ горахъ при наймѣ работниковъ—пастуховъ, при арендѣ скота, овецъ и культурныхъ земельныхъ участковъ Хозяинъ скота или овецъ, нанимая работника, преимущественно пастуха, заключаетъ съ нимъ такое условіе: онъ, хозяинъ, выдѣляетъ изъ своего стада около ста овецъ старыхъ и молодыхъ (въ томъ числѣ и козы). Это маленькое стадо тотчасъ мѣтится особымъ знакомъ. По истеченіи пяти лѣтъ весь приплодъ, а равно намѣченные бараны дѣлятся пополамъ;

одна половина идетъ въ собственность работника и служитъ платою за трудъ, а другая половина идетъ владѣльцу. Въ теченіе условленнаго времени, если хозяинъ беретъ изъ намѣченнаго стада барана на продажу или на зарѣзъ, то такое же право имѣетъ и работникъ. Шерсть обыкновенно беретъ хозяинъ, но иногда она дѣлится тоже пополамъ. Для покупки соли скоту работникъ часто выговариваетъ себѣ ежегодно сверхъ намѣченнаго стада по одному барану. Въ этотъ основной договоръ входитъ много другихъ побочныхъ условій: о павшихъ овцахъ, овчинахъ, мясѣ, зарѣзанныхъ овцахъ, соли, шерсти, молокѣ и сырѣ, о проступкахъ работника, о нарушеніяхъ условій хозяиномъ или работникомъ и т. п. Работникъ взамѣнъ получаемыхъ правъ обязывается неукоснительно исполнять всѣ порученія хозяина и главнымъ образомъ блюсти и пасти все его стадо. Когда въ ортакъ идетъ рогатый скотъ, то онъ намѣчается въ гораздо меньшемъ количествѣ при такихъ же основныхъ условіяхъ.

Второй видъ ортака заключается въ томъ, что одинъ отдаетъ другому на пять лѣтъ на полномъ иждивеніи послѣдняго извѣстное количество рогатаго скота или овецъ. По истеченіи условленнаго срока хозяинъ получаетъ обратно то, что отдалъ въ аренду, а приплодъ, смотря по количеству, или дѣлится пополамъ, или весь оставляется въ пользу арендатора. Если въ ортакъ идутъ однѣ овцы, то ежегодно шерсть дѣлится пополамъ; кромѣ того хозиину дается каждую весну по молодому барашку, а осенью по барану.

Третій видъ ортака касается культурныхъ участковъ земли: владѣлецъ отдаетъ свой пахотный участокъ въ аренду на условіяхъ, что арендаторъ обязывается его распахать, засѣять собственными сѣменами, оросить, убрать и смолотить хлѣбъ и за все это онъ получаетъ половину урожая. Когда же участокъ луговой, то всѣ работы по участку также лежатъ на арендаторѣ, но сѣномъ онъ пользуется въ $^1/_3$ части.

Всѣ три вида ортака вызваны къ жизни, во первыхъ, малоземельемъ, во-вторыхъ, недостаткомъ рабочихъ рукъ и, въ третьихъ, отсутствіемъ денежныхъ знаковъ, въ особенности въ прежнее время. Хорошее хозяйство, заключающее въ себѣ скотъ, овецъ, пахотныя и покосныя земли, требуетъ въ лѣтнее время немало рабочихъ рукъ; у кого такихъ рукъ мало, тотъ вынужденъ часть своего скота отдавать въ ортакъ; кто

имѣетъ скотъ и овецъ, но не имѣетъ достаточно пастбищъ и покосовъ, тоже волей неволей долженъ отдавать свой скотъ въ ортакъ. Наконецъ плата за услуги скотомъ самая естественная расплата въ пастушеской жизни.

Упомяну еще о почти отживающемъ обычаѣ, который имѣлъ мѣсто во всѣхъ племенахъ Сѣвернаго Кавказа съ аристократическимъ складомъ жизни; заключается онъ въ томъ, что высшее сословіе сейчасъ же по рожденіи дѣтей отдавало ихъ на вскормленіе, а потомъ на воспитаніе въ семьи низшихъ классовъ. Воспитаніе въ чужомъ домѣ продолжается до 15-лѣтняго возраста; воспитатели называются *аталыками*, а дѣти его по отношенію воспитанника *емчеками*, т. е. молочными братьями и сестрами. Емчеки почитаются самыми близкими родственниками и стоятъ выше кровнаго родства.

За такія важныя семейныя услуги родители воспитанниковъ одариваютъ *аталыковъ*, а воспитанники—своихъ молочныхъ братьевъ; дары эти въ большинствѣ случаевъ заключались въ участкахъ земли, которые давались въ полное потомственное пользованіе, либо въ пожизненное. Въ горахъ этотъ обычай дѣйствовалъ преимущественно въ Балкарскомъ обществѣ, а съ уничтоженіемъ крѣпостного права онъ сталъ всюду исчезать. Держаніе земель на емчекскомъ правѣ я встрѣтилъ въ Чегемѣ (два случая) и въ Балкаріи (10 случаевъ). За пользованіе землею на этомъ правѣ емчеки и ихъ наслѣдники обязаны оказывать нѣкоторыя услуги собственникамъ земли и питать къ нимъ особое почтеніе. Какъ только обнаружится какое либо нарушеніе изъ этихъ обычныхъ условій, собственникъ имѣетъ право отобрать земли. Такъ какъ условія держанія земель на емчекскомъ правѣ строго не регламентированы, то отсюда возникаютъ разныя недоразумѣнія между сторонами. Захотѣлось почему-то землевладѣльцу отобрать землю и вотъ онъ ищетъ предлога и находитъ его въ пустякахъ: не поклонился кто либо съ емчекской стороны, отказалъ по недосугу косить или жать на поляхъ владѣльца и т. д.

И такіе ничтожные поводы влекутъ за собою расторженіе емчекскихъ отношеній, что часто ведетъ къ судебнымъ тяжбамъ.

Н. П. Тульчинскій.



Генералъ-маіоръ Н. П. Слѣпцовъ.

Генералъ-маіоръ Н. П. Слѣпцовъ. *)

I.

Въ 1803 году инспекторъ Кавказской линіи главнокомандующій въ Грузіи, генералъ-лейтенантъ князь Циціановъ, составилъ проектъ о занятіи военными поселеніями линіи отъ Екатеринодара до Владикавказа и тогда же предполагалось занять линію по р. Сунжѣ и обезпечить Сунженское предгорное пространство. Генералъ Родзевичъ составилъ по этому вопросу проектную карту. Въ 1806 году князь Циціановъ былъ убитъ, и вопросъ этотъ заглохъ. Однако, въ то время Сунженская линія уже сама собой являлась стратегическимъ пунктомъ, обезпечивая крѣпость Владикавказъ, которая въ 1784 году была воздвигнута для сообщенія съ Грузіей.

Мысль кн. Циціанова пытался осуществить въ 1810 году генералъ Булгаковъ, но осуществиться ей не было суждено. Лишь только черезъ 5—8 лѣтъ Сунженская линія получила опредѣленныя границы. Въ 1815 году заложено было укр. Преградный Станъ, близъ нынѣшней Михайловской станицы, а 10-го іюля 1818 года генералъ Ермоловъ устроилъ кр. Грозную. Точныхъ намѣреній ген. Ермолова никто не зналъ, но очевидно было, что кр. Грозная должна была служить съ Владикавказомъ одной общей оборонительной линіей въ Малой Чечнѣ. Въ 1842 году, въ бытность военнаго министра князя Чернышева на Кавказѣ, велѣно Кавказскому линейному казачьему войску распространить военныя поселенія по р. Сунжѣ. Такимъ образомъ князю Чернышеву принадлежитъ окончательная мысль образованія Сунженской линіи.

Въ 1845 году введено положеніе о Кавказскомъ линейномъ войскѣ. Въ этомъ же году впервые явился Н. П. Слѣпцовъ съ офицерами и урядниками Моздокскаго полка въ укр.

---

*) Заимствовано изъ книги А. П. Фролова, изданной въ 1901 году ко дню пятидесятилѣтія кончины Слѣпцова.

Волынское (нынѣ Троицкая станица). Съ нимъ прибыли и нижніе чины Кубанскаго и Ставропольскаго полковъ Кавказскаго линейнаго войска и часть Донскихъ казаковъ. Изъ нихъ и началъ формироваться Сунженскій линейный полкъ, занявшій линію по р. Сунжѣ. Съ каждымъ годомъ, начиная отъ Волынскаго укрѣпленія, выдвигались одна за другой казачьи станицы вплоть до кр. Грозной. Это продолжалось болѣе 15 лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока не было обозначено пространство отъ Каспійскаго до Чернаго морей; одновременно съ заселеніемъ Сунженской линіи станицами шло таковое и по р.р. Кубани и Лабѣ. Съ наименованіемъ «станицы» соединялось представленіе объ укрѣпленномъ пунктѣ, замѣнявшемъ крѣпость. Такимъ образомъ у входовъ и выходовъ изъ горъ Кавказскаго хребта стали твердымъ оплотомъ Кубанскіе и Терскіе казаки и доказали всему міру свою колонизаторскую устойчивость...

Земли, расположенныя по Сунженскому бассейну, находились въ рукахъ Малой Чечни, считались одними изъ плодороднѣйшихъ и во времена 40-хъ годовъ были, за малымъ исключеніемъ, въ первобытномъ состояніи. Огромныя пространства, прилегавшія къ отрогамъ Главнаго хребта, были покрыты непроходимымъ лѣсомъ, въ которомъ укрывалось большинство ауловъ. Необходимо было прорубать просѣки для свободнаго дѣйствія отрядовъ. Земли, лежавшія по лѣвую сторону Сунжи, представляли изъ себя открытыя пространства, но Кабардинскія и Сунженскія горы мѣшали свободному дѣйствію казаковъ: опасно было удаляться за горы. Вотъ почему казачьему населенію оставался небольшой участокъ земли для хлѣбопашества и сѣнокоса: да и то, что было подъ руками, бралось съ бою.

Шамиль отлично понималъ гибельныя для себя послѣдствія успѣховъ русскаго оружія въ Малой Чечнѣ и всѣми силами старался имъ противодѣйствовать. По всѣмъ ауламъ былъ объявленъ «газаватъ», муллы разжигали и безъ того озлобленное народонаселеніе. Въ огромнѣйшемъ аулѣ Урусъ-Мартанѣ депутаты отъ народа присягнули имаму на вѣрность. Шамиль поклялся бородой своей и именемъ Магомета, что пока онъ живъ, всѣ его стремленія будутъ направлены къ изгнанію «гяуровъ».

Отсюда можно заключить, какую твердыню представляла

Сунженская линія въ началѣ 40-хъ годовъ, когда сюда прибылъ Н. П. Слѣпцовъ. Здѣсь онъ нашелъ для себя обширное поле дѣйствій; тутъ ему было на чемъ примѣнить всю свою оригинальную тактику, благодаря которой казакъ подъ его начальствомъ не зналъ неудачи.

II.

Николай Павловичъ Слѣпцовъ принадлежалъ къ старинному дворянскому роду. Извѣстно, что его предки до половины XV столѣтія служили въ военной службѣ. Отецъ его былъ небогатымъ помѣщикомъ, имѣлъ въ Саратовской губерніи, въ Актарскомъ уѣздѣ, въ селѣ Кологривовкѣ, родовое имѣніе, въ которомъ 6 декабря 1815 года и родился будущій герой Сунженскаго полка. Семья Слѣпцовыхъ была многочисленна и старикъ считалъ себя обремененнымъ ею, такъ какъ большихъ средствъ у него не было, а имѣніе не давало особеннаго дохода. Однако отецъ по мѣрѣ возможности предоставлялъ дѣтямъ своимъ хорошее воспитаніе.

Николай Павловичъ оставался подъ родительскимъ кровомъ до 10-ти лѣтняго возраста. Этотъ періодъ времени имѣлъ большое значеніе въ послѣдующей жизни ребенка, такъ какъ впечатлительный отроческій возрастъ воспринялъ всѣ начала нравственной и религіозной семьи, какой были Слѣпцовы. Старикъ отецъ былъ человѣкъ строгихъ правилъ, положительнаго ума и замѣчательной честности. Мать Николая Павловича была чрезвычайно религіозной женщиной, обожавшей своихъ дѣтей и имѣвшей рѣшающее вліяніе какъ на своего мужа, такъ и на всю семью. Попеченіемъ такихъ прекрасныхъ родителей мальчикъ былъ подготовленъ для поступленія въ училище.

Надо замѣтить, что старикъ—отецъ не имѣлъ намѣренія отдавать сына въ военную службу, а готовилъ ему гражданскую дѣятельность, твердо вѣря въ способности мальчика и сознавая малое обезпеченіе, которое въ тѣ времена давала въ будущемъ военная карьера. Руководствуясь такими мотивами, старикъ отдалъ сына въ 1825 году въ ярославскій Благородный пансіонъ при Демидовскомъ высшихъ наукъ училищѣ (нынѣшнемъ лицеѣ). Въ этомъ пансіонѣ мальчикъ пробылъ три года и тогда уже въ немъ проявились задатки, намекав-

шіе на то, что судьба его будетъ незаурядная. Ребенокъ имѣлъ пріятное, умное личико, черные блестящіе глаза и живой, подвижной характеръ. Эти глаза сверкали огнемъ, когда онъ сердился. Природа надѣлила его прекраснымъ дарованіемъ—шелъ онъ по наукамъ первымъ. Въ пансіонѣ уже замѣтно стала проявляться у Слѣпцова находчивость,—качество, благодаря которому онъ впослѣдствіи много выигрывалъ. Физически ребенокъ былъ слабъ и первымъ никогда ссоры съ товарищами не начиналъ; однако самый большой и сильный изъ пансіонеровъ не рѣшался его обидѣть, такъ какъ въ первую удобную минуту Слѣпцовъ подкрадется къ обидчику и, покуда тотъ опомнится, онъ отдѣлаетъ его по свойски и увернется, какъ ртуть. Замкнутая жизнь закрытаго заведенія, недостатокъ физической силы, служившій постояннымъ поводомъ къ столкновеніямъ съ товарищами, послужили причиной развитія у ребенка необычайной вспыльчивости, которою Н. П. отличался всегда и много имѣлъ изъ-за этого недостатка непріятностей, уже служа на Кавказѣ. Однако, какъ и всѣ вспыльчивыя натуры, Слѣпцовъ не былъ злопамятенъ, и эта особенность выдѣляла его среди сослуживцевъ.

4 іюля 1828 года Слѣпцовъ прибылъ въ С.-Петербургъ и безъ труда поступилъ въ Горный Институтъ, въ которомъ и пробылъ до 26 мая 1834 года. За 6 лѣтъ пребыванія въ немъ Н. П. проявилъ особенныя способности и былъ выдающимся ученикомъ. Замѣчательно то обстоятельство, что въ этомъ учебномъ заведеніи, гдѣ, казалось бы, все направлено было къ развитію стремленій на гражданское поприще, у 17-лѣтняго юноши наоборотъ явилось непреодолимое желаніе поступить въ военную службу, что окончательно не согласовалось съ намѣреніями старика—отца.

Слѣпцовъ задумалъ поступить въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ (нынѣ Николаевское кавалерійское училище). Старикъ—отецъ не хотѣлъ. Ни просьбы, ни слезы юноши не склоняли его суровой воли. Сынъ рѣшилъ просить содѣйствія своей матери, нѣжно его любившей. Юноша зналъ хорошо ея вліяніе на отца, но для болѣе удачнаго результата обратился и къ содѣйствію остальныхъ родственниковъ. Наконецъ, давно желаемое согласіе отца было получено. Въ благодарность за это сынъ пишетъ отцу письмо предъ экзаменомъ 13 іюня 1834 г, Вотъ его содержаніе:

«Я началъ письмо мое вступленіемъ о затрудненіяхъ предстоящаго экзамена не для того, чтобъ возвысить въ глазахъ вашихъ цѣну заботъ моихъ, но отъ искренности и чистоты души, и потому еще, что это письмо важно въ теперешнемъ моемъ положеніи. Не думайте также, любезнѣйшій батюшка, чтобъ я раскаявался въ своемъ желаніи и предпріятіи. Боже меня сохрани отъ такой мысли! Я никогда не допущу этого. Чѣмъ затруднительнѣе опредѣленная собственнымъ моимъ побужденіемъ цѣль, тѣмъ радостнѣе будетъ для меня достиженіе ея. Теперь же я смѣю только надѣяться, позволю даже себѣ быть увѣреннымъ не отчаяваться никогда. Постыдно и безбожно было бы мнѣ не чувствовать родительскихъ заботъ вашихъ; я понимаю ихъ и цѣню, какъ велитъ долгъ мой. Благословляю Творца, что Онъ, по благости Своей, не судилъ еще до сихъ поръ заслужить отъ васъ упрека въ въ моемъ стараніи. Будучи 18 лѣтъ, я, сколь чувствую и сознаю себя, надѣюсь, что не допущу васъ въ немъ усумниться, и если позволите сказать прямо, откровенно думаю, что заботы ваши пали не на совсѣмъ безплодную почву, но рано или поздно должны принести плоды (по силамъ моимъ) болѣе или менѣе для васъ утѣшительные. Чувства мои не должны быть для васъ закрыты: по законамъ Бога и природы, я долженъ держаться предъ вами только одного: что на душѣ, то и на языкѣ. Я былъ бы слишкомъ безчувственъ, слишкомъ неблагодаренъ, еслибъ когда-либо осмѣлился не быть увѣреннымъ составить ваше утѣшеніе. Молю только Бога, да продлитъ онъ дни ваши на радость и счастье. Батюшка, я очарованъ истиннымъ назначеніемъ военнаго званія, я ставлю его выше всѣхъ другихъ понятій. Всѣ мои желанія, всѣ усилія стремятся къ тому, чтобы вступить на это высокое, славное поприще и быть его достойнымъ. Я упросилъ, умолилъ васъ, такъ сказать, вырвалъ у васъ согласіе, и теперь у меня нѣтъ и не должно быть другой мысли, ни другихъ заботъ, кромѣ тѣхъ, чтобъ заботиться о вашихъ радостяхъ и оправдать доброе участіе родныхъ. Вы рѣшились —и для меня нѣтъ препятствій. Предо мною обширное поле блаженства. Теперь я забываю превратность судьбы: мнѣ кажется, что я счастливъ навсегда—навѣки, по крайней мѣрѣ, въ эти минуты—совершенно»!....

Съ выходомъ изъ Горнаго Института, 18-лѣтній юноша Слѣпцовъ вступаетъ въ ряды русскихъ воиновъ, полный силъ и энергіи, увѣренный въ возможности осуществить свое призваніе достойнымъ образомъ и во всеоружіи чудныхъ задатковъ русскаго солдата, задатковъ, благодаря которымъ нашъ солдатъ творитъ чудеса на удивленіе всему міру.

16 сентября 1834 года Н. П. Слѣпцовъ былъ зачисленъ унтеръ-офицеромъ въ л.-гв. Литовскій полкъ и принятъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, въ коей послѣ двухгодичнаго пребыванія отлично окончилъ курсъ. Въ школѣ онъ былъ особенно отличенъ внимательнымъ начальникомъ ея, генераломъ Шлиппенбахомъ, который лично сказалъ его родному брату: «Братъ вашъ имѣетъ истинный характеръ военнаго человѣка и подаетъ прекрасныя надежды».

Товарищи юнкера любили Слѣпцова безъ памяти и, уважая, берегли его, опасаясь какими либо шалостями подвести подъ отвѣтственность. Какъ знакъ особаго отличія, Слѣпцовъ въ школѣ получилъ фельдфебеля.

На этомъ оканчивается его военное образованіе.

III.

Первый офицерскій чинъ прапорщика Н. П. Слѣпцовъ получилъ, имѣя отъ роду 20 лѣтъ. 1-го января 1837 года объ этомъ состоялся Высочайшій приказъ и дано было старшинство съ 4 сентября 1836 года. Служба въ л.-гв. Литовскомъ полку шла блистательно. 20 января 1838 года онъ произведенъ въ поручики, а въ 1839 году, 29 января, «за отлично-усердную и ревностную службу» Всемилостивѣйше награжденъ единовременно 500 руб. асс.

Однако мирная военная служба въ гвардіи была не по душѣ пылкому и жаждавшему сильныхъ ощущеній Слѣпцову. Въ это время на далекой южной окраинѣ Россіи шла ожесточенная борьба—покорялся Кавказъ. Съ каждымъ днемъ въ Петербургъ приходили извѣстія, поражавшія общество успѣхами русскаго солдата. Служба въ рядахъ Кавказской арміи считалась завидной, создавала извѣстную боевую школу, въ которую стремился каждый офицеръ, желавшій получить боевой опытъ и хорошую военную карьеру.

Слѣпцовъ рвется на Кавказъ, употребляетъ всевозможныя усилія стать въ ряды Кавказской арміи и 16-го іюня 1840 г. переводится въ Нижегородскій драгунскій полкъ съ переименованіемъ въ штабсъ-капитаны и съ зачисленіемъ въ кавалерію. 10 сентября 1840 г. Слѣпцовъ прибылъ на Кавказъ, а 20 декабря того же года утвержденъ въ должности адъютанта къ начальнику штаба войскъ, расположенныхъ на

Кавказской линіи и въ Черноморіи, генералъ-маіору Траскину. Первое огненное крещеніе Слѣпцовъ получилъ въ октябрѣ и ноябрѣ 1840 г., когда онъ находился въ экспедиціи, предпринятой генералъ-адъютантомъ Граббе въ Чечню, въ ту страну, гдѣ впослѣдствіи онъ основалъ Сунженскій линейный полкъ и постоянно водилъ его къ побѣдамъ. Во время этой экспедиціи было истреблено очень много ауловъ и за отличіе, оказанное въ этихъ дѣлахъ, Слѣпцовъ Всемилостивѣйше награжденъ 30 іюня 1841 года первымъ орденомъ— Св. Станислава 3-й степени. Весь 1841 годъ былъ для Слѣпцова полонъ военныхъ операцій.

Въ 1842 году Слѣпцовъ участвовалъ въ движеніяхъ генерала Засса за Кубань. 16-го мая онъ былъ произведенъ въ капитаны, а 25 іюля 1843 года назначенъ на должность адъютанта къ начальнику штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса. Въ этомъ же году, 2 октября, Слѣпцовъ получилъ назначеніе состоять при штабѣ отряда генералъ-лейтенанта Гурко, дѣйствовавшаго въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Здѣсь ему представился первый случай совершить замѣчательный подвигъ, завоевать первый листокъ въ свой лавровый вѣнокъ.

Когда 16-го декабря генералъ Клюки-фонъ-Клугенау пошелъ на выручку подполковника Пассека, бывшаго въ осадѣ около мѣсяца въ ук. Зыраны, Слѣпцовъ вызвался быть охотникомъ. Генералъ Клугенау поручилъ ему въ командованіе 1-й батальонъ Апшеронскаго полка. Движеніе отличалось быстротой: сорока-верстное разстояніе было пройдено лишь съ получасовой передышкой у Бурундукъ—Кольской башни. Непріятель всюду бѣжалъ, и русскія знамена развѣвались на высотахъ, находящихся въ 2-хъ верстахъ передъ укрѣпленіемъ. Войска Клугенау, едва переводя духъ, стремились на выручку братьевъ; громкое «ура» было дружескимъ привѣтомъ обоихъ отрядовъ; изъ укрѣпленія раздался залпъ изъ ружей, загрохотала пальба, ворота растворились, подъемный мостъ упалъ и радостныя слезы избавителей и избавленныхъ смѣшались при объятіяхъ. Николай Павловичъ плакалъ какъ ребенокъ отъ избытка чувствъ, переполнявшихъ его душу отъ сознанія совершеннаго имъ высокаго долга.

На слѣдующій день началось выступленіе изъ укр. Зыранъ противъ непріятеля, занявшаго между тѣмъ дорогу къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Лишь только оба отряда вошли въ Игра-

нойское ущелье, какъ съ обѣихъ сторонъ на нихъ посыпались пули и камни. Необходимо было очистить дефиле, во избѣжаніе большихъ потерь съ нашей стороны. Лѣвую высоту ущелья взялся очистить подполковникъ Пассекъ, правую— Слѣпцовъ. Огромная крутизна представляла почти непреодолимое препятствіе. Убитые и раненые валились внизъ, увлекая за собой остальныхъ, не имѣвшихъ силъ удержаться. Горцы засѣли за гребнемъ горы и обдавали градомъ пуль храбрецовъ. Н. П. Слѣпцовъ находился впереди всѣхъ, хранимый какимъ-то рокомъ. Съ обнаженною въ рукахъ шашкой мелька..а его стройная фигура на высотѣ; онъ кричалъ: «Не стрѣляй, не стрѣляй, береги зарядъ, не торопись, переведи духъ... ура!!» Горцы не выдержали стремительнаго натиска: они бѣжали, оставивъ массу тѣлъ.

За это дѣло Слѣпцовъ 20 сентября 1844 года получилъ чинъ майора со старшинствомъ съ 15 декабря 1843 года, съ назначеніемъ состоять по кавалеріи и при Кавказскомъ линейномъ казачьемъ войскѣ.

Въ 1844 году онъ находился сперва въ экспедиціи, предпринятой подъ личнымъ начальствомъ командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса генералъ-адъют. Нейдгардта; участвовалъ 15 августа въ рукопашномъ бою съ чеченцами, который выдержалъ авангардъ и боковыя прикрытія отряда, производившаго фуражировку подъ начальствомъ генер.-майора Викторова по направленію къ Заканъ-Юрту; потомъ находился въ экспедиціи подъ начальствомъ генералъ-лейт. Гурко для заложенія передовой Чеченской линіи.

13 іюля 1844 года Слѣпцовъ Всемилостивѣйше награжденъ «за отлично-усердную и ревностную службу» орденомъ Св. Анны 3-й степ., а за отличія, оказанныя въ дѣлахъ съ горцами, орденомъ Св. Владимира 4-й степ. съ бантомъ (12 августа).

Изъ вышеприведеннаго очерка мы видимъ, что Н. П. Слѣпцовъ, со времени производства въ 1-й офицерскій чинъ, въ теченіе 7 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ достигъ до чина штабъ-офицера и получилъ 19 января 1845 года въ командованіе 1-й Сунженскій линейный казачій полкъ. Производство въ каждый послѣдующій чинъ совершалось не по вакансіи, а за военныя отличія. Такое успѣшное прохожденіе военной службы необходимо приписать замѣчательнымъ способностямъ

Слѣпцова, его беззавѣтной храбрости и отвагѣ, не имѣвшихъ и впослѣдствіи преградъ. Его призваніе къ военной службѣ, такъ ярко выразившееся въ юношескомъ возрастѣ, вполнѣ оправдалось теперь. Подъ чьимъ бы начальствомъ ни служилъ Слѣпцовъ, каждый его выдѣлялъ какъ отличнаго офицера, не стѣсняясь возлагать на него самыя щекотливыя и опасныя порученія.

Но дѣятельность оберъ-офицера не могла идти далѣе опредѣленныхъ рамокъ: необходимо было слѣпо исполнять предначертанія и волю старшаго. Съ полученіемъ отдѣльной части Слѣпцову представилась уже возможность дѣйствовать самостоятельно и показать весь свой талантъ военачальника и администратора. Принимая въ командованіе полкъ, онъ явился во всеоружіи боевого опыта, пріобрѣтеннаго въ такой суровой школѣ, какъ Кавказская армія тѣхъ временъ. Слѣпцовъ въ совершенствѣ зналъ характеръ горцевъ, ихъ способъ веденія войны, хорошо узналъ кавказскаго солдата и казака, цѣнилъ ихъ способности, заботился о ихъ благосостояніи и тѣмъ самымъ создалъ себѣ славу любимаго «отца-командира», «батюшки-кормильца». Съ 1845 года имя Слѣпцова входитъ въ боевыя пѣсни пѣхотныхъ и казачьихъ полковъ, становится нарицательнымъ и облетаетъ всю необъятную матушку Россію.

IV.

Высочайшимъ приказомъ отъ 19 января 1845 года майоръ Слѣпцовъ назначается командиромъ вновь формируемаго 1-го линейнаго Сунженскаго казачьяго полка съ оставленіемъ по кавалеріи. Съ этого же времени начинается фактическое существованіе знаменитой Сунженской линіи и полка.

При вступленіи въ командованіе полкомъ, Слѣпцовъ издалъ приказъ. Содержаніе его въ высшей степени характерно:

«Высочайшимъ приказомъ въ 19-й день января 1845 года назначенъ я командиромъ 1-го Сунженскаго линейнаго казачьяго полка. Обязанность моя заботиться о благосостояніи вашемъ, и я приступаю къ трудному долгу своему съ удовольствіемъ. Желаніе Государя и правительства, чтобы вы на новой линіи были твердымъ оплотомъ для защиты дарованныхъ вамъ земель, вашего имущества и семействъ противъ хищниковъ. Милостью Царя вамъ даны вспомоществованія и преимущества. Чувствуйте благодѣянія Монарха и попеченіе начальниковъ».

«Вѣра въ Бога и повиновеніе властямъ земнымъ есть первый залогъ отваги и силы. Понимайте долгъ христіанскій, исполняйте его по присягѣ и вы превзойдете старыхъ одностаничниковъ вашихъ, оправдаете надежду Царя и начальниковъ».

«Молодечествомъ казакъ щеголяетъ, удальство въ крови его, оружіе и конь срослись съ нимъ. Новобранцы! Берите примѣръ съ опытныхъ, и будемъ единодушно отстаивать собственность вашу твердо и мужественно. Не обманывайте себя заранѣе ложною силою непріятеля; вы будете имѣть борьбу съ народомъ, на которомъ лежитъ клеймо Божьяго гнѣва и презрѣнія, съ бродягами, попирающими земные дары, промѣнявшими честный трудъ на грабежи и мошенничества. Они сильны тогда только, когда нападаютъ на слабаго, а вы всегда сильны вѣрой, славой имени русскаго и славой казацкою съ давнихъ временъ».

«Будьте же достойны званія казака по долгу христіанскому, вѣрности присягѣ, доблести, мужеству, удальству, повиновенію старшимъ, ловкости и расторопности. Тогда будете имѣть успѣхъ въ хозяйствѣ, и дни ваши процвѣтутъ изобиліемъ и богатствомъ. Земля ваша имѣетъ всѣ способы къ тому, и вы сами ее уже оцѣнили».

«Нѣтъ врага кресту нашему: мы водрузимъ знаменіе Спасителя вездѣ, гдѣ укажетъ намъ Богъ перстомъ Царя. Долгъ нашъ — оружіемъ утвердиться здѣсь, на новыхъ мѣстахъ поселеній, и мы обязаны исполнить этотъ священный долгъ съ горячимъ усердіемъ, славно, честно и неутомимо».

«Кто не признаетъ истины въ словахъ моихъ, тотъ врагъ закону Божію, врагъ порядку и собственной пользѣ, тому судъ небесный, а на землѣ нѣтъ мѣры наказанія».

«Считаю обязанностью по званію моему и считаю долгомъ пріятнымъ жертвовать собою для пользы вашей; вы это узнаете послѣ. Отъ васъ же требую я усерднаго исполненія по закону и словамъ моимъ. Мой долгъ также соблюдать и ограждать права ваши; всякій обиженный и неудовлетворенный кѣмъ бы то ни было и въ чемъ бы то ни было можетъ придти ко мнѣ во всякое время съ жалобой, лишь бы она была законна и справедлива. Объявляю вамъ также, что я буду каждый мѣсяцъ постоянно опрашивать претензіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ предваряю, что изслѣдованія мои по жалобамъ будутъ самыя строгія и съ виновныхъ будетъ взыскиваться по законамъ примѣрно. Всѣ бумаги, при которыхъ будутъ получаться для васъ деньги отъ правительства или другія вспомоществованія, поставляю правиломъ обнародовать отъ слова до слова на сходкахъ, какъ я это уже дѣлалъ доселѣ».

«Высочайше одобренныя правила уже были не разъ обнародованы

мною вамъ къ всеобщему свѣдѣнію. Отъ васъ зависитъ, чтобы довольствіе сопровождало дни ваши; исполняющій долгъ свой будетъ веселиться; веселье честной души радуетъ сердце начальника, а жить будемъ весело тогда, когда вы уразумѣете свое дѣло по долгу присяги и словамъ моимъ. Въ томъ я вамъ порукою».

Слова настоящаго приказа говорятъ сами за себя. Вѣрный до конца своей идеѣ, Слѣпцовъ ни разу не измѣнилъ своему обѣту, выраженному 3 августа 1845 года въ этомъ приказѣ, выполнилъ его въ точности и запечатлѣлъ своею смертью.

Полный силъ, энергіи, свѣтлыхъ надеждъ на будущее, Слѣпцовъ взялся за дѣло заселенія вновь созидаемой Сунженской линіи и за формированіе полкового округа. Ему приходилось вести борьбу съ такимъ талантливымъ человѣкомъ, какъ Шамиль, который имѣлъ въ своихъ рукахъ и по всѣмъ ауламъ преданныхъ и способныхъ наибовъ, поддерживавшихъ въ населеніи постоянное броженіе. Поэтому у Слѣпцова не было мирнаго времени; до послѣдняго дня своей жизни этотъ человѣкъ провелъ на конѣ съ обнаженнымъ мечемъ. Заселяя край, насаждая станицы, онъ долженъ былъ ежедневно и всюду бывать самъ, ибо только тамъ, гдѣ было его присутствіе, былъ и успѣхъ,—касалось ли это военныхъ дѣйствій, или мирнаго труда, частной, семейной жизни казака. Неутомимость Слѣпцова была поистинѣ изумительной.

Въ распоряженіи Слѣпцова въ 1845 году были офицеры и урядники Моздокскаго полка, Кавказскаго линейнаго войска, которые и послужили основнымъ элементомъ при формированіи Сунженскаго полка; въ составъ же нижнихъ чиновъ вошли: часть казаковъ Кубанскаго и Ставропольскаго полковъ того-же войска и часть казаковъ Донскихъ. Первою была основана ст. Троицкая, на мѣстѣ бывшаго укр. Волынскаго. Постройка станицъ происходила по указаніямъ главнокомандующаго, свѣтлѣйшаго князя Воронцова, по предначертаніямъ котораго заселялся край. Прибывшія семьи казаковъ въ извѣстномъ количествѣ располагались на указанныхъ мѣстахъ въ балаганахъ, крытыхъ соломой, или въ землянкахъ. Распланированіемъ станицъ завѣдывалъ саперный офицеръ Свиридовъ, управлялъ же поселеніемъ людей полковникъ Брунеръ, который первоначально опредѣлилъ на станицы Троицкую и

Сунженскую по 350-ти дворовъ *). Сообразно съ этой цифрой долженъ былъ отойти и участокъ удобной земли, но ея въ то время имѣлось подъ руками очень мало. Казаки взволновались и обратились съ жалобой къ Слѣпцову. Николай Павловичъ прибѣжалъ къ полковнику Брунеру и по своей вспыльчивой натурѣ накричалъ на него. Результатомъ этого столкновенія вышло постановленіе населять станицу по 250 дворовъ. Благодаря этому каждый дворъ получилъ первоначально на свою долю 10 саж. въ ширину и 15 саж. въ длину. Станица расположилась на лѣвомъ берегу р. Сунжи, въ 18 верстахъ отъ укр. Назрановскаго, считавшагося тогда достаточно сильнымъ; его гарнизонъ составляли крѣпостная артиллерія и 7-й линейный батальонъ.

Живя въ землянкахъ, люди рубили лѣсъ, коимъ въ тѣ времена была заполнена почти вся Сунженская долина, и строили турлучныя кухни съ печью, а затѣмъ уже становился срубъ для избы. Станица кругомъ обносилась глубокимъ рвомъ, обсаженнымъ колючимъ терновникомъ. Этотъ ровъ служилъ первоначальной защитой поселенія отъ внезапныхъ нападеній непріятеля. По всѣмъ четыремъ сторонамъ рва ставились деревянныя ворота, на ночь запиравшіяся. По угламъ устраивались батареи, гдѣ помѣщались крѣпостныя чугунныя пушки, носившія названіе «вѣстовыхъ», такъ какъ выстрѣлами изъ нихъ производилась «тревога»,—оповѣщалось о появленіи съ извѣстной стороны врага. Устраивались высокія вышки, на которыхъ находился часовой, слѣдившій за окрестностями. Жизнь была, конечно, въ полномъ смыслѣ слова боевая; всюду разставлялись пикеты, на ночь закладывались секреты въ опасныхъ мѣстахъ, кругомъ станица оцѣплялась постами, называвшимися «притынами». Сообщеніе между станицами поддерживалось «оказіями», совершавшими свои рейсы разъ или два въ недѣлю, а иногда и черезъ мѣсяцъ изъ Владикавказа до кр. Грозной; въ составъ оказіи входило до ста и болѣе человѣкъ пѣхоты и казаковъ при двухъ—четырехъ орудіяхъ. Когда болѣе или менѣе опредѣлялись размѣры станицы и число дворовъ, устраивалась площадь и въ центрѣ ея воздвигалась часовня—будущая церковь, и строилось зданіе подъ станичное правленіе.

*) Ст. Сунженская (нынѣ Слѣпцовская) строилась одновременно съ Троицкой и предназначалась для штабъ-квартиры полка.

Земля по своему плодородію была богатѣйшая: дѣвственная, неистощенная посѣвами, она давала хорошіе урожаи; но пахать приходилось лишь вблизи станицы. Хлѣбъ убирали старики, женщины и подростки; служащіе же казаки оцѣпляли мѣста работъ, зорко слѣдя за появленіемъ врага. Лишь только раздавался сигналъ къ тревогѣ, работы бросались и всѣ бѣжали въ станицу подъ прикрытіемъ казаковъ. До сихъ поръ памятны по станицамъ случаи увода въ плѣнъ цѣлыхъ семей чеченцами. Такъ, изъ ст. Слѣпцовской побывала въ плѣну семья Варнавскихъ. Отецъ и дочь пробыли въ плѣну болѣе года; затѣмъ старикъ былъ отпущенъ съ тѣмъ, чтобъ найти денегъ на выкупъ дочери; она была возвращена за 300 р. Побывали въ плѣну также отецъ и дочь Крапивины; первый былъ выкупленъ, а послѣдняя была взята однимъ чеченцемъ въ наложницы, имѣла отъ него дѣтей и тамъ же окончила свое существованіе. Побывали въ плѣну Золина, Шивцова и много другихъ,

Слѣпцовъ обыкновенно отдавалъ на выкупъ плѣнныхъ всѣ свои деньги. Обыкновеннымъ мѣриломъ выкупа у чеченцевъ служилъ наполненный до верха женскій чулокъ серебра —это самая низшая цѣна; въ случаяхъ же выдачи главы семейства, или лица, по убѣжденію горцевъ, важнаго, требовалась мѣрка серебра; другого счета они не знали. Чеченцы отлично понимали, что возникновеніемъ станицъ у нихъ отнималась свобода и самостоятельность, родной край ускользалъ изъ ихъ рукъ; поэтому они всячески старались тормазить заселеніе края казаками. Однако возникавшія одна за другой подъ энергичнымъ и умѣлымъ руководствомъ Слѣпцова станицы становились грозой непріятеля и твердымъ оплотомъ русскому владычеству. И нынѣ каждая изъ станицъ имѣетъ свою отдѣльную боевую исторію.

Въ предначертаніяхъ князя Воронцова не было цѣли уничтожать аулы чеченцевъ, и если нѣкоторые изъ нихъ предавались полному уничтоженію, то въ силу особенной непокорности, буйности, а чаще всего измѣны замирившихся. Заслуга Слѣпцова заключается и въ томъ, что, идя неотступно къ намѣченной цѣли—водворить въ краѣ миръ и тишину, онъ съумѣлъ между прочимъ вселить къ себѣ довѣріе у мирнаго туземца. Онъ слылъ за человѣка справедливаго, свято исполнявшаго свое слово. Благомыслящіе чеченцы ему довѣ-

рялись, и тотъ, кто объявлялъ себя «замирившимся», находилъ у Слѣпцова ласковое обхожденіе. Онъ съ уваженіемъ относился къ ихъ религіи, обычаямъ и нравамъ и строго наказывалъ тѣхъ, кто позволялъ себѣ надъ этимъ глумиться. Съ непріятелемъ Слѣпцовъ былъ по рыцарски великодушенъ; быстрымъ появленіемъ, стремительной атакой въ шашки онъ уничтожалъ все на своемъ пути; но лишь только онъ видѣлъ, что дѣло кончено и цѣль достигнута, онъ преображался, въ немъ сказывался великодушный и симпатичный человѣкъ. Враги это знали и за это его любили и до сихъ поръ чтутъ его, какъ замѣчательнаго героя и необыкновеннаго человѣка.

Живя постоянно при штабъ-квартирѣ своего полка, въ станицѣ Сунженской, Н. П. Слѣпцовъ зналъ всѣхъ и каждаго наперечетъ. Во время построекъ его постоянно видятъ среди народа; тутъ онъ помогаетъ бѣдному деньгами и наставленіемъ, тамъ чинитъ судъ и расправу, и всякій тѣмъ судомъ останется доволенъ. Онъ неутомимо ѣздилъ и по сосѣднимъ станицамъ, гдѣ его зоркій глазъ и проницательный умъ не упускаютъ ни малѣйшихъ подробностей. Старики разсказываютъ, что достаточно было одного появленія Николая Павловича, какъ изчезали всѣ невзгоды, вся печаль, такъ часто обуревавшія казака въ его трудахъ. Характерная пѣсня: «что-жъ ты, сунженецъ, невеселъ, беззаботный сорванецъ», сложенная на смерть Слѣпцова, одна изъ самыхъ лучшихъ старинныхъ пѣсенъ полка, ясно рисуетъ положеніе сунженскаго казака и его боевую жизнь.

V.

Въ воображеніи казака Н. П. Слѣпцовъ рисуется орломъ. Этимъ короткимъ сравненіемъ выражается вся его оригинальная тактика, благодаря которой непріятель при видѣ Слѣпцова приходилъ въ трепетъ.

Садясь на коня, Слѣпцовъ окончательно перерождался: его привѣтливая улыбка, ласковый взглядъ и мягкія движенія сразу изчезали, вся его фигура дышала воинственностью.

Отличный ѣздокъ, на своемъ излюбленномъ сѣромъ кабардинцѣ, такомъ же горячемъ, какъ и самъ всадникъ, онъ заставлялъ каждаго на себя заглядываться. Какое бы ничтожное дѣло ему ни предстояло, онъ весь имъ увлекался; взоръ

его становился огненнымъ, движенія порывистыми, рѣчь короткой и повелительной. Порывы горячей натуры всадника отражались и на благородномъ кабардинцѣ, всегда чувствовавшемъ настроеніе своего хозяина,—бѣдный конь никогда не стоялъ спокойнымъ. Военный авторитетъ Слѣпцова былъ настолько силенъ, его приказанія были столь увѣрены и внушительны, что всѣ безъ исключенія смотрѣли ему въ глаза и при малѣйшемъ намекѣ стремились очертя голову исполнить требуемое. Съ этой стороны вліяніе его было неотразимо.

Въ описываемое время Слѣпцовъ былъ въ апогеѣ своей славы; имя его уже гремѣло въ рядахъ Кавказской арміи, какъ необыкновенно храбраго, ни передъ какой опасностью не останавливающагося офицера, никогда не знавшаго неудачъ. Солдатъ и казакъ, видя его всегда впереди, среди явной опасности цѣлымъ и невредимымъ, видѣли въ немъ что-то сверхъестественное, а извѣстно, что, при существованіи такого мнѣнія у русскаго воина, съ нимъ можно горы сдвигать съ мѣста. Храбрость Слѣпцова не имѣла границъ, и счастье ему всюду улыбалось. Онъ превосходно изучилъ особенности своего постояннаго врага—чеченца; онъ отлично зналъ, что у мусульманина «джигитъ» слово всемогущее. Онъ хорошо понималъ также, что чеченецъ высоко ставитъ воина—рыцаря, и былъ дѣйствительно рыцаремъ «безъ страха и упрека». Чеченки пугали своихъ капризныхъ дѣтей словами: «Слѣпцовъ идетъ». Слава о Слѣпцовѣ среди горцевъ, приняла легендарные размѣры; достаточно сказать, что въ чеченскихъ пѣсняхъ до сихъ поръ поется: «Слава его свѣтла и высока, какъ вершина Казбека». Неоцѣнимо было для чеченцевъ и его рыцарское великодушіе къ побѣжденному. Плѣнныхъ женщинъ онъ всегда отпускалъ. Когда былъ убитъ на Нурикоевской полянѣ храбрый наибъ Магометъ-Мирза Анзоровъ, Слѣпцовъ, самъ раненый, тотчасъ поручилъ передать вдовѣ его искреннее сожалѣніе о ея горѣ и послалъ ей еще подарки. Насколько имя Слѣпцова было популярно среди непріятеля, можетъ служить слѣдующій разсказъ.

Одинъ изъ стариковъ чеченцевъ, еще не замирившихся, а слѣдовательно врагъ Слѣпцова, наслышавшись о немъ всякихъ чудесъ, почувствовалъ непреодолимое желаніе лично повидать Николая Павловича. Съ этой неотступной мыслью онъ обратился какъ то къ переводчику Слѣпцова, прося его какъ нибудь устроить свиданіе. Это дошло до Николая Павловича

и онъ, какъ-то будучи въ отрядѣ, разрѣшилъ показать себя старику. Слѣпцовъ спалъ въ своей ставкѣ, когда съ большими предосторожностями подвели чеченца къ палаткѣ, отвернули ея полы и сообщили ему, что начальникъ спитъ и видѣть его сейчасъ невозможно. Но восхищенный исполненіемъ своей завѣтной мечты старикъ ворвался внутрь шатра и разбудилъ спящаго, говоря спѣшившему за нимъ переводчику: «Покажи скорѣй, покажи мнѣ Слѣпцова». Николай Павловичъ улыбаясь всталъ.—«У, какой ты джигитъ, какіе у тебя чудные глаза!» —промолвилъ старикъ, качая головой и твердя имя Магомета. Слѣпцовъ усадилъ своего врага возлѣ себя, обласкалъ его, подарилъ ему денегъ и отпустилъ съ миромъ.

Насколько великодушно смотрѣлъ Слѣпцовъ на врага, можно видѣть изъ другого разсказа. Какъ-то разъ въ набѣгѣ урядникъ Суходоловъ у аула Гехи наткнулся на дѣвушку*) чеченку и въ пылу понятнаго озлобленія срубилъ ей голову. Когда объ этомъ узналъ Слѣпцовъ, гнѣву его не было предѣла. «Негодяй, разбойникъ, а не казакъ,—кричалъ внѣ себя Николай Павловичъ. Застрѣлю какъ собаку! Какъ ты смѣлъ, воюя съ мужчинами, поднять руку на бабу?» И Богъ вѣсть, что сотворилъ бы разгнѣванный Слѣпцовъ съ замершимъ отъ страха урядникомъ, если-бы окружавшіе его не остановили. Впослѣдствіи Суходоловъ былъ убитъ въ одномъ изъ набѣговъ.

— Такъ ему и надо,—сказалъ Слѣпцовъ: Господь его наказалъ,—а у самого навернулись слезы.

Неумолимо строгъ былъ Слѣпцовъ къ тому, кто осмѣливался ослушаться его приказанія или неточно его исполнить. Вообще въ отрядахъ его царила образцовая дисциплина, а служить подъ его начальствомъ стремился каждый. Для развитія въ молодомъ поколѣніи дисциплины, удали и отваги онъ устраивалъ по станицамъ сотни изъ малолѣтковъ. Участвовали мальчики отъ 12 до 17 лѣтъ. Эти сотни были организованы совершенно во всемъ подобно боевымъ сотнямъ полка. Совершались примѣрные маневры, обыкновенно одной станицы на другую. Болѣе расторопные и сообразительные мальчики награждались деньгами и даже нашивками урядничьихъ галуновъ. Въ каждой станицѣ были небольшія пушки, сохраняющіяся и понынѣ; къ нимъ выдавался порохъ и даже ядра. Не разъ въ

*) Женщины часто участвовали въ сраженіяхъ.

присутствіи князя Воронцова Слѣпцовъ заставлялъ юнцовъ «сражаться» между собою, и надо было видѣть, говорятъ старики, съ какимъ увлеченіемъ молодежь старалась заслужить похвалу отъ Слѣпцова. Несмотря однако на кажущуюся забаву, это имѣло глубокое значеніе въ смыслѣ развитія воинскаго духа и удали среди юношей, становившихся затѣмъ въ ряды полка съ извѣстной строевой выправкой и съ понятіемъ о подчиненіи старшимъ. Точное пониманіе казаками глубокихъ стремленій Слѣпцова выразилось въ казачьей пѣснѣ, въ которой говорится:

Джигитовъ шайка удалая
Вдоль по площади летитъ,
Будто къ бою вызывая,
Она скачетъ и гичитъ.

И мальчишки со значками
Свою пушку привезли
И нестройными толпами
Ужъ лезгинку завели.

Очень часто Слѣпцовъ приказывалъ дѣтямъ «взять ст. Троицкую» и самъ становился въ ихъ ряды. Обнажались деревянныя шашки, раздавалось «ура», дѣлались наступленія, отступленія, требовались резервы, заходили во фланги и проч. Побѣда праздновалась на площади лихими пѣснями, угощеніемъ пряниками и орѣхами, производилась джигитовка, танцы, словомъ, веселью и радостямъ дѣтей не было конца.

Слѣпцовъ придавалъ особенно большое значеніе лазутчикамъ и шпіонамъ, и въ этихъ случаяхъ онъ одинъ имѣлъ съ ними дѣло, не довѣряя никому другому. Много совершено набѣговъ, много раскрыто замысловъ Шамиля, много предупреждено нечаянныхъ нападеній, благодаря содѣйствію этихъ необходимыхъ на войнѣ лицъ, и ни одинъ изъ нихъ ни разу не обманулъ Слѣпцова, такъ какъ зналъ ужасныя послѣдствія подобной попытки. Когда къ Слѣпцову являлось лицо, предлагавшее услуги своими показаніями, онъ снималъ обыкновенно со шпіона его папаху, выворачивалъ ее и насыпалъ полную серебра. Глаза негодяя сверкали отъ удовольствія при видѣ такого небывалаго богатства.

— Переведи ему, Базаръ Ивановичъ(такъ называлъ Слѣпцовъ своего переводчика), что если онъ, ракалія, совретъ, то я его прикажу разстрѣлять, я его повѣшу вотъ на этой грушѣ.

Всѣ, рѣшавшіеся быть шпіонами, отлично знали, что эта угроза будетъ приведена въ исполненіе, и поэтому никогда не обманывали Слѣпцова. Шпіоновъ запирали на замокъ и лишь по возвращеніи отряда изъ дѣла онъ получалъ свой гонораръ, смотря по тому, насколько его услугами воспользовался Слѣпцовъ.

Въ походѣ Слѣпцовъ болѣе всего обращалъ вниманіе на обстановку казака. Разсказываютъ, что онъ ужасно не любилъ вольноопредѣляющагося Стулова, юношу милліонера, купеческаго сынка, поступившаго въ Сунженскій полкъ и не пробывшаго въ немъ и полугода. Этотъ юноша, благодаря своему богатству, рѣзко отличался отъ всѣхъ окружавшихъ его сотоварищей и даже офицеровъ: имѣлъ заводного коня со складной кроватью и погребцомъ съ разнообразной закуской и выпивкой и вообще скорѣе походилъ на изнѣженнаго барчука, нежели на воина. Слѣпцовъ страшно возмущался, не могъ спокойно переваривать присутствія Стулова и наконецъ исключилъ его изъ полка. «Не должно ходить въ набѣгъ съ ѣдой —нѣжности»!—говорилъ Слѣпцовъ. За то въ походѣ и быка разыщетъ, и все казаку предоставитъ, накормитъ не только свой полкъ, но и пѣхоту, и всѣхъ мимо проходящихъ. Казакъ и солдатъ у него никогда не голодали.

Соединяя въ себѣ всѣ качества доблестнаго воина и человѣка съ мягкой душой и любвеобильнымъ сердцемъ, Слѣпцовъ имѣлъ неоцѣнимое достоинство: какъ бы онъ ни увлекался боемъ, ни упивался торжествомъ побѣды, всегда и прежде всего его мысли обращались къ сѣренькому солдатику и казаку. Неизрѣченные муки испытывалъ этотъ человѣкъ послѣ каждаго сраженія, въ которомъ были жертвы съ нашей стороны. Не разъ видѣли казаки, какъ по его загорѣлому, пыльному лицу струились слезы, какъ обнажалась голова, и грудь осѣнялась размашистымъ, широкимъ крестнымъ знаменіемъ, а губы шептали молитву за убіенныхъ. Лучше всего это сказалось въ пѣснѣ казаковъ:

Тутъ отцамъ благодаренье
За ихъ дѣтокъ отдавалъ,
А сиротъ послѣ убитыхъ
Тутъ же щедро награждалъ...

Слѣпцовъ любилъ свой Сунженскій полкъ и въ его отвагѣ не сомнѣвался, твердо вѣря, что въ него онъ вложилъ все то, что самъ требовалъ отъ воина. Внѣ района Сунженской

линіи былъ Шалинскій окопъ, который не давалъ Слѣпцову спокойно уснуть. Онъ насильно выпросилъ у кн. Воронцова позволенія попытать счастья. При свиданіи съ главнокомандующимъ онъ говорилъ:

— Даю вашему сіятельству слово, что я возьму Шалинскій окопъ одинъ съ моимъ казачьимъ полкомъ, безъ всякой поддержки.

Воронцовъ долго отнѣкивался, считая, какъ и всякій на его мѣстѣ считалъ-бы, эту затѣю безуміемъ; но, наконецъ, побѣжденный увѣренностью и неотступными просьбами, далъ позволеніе. А Слѣпцову только того и нужно было. Онъ взялъ Шалинскій окопъ съ самой ничтожной потерей. Главная трудность и тутъ, какъ вездѣ, состояла въ подступѣ. Трудно было скрыть замыселъ такъ, чтобы ни друзья, ни враги не провѣдали о немъ ничего до самой минуты его выполненія. Еще труднѣе было прокрасться съ коннымъ полкомъ мимо постовъ и лазутчиковъ непріятеля и просидѣть незамѣченнымъ днемъ въ оврагѣ. На разсвѣтѣ Слѣпцовъ съ казаками ударилъ врасплохъ на окопъ и прежде, чѣмъ нѣсколько ротъ егерей, взятыхъ на всякій случай, поспѣли за конницей, чтобы поддержать атаку, все уже было кончено.

Но лучше всего рисуетъ тактику Слѣпцова слѣдующій эпизодъ. Въ одно туманное утро Слѣпцовъ съ своимъ казачьимъ полкомъ выѣхалъ на развѣдку. Вдругъ пахнулъ вѣтерокъ и, приподнявъ густую завѣсу, открылъ передъ казаками, на ружейный выстрѣлъ, грозную силу Шамиля. Слѣпцовъ не далъ ему опомниться. Не задумавшись ни на минуту, онъ скомандовалъ своимъ сотнямъ «впередъ»; пукъ ракетъ*) въ густыя массы врага, стремительная атака, и непріятель развѣянъ какъ тотъ туманъ, который скрывалъ его за пять минутъ передъ этимъ.

Какъ уже ранѣе было сказано, каждая станица была обнесена глубокимъ рвомъ и валомъ, усаженнымъ колючимъ терновникомъ. По угламъ рва стояли «вѣстовыя пушки», посрединѣ его—крѣпкія деревянныя ворота, при которыхъ безотлучно находился привратникъ. Ворота носили названіе по на-

*) При 6-ти сотенномъ казачьемъ полку всегда имѣлась ракетная команда подъ начальствомъ одного изъ офицеровъ. Слѣпцовъ придавалъ ей особенно важное значеніе, такъ какъ дѣйствіе ракетъ чрезвычайно пугало непріятельскихъ лошадей, разстраивало строй, приводило непріятеля въ замѣшательство, которымъ Николай Павловичъ и пользовался въ своихъ стремительныхъ атакахъ.

правленію дорогъ, ведущихъ въ сосѣднія станицы. Коль скоро съ вышки замѣчалось движеніе непріятеля, стоящій у пушки дѣлалъ выстрѣлъ, на колокольнѣ раздавался набатъ, ворота открывались, и тревога начиналась. По первому же выстрѣлу тотчасъ изъ «дежурства» скакалъ къ воротамъ казакъ, узнавалъ въ чемъ дѣло и давалъ знать командиру. Обыкновенно Слѣпцовъ, благодаря всегда имѣвшимся лазутчикамъ и шпіонамъ, зналъ, со стороны какихъ воротъ и когда ожидать тревогу. Такъ или иначе, но каждый, стоящій у воротъ, раньше и прежде всѣхъ встрѣчалъ самого Слѣпцова. Хотя центромъ всѣхъ сборовъ служила обыкновенно площадь, но собираться туда было безполезно, такъ какъ командиръ раньше всѣхъ уже скакалъ на своемъ сѣромъ кабардинцѣ. Со всѣхъ сторонъ выскакивали изъ своихъ дворовъ конные казаки, на карьерѣ оканчивавшіе одѣваться, и только всюду слышались вопросы: «Куда поскакалъ командиръ?» Никто не хотѣлъ явиться поздно, да и стыдно было тому послѣ дѣла: Слѣпцовъ такихъ не щадилъ. Топотъ, гикъ, суета, хаосъ невообразимый. Станица стонала. Жены, матери и сестры подавали оружіе своимъ спѣшившимъ «кормильцамъ», крестили вслѣдъ скакавшихъ, не зная, вернется ли дорогой или нѣтъ? Гдѣ нибудь сгорбленный, сѣдой какъ лунь дѣдъ грозитъ своему запоздалому внуку, понукая его поспѣшнѣе догонять товарищей. Но проходитъ всего какихъ нибудь 5—10 минутъ, и вновь воцаряется тишина. Только напряженное ожиданіе, да молитвы оставшихся наполняли станицу. А за станичнымъ валомъ по бѣлѣющей, извилистой дорогѣ видно еще облако пыли, поднятое ускакавшими сотнями съ ихъ пестрыми значками.

Замѣчательную картину представляла изъ себя станица въ моментъ возвращенія Слѣпцова съ битвы. Всюду онъ требовалъ, чтобы защитники встрѣчались съ должнымъ почтеніемъ, и эти встрѣчи имѣли въ краѣ большое значеніе: онѣ не давали народу приходить въ отчаяніе при видѣ убитыхъ; поднимали настроеніе станицы и военный духъ казаковъ. Лишь только на валу съ вышки давали знать о возвращеніи Слѣпцова съ полкомъ изъ набѣга, какъ весь народъ—«жены, старцы и дѣвицы»—спѣшили за околицу. Лихой полкъ не подходилъ, а скакалъ къ станицѣ. Еще издали видны были клубы пыли и бѣлые дымки выстрѣловъ джигитующихъ.

Вотъ они ужъ близъ станицы
Ѣдутъ, скачутъ и поютъ.
Жены, старцы и дѣвицы
Всѣ на встрѣчу къ нимъ бѣгутъ.

Градомъ сыплются вопросы
Изъ толпы со всѣхъ сторонъ:
«Живъ-ли мужъ мой, мой сыночекъ?
»Живъ-ли братецъ? Гдѣ-же онъ»?
. . . .

Лишь одинъ казакъ*) невеселъ:
Онъ здѣсь круглый сирота—
И чело его туманитъ
Грусть и горькая мечта.

А его чело туманно отъ того, что вслѣдъ за полкомъ ведутъ заводныхъ лошадей съ перекинутыми черезъ сѣдла окоченѣвшими трупами безмолвныхъ героевъ, положившихъ животъ свой. Одновременно съ лихой пѣсней казака слышится заунывное причитываніе старушки матери или только что обвѣнчанной молодой жены, бѣгущихъ за лошадью съ дорогимъ для нихъ тѣломъ. При мягкой, нервной и впечатлительной натурѣ Слѣпцова, ему слишкомъ тяжелы были подобныя сцены. Вотъ почему онъ 35-ти лѣтъ отъ роду имѣлъ уже сѣдые волоса, и его курчавая голова и небольшая бородка, обрамлявшая загорѣлое лицо, серебрились сѣдиной.

По возвращеніи съ битвы служили молебенъ, а затѣмъ панихиду по убитымъ. Три дня праздновалось удачное дѣло. Выкатывались бочки съ виномъ, сласти и угощенье раздавались народу. Джигитовки съ пальбой, лихія пѣсни, хороводы, фейерверкъ и т. п. наполняли станицу. Особенное торжество бывало тогда, когда полкъ возвращался съ богатой добычей и плѣнными.

VI.

Все время съ 1845 года и по день своей смерти въ 1851 году Слѣпцовъ проводитъ почти въ безпрерывныхъ сраженіяхъ въ Малой Чечнѣ. Непріятель, съ цѣлью не дать окрѣпнуть здѣсь русскому водворенію, частыми набѣгами и вторженіями вглубь заселенныхъ казаками земель тормазилъ ус-

*) Слѣпцовъ.

пѣшное покореніе края, но Слѣпцовъ съ успѣхомъ отражалъ эти покушенія, всегда лично участвуя во всѣхъ не только крупныхъ, но и мелкихъ дѣлахъ, происходившихъ почти еженедѣльно. Отмѣтимъ наиболѣе выдающіяся изъ нихъ.

Въ 1846 году Шамиль собралъ весьма сильное сборище, въ ночь съ 15 на 16 апрѣля переправился черезъ Сунжу и пошелъ, какъ онъ надѣялся, скрытно по направленію къ Большой Кабардѣ. Но это вторженіе, давно обѣщанное Шамилемъ всѣмъ народамъ Кабарды и Закубанья, отъ котораго онъ ожидаль сильнаго потрясенія нашей власти на Кавказѣ, было разстроено въ нѣсколько дней. Самъ Шамиль спасся поспѣшнымъ бѣгствомъ. Замѣчательнѣйшія изъ дѣйствій, въ которыхъ при этомъ находился Слѣпцовъ, были: 18 апрѣля—пораженіе у аула Елхотъ двухъ наибовъ, отбитіе 500 арбъ съ имуществомъ и 2500 шт. рогатаго скота; 22 апрѣля—преслѣдованіе горцевъ до укр. Урвани и 27-го—преслѣдованіе бѣжавшаго Шамиля съ Черека на Урухъ. Слѣпцовъ за эти дѣла получилъ орденъ Св. Анны 2 степени.

16-го ноября 1846 г. партія чеченцевъ до 500 человѣкъ, послѣ тщетныхъ ожиданій въ лѣсу у Нестеровскаго укрѣпленія выгона жительскаго скота, около полудня переправилась черезъ р. Ассу. Сигнальные выстрѣли оповѣстили Сунженскую линію о появленіи непріятеля, и немедленно конные резервы бросились изъ станицъ Троицкой, Сунженской*) и Михайловской, а за ними резервы Донскихъ полковъ и 6 ротъ пѣхоты съ 2 орудіями. Первымъ прискакалъ къ рѣкѣ хорунжій Предимировъ съ казаками ст. Сунженской, лихо бросился въ шашки и по указаніямъ Слѣпцова гналъ чеченцевъ, скрывавшихся въ Карабулакскомъ лѣсу. Непріятель оставилъ массу тѣлъ. Дѣло продолжалось не болѣе $^1/_4$ часа и было рѣшено одними казаками ст. Сунженской.

Вся зима 1847 года прошла въ постоянныхъ стычкахъ съ горцами. За дѣло 17 и 18 января, когда, послѣ проложенія дороги отъ укр. Назрани и ст. Сунженской въ Галашевское ущелье, между р.р. Ассой и Фортангой, Слѣпцовъ съ 2-мя сотнями своего полка истребилъ 11-ть селеній со всѣми запасами хлѣба и сѣна, онъ былъ награжденъ чиномъ полковника.

30-го апрѣля 1847 года Слѣпцовъ назначенъ начальни-

*) Вездѣ, гдѣ будетъ упоминаться ст. Сунженская, нужно подразумѣвать станицу Слѣпцовскую, переименованную послѣ смерти Слѣпцова.

комъ Верхне-Сунженской линіи, съ оставленіемъ въ прежней должности. Въ маѣ мѣсяцѣ Сунженскую линію посѣтилъ князь Воронцовъ. 3-го числа главнокомандующій прибылъ въ ст. Сунженскую, а на другой день въ его присутствіи храбрый Слѣпцовъ съ своими казаками имѣлъ прекрасное дѣло на берегахъ р. Ассы. Огромныя толпы чеченцевъ перешли ночью р. Фортангу выше укр. Ачхоевскаго и расположились на правомъ берегу Ассы; ихъ пѣхота съ 2-мя орудіями оставалась на томъ берегу, а конница перешла на лѣвый. По первому объ этомъ извѣстію Слѣпцовъ съ 700-ми казаковъ поскакалъ къ непріятелю; за нимъ слѣдовалъ батальонъ Грузинскаго гренадерскаго полка съ 2-мя орудіями. По прибытіи казаковъ къ р. Ассѣ, Слѣпцовъ остановилъ ихъ въ ожиданіи пѣхоты. Чеченцы между тѣмъ усилили свою кавалерію и намѣревались обойти нашъ лѣвый флангъ; часть горскихъ храбрецовъ даже предприняла атаку въ шашки, но удачными дѣйствіями конной ракетной команды, устроенной Слѣпцовымъ подъ командой поручика Едлинскаго, приведена была въ замѣшательство. Пользуясь этимъ, Слѣпцовъ пошелъ въ атаку. Непріятель былъ мгновенно опрокинутъ и потерпѣлъ совершенное пораженіе. Казаки взяли три значка. Прежде чѣмъ подошла пѣхота, дѣло было кончено. Главнокомандующій на самомъ мѣстѣ сраженія поздравилъ 3-хъ казаковъ, взявшихъ непріятельскіе значки, съ знаками отличія Военнаго Ордена, а Государь Императоръ 25-го мая Всемилостивѣйше наградилъ Слѣпцова «за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ» золотою саблей съ надписью «за храбрость».

Послѣ этого неутомимый Слѣпцовъ участвовалъ: 9-го мая въ заложеніи ст. Ассинской, 25-го при истребленіи непріятельской партіи близъ аула Самашки, 12-го іюня въ набѣгѣ къ р. Валерику. 30-го іюня Слѣпцовъ имѣлъ новое блистательное дѣло.

Въ этотъ день около 3 час. пополудни партія чеченцевъ, числомъ болѣе 600 человѣкъ, подъ начальствомъ Магомета-Мурзы Анзорова и 2-хъ извѣстныхъ наибовъ Малой Чечни—Саадуллы и Дубы, внезапно переправилась черезъ р. Ассу и бросилась на скотъ и табунъ жителей новой станицы Ассинской столь быстро и неожиданно, что успѣла отрѣзать и захватить скотъ. Большая часть войскъ и казаковъ находилась въ это время въ другой сторонѣ, прикрывая сѣнокосы. По

тревогѣ Слѣпцовъ собралъ на покосныхъ мѣстахъ казаковъ до 60-ти разныхъ командъ, присоединилъ къ нимъ ракетную команду, лично бросился на перерѣзъ партіи, гнавшей скотъ по открытому полю въ лѣсъ, и догналъ ее въ то время, когда еще табунъ не вошелъ въ лѣсъ. Атаковать непріятеля и отбить у него добычу было дѣломъ одной минуты. Непріятель бросился въ лѣсъ для соединенія съ своей пѣхотой. Въ это время показалась со стороны ст. Михайловской пыль, то спѣшили казаки изъ станицъ по тревогѣ. Слѣпцовъ настигъ партію на самой переправѣ у р. Ассы. Доброконные со значками успѣли переправиться, но хвостъ партіи былъ отрѣзанъ, чеченцы бросались съ обрыва въ рѣку, казаки рубили и топили ихъ.

Затѣмъ Слѣпцовъ участвовалъ: 24-го іюля въ набѣгѣ къ р. Шалажи; 18-го августа въ преслѣдованіи партіи, напавшей на косцовъ при укр. Нестеровскомъ, и 11-го сентября, при нападеніи непріятеля на Ассинскую станицу, имѣлъ блистательное дѣло, кончившееся пораженіемъ чеченцевъ, которыхъ онъ съ Сунженскими казаками преслѣдовалъ до Черныхъ горъ.

Въ октябрѣ неутомимый Слѣпцовъ и его казаки произвели сами нападеніе на чеченцевъ, увѣнчавшееся совершеннымъ успѣхомъ. Рѣшившись истребить болѣе враждебные аулы Карабулаковъ, разбои и хищничество которыхъ болѣе всего безпокоили Сунженскую линію, онъ 14 го числа этого мѣсяца собралъ въ ст. Сунженской десять ротъ Тенгинскаго и Навагинскаго пѣхотныхъ полковъ, $1^1/_2$ сотни Донского № 19 полка, одну сотню Кавказскаго, одну Горскаго и пять сотенъ Сунженскаго линейныхъ казачьихъ полковъ, 2 орудія Донской конноказачьей № 2 батареи и 2 орудія 11-й гарнизонной бригады. Выступивъ въ 8 ч. вечера по направленію къ аулу Аршты, отрядъ расположился ночевать при входѣ въ Карабулакскій лѣсъ у переправы черезъ оврагъ Чемульго. Трудность дальнѣйшей дороги черезъ лѣсъ заставила оставить на этой позиціи артиллерію подъ прикрытіемъ 6-ти ротъ пѣхоты и 180 ти казаковъ; съ остальными-же войсками Слѣпцовъ тронулся впередъ и несмотря на препятствія достигъ оврага Фотона, на противоположномъ берегу котораго были раскинуты карабулакскіе аулы. Казаки были открыты непріятелемъ прежде, чѣмъ всѣ войска успѣли стянуться къ выхо-

ду изъ лѣса, что и заставило Слѣпцова замѣнить силу быстротой дѣйствій. Раздѣливъ передовыя $3^1/_2$ сотни на 2 части, онъ смѣло спустился въ оврагъ. Генеральнаго штаба подполковникъ Гроссманъ и Сунженскаго полка сотникъ Томашевскій понеслись въ обѣ стороны и мгновенно охватили аулы. Все, что попадалось подъ руки казакамъ, было истреблено. Между тѣмъ подошла пѣхота и остальная кавалерія, что дало возможность Слѣпцову отдѣлить сотника Старицкаго I-го съ 3-й сотней для нападенія на аулъ Аршты, гдѣ жилъ извѣстный абрекъ Мустафа; жилище его было истреблено, и самъ онъ изрубленъ казаками. За отличіе, оказанное въ этихъ дѣлахъ, Слѣпцовъ Всемилостивѣйше награжденъ 1500 руб. сер. единовременно (31 марта 1848 г.).

Наконецъ, когда въ ноябрѣ генералъ-лейтенантъ Фрейтагъ вступилъ съ сильнымъ отрядомъ въ Чечню и приступилъ къ проложенію просѣкъ, рубкѣ лѣсовъ и истребленію нѣкоторыхъ ауловъ, неутомимый Слѣпцовъ, получивъ достовѣрныя свѣдѣнія, что всѣ наибы со своими партіями находятся на р. Урусъ-Мартанѣ для наблюденія за дѣйствіями нашихъ войскъ, секретно собралъ въ укр. Ачхоевскомъ отрядъ и выступилъ къ сильному по народонаселенію аулу Умаханъ-Юрту, расположенному на правомъ берегу р. Валерикъ. По прибытіи туда на разсвѣтѣ 12-го декабря, онъ внезапно и съ полнымъ успѣхомъ атаковалъ аулъ. Значительная часть сопротивлявшихся чеченцевъ погибла, аулъ преданъ огню; 22 плѣнныхъ, до 300 головъ рогатаго скота, множество оружія и вещей остались въ нашихъ рукахъ.

26-го января 1848 г. Слѣпцовъ, въ отрядѣ полковника Вревскаго, совершилъ движеніе изъ укр. Ачхоевскаго въ Малую Чечню и съ казаками своего полка произвелъ быстрое нападеніе на хутора Новый и Старый Гехинъ-Кожъ, Течень-Юртъ и Берды-Юртъ, истребилъ ихъ и участвовалъ въ упорномъ бою при обратномъ слѣдованіи отряда. 10-го марта подъ личнымъ начальствомъ Слѣпцова произведенъ блистательный набѣгъ къ Гехинской полянѣ, причемъ отбито большое количество скота и удачно отражены чеченцы, пытавшіеся его возвратить. 9-го апрѣля совершенъ новый успѣшный набѣгъ отъ укр. Ачхоевскаго къ р. Валерику и выселенъ въ наши предѣлы покорившійся аулъ Алтемиръ-Юртъ.

Съ 7 по 18 августа 1848 г. князь Воронцовъ снова ос-

матривалъ часть Верхне-Сунженской линіи, центра и праваго фланга и остался совершенно доволенъ хорошимъ состояніемъ войскъ. Особенное вниманіе главнокомандующаго обратили 1-й Сунженскій и 2-й Лабинскій полки, которые, несмотря на недавнее свое сформированіе, ни въ чемъ не уступали старымъ полкамъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска и служили уже на Сунженской и Лабинской линіяхъ твердымъ оплотомъ нашихъ предѣловъ противъ враждебныхъ племенъ. Новыя станицы: Ассинская, Магометъ-Юртовская (нынѣ Вознесенская) и Константиновская (на Чамлыкѣ, Кубан. обл.), водворенныя только въ 1845 году, отличались удобнымъ помѣщеніемъ и хорошимъ хозяйствомъ вновь поселенныхъ казаковъ, которые уже успѣли сдѣлаться грозою немирныхъ племенъ. Вслѣдствіе всего этого Слѣпцовъ 5 сентября 1849 г. Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Владимира 3-й степени.

Въ 1849 г. отрядъ, ввѣренный Слѣпцову, 11-го августа поразилъ у ст. Ассинской партію хищниковъ, подкрадывавшуюся къ ст. Сунженской. 25-го августа онъ нанесъ сильное пораженіе чеченцамъ, напавшимъ на аулъ Казакъ-Кичу, и 30-го участвовалъ въ отраженіи непріятеля у укр. Нестеровскаго.

Успѣшныя дѣйствія нашихъ войскъ въ Малой Чечнѣ упрочили безопасность Владикавказскаго округа и Военно-Грузинской дороги; но къ юго-востоку отъ послѣдней оставалось еще Галашевское ущелье съ крайне безпокойнымъ и опаснымъ населеніемъ. Прорывы ихъ въ наши предѣлы требовали наказанія, и для укрощенія горцевъ необходимо было въ это ущелье проложить путь, во всякое время для нашихъ войскъ доступный. Достиженіе этой цѣли главнокомандующимъ было поручено генералъ-маіору Ильинскому, а Слѣпцовъ былъ главнымъ сотрудникомъ его. Съ 5 на 6 ноября онъ съ отрядомъ пѣхоты и казаковъ произвелъ смѣлую рекогносцировку путей, ведущихъ въ Галашевское ущелье, а 23-го совершилъ быстрое и смѣлое движеніе отъ ст. Сунженской на соединеніе съ главнымъ отрядомъ къ р. Футону, причемъ прошелъ 60 верстъ въ 20 час. и участвовалъ въ истребленіи Арштинскихъ хуторовъ и въ пораженіи на р. Футонѣ непріятеля, атакованнаго съ двухъ сторонъ. Генералъ-маіоръ Ильинскій въ донесеніи объ этомъ дѣлѣ отзывался съ особенною похвалой о Слѣпцовѣ.

Вслѣдъ затѣмъ Шамиль, узнавъ о выдачѣ Галашевскими аулами намъ аманатовъ и желая предупредить покорность остальныхъ, направилъ къ нимъ сильное сборище подъ предводительствомъ Акинскаго и Шатоевскаго наибовъ. Для уничтоженія этихъ замысловъ, г.-м. Ильинскій двинулъ вверхъ по р. Ассѣ къ аулу Цаки-Юрту колонну изъ 3-хъ батальоновъ пѣхоты, 7-ми сотенъ казаковъ при 2-хъ горныхъ орудіяхъ и пѣшей ракетной командѣ, подъ начальствомъ Слѣпцова. 12-го декабря на разсвѣтѣ Слѣпцовъ, оставивъ пѣхоту нѣсколько назади, съ одною кавалеріей, пользуясь крутымъ уступомъ берега р. Ассы, обошелъ горцевъ съ фронта и стремительно атаковалъ лѣвый ихъ флангъ. Не давъ имъ опомниться, Сунженскіе казаки, а за ними и милиція опрокинули передовой отрядъ и главный резервъ непріятеля. Но на пути отступленія онъ занялъ другую позицію у аула Коргой-Юрта. Здѣсь дружная и молодецкая атака казаковъ рѣшила дѣло; сборище въ 300 человѣкъ было сбито и обращено въ бѣгство. Преслѣдованіе объятыхъ паникой горцевъ продолжалось до аула Датыха, въ самыхъ верховьяхъ Бумутскаго ущелья, и прекращено только по совершенному изнуренію коней.

Въ этомъ кавалерійскомъ дѣлѣ, по оффиціальнымъ отзывамъ, одномъ изъ самыхъ блистательныхъ въ исторіи нашихъ кавказскихъ экспедицій, полковникъ Слѣпцовъ показалъ образецъ смѣлаго, но искуснаго и хорошо расчитаннаго употребленія кавалеріи.

Послѣдствіемъ этого дѣла было то, что остальные галашевцы спѣшили изъявить покорность и самый непокорный аулъ Адиль-Гирей выдалъ аманатовъ безъ всякаго сопротивленія. Государь Императоръ, «въ ознаменованіе особеннаго Монаршаго благоволенія къ 1-му Сунженскому линейному казачьему полку, за отличное мужество и храбрость во многихъ дѣлахъ противъ непокорныхъ горцевъ», Высочайшимъ приказомъ по военному вѣдомству отъ 6 января 1850 г. Всемилостивѣйше пожаловалъ этому полку знамя съ надписью: «За отличные подвиги при покореніи Малой Чечни въ 1849 г.» Храбрый же командиръ полка черезъ 2 недѣли Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Георгія 4-й степени «въ награду», какъ сказано въ Высочайшемъ Именномъ указѣ, данномъ Капитулу Орденовъ 19 января 1850 г., «благоразумныхъ распоряженій, отличнаго мужества и храбрости».

Кромѣ того выданные Слѣпцову заимообразно изъ казенныхъ суммъ 5000 руб. сложены съ него по Высочайшему повелѣнію отъ 5 января 1850 г. «въ награду за усердную и полезную его службу и за отличные подвиги, оказанные имъ въ неоднократныхъ дѣлахъ противъ горцевъ и въ особенности при покореніи Малой Чечни».

Въ первую половину 1850 г. Слѣпцовъ ознаменовалъ себя также нѣсколькими замѣчательными подвигами. 5 января онъ собралъ отрядъ подъ личнымъ своимъ начальствомъ для защиты Галашевцевъ и Карабулака отъ покушеній чеченскихъ наибовъ, съ которымъ 6-го занялъ позицію на р. Алгузъ-Али. Отсюда 9 января онъ произвелъ смѣлый и удачный набѣгъ къ Датыху для наказанія жителей, занялъ этотъ аулъ, разорилъ аулы на р. Фортангѣ, взялъ аманатовъ отъ непокорныхъ селеній и 11 августа возвратился на Алгузъ-Алинскую позицію.

4-го февраля, двинувшись снова въ землю Галашевцевъ, но уже для наказанія измѣнившихъ намъ ауловъ, Слѣпцовъ въ тотъ-же день занялъ аулъ Изекъ; 7-го поразилъ партію хищниковъ, переправившихся черезъ р. Натхой; 17-го произвелъ удачный набѣгъ на аулъ Ясанъ-Юртъ, истребилъ его и прилежащіе хутора, отбилъ значительное количество скота, имѣлъ жаркое дѣло съ горцами и за отличіе удостоился получить Монаршее благоволеніе, объявленное въ Высочайшемъ приказѣ отъ 11 декабря 1850 года.

Но всѣ эти дѣла, относящіяся къ первымъ 7-ми мѣсяцамъ 1850 г., далеко уступаютъ подвигу, совершенному Слѣпцовымъ въ августѣ. Просѣка, вырубленная нашими войсками зимою 1849 г. отъ кр. Воздвиженской къ Шалинской полянѣ, сильно встревожила Шамиля, потому что поле это считалось главной житницей Большой Чечни и части нагорнаго Дагестана. Къ тому-же съ открытіемъ новаго сообщенія Шамиль могъ ожидать внезапнаго набѣга отряда на тогдашнюю его резиденцію—аулъ Веденъ. Чтобы успокоить чеченцевъ и преградить входъ къ своему мѣстопребыванію, Шамиль весною 1850 года устроилъ при выходѣ изъ просѣки цѣлую укрѣпленную линію, простиравшуюся на $4^1/_2$ версты и пересѣкавшую дорогу и лѣсъ по обѣимъ сторонамъ. Ровъ передъ фронтомъ укрѣпленія имѣлъ $3^1/_2$ сажени глубины, $2^1/_2$ саж. ширины и наполнялся водой изъ р. Шали; брустверъ высотою въ 14 футъ состоялъ изъ щебня, перемѣшаннаго съ утрамбо-

ванной землей. На кронѣ его поставлены туры съ землею и щебнемъ, образовавшіе сплошную массу, которую почти невозможно было разрушить дѣйствіемъ артиллеріи. Частыя амбразуры были подѣланы между турами для ружейнаго огня. По краямъ находились 2 полукруглыя батареи для дѣйствія артиллеріи. Лѣвый флангъ обезпечивался валомъ, вдававшимся въ лѣсъ болѣе чѣмъ на $^1/_2$ версты; на его оконечности былъ возведенъ редутъ наиба Талгика съ помѣщеніемъ для значительнаго гарнизона.

За этимъ грознымъ окопомъ Шамиль и чеченцы думали быть въ полной безопасности *). Постройка этого чудовища требовала массы труда, времени и рабочихъ и даже возбудила общій ропотъ какъ между дагестанцами, такъ и между самими чеченцами. Однако и эти укрѣпленія не могли остановить отваги Сунженскихъ казаковъ и храбраго ихъ начальника.

Чтобы ослабить непріятеля г.-м. Козловскій, по данному ему отъ князя Воронцова разрѣшенію, просилъ генерала Ильинскаго произвести диверсію со стороны Верхне-Сунженской линіи. Генералъ Ильинскій поручилъ это дѣло Слѣпцову, «извѣстному по своей предпріимчивости и постояннымъ успѣхамъ»,—прибавляетъ главнокомандующій въ своемъ приказѣ, и послѣдній рѣшился овладѣть Шалинскимъ укрѣпленіемъ. Такое отважное предпріятіе требовало большой осторожности, потому что для подобнаго движенія нужно было снять по крайней мѣрѣ на 5 дней всѣ кавалерійскіе резервы съ Сунжи, въ то время какъ значительныя партіи постоянно тревожили эту часть нашего кордона и волновали покорившихся намъ Галашевцевъ и Карабулаковъ. Необходимо было поставить непріятеля въ недоумѣніе, на какой пунктъ будетъ нападеніе. Съ этимъ намѣреніемъ Слѣпцовъ сосредоточилъ сначала особый летучій отрядъ на р. Ассѣ, будто для набѣга въ горную часть Малой Чечни или въ ущелье Фортанги, а въ ночь съ 20 на 21 августа притянулъ его скрытно къ ст. Михайловской, изъ которой выступилъ окольными путями по направленію къ кр. Грозной съ 7-ю ротами пѣхоты, 700-ми казаковъ, 320-ю милиціонерами, 2-мя конными орудіями и ракетною командой.

На разсвѣтѣ 21 августа конница съ орудіями подошла

*) Разсказываютъ, что Шамиль клялся своему народу: «Скорѣй у меня выростутъ на ладони волоса, чѣмъ укрѣпленіе будетъ взято».

къ кургану Трехъ Братьевъ, развернула значки и вслѣдъ затѣмъ быстро скрылась въ балкахъ около Алханъ-Юрта, а пѣхота, утомленная отъ быстраго движенія за казаками, возвращена была, въ виду чеченскихъ пикетовъ, назадъ къ ст. Михайловской. Обманутый этимъ маневромъ непріятель увѣрился, что нападеніе будетъ изъ ущелій между р.р. Гойтою и Фортангой, а потому всѣ его партіи, собранныя въ Малой Чечнѣ, разошлись по домамъ, въ страхѣ ожидая въ теченіе 2-хъ дней появленія нашихъ войскъ въ одномъ изъ своихъ ауловъ. Вечеромъ того-же числа Слѣпцовъ съ кавалеріей и орудіями переправился черезъ р.р. Сунжу и Мартанъ и къ 11-ти часамъ ночи прибылъ никѣмъ не замѣченный въ скрытное мѣсто близъ Ханъ-Кальскаго ущелья, гдѣ и далъ войскамъ краткій отдыхъ. На подкрѣпленіе къ нему прибылъ изъ кр. Грозной подполк. Берсеневъ съ 3-мя ротами пѣхоты и сотней донскихъ казаковъ.

На разсвѣтѣ 22 августа, въ священный день коронованія незабвеннаго Государя Николая I-го, весь отрядъ переправился черезъ быстрый Аргунъ и всѣ его 5 рукавовъ и здѣсь только былъ замѣченъ чеченскими пикетами, которые немедленно открыли тревогу по Чечнѣ. Въ 6 час. утра Слѣпцовъ былъ уже въ 2-хъ верстахъ отъ укрѣпленнаго вала, занятаго 5000-ми горцевъ при одномъ орудіи, подъ предводительствомъ наибовъ Талгика и Лабазана. Непріятель могъ еще собраться, а потому Слѣпцовъ рѣшилъ немедля однимъ ударомъ кончить дѣло. Устроивъ кавалерію передъ укрѣпленіемъ, онъ послалъ есаула Предимирова съ двумя сотнями и частью ракетной команды къ лѣвому флангу окоповъ, дабы перестрѣлкой отвлечь вниманіе чеченцевъ, а самъ лично повелъ въ атаку пѣхоту противъ праваго фланга окоповъ. Она встрѣчена была пѣснями мюридовъ и залпомъ изъ ружей, но несмотря на убійственный огонь обѣ линейныя роты и рота егерскаго имени князя Воронцова полка, одушевляемыя примѣромъ своихъ начальниковъ, съ крикомъ «ура» быстро кинулись на штурмъ и овладѣли этой частью укрѣпленія. Почти въ одно время съ пѣхотой есаулъ Предимировъ, поддержанный Донскою сотней, съ свойственной ему рѣшительностью, бросился на приступъ со спѣшенными казаками, и непріятель, атакованный съ двухъ сторонъ, поспѣшно бѣжалъ въ лѣсъ. Въ то же время двинулась и остальная кавалерія прямо къ фронту бруствера; каза-

ки и милиція спѣшились, перелѣзли черезъ ровъ и начали заваливать его разобранными турами и землей; черезъ часъ устроенъ былъ удобный въѣздъ въ укрѣпленіе. Въ 10 час. утра отрядъ былъ подкрѣпленъ колонной полковника Ушакова изъ кр. Воздвиженской.

Между тѣмъ пушечные выстрѣлы на Шалинской полянѣ распространили тревогу во всей большой Чечнѣ; партіи начали собираться даже съ Мечика, засѣли въ лѣсу за валами и завязали жаркую перестрѣлку съ пѣхотой, занимавшей оба фланга укрѣпленія, а главная масса въ 2500 человѣкъ конныхъ и пѣшихъ при орудіи расположилась въ 800-хъ саж. отъ нашей позиціи и открыла артиллерійскій огонь. Слѣпцовъ тотчасъ построилъ всю кавалерію въ 2 колонны противъ обоихъ фланговъ вала и двинулъ ихъ дружно и быстро въ атаку. Несмотря на мѣткій огонь непріятеля, бой былъ непродолжителенъ: едва блеснули шашки храбрыхъ Сунженцевъ, а вслѣдъ за ними и штыки поддерживавшихъ атаку неутомимыхъ егерей, какъ толпы чеченцевъ, не выдержавъ удара, разбѣжались по всѣмъ направленіямъ. Кавалерія преслѣдовала ихъ на разстояніи 10-ти верстъ по перелѣскамъ и полянамъ. Наконецъ утомленіе лошадей, не имѣвшихъ почти отдыха въ продолженіе двухъ дней, заставило прекратить преслѣдованіе. Когда кавалерія съ пѣснями вступила обратно въ укрѣпленіе, чеченцевъ уже не было видно, и перестрѣлка съ ихъ стороны совсѣмъ прекратилась.

Князь Воронцовъ, вмѣняя себѣ въ особенное удовольствіе объявить по войскамъ ввѣреннаго ему корпуса объ этомъ «смѣломъ и вполнѣ молодецкомъ подвигѣ», изъявилъ свою душевную признательность храброму и распорядительному начальнику отряда полковнику Слѣпцову, отважности, знанію мѣстности и благоразумію коего въ особенности онъ приписывалъ успѣхъ этой экспедиціи. Въ заключеніи приказа главнокомандующій благодарилъ г-м. Ильинскаго «и за выборъ для совершенія этого предпріятія полковника Слѣпцова, который въ теченіе 5 лѣтъ существованія ввѣренной ему линіи никогда не упустилъ ни одного случая особенно отличиться и оказалъ уже столько важныхъ заслугъ». Государь Императоръ наградилъ Слѣпцова за этотъ отличный подвигъ чиномъ генералъ-маіора, въ который онъ произведенъ Высочайшимъ

приказомъ по военному вѣдомству отъ 10 сентября 1850 г., съ оставленіемъ начальникомъ Верхне-Сунженской линіи.

Въ 1850 году Сунжа удостоилась посѣщенія Наслѣдника Цесаревича. 26 октября Его Высочество изволилъ слѣдовать изъ кр. Воздвиженской через Урусъ-Мартанъ въ укр. Ачхоевское, по такъ называемой Русской дорогѣ. Отрядъ, сопровождавшій Его Высочество въ боевомъ порядкѣ, съ жадностью ждалъ случая повторить на глазахъ Наслѣдника подвиги, ознаменовавшіе наши войска въ Малой Чечнѣ. Но непріятель нигдѣ не показывался, и Августѣйшій Посѣтитель ѣхалъ по Малой Чечнѣ, какъ по вѣрной Ему русской странѣ. Какъ вдругъ между р.р. Рошной и Валерикомъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ лѣвой нашей цѣпи, показалась малая непріятельская партія. Казаки и милиція быстро бросились на нихъ. Его Высочество, внимая только порыву своего сердца, со свитой и казаками, составлявшими авангардъ, быстро и смѣло поскакалъ къ лѣсу и былъ свидѣтелемъ стычки непріятеля со Слѣпцовымъ. Предводитель партіи чеченцевъ былъ изрубленъ на глазахъ Его Высочества и оружіе его поднесено къ стопамъ Цесаревича. Все это было дѣломъ одной минуты.

Ликуя и торжествуя счастьемъ сразиться съ врагомъ совмѣстно съ Его Высочествомъ и благодаря Провидѣніе за благополучный исходъ дѣла, Сунженскіе казаки считали себя на верху блаженства, узнавъ, что Государь Императоръ пожаловалъ Своему Наслѣднику за это дѣло орденъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени.

Путь Его Высочества лежалъ через ст. Ассинскую въ ст. Сунженскую. Слѣпцовъ распорядился достойно встрѣтить Наслѣдника. Вся станица вышла навстрѣчу. При появленіи коляски, эскортируемой Сунженскимъ полкомъ, всѣ единогласно запѣли «Боже Царя храни»! Его Высочество приказалъ остановить коляску и, ставъ одной ногой на ея ступеньку, обратился къ ликующимъ казакамъ съ слѣдующими дорогими и незабвенными словами: *«Государь Императоръ повелѣлъ передать вамъ Свое сердечное спасибо за молодецкую службу на Сунжѣ»*. Громовое «ура» было отвѣтомъ на эти драгоцѣнныя слова. Затѣмъ въ часовнѣ служился молебенъ, а въ домѣ Н. П. Слѣпцова былъ Высочайшій обѣдъ. Къ пріѣзду Его Высочества была сочинена весьма популярная нынѣ въ войскѣ пѣсня.

Съ краевъ полуночи на полдень далекій
Державный, могучій орелъ прилетѣлъ...

Она была спѣта за обѣдомъ нѣсколько разъ. Его Высочеству пѣсня чрезвычайно понравилась и по окончаніи обѣда онъ милостиво сказалъ: «Молодцы, казаки, хорошо поете. Спойте же еще разъ!».

Нечего и говорить, что площадь была запружена народомъ, прибывшимъ со всѣхъ концовъ Сунжи; всюду гремѣло «ура», пѣлись пѣсни, вечеромъ горѣла иллюминація и бочки съ нефтью. 27-го октября Его Высочество, осмотрѣвъ поселенія Сунженскаго полка, отбылъ во Владикавказъ, покинувъ осчастливленныхъ Сунженцевъ.

VII.

Съ наступленіемъ зимы 1850—51 г. снова началась вырубка просѣкъ по важнѣйшимъ военнымъ сообщеніямъ въ Большой и Малой Чечнѣ. Со стороны Владикавказскаго округа летучій отрядъ, собранный въ половинѣ декабря на Верхне-Сунженской линіи подъ командой Слѣпцова, приступилъ къ рубкѣ лѣса отъ ст. Ассинской и укр. Ачхоевскаго къ разрушенному аулу Самашки и укр. Заканъ-Юрту на Верхней Сунжѣ. Работы производились безъ выстрѣла со стороны непріятеля, который въ то время отказался отъ владѣнія плоскостью Малой Чечни. Но жители нагорной полосы часто собирали хищническія партіи противъ нашихъ предѣловъ и давали явное пристанище бѣглымъ и абрекамъ разныхъ мѣстъ. Чтобы наказать ихъ, Слѣпцовъ собралъ въ ночь съ 5 на 6 января 1851 года свой отрядъ на двухъ пунктахъ (въ ст. Ассинской и на р. Алгузъ-Али) и двинулъ главную массу кавалеріи, подъ командой подполковника Мезенцева, къ аулу Датыхъ, издавна слывшему какъ гнѣздо самыхъ отважныхъ разбойниковъ, а самъ съ пѣхотой и частью казаковъ направился къ аулу Гандалъ-Басу въ томъ же ущельѣ. Ударъ этотъ заставилъ горцевъ поспѣшно склониться къ покорности. Кончивъ это дѣло безъ всякихъ потерь, летучій отрядъ, послѣ кратковременнаго отдыха, продолжалъ вырубку лѣсовъ.

Между тѣмъ Шалинскій окопъ, отчасти уничтоженный въ предыдущемъ году Слѣпцовымъ, былъ возобновленъ въ 3-й разъ соединенными усиліями чеченцевъ и жителей Дагестана,

спеціально для этого созванныхъ. Для окончательнаго его уничтоженія въ началѣ 1851 г. назначенъ былъ отрядъ г.-м. Козловскаго. Слѣпцовъ значительно способствовалъ успѣху дѣйствій этого генерала тѣмъ, что предупредилъ движеніе Хаджи-Мурата, предпринявшаго съ отборною конницей диверсію въ Большую Чечню. Двинувшись навстрѣчу непріятелю, Слѣпцовъ заставилъ наиба отказаться отъ своихъ замысловъ и строго наказалъ жителей Малой Чечни, принявшихъ сторону Шамиля.

Вслѣдъ за этимъ Слѣпцову поручено было возвести двѣ новыя станицы—Самашкинскую и Алханъ-Юртовскую (нынѣ Ермоловская), чтобы тѣмъ довершить линію отъ Назрани до кр. Грозной. Но жители нагорной Чечни, въ надеждѣ на недоступность обитаемой ими мѣстности, продолжали враждебныя дѣйствія. Чтобы положить этому конецъ, Слѣпцовъ произвелъ 15 іюня наступательное движеніе двумя колоннами.

Главная колонна, подъ личнымъ его начальствомъ, устремилась вверхъ по лѣсистому ущелью р. Гехи, гдѣ казаки, проскакавъ 7 верстъ, внезапно охватили передовые хутора, отогнали весь скотъ и истребили имущество жителей, обративъ ихъ въ бѣгство. Столь же удачно исполнила свое дѣло и другая колонна, которая подъ командою войскового старшины Предимирова быстро вторгнулась въ ущелье р. Шалажи и также истребила или захватила все имущество жителей, разсѣянныхъ по хуторамъ. Затѣмъ обѣ колонны, обремененныя добычей, предприняли отступленіе. Ожесточенные чеченцы въ большихъ силахъ атаковали со всѣхъ сторонъ наши цѣпи и аріергардъ. Стойкость пѣхоты и казаковъ, удачное дѣйствіе артиллеріи и ракетъ, отличный порядокъ при обратномъ слѣдованіи эшелонами и брагоразумныя мѣры Слѣпцова, расположившаго сильные резервы при выходѣ изъ лѣса, сокрушили всѣ замыслы непріятеля. На Шалинской полянѣ прекратилось это дѣло, дорого стоившее чеченцамъ: у нихъ было убито до 200 человѣкъ, извѣстный наибъ Магометъ-Мирза Анзоровъ былъ смертельно раненъ и умеръ черезъ нѣсколько дней. Самъ Слѣпцовъ въ этотъ день былъ также раненъ—первый разъ въ жизни—въ правое бедро, но къ счастью неопасно. По засвидѣтельствованіи главнокомандующаго объ отличной распорядительности и примѣрномъ мужествѣ Слѣпцова, при этомъ оказанныхъ, Государь Императоръ 17 іюля Всемилостивѣйше пожаловалъ его кавалеромъ ордена Св. Станислава 1-й степени.

Раненый Слѣпцовъ былъ перенесенъ на квартиру Мезенцева и вечеромъ выдержалъ довольно мучительную операцію извлеченія пули. Онъ былъ чрезвычайно раздраженъ, досадуя на бездѣйствіе, для него ненавистное. Доктора совѣтовали ѣхать въ ст. Михайловскую на сѣрныя воды, и необходимо было уступить ихъ просьбамъ. 5 недѣль пролежалъ онъ на источникахъ, получая съ линіи извѣстія, рапорты и донесенія, дѣлая распоряженія, давая совѣты и приказанія. Его живая натура не могла оставаться спокойной, и онъ продолжалъ службу лежа. Наконецъ молодая натура сдѣлала свое дѣло: въ началѣ августа Слѣпцовъ сталъ на ноги и вернулся къ своей неутомимой дѣятельности.

Наступила зима, ужасная, роковая зима для Сунженскихъ казаковъ. Счастье Николая Павловича повернулось къ нему спиной. Дѣло 15-го іюня уже дало намекъ на то, что нѣтъ абсолютнаго, постояннаго счастья. Вскорѣ Слѣпцовъ имѣлъ въ гор. Владикавказѣ большую непріятность съ командиромъ батареи полковникомъ Веревкинымъ. Эта «исторія» сильно отразилась на впечатлительной натурѣ Николая Павловича и ей приписываютъ тѣсную связь съ фатальнымъ боемъ 10-го декабря: Слѣпцовъ, говорятъ, искалъ смерти и лѣзъ очертя голову всюду, подставляя себя подъ пули.

Въ началѣ декабря Слѣпцовъ пріѣхалъ во Владикавказъ и былъ приглашенъ на вечеръ въ семью Опочининыхъ. Николай Павловичъ любилъ отъ души эту семью за ея широкое гостепріимство, истинно-русское хлѣбосольство и всегдашнее радушіе. Вечеръ отличался многолюдствомъ. Нечего и говорить, что центромъ особеннаго вниманія былъ Слѣпцовъ, молодой, стройный генералъ, съ огромной извѣстностью по своимъ изумительнымъ подвигамъ.

Послѣ ужина Слѣпцовъ сидѣлъ съ хозяйкой дома, когда проходилъ мимо полковникъ Веревкинъ и сказалъ по адресу Слѣпцова нѣсколько ѣдкихъ словъ съ насмѣшливой улыбкой. Николай Павловичъ, извинившись передъ своей дамой, вскочилъ какъ ужаленный и выбѣжалъ въ другую комнату за удалившимся полковникомъ. Здѣсь произошла сцена, которую почти никто не замѣтилъ. Слѣпцовъ оскорбилъ Веревкина. Друзья Николая Павловича, спѣшившіе предупредить несчастье, не успѣли во время остановить разъяреннаго генерала. Дѣло могло кончиться очень плачевно, если бы Слѣпцова тотчасъ

же не увели. Онъ заикался, говорилъ несвязныя рѣчи и плакалъ; его возбужденіе дошло до крайняго состоянія. Успокоившись, онъ послалъ полковнику вызовъ.

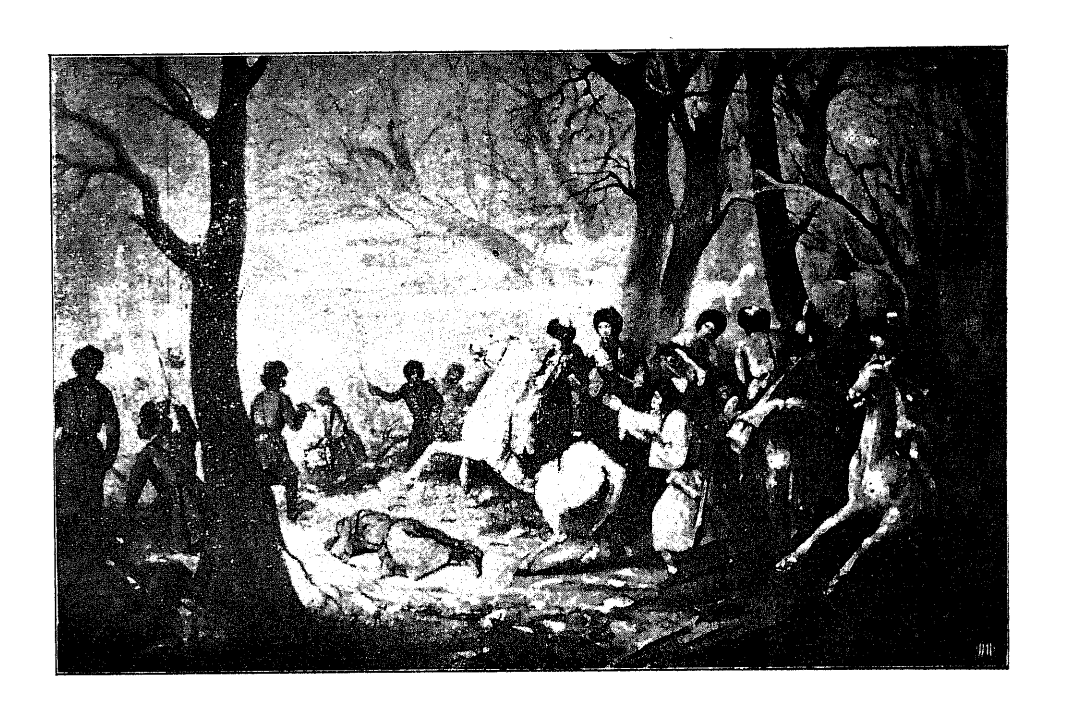
Надо полагать, что у обоихъ были ранѣе натянутыя отношенія. Слѣпцовъ имѣлъ много враговъ, завидовавшихъ его блестящей карьерѣ и тому почету, какимъ онъ всегда пользовался. Веревкинъ также былъ извѣстенъ своей храбростью, и нѣтъ сомнѣній, что когда нибудь имъ обоимъ приходилось сталкиваться. Такъ или иначе, но дуэль была объявлена. Слѣпцовъ уѣхалъ въ отрядъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ ея осуществленія. Однако Веревкинъ медлилъ. Друзья Николая Павловича употребляли всевозможныя усилія для предотвращенія несчастья. Говорятъ, что и Веревкинъ, сознавая себя виноватымъ, не желалъ драться *). Это окончательно переродило Слѣпцова: изъ энергичнаго и подвижнаго онъ сдѣлался угрюмымъ, взоръ его угасъ и окружавшіе замѣчали у него какое-то особенное, ненормальное состояніе. Онъ сталъ худъ и блѣденъ и ко всему относился апатично. «Не вынесу я этого, не переживу, умру, не хочу жить болѣе»,—твердилъ Слѣпцовъ окружавшимъ. И дѣйствительно, онъ искалъ случая умереть: онъ лѣзъ на явную погибель очертя голову, не уступая просьбамъ своихъ друзей. И въ день смерти своей, когда его несли на буркѣ раненаго, онъ сказалъ Циммерману: «Богъ меня проститъ, самъ я виноватъ».

Таковы событія, которыя очевидно имѣютъ связь съ фатальнымъ боемъ 10 декабря. Подтвержденіемъ этого могутъ служить предшествовавшія бою распоряженія Слѣпцова. Уѣзжая 5 декабря въ гехинскій отрядъ, онъ позвалъ къ себѣ своего слугу Якова и передалъ ему шкатулку съ серебряными и золотыми вещами, приказавъ отдать ее послѣ его смерти Крыгиной (любимая имъ женщина въ станицѣ), а имуществомъ и бѣльемъ предоставилъ право распорядиться самому Якову. Удивленный старикъ плакалъ, спрашивая, что все это значитъ.

— Умру я, Яковъ, не хочу болѣе жить,—отвѣчалъ Николай Павловичъ своему любимцу.

---

*) Существуетъ также предположеніе, что друзья не передали Веревкину вызовъ Слѣпцова.



Смерть Н. П. Слѣпцова.

Картина кн. Максутова.

VIII.

7-го декабря 1851 г. Слѣпцовъ предпринялъ рекогносцировку по дорогѣ къ укр. Урусъ-Мартанъ. Это было необходимо, такъ какъ оттуда доставлялись боевые припасы, фуражъ и провіантъ въ отрядъ, расположенный на лѣвомъ берегу р. Гехи, который производилъ рубку лѣса у замиреннаго аула Шалажи. Въ отсутствіе Слѣпцова чеченцы вывозили свое орудіе противъ нашего отряда и стрѣляли. 8-го декабря чеченцы возвели на правомъ берегу рѣки сильные ретраншементы. На р. Рошнѣ стояла партія въ 2000 конныхъ и пѣшихъ чеченцевъ при одномъ орудіи, подъ начальствомъ наибовъ Халцоу и Алхана. Свѣдѣніями, добытыми черезъ лазутчиковъ, было установлено, что 10 декабря эта партія намѣрена подойти къ хуторамъ и оттиснуть русскій отрядъ отъ рѣки на плоскость. Слѣпцовъ рѣшилъ во что-бы то ни стало взять у непріятеля орудіе, сильно безпокоившее занятый рубкою отрядъ.

9-го декабря вечеромъ Слѣпцовъ созвалъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено весь летучій отрядъ раздѣлить на 5 частей – три колонны, резервъ и прикрытіе для лагеря. Первая колонна, обходная, составленная изъ охотниковъ Сунженскаго и Горскаго казачьихъ полковъ въ числѣ 265 человѣкъ пѣшихъ, 2-го батальона Тенгинскаго полка въ 524 штыка и 18-ти милиціонеровъ, подъ начальствомъ войскового старшины Предимирова и командира батальона маіора Меркулова, должна была ночью переправиться черезъ р. Гехи, незамѣтно пройти лѣсъ и залечь въ тылу завала, ожидая непріятельскаго выстрѣла, послѣ котораго броситься въ штыки и въ шашки. Вторая колонна, штурмовая, въ составѣ батальона Эриванскаго карабинернаго полка, двухъ орудій линейной конно-казачьей № 15 батареи, двухъ сотенъ Сунженскаго казачьяго полка, двухъ сотенъ милиціи, ракетныхъ командъ Егерскаго князя Воронцова и Сунженскаго казачьяго полковъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ самого начальника отряда г.-м. Слѣпцова, должна была, притаившись у праваго берега р. Гехи возлѣ лагеря Тенгинскаго батальона, по тому-же выстрѣлу изъ непріятельскаго орудія быстро пробѣжать правымъ берегомъ рѣки, атаковать завалы

съ фронта и соединиться съ первой колонной. Въ третью колонну, тоже обходную, были назначены: 1-й батальонъ и одна рота 2-го батальона Навагинскаго пѣхотнаго полка, два орудія линейной конно-казачьей № 15 батареи, сборная сотня донскихъ казаковъ, сотня Владикавказскаго и сотня Горскаго казачьихъ полковъ, сотня назрановской и сотня осетинской милиціи, подъ начальствомъ полковника Карева. Эта колонна должна была рано утромъ выступить на рубку лѣса, но по первому же выстрѣлу изъ непріятельскаго орудія сразу прекратить рубку, быстрымъ обходнымъ движеніемъ справа приблизиться къ заваламъ и атаковать ихъ одновременно съ центральной колонной. Резервъ изъ одной роты 2-го Навагинскаго батальона и команды саперъ, при одномъ орудіи № 1 батареи Кавказской гренадерской артиллерійской бригады, подъ начальствомъ подполковника Сулимовскаго, долженъ былъ двинуться правымъ берегомъ рѣки за колонной Слѣпцова и, дойдя до переправы, занять позицію на правомъ берегу р. Гехи, откуда выслать цѣпь къ опушкѣ лѣса. Главной обязанностью резерва было охранять переправу и сдерживать непріятеля при отступленіи главныхъ силъ отъ заваловъ. Для прикрытія лагеря было назначено четыре роты при 5 орудіяхъ.

Позиція чеченцевъ расположена была фронтомъ къ р. Гехи и состояла изъ ретраншементовъ, тянувшихся на 2 версты вплоть до Гехинскихъ хуторовъ. Ретраншементы были завалены гигантскими чинарами, срубленными и положенными безъ всякаго систематическаго порядка, что особенно мѣшало дѣйствію пѣхоты и кавалеріи. Въ центрѣ этого укрѣпленія была устроена круглая батарея. Вообще, по свидѣтельству участниковъ, чеченцы возвели небывалый, сильный и хорошо баррикадированный завалъ.

Въ воскресенье 10 декабря выдался сѣренькій денекъ. Зимы въ 1851 году не было и въ описываемое время цвѣлъ даже терновникъ. До 10 часовъ утра все было спокойно. Войска стояли въ слѣдующемъ порядкѣ: центральная колонна съ генераломъ Слѣпцовымъ на коняхъ по поясъ въ водѣ р. Гехи, подъ совершенно обрывистымъ и высокимъ правымъ ея берегомъ; обходная колонна—у Нурикоевской поляны, также скрытая за обрывистымъ берегомъ; охотники еще съ ночи ушли въ тылъ заваловъ. Генералъ жаждалъ боя, былъ

еще съ вечера наканунѣ крайне возбужденъ, а въ день боя чрезвычайно экзальтированъ и все спрашивалъ въ дежурствѣ (оно его никогда не покидало), какъ дошли охотники, не были-ли они замѣчены непріятелемъ, успѣютъ ли они подойти къ завалу и проч. Долгое молчаніе непріятельскаго орудія его раздражало.

Наконецъ раздался выстрѣлъ—зловѣщій сигналъ къ общему наступленію. Въ мгновеніе ока Слѣпцовъ съ своимъ дежурствомъ очутился на непріятельскомъ берегу. Его сѣрый кабардинецъ гарцовалъ впереди; за нимъ стремглавъ въ безпорядкѣ одна за другой неслись его любимыя сотни. Пѣхота съ подполковникомъ Лукомскимъ стройно пошла за казаками.

Непріятель, замѣтивъ сильный и рѣшительный натискъ, быстро увезъ орудіе. «Мы его и не видали съ тѣхъ поръ», говорилъ полковникъ Прокоповъ. Когда сотни доскакали до заваловъ, непріятель уже отступалъ; слѣва слышалось звонкое «ура» охотниковъ и ружейная пальба наткнувшагося на нихъ непріятеля. Войска, рубившія просѣку, тотчасъ-же оставили работу, и кавалерія, подъ начальствомъ подполковника Шостака, стремительной атакой поддержала дѣйствіе центральной колонны. Справа надвигалась обходная колонна, занявъ флангъ завала и поражая непріятеля продольнымъ огнемъ. Къ центральной колоннѣ подходилъ подполковникъ Лукомскій съ пѣхотой.

Итакъ, все вышло согласно съ диспозиціей, но Слѣпцовъ желалъ чего-то большаго; онъ такъ и рвался въ опасную рукопашную схватку. А схватка была отчаянная! Казаки, ворвавшіеся съ фронта, гнали отступавшаго врага; охотники, зашедшіе съ тыла, очутились лицомъ къ лицу съ горцами. Чеченцы были въ теплыхъ бешметахъ, надѣтыхъ поверхъ черкесокъ, но скоро они начали снимать ихъ для болѣе свободнаго дѣйствія шашкой и кинжаломъ; такимъ образомъ, явившись неожиданно въ черкескахъ, они мало отличались отъ казаковъ, имѣвшихъ одинаковый костюмъ съ ними, а потому приходилось дѣйствовать съ разборомъ, дабы не ранить своихъ же. Чеченцы, видя неминуемую гибель, дрались какъ львы. Завалъ кишѣлъ людьми, рѣшившимися уничтожить другъ друга. А вотъ и онъ, всѣми любимый, обожаемый генералъ на своемъ знаменитомъ сѣромъ кабардинцѣ. Конь не стоитъ на мѣстѣ, отвѣчая настроенію всадника; его ноздри

фыркаютъ, изо рта идетъ пѣна, и благородное животное вздрагиваетъ отъ ружейныхъ выстрѣловъ. Слѣпцовъ стоитъ у центральнаго завала саженяхъ въ 15-ти; его темное пальто надѣто нараспашку поверхъ сѣрой черкески; красный верхъ папахи мелькаетъ среди окружающаго его дежурства; въ отдаленіи конвойный держитъ оранжевый значекъ, обозначающій присутствіе генерала.

Схватка приходила къ концу, когда вдругъ конь Слѣпцова рванулся въ сторону и генералъ покачнувшись склонился. Лицо Слѣпцова покрылось смертельной блѣдностью, глаза закрылись, лѣвая рука опустилась внизъ. Тотчасъ нѣсколько человѣкъ очутились возлѣ раненаго. Никто не зналъ о случившемся, казаки продолжали рубить чеченцевъ далеко отъ мѣста происшествія. Раненаго Слѣпцова понесли къ рѣкѣ; дорогою онъ прошепталъ: «Несите меня, братцы, не хочу здѣсь умирать.» Въ это время подъѣхалъ докторъ Лужинскій.

На пути къ ставкѣ Слѣпцовъ открылъ глаза и спросилъ: «Отбита ли пушка?» Ему отвѣтили отрицательно. «Ахъ, жаль!» —проговорилъ онъ грустно. Никакихъ распоряженій генералъ не дѣлалъ; онъ всегда до начала каждаго сраженія назначалъ на случай своей смерти или раны старшаго. На этотъ разъ онъ приказалъ полковнику Кареву быть его замѣстителемъ.

Генералъ быстро ослабѣвалъ, поминутно впадая въ забытье. Докторъ Лужинскій часто подносилъ ему какой то пузырекъ къ носу, и раненый, открывая глаза, дѣлался бодрѣе. Три раза Слѣпцовъ спрашивалъ про пушку и все жалѣлъ, что ее не отбили. Недалеко отъ рѣки онъ попросилъ пить. Напившись, онъ сказалъ:«Несите меня, братцы! Я васъ всѣхъ записалъ въ свое завѣщаніе. Жаль, очень жаль, что не отбили пушки».

Это были послѣднія слова героя. Вскорѣ началась предсмертная агонія; генералъ, впавъ въ забытье, больше уже не говорилъ.

Начали спускаться къ переправѣ. Въ 25 саженяхъ отъ рѣки видны были усилія умирающаго сказать что-то, но силъ не хватило; глаза открылись, но уже не тотъ былъ знаменитый орлиный, острый взглядъ, заставлявшій каждаго трепетать. Лишь только вступили казаки въ воду, Слѣпцовъ вздохнулъ и тихо, безъ стона, укора или сожалѣнія склонилась его буйная головушка на бокъ.

Такъ отошелъ въ вѣчность тотъ, при имени котораго трепетала вся Чечня.

Тихо и благоговѣйно крестясь, казаки донесли дорогое тѣло своего командира до лагеря. По запыленнымъ, суровымъ, загорѣлымъ ихъ лицамъ катились крупныя слезы, а далеко за обрывистыми берегами р. Гехи слышались отдаленные раскаты могучаго русскаго «ура». Храбрыя войска еще не знали, что они осиротѣли, и довершали съ честью начатое дѣло.

Тѣло перенесли въ лагерь и положили въ палаткѣ. Въ 5 ч. дня вернулись войска. Не поддается никакому описанію безпредѣльное горе отряда. Всѣ отъ казака и солдата до офицера буквально рыдали навзрыдъ.

11-го декабря утромъ войска продолжали рубить просѣку. Войсковой старшина Предимировъ съ 3-мя сотнями повезъ дорогіе останки черезъ Ачхой и Ассинскую въ ст. Сунженскую. Въ укр. Ачхоевскомъ прахъ былъ положенъ въ гробъ, обитый чернымъ бархатомъ съ серебромъ; знаменитому сѣрому кабардинцу сшита черная попона. Ст. Ассинская вышла на полъ-пути встрѣчать прахъ скончавшагося основателя Сунженской линіи. Самашкинцы, узнавъ о случившемся, прибѣжали туда же. Шествіе приближалось къ Сунженской станицѣ. Трудно выразить, что здѣсь происходило. Дѣтей подносили къ гробу, женщины и дѣвушки, громко рыдая, разстилали по пути шали и платки. Станица укоряла полкъ, не сумѣвшій сберечь драгоцѣнную жизнь ея кормильца.

Вѣсть о смерти Слѣцова точно молнія облетѣла всю Сунжу. Всѣ отъ мала до велика собрались поклониться его праху.

Тѣло его пребывало 4 дня въ часовнѣ, затѣмъ при громѣ пушекъ и ружейныхъ залповъ прахъ былъ опущенъ въ склепъ.

Преданіе говоритъ,что въ день смерти Слѣпцова въ станицѣ Сунженской было землетрясеніе, домъ его пошатнулся и часовой въ испугѣ выбѣжалъ на улицу. Народъ видѣлъ въ этомъ знаменіе Божіе.

Главнокомандующій почтилъ память Слѣпцова приказомъ, приглашавшимъ войска раздѣлить съ нимъ его горе:

«10 декабря отрядъ, собранный въ Малой Чечнѣ, произвелъ вполнѣ удачную атаку непріятельскихъ заваловъ при входѣ въ долину р. Гехи, гдѣ чеченцы потерпѣли сильное пораженіе и понесли весьма большой уронъ. Съ нашей стороны, по числу убитыхъ и раненыхъ, потеря маловажная, но она невознаградима, потому что въ этомъ дѣлѣ мы лишились храбраго г.-м. Слѣпцова, сраженнаго пулею въ грудь. Съ прискорбіемъ извѣщая о томъ войска ввѣреннаго мнѣ корпуса, остаюсь вполнѣ увѣ-

реннымъ, что всѣ знали его подвиги и всѣ раздѣлятъ чувство горести, возбуждаемой утратой этого доблестнаго генерала, но въ особенности Сунженскій казачій полкъ, которымъ онъ командовалъ съ 1845 года, который онъ устроилъ, поселилъ, воодушевилъ и прославилъ, съ которымъ сдѣлался грозою непріятеля, постепенно изгнаннаго изъ Малой Чечни, и въ рядахъ котораго онъ палъ на полѣ чести».

Со смертью Слѣпцова прекратились громкія дѣла на Сунжѣ, точно преемники его не смѣли тревожить праха почившаго героя. Реляціи и приказы главнокомандующаго не наполнялись болѣе описаніемъ подвиговъ отважнаго начальника Верхне-Сунженской линіи.

Государь Императоръ, желая навсегда увѣковѣчить память о храбромъ г.-м. Слѣпцовѣ, основавшемъ Сунженскій полкъ, «который онъ всегда водилъ къ побѣдамъ», Высочайшимъ приказомъ отъ 29 декабря 1851 года повелѣть соизволилъ: «Въ память генералъ-маіора Слѣпцова, станицу Сунженскую, въ коей расположена штабъ-квартира Сунженскаго полка, именовать впредь Слѣпцовскою».

28 го мая 1852 года приказомъ Его Императорскаго Величества имя Слѣпцова внесено на черную мраморную доску, находящуюся въ церкви Николаевскаго кавалерійскаго училища, въ которую вносятся имена всѣхъ главныхъ питомцевъ училища.

Въ запасной половинѣ Зимняго Дворца въ Петербургѣ находится прекрасная картина художника любителя князя Максутова, изображающая послѣдній моментъ жизни Слѣпцова въ бою 10-го декабря 1851 года на р. Гехи. Копія съ этой картины находится въ г. Саратовѣ въ залѣ дворянскаго собранія, напоминая саратовцамъ про дѣла и подвиги ихъ знаменитаго земляка, погибшаго геройской смертью на далекой чужбинѣ.

На могилѣ Слѣпцова въ ст. Слѣпцовской поставленъ памятникъ, представляющій подобіе холма, на вершинѣ котораго помѣщенъ огромныхъ размѣровъ камень, вывезенный изъ Назрани*); наверху его водруженъ крестъ изъ ядеръ «вѣстовыхъ пушекъ», кругомъ поставлена желѣзная рѣшетка. На камнѣ скромная надпись: «Николай Слѣпцовъ. 1851 г.».

---

*) Преданіе повѣствуетъ, что на этомъ камнѣ часто сидѣлъ Слѣпцовъ на горѣ у кр. Назрань и осматривалъ чудныя окрестности р. Сунжи.

Генералъ-маіоръ Ф. А. Круковскій.

Въ 1902 году исполнилось ровно пятьдесятъ лѣтъ со дня славной кончины наказнаго атамана Кавказскаго линейнаго казачьяго войска генералъ-маіора Феликса Антоновича Круковскаго, павшаго 18 января 1852 года въ бою съ чеченцами верстахъ въ 8-ми отъ чеченскаго селенія Урусъ-Мартанъ.

Ф. А. Круковскій, родившійся въ 1804 г., происходилъ изъ дворянъ Гродненской губерніи, римско-католическаго исповѣданія. Онъ вступилъ въ службу 8 сентября 1821 г. унтеръ-офицеромъ въ лейбъ-гвардіи Подольскій кирасирскій полкъ, имѣя всего 17 лѣтъ отъ роду. Черезъ два года онъ былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ корнета.

Дальнѣйшая военная карьера Круковскаго не блещетъ громкими дѣлами, но за то полна упорной созидательной работы, направленной къ внутреннему благоустройству частей, которыми онъ командовалъ. Не гоняясь за дешевыми лаврами, на что въ то время было много охотниковъ и къ чему Кавказская народная война на каждомъ шагу доставляла удобные случаи, Круковскій былъ честнымъ русскимъ воиномъ, не рисовавшимся отвагой, но и не щадившимъ гдѣ было нужно своей жизни.

Въ 1829 г. Круковскій въ чинѣ поручика былъ переведенъ въ Татарскій уланскій полкъ, который однако просуществовалъ недолго и въ 1833 г. былъ расформированъ; Круковскій, уже въ чинѣ капитана, переведенъ въ Рижскій драгунскій полкъ, гдѣ вскорѣ получилъ командованіе эскадрономъ, а затѣмъ въ 1837 г. въ чинѣ маіора назначенъ командиромъ дивизіона.

Высочайшимъ приказомъ 4 мая 1839 г. Круковскій назначенъ командиромъ Горскаго линейнаго казачьяго полка,

въ 1842 г. произведенъ въ подполковники, въ 1843 г. переведенъ въ Хоперскій линейный казачій полкъ тоже командиромъ и произведенъ въ полковники, а черезъ два года (въ 1845 г.) получилъ въ командованіе Нижегородскій драгунскій полкъ, которымъ командовалъ вплоть до назначенія наказнымъ атаманомъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска. Еще будучи командиромъ Нижегородскаго драгунскаго полка Круковскій въ 1848 г. получилъ чинъ генералъ-маіора. Высочайшій приказъ о назначеніи Круковскаго наказнымъ атаманомъ состоялся 8 февраля 1849 г., но въ эту отвѣтственную должность онъ вступилъ только черезъ $2^1/_2$ мѣсяца, а именно 18 апрѣля 1849 г.

Таково въ короткихъ словахъ движеніе Круковскаго по службѣ. Уже приведенный короткій перечень должностей, которыя онъ занималъ, показываетъ, что Круковскій принадлежалъ къ числу выдающихся офицеровъ Кавказской арміи, которому охотно ввѣрялось командованіе лучшими частями ея. Горскій и Хоперскій линейные казачьи полки и въ особенности Нижегородскій драгунскій полкъ въ то боевое время считались украшеніемъ Кавказской кавалеріи; командовать этими полками считалось за особую честь, которой домогались выдающіеся офицеры, пользовавшіеся гораздо болѣе сильными связями, чѣмъ Круковскій. И если послѣднему отдавалось предпочтеніе, то только благодаря его несомнѣннымъ достоинствамъ, какъ неустрашимаго воина, умнаго администратора и безупречнаго человѣка.

До назначенія Круковскаго командиромъ Горскаго линейнаго казачьяго полка, онъ участвовалъ въ походахъ только противъ польскихъ мятежниковъ въ 1831 году. Здѣсь онъ участвовалъ: 13-го февраля въ генеральномъ сраженіи подъ Прагой на Граховскихъ поляхъ, 8 іюня въ сраженіи подъ Вильной на Понарскихъ высотахь и 2-го сентября въ жаркомъ дѣлѣ съ мятежниками подъ Калушиномъ. За отличіе въ этихъ дѣлахъ Круковскій былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 3-й ст. съ бантомъ.

Со времени назначенія командиромъ Горскаго полка, вся дальнѣйшая служба Круковскаго проходитъ на Кавказѣ и для него началась эпоха безпрерывныхъ походовъ. Семилѣтній періодъ 1839—1846 г. онъ буквально почти не слѣзаетъ съ коня. Въ декабрѣ 1839 г. онъ участвуетъ въ тяжелой

зимней экспедиціи генералъ-маіора Гулло въ Большую и Малую Чечню. Весною 1840 г., подъ начальствомъ генералъ-маіора Лабинцова, онъ со своимъ Горскимъ полкомъ совершаетъ длинный рядъ набѣговъ по р.р. Ассѣ и Шалушкѣ, къ ауламъ Чемулго, Аху-Барзъ и Гижиръ-Юртъ и за молодецкія дѣйствія въ этихъ дѣлахъ получаетъ орденъ Св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ вступаетъ въ отрядъ подполковника Нестерова, который съ апрѣля по іюнь мѣсяцъ оперировалъ противъ огромныхъ скопищъ непріятеля въ Малой Чечнѣ; въ этомъ походѣ во время жаркой перестрѣлки на р. Фортангѣ Круковскій былъ раненъ пулей въ шею навылетъ съ поврежденіемъ гортанныхъ хрящей (29 апрѣля). Тяжелая рана не помѣшала ему продолжать походы; онъ остался на конѣ до конца экспедиціи, по окончаніи которой вступилъ со своимъ полкомъ въ отрядъ полковника Фрейтага, а затѣмъ генералъ-маіора Лабинцова, закончившаго умиротвореніе Малой Чечни и волновавшихся Карабулаковъ, которые во второй половинѣ 1840 г. были водворены на мѣста прежняго жительства. За отличіе въ этихъ дѣлахъ Круковскій удостоился получить Высочайшее благоволеніе.

Въ сентябрѣ этого года огромная партія горцевъ предприняла набѣгъ на г. Моздокъ и его окрестности. Память объ этомъ событіи сохранилась на Терекѣ до нашихъ дней. Населеніе встрѣтило непріятеля дружнымъ и стойкимъ отпоромъ, въ которомъ участвовали женщины и дѣти. Само собою разумѣется, что отраженіемъ партіи руководилъ Круковскій, какъ командиръ Горскаго полка, въ составъ котораго входили моздокскія станицы. Дѣло окончилось полнымъ пораженіемъ горцевъ, а въ предупрежденіе повторенія набѣговъ былъ сформированъ летучій отрядъ для охраны границъ центра Кавказской линіи и Малой Кабарды, начальникомъ котораго былъ назначенъ Круковскій.

Въ этой должности съ небольшими перерывами Круковскій оперировалъ въ раіонѣ своего полкового округа до 15 октября 1841 г., когда онъ снова перешелъ съ полкомъ въ Чечню, гдѣ подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Граббе принялъ участіе въ движеніи на р.р. Валерикъ и Шалажи. Горцы упорно отстаивали каждый шагъ своихъ позицій, и нашимъ войскамъ приходилось штыками и шашками прокладывать себѣ дорогу. Въ этомъ движеніи Круковскій со свои-

ми казаками участвовалъ въ истребленіи ауловъ Шалажи, Нурикой, Магома-ирзо, Магома-юрта, Терча-юрта и Шаинъ-хутора, причемъ выдержалъ отчаянную рукопашную схватку въ Бокаевскомъ лѣсу и жаркую перестрѣлку въ Гойтинскомъ лѣсу.

Послѣ непродолжительной лагерной стоянки на р. Гойтѣ, отрядъ генерала Граббе предпринялъ движеніе для истребленія продовольственныхъ запасовъ непріятеля въ окрестностяхъ Урусъ-Мартана, сложенныхъ въ глухихъ мѣстахъ по мелкимъ лѣснымъ хуторамъ. Подобныя экспедиціи были особенно тяжелы для нашихъ войскъ: приходилось двигаться безъ дорогъ, по тѣснымъ балкамъ и глухимъ лѣснымъ трущобамъ, загроможденнымъ завалами, гдѣ нельзя было развернуть всѣхъ силъ и приходилось драться иногда буквально въ одиночку, среди всевозможныхъ неожиданностей. Противъ отряда генерала Граббе въ этой экспедиціи оперировалъ одинъ изъ искуснѣйшихъ наибовъ Ахверды-Магома, пользовавшійся большою популярностью среди чеченцевъ. Несмотря на все это, за два дня 22 и 23 октября всѣ важнѣйшіе лѣсные хутора съ запасами были истреблены, 24 октября отрядъ перешелъ на р. Аргунъ, 25-го къ аулу Белгатой, а 16-го къ аулу Шали, 27-го двинулся на Гельдигенъ и Автуры, 28-го на Маіортупъ, 30-го на Ойсунгуръ и 1-го ноября пришелъ въ Герзель-аулъ, гдѣ соединились всѣ три колонны отряда и были, наконецъ, распущены по своимъ штабъ-квартирамъ.

Въ этомъ движеніи Круковскій со своимъ Горскимъ казачьимъ полкомъ исполнялъ тяжелую и отвѣтственную работу, причемъ выдержалъ много стычекъ и рукопашныхъ схватокъ съ чеченцами, неизмѣнно кончавшихся ихъ полнымъ пораженіемъ. За отличіе въ этой экспедиціи Круковскій вновь удостоился получить Высочайшее благоволеніе.

Въ 1842 году Круковскому было поручено начальство надъ летучимъ Константиновскимъ отрядомъ, сформированнымъ для охраны верхней части Терека, на которую чеченцы продолжали дѣлать набѣги. Особенно большая и сильная партія ихъ напала на эту линію 15 сентября; предводительствовалъ ею уже знакомый Круковскому по предыдущимъ походамъ наибъ Ахверды-Магома. Круковскій разбилъ его на голову и преслѣдовалъ со своимъ отрядомъ до укр. Казакъ-Кичу; здѣсь онъ настигъ непріятеля и довершилъ его пора-

женіе рукопашнымъ боемъ. «За благоразумную распорядительность и отличное мужество» въ этомъ дѣлѣ Круковскій вновь удостоился получить Высочайшее благоволеніе.

Въ 1843 году Круковскій принялъ командованіе Хоперскимъ линейнымъ казачьимъ полкомъ. Дѣятельность его переносится на время на правый флангъ Кавказской линіи. Здѣсь онъ отличился въ бою съ огромнымъ скопищемъ горцевъ, предпринявшихъ набѣгъ на станицу Хоперскаго полка Бекечевскую. Круковскій со своими казаками совершенно разсѣялъ это скопище, за что удостоился получить сразу двѣ награды: чинъ полковника и орденъ св. Георгія 4-го класса.

Въ 1844 году Круковскій нѣкоторое время командовалъ войсками, строившими Надеждинское укрѣпленіе на р. Кефарѣ. Весь этотъ годъ проходитъ для него опять въ безконечныхъ походахъ, начавшихся со дня выступленія войскъ съ зимнихъ квартиръ; но большихъ дѣлъ въ этомъ году на правомъ флангѣ не было, за исключеніемъ неудачной попытки горцевъ, численностью въ 10 тысячъ человѣкъ, сдѣлать нападеніе на ст. Усть-Лабинскую; отрядъ подполковника Васмунда, въ составъ котораго входилъ и Хоперскій полкъ, безъ особаго труда отбилъ это нападеніе.

Въ 1845 году Круковскому вновь было поручено командованіе самостоятельнымъ отрядомъ, который былъ расположенъ въ упраздненномъ Хумаринскомъ укрѣпленіи и имѣлъ назначеніемъ наблюдать за движеніями Сулеймана—Эфенди. Имѣя опредѣленную задачу, отрядъ этотъ въ большихъ сраженіяхъ участія не принималъ. Въ августѣ 1845 г. Круковскій получилъ въ командованіе Нижегородскій драгунскій полкъ и награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степ.

Мы не знаемъ всѣхъ подробностей о дѣятельности Круковскаго въ должности командира Нижегородскаго драгунскаго полка; но уже одно имя «лихихъ нижегородцевъ» можетъ служить порукой въ доблестяхъ ихъ командира, который въ 1847 г. награжденъ орденомъ св. Анны 2 й ст. съ Императорской короной, а въ слѣдующемъ 1848 г. произведенъ въ генералъ-маіоры.

Вотъ и всѣ краткія свѣдѣнія о службѣ Круковскаго въ въ строевыхъ частяхъ. Повторяемъ, что въ нихъ нѣтъ ничего, поражающаго внѣшнимъ блескомъ, который какъ сіяніе окружалъ имена другихъ выдающихся героевъ Кавказской вой-

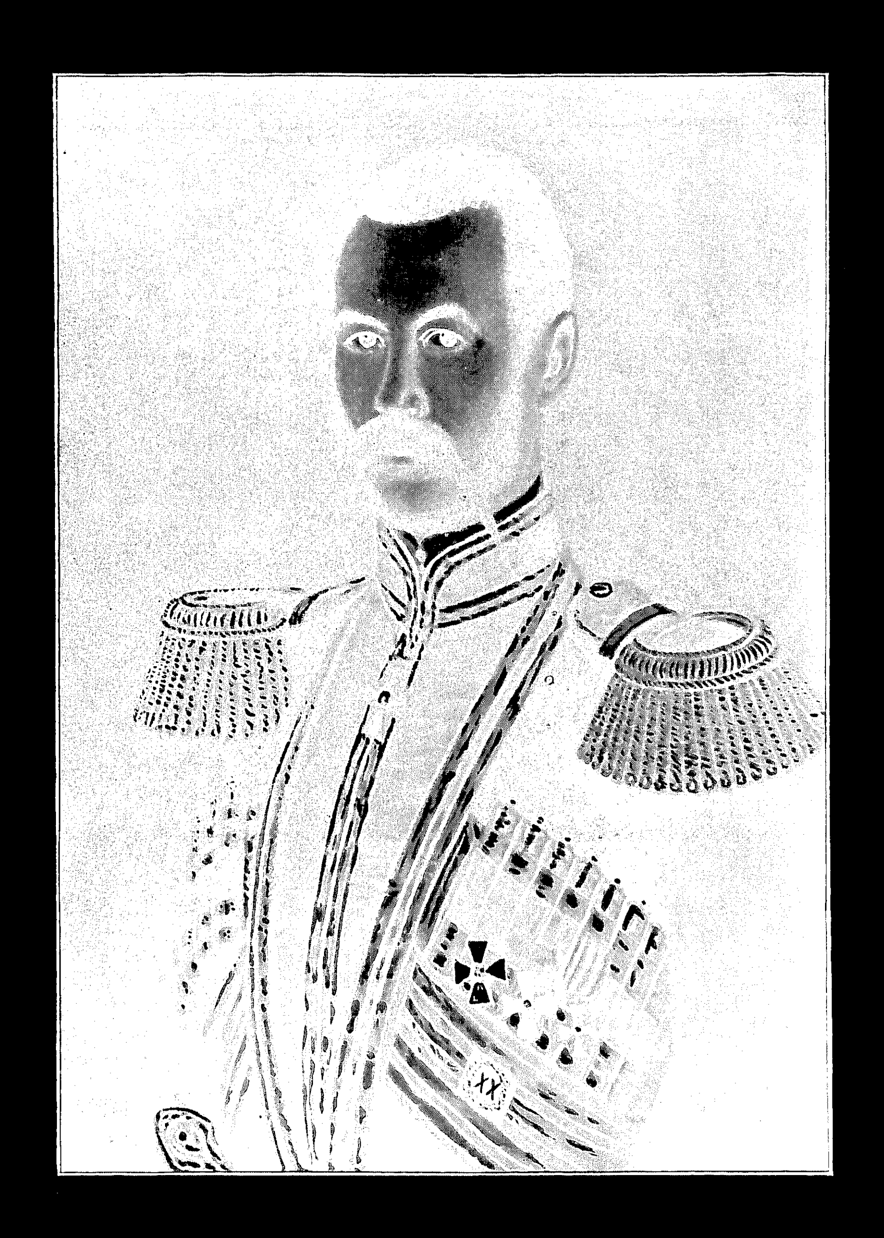
ны и нерѣдко ослѣплялъ современниковъ; за то въ лицѣ Круковскаго Кавказская армія имѣла воина, скромнаго по виду, но чрезвычайно цѣннаго по внутренней силѣ и постоянной энергіи. Его выдвинулъ не случай, не счастливое стеченіе обстоятельствъ и не тотъ угаръ отчаянной удали, отъ котораго пьянѣли многіе, искавшіе славы во что бы то ни стало и не щадившіе для этого ни своей, ни чужой головы. Это былъ воинъ стойкій, но предусмотрительный, не щадившій своей жизни, но и не искавшій легкихъ отличій. Главной его заботой было благополучіе ввѣренныхъ ему людей. Для характеристики Круковскаго, какъ командира строевой части, могутъ служить слова приказа гльвнокомандующаго отъ 23 мая 1847 г., въ которомъ ему объявлена «полная и особенная признательность за временныя помѣщенія для драгунсказо полка, которыя рѣдкою попечительностью и особою дѣятельностью *изъ ничего* возникли въ нѣсколько мѣсяцевъ»*).

Такія именно качества отличали Круковскаго въ трехлѣтній періодъ его дѣятельности въ должности наказнаго атамана Кавказскаго линейнаго казачьяго войска: онъ создавалъ благополучіе казаковъ «изъ ничего», одною силой своей непреклонной энергіи, безукоризненной честности и сердечной заботливости. Онъ устраивалъ «линію» не только какъ военный оплотъ, обезпечивающій спокойствіе русскихъ владѣній на переднемъ Кавказѣ, но и какъ главную культурную артерію этихъ владѣній, по которой въ новый и дикій край должна была изъ центра Россіи втекать мирная промышленность.

Перечитывая приказы Круковскаго по Кавказскому линейному казачьему войску, вы увидите въ нихъ неусыпную заботу прямого, честнаго и глубоко преданнаго своему долгу атамана о простомъ казакѣ и его несложномъ хозяйствѣ. Линія была еще неустроена, то и дѣло изъ внутренней Россіи приходили новые поселенцы, между которыми было много всякаго сброду, искавшаго легкой жизни на казенномъ пайкѣ. Нужно было устроить ихъ на новыхъ мѣстахъ, пріучить къ труду и въ то же время обучить военному искусству соотвѣтственно назначенію казака. Для наказнаго атамана работы было много, и Круковскій выполнялъ ее со свойственной ему настойчивостью. Онъ вникалъ во всѣ мелочи станичнаго оби-

---

*) Цитировано изъ формулярнаго списка Круковскаго.



Генералъ-маіоръ Ф. А. Круковскій.

хода, не давалъ повадки лѣнтяямъ, но въ то-же время ни отъ кого не требовалъ ничего лишняго. Отличительной чертой всѣхъ его распоряженій была строгая закономѣрность; власть наказнаго атамана въ то время была очень велика и легко было пользоваться ею для самыхъ широкихъ затѣй, которыя могли прійти въ болѣе мечтательную голову. Круковскій ни разу не увлекся возможностью создать себѣ искусственную славу; все, что онъ дѣлалъ, вызывалось строгою необходимостью, чего нельзя сказать объ окружавшихъ его лицахъ. Прекрасной иллюстраціей его отношенія къ своимъ обязанностямъ могутъ служить заключительныя слова его духовнаго завѣщанія, написаннаго имъ передъ отъѣздомъ изъ г. Ставрополя 31 декабря 1851 г. въ роковую для него экспедицію. «Въ заключеніе всего,—пишетъ «своеручно» Круковскій—не могу не распахнуть души и не сознаться въ своемъ настоящемъ положеніи, которое ежели взвѣсить порядкомъ, то едва ли не приходится предпочесть приличную смерть командованію войскомъ, въ которомъ хозяйничаютъ всякіе, кто въ Бога вѣруетъ и кто не вѣруетъ. Я объ одномъ только молилъ и молю Всевышняго, чтобы онъ даровалъ мнѣ силу и терпѣніе, необходимыя для того, чтобы остаться честнымъ человѣкомъ и не выходить изъ порядка службы и приличія, за что и благодарю моего Создателя. Аминь». Въ этихъ словахъ слышится вопль наболѣвшій души человѣка, который, готовясь умереть, не могъ скрыть того, что лежало камнемъ на его сердцѣ.

Въ декабрѣ 1851 г. Круковскій получилъ распоряженіе командующаго войсками отправиться въ составъ отряда, готовившагося подъ личнымъ начальствомъ князя Барятинскаго къ зимней экспедціи въ Большую Чечню, для которой требовались испытанные въ бояхъ начальники. Какъ разъ наканунѣ новаго года, 31 декабря 1851 г., Круковскій оставилъ свою резиденцію г. Ставрополь, передавъ управленіе дѣлами линейнаго войска генералъ-маіору Васмунду. Передъ отъѣздомъ онъ, какъ бы предчувствуя близкую кончину, написалъ вышеупомянутое завѣщаніе, начинающееся словами: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Какъ христіанинъ, къ тому же военный, долгомъ считаю быть готовымъ умереть каждую минуту. На основаніи сихъ священныхъ правилъ, распредѣляю мою маленькую, честно нажитую собственность нижеслѣдующимъ образомъ». Дѣйствительно, собственность оказалась не-

большая: 15 тысячъ руб. билетами и 500 руб. наличными деньгами, двѣ лошади, дрожки, оружіе, часы, подзорная труба и т. п. Исполненіе своей послѣдней воли по этому завѣщанію Круковскій поручилъ своему близкому другу полковнику барону Унгернъ-Штернбергу.

Въ началѣ января 1852 г. Круковскій прибылъ въ Чеченскій отрядъ, главныя силы котораго подъ командой кн. Барятинскаго стояли лагеремъ на правомъ берегу р. Аргуна у аула Бани, откуда 17-го января выступили двѣ колонны для разоренія лѣсныхъ хуторовъ въ окрестностяхъ аула Дуба и выше укрѣпл. Урусъ-Мартановскаго. Въ одной изъ этихъ колоннъ, состоявшей изъ 2-хъ батальоновъ пѣхоты, 7-ми сотенъ казаковъ и 4-хъ эскадроновъ драгунъ, при 4-хъ орудіяхъ легкой № 5 батареи и 4-хъ конныхъ орудіяхъ, находился Круковскій, командовавшій всей кавалеріей. Колонна эта ночевала въ Урусъ-Мартанѣ. Современники разсказываютъ, что когда войскамъ стало извѣстно о назначеніи колонны, то депутація отъ казаковъ обратилась къ начальнику отряда съ просьбой предоставить имъ уничтоженіе хуторовъ. Обыкновенно этимъ дѣломъ занималась пѣхота, которая отлично приноровилась къ упорной штыковой работѣ въ тѣснинахъ. Разумѣется, удалые казаки завидовали пѣхотинцамъ и искали случая отличиться въ новой для нихъ боевой роли.

18-го января, не доходя около 3-хъ верстъ до хуторовъ, колонна остановилась, и въ бой пошли одни спѣшенные казаки подъ личной командой Круковскаго, сидѣвшаго на своемъ бѣломъ боевомъ конѣ. На хуторахъ горцевъ оказалось гораздо больше, чѣмъ предполагалось по донесеніямъ лазутчиковъ. Завязалась отчаянная рукопашная схватка, долго не дававшая положительныхъ результатовъ. Наконецъ казаки, не обладавшіе навыкомъ къ работѣ въ тѣсномъ мѣстѣ, начали отступать. Въ это время Круковскій, лично руководившій боемъ, остался позади отступившихъ казаковъ, лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, съ однимъ своимъ постояннымъ ординарцемъ урядникомъ ст. Екатериноградской Селиверстомъ Толчаинымъ. Горцы, узнавъ генерала и предвидя богатую добычу, устремились на него. Сначала былъ раненъ конь Круковскаго, затѣмъ онъ самъ получилъ тяжелую огнестрѣльную рану: пуля попала въ лѣвую лопатку и прошла навылетъ въ лѣвый сосокъ. «Селиверстъ, брось меня и спасайся

самъ»,—сказалъ генералъ храброму уряднику, но Толчаинъ не оставилъ своего атамана и пытался вывести его изъ опаснаго мѣста. Насѣвшіе на нихъ въ большомъ числѣ горцы изрубили ихъ обоихъ шашками.

Тѣмъ временемъ на выручку казаковъ спѣшила изъ резерва пѣхота. Дружный ударъ въ штыки разогналъ скопище горцевъ, хутора были въ одинъ мигъ уничтожены до тла и дѣло окончилось блестящей побѣдой. Но потери наши были очень тяжелы: однихъ офицеровъ пало шесть человѣкъ, въ томъ числѣ генералъ-маіоръ Круковскій, тѣло котораго нашелъ и вынесъ на собственныхъ рукахъ командиръ 4-й роты Куринскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитанъ Петченко-Андрейченко. Рядомъ съ нимъ лежалъ его вѣрный ординарецъ урядникъ Толчаинъ, оба изрубленные и обезображенные шашечными ударами. Всѣ вещи и платье Круковскаго унесли горцы,- онъ лежалъ въ одномъ бѣльѣ; на Толчаинѣ же была только порвана черкеска

Согласно послѣдней волѣ Круковскаго, выраженной въ его завѣщаніи, трупъ его перевезли въ ст. Екатериноградскую, гдѣ и похоронили въ церковной оградѣ, среди дорогихъ его сердцу казаковъ Горскаго полка. Тѣло урядника Толчаина также было доставлено для погребенія въ ст. Екатериноградскую. Вдовѣ Толчаина, оставшейся съ двумя малолѣтними дѣтьми, по Высочайшему повелѣнію было выдано изъ войсковыхъ суммъ единовременное пособіе 40 р. и назначена пенсія по 30 р. въ годъ до совершеннолѣтія сына. У Круковскаго семьи не осталось: онъ жилъ и умеръ одинокимъ холостякомъ.

Такъ погибъ на полѣ брани славный атаманъ Кавказскаго линейнаго войска генералъ-маіоръ Круковскій, оставившій по себѣ добрую память во всѣхъ частяхъ, гдѣ только ему приходилось служить.

Виноградарство и винодѣліе въ низовьяхъ р. Терека.

(Докладъ на съѣздѣ виноградарей и винодѣловъ 1902 г. въ г. Москвѣ).

Представляемыя мною свѣдѣнія относятся къ виноградарству и винодѣлію въ низовьяхъ рѣки Терека.

Названіемъ «низовьевъ Терека» или просто «притерскихъ низовьевъ» принято у насъ обозначать часть территоріи Кизлярскаго отдѣла, Терской области, лежащую въ предѣлахъ 43^0 20′—43^0 55′ сѣв. широты и 45^0 30′—46^0 55′ восточ. долготы отъ Гринвича.

Означенная мѣстность восточной своею окраиной упирается въ берега Каспійскаго моря; на югѣ граничитъ лѣвымъ берегомъ помянутой рѣки, протекающей вдоль сѣверныхъ отроговъ Кавказскаго хребта, а на западѣ и сѣверѣ оканчивается сплошною степью, уходящею къ берегамъ Волги въ сосѣднюю Астраханскую губернію.

Рельефъ поверхности притерскихъ низовьевъ волнистый—иловатыя низменности перемежаются съ песчаными холмами.

Климатъ, несмотря на близость двухъ морей—Чернаго и Каспійскаго—чисто материковый. Лѣто—знойное, нерѣдко засушливое, съ жарами, доходящими до 40^0 Р., и бездождьемъ въ теченіе 2–3 мѣсяцевъ подрядъ. Зимніе холода чаще всего доходятъ до—18^0, а въ исключительные годы до—30^0 Р. Весенніе заморозки продолжительны; иногда случаются въ началѣ мая. Въ общемъ климатъ крайне неровный. Зимы теплыя, сухія, почти безснѣжныя чередуются съ довольно суровыми, не уступающими средне-россійскимъ; точно также годы съ раннею весной, относительно умѣреннымъ лѣтомъ и продолжительною осенью смѣняются сплошь дождливыми, съ осенними заморозками, начинающимися въ сентябрѣ, а иногда и въ концѣ августа. Господствующіе вѣтры лѣтомъ—продол-

жительный знойный юго-восточный, пріостанавливающій жизнедѣятельность растительности, изсушающій почву и полевыя травы, и юго-западный, приносящій дождь; а зимою—сѣверо-восточный и западный, сопровождающійся обыкновенно снѣгомъ. Градъ и срывающіяся бури (по мѣстному «полосы») не рѣдко причиняютъ громадные убытки какъ виноградарству, такъ и сельскому хозяйству вообще.

Ниже привожу таблицу метеорологическихъ наблюденій за 1901 г., произведенныхъ на открывшейся въ этомъ году станціи 2-го разряда въ ст. Шелковской.

МѢСЯЦЫ.	Барометръ при 0.	Температура Градусы Цельсія.			Осадки.		Число дней съ пасмурнымъ небомъ.	Преобладавшіе вѣтры.			
	сред.	Средняя.	Максимумъ.	Минимумъ.	Сумма.	Число дней.		E. N. E. E. E. S. E.	Сумма скорост. движен. въ метрахъ.	W. N. W. W. W. S. W.	Сумма скорост. движен. въ метрахъ.
Январь. . .	765,1	— 3,6	+ 8,0	— 17,3	29,3	9	20	14	51	0,00	0,00
Февраль . .	764,0	+ 2,2	+ 16,5	— 13,5	15,0	6	19	20	92	11	68
Мартъ . . .	762,0	+ 7,2	+ 26,0	— 4,3	17,0	7	16	47	213	14	90
Апрѣль. . .	760,1	+ 12,5	+ 25,9	+ 0,6	24,1	3	12	28	232	30	155
Май.	758,9	+ 16,7	+ 26,4	+ 5,4	82,8	14	14	30	120	33	115
Іюнь	757,7	+ 22,3	+ 31,0	+ 6,8	36,9	5	8	47	218	12	60
Іюль	756,0	+ 24,5	+ 34,9	+ 16,0	23,8	6	7	27	105	14	51
Августъ . .	756,2	+ 24,5	+ 34,6	+ 12,3	4,2	2	4	42	209	3	23
Сентябрь. .	760,2	+ 19,1	+ 28,4	+ 7,0	1,9	3	8	41	151	10	24
Октябрь . .	760,8	+ 10,5	+ 26,0	— 6,9	15,4	7	11	62	450	19	12,3
Ноябрь. . .	762,2	+ 3,8	+ 14,1	— 12,0	15,7	8	13	21	54	31	102
Декабрь . .	763,0	+ 3,6	+ 14,0	— 6,5	17,2	9	20	24	91	26	96

1901 годъ отличался умѣренною зимою, неособенно жаркимъ, но чрезвычайно вѣтреннымъ и засушливымъ лѣтомъ.

Хлѣба родились весьма плохо, давъ наивысшій урожай самъ—6,5. Деревья плодовыя и лѣсныя и виноградная лоза въ половинѣ лѣта оказывались съ обожженной и значительно осыпавшейся листвой отъ засухи и сильнаго развитія различныхъ паразитныхъ грибковъ. Виноградники, несмотря на надлежащее лѣченіе, принесли скудный, но по качеству, можно считать, относительно хорошій урожай.

Почвы, залегающія въ притерскихъ низовьяхъ, можно раздѣлить на двѣ основныя группы: песчанисто-иловатыя и песчаныя.

Первыя занимаютъ полосу, шириною отъ 3 до восьми верстъ, прилегающую къ рѣкѣ. Вторыя, начинаясь отъ этой полосы, тянутся къ сѣверу, переходя постепенно въ сыпучіе пески и кучугуры.

Песчанисто-иловатыя почвы на всемъ своемъ протяженіи значительно разнятся по составу и физическимъ свойствамъ, представляя смѣсь, въ различныхъ пропорціяхъ, изъ глины, песку и перегноя. Мѣстами замѣчается въ нихъ избытокъ натровыхъ и калійныхъ солей, образующихъ солонцевые выпоты, а мѣстами—примѣсь известковыхъ. Окраска ихъ то бѣлесоватая, то изжелта бурая, а большею частью темно-сѣрая. Подпочвенная вода обнаруживается на глубинѣ $^1/_2$—$1^1/_2$ арш. (весною) и $^3/_4$—$2^1/_2$ арш. (осенью), на вкусъ горьковато-соленая, обыкновенно жестка и нездорова.

Въ большинствѣ случаевъ песчанисто-иловатыя (наносныя) подзолистыя почвы лежатъ на песчаныхъ или красно-бурыхъ, синеватыхъ, свѣтло-сѣрыхъ супесчаныхъ подпочвахъ. Въ обработкѣ онѣ крайне тяжелы. Сильно зарастаютъ бурьянистыми травами; быстро размокаютъ, превращаясь въ клейкую грязь; послѣ дождя затягиваются коркой, въ засуху образуютъ глубокія трещины. Съ наибольшимъ успѣхомъ на нихъ произрастаютъ: акація обыкновенная (Robinia Pseudoacacia), шелковица (Morus alba и nigra), различные виды ивъ, осина и осокорь (Populus tremula и alba), дубъ и лохъ (Elaeagnus) Изъ плодовыхъ деревьевъ—слива, яблоня и персикъ; груша, успѣшно развиваясь въ первые годы, быстро старѣетъ. Виноградная лоза обнаруживаетъ сильный ростъ; мѣстные сорта ея приносятъ урожаи отъ 240 до 900 и болѣе пудовъ, въ среднемъ до 600 пуд. ягодъ съ каз. десятины, при принятой здѣсь посадкѣ въ 10—13 тыс. корней.

Песчаныя почвы рѣдко бываютъ крупно-зернистыя. Верхній слой ихъ состоитъ преимущественно изъ сѣраго супеска, почти всегда богатаго растительнымъ перегноемъ; нижній—чрезвычайно мелкій, часто желтоватый, рыхлый песокъ, съ раковинами и примѣсью такой же окраски глины. Иногда этотъ слой состоитъ изъ сѣроватаго плотнаго супеска, ссыхающагося на воздухѣ въ крѣпкую цементную массу, переходящую въ залежь, какъ бы промытаго, темно-сѣраго рѣчного песка, съ песчинками величиной въ 0,25, 0,33 и 1, 6 mm.

Растительность крайне скудна. Небольшія лѣсныя заросли (дубъ, ясень, кленъ, карагачъ, берестъ, ива, осина, ольха, калина, айва, мушмула, крушина, терновникъ, груша, яблоня и др.) тянутся узкою лентою вдоль рѣки.

Остальное пространство къ сѣверу—степь покрыта изрѣдка разбросанными кустами карагачника (крушина—Rhamnus Pallasii, Z et Mey) и травами, среди которыхъ преобладаютъ клеверъ (Trifolium), астрагалъ (Astragalus), солодковый корень (Glycyrrhiza), люцерна (Medicago), донники (Melilotus), чертополохъ (Cirsium и Carduus), полынь (Artemisia), центаурея (Centaurea), лебеда (Atriplex) поташникъ (Salsola), бибикъ (Peganum Harmala), подмаренникъ (Galium), марена (Rubia), кермекъ (Statice), конопля (Canabis), крапива (Urtica), катранъ (Crambe), пастушья сумка (Capsella Bursa Pastoris) и вайда степная (Isatis tinctoria), произрастающая среди мѣстныхъ краснотала, желтотала и осокоря на сыпучихъ пескахъ.

Климатическія условія для жизни людей весьма тяжелы. Рѣзкія пониженія температуры порождаютъ различныя простудныя болѣзни; испаренія заросшихъ камышемъ, осокой и прочими водяными растеніями и водорослями болотъ, во множествѣ раскинутыхъ повсемѣстно, служатъ источникомъ круглый годъ не прекращающихся лихорадокъ, пагубно дѣйствующихъ на здоровье не только пришлаго люда, но и коренныхъ жителей. Лѣтніе знойные вѣтры, душныя со смраднымъ болотнымъ воздухомъ ночи, миріады комаровъ и москитовъ дѣлаютъ жизнь лѣтомъ зачастую невыносимой.

Пути сообщенія, сколько-нибудь удобные для транспортировки грузовъ, положительно отсутствуютъ. Дороги, ведущія къ желѣзнодорожнымъ станціямъ Грозный, Хасавъ-Юртъ и Гудермесъ по временамъ—во время разливовъ рѣки и въ зимнюю пору—совсѣмъ непроѣздны. На протяженіи 166 верстъ,

отъ станицы Александрійской до гор. Грознаго, единственная надежная переправа черезъ Терекъ—мостъ на 139-й верстѣ въ ст. Николаевской. Въ станицѣ Щедринской слышны свистки поѣздовъ и, несмотря на близость станціи, отстоящей всего въ 12-ти верстахъ, за неустроенностью переправы и топкостью дороги, нѣтъ возможности отправлять и получать грузы съ увѣренностью на благополучную и своевременную доставку ихъ.

Рабочій элементъ составляетъ преимущественно мѣстное населеніе—казаки, крестьяне, кочевники караногайцы и горцы Дагестанской области (тавлины и казикумыки), приходящіе на заработки съ осени до мая мѣсяца. Цѣны на рабочія руки колеблятся отъ 15 к. до 1 р. въ день, причемъ платится:

	Зимою.	Лѣтомъ.	Весною и осенью.
Мужчинамъ . . .	30—45 к.	40— 1 р.	40—50 к,
Женщинамъ . .	25—30 »	35—50 к.	25—40 »
Подросткамъ . .	15—25 »	25—35 »	25—30 »

Заработная плата повышается съ наступленіемъ полевыхъ работъ и обычно въ эту пору замѣтенъ полный недостатокъ поденныхъ рабочихъ.

Въ описываемой мѣстности расположены 11 станицъ Терскаго казачьяго войска—Червленная, Щедринская, Шелковская, Новогладковская, Старогладковская, Курдюковская, Каргалинская, Дубовская, Бороздинская, Александроневская и Александрійская, гор. Кизляръ и нѣсколько крестьянскихъ поселковъ—Тарумовка, Карабаглинка, Раздолье и др.

Воздѣлываніе виноградной лозы здѣсь издавна составляло одну изъ важнѣйшихъ отраслей сельскаго хозяйства, а съ прошлаго XIX столѣтія сдѣлалось почти единственнымъ источникомъ матеріальнаго обезпеченія жителей.

О давности и значеніи виноградарства и винодѣлія въ притерскихъ низовьяхъ служатъ приводимыя ниже выборки изъ различныхъ печатныхъ источниковъ.

Въ 1651 году было донесено въ Москву царю Алексѣю Михайловичу, что казаки приготовляютъ виноградное вино, которое «про себя держатъ и продаютъ въ городкѣ Теркахъ», что въ Гребенскихъ городкахъ «виноградное дѣло не за обы-

чай» и что въ этихъ городкахъ «винограднаго кустья добрѣ много».

Изъ документовъ 1825 и 1828 гг. видно, что каждый казакъ-хозяинъ получалъ отъ виноградниковъ до 800 руб. годового дохода. Въ то же время подъ виноградной лозой числилось до 500 десятинъ земли, производившей свыше 200 т. ведеръ краснаго вина (чихиря), изъ котораго выкуривалось до 138 т. извѣстной въ свое время водки-кизлярки. Чихирь продавался по цѣнѣ 2,40—3,20 руб., а водка по 8,50—9,50 руб ведро.

Въ 1839 году полковникъ Терскаго семейнаго полка, характеризуя экономическое положеніе казаковъ низовыхъ притерскихъ станицъ, отмѣчаетъ, что жители названныхъ станицъ имѣютъ виноградные сады и что сады эти давали значительную прибыль, но послѣ состоявшагося закона о водкахъ начали приносить столь ничтожный доходъ, что многіе хозяева болѣе половины виноградниковъ уничтожили.

По словамъ Попко (авторъ историческаго очерка о Гребенскомъ войскѣ и Терскихъ казакахъ), въ 1757 г. гребенскіе казаки были обязаны продавать свое вино по принудительной очень низкой цѣнѣ въ Астраханскую садовую контору и хотя спустя нѣсколько лѣтъ такое стѣснительное монополизированіе казачьей виноторговли было отмѣнено, но все же продажа вина значительными партіями продолжала оставаться ограниченною. Процвѣтавшее въ началѣ восьмисотыхъ годовъ виноградарство тѣхъ же казаковъ находилось въ зависимости отъ скупщиковъ-заводчиковъ, въ руки которыхъ попадала большая часть прибылей виноградарей.

Установившійся съ начала Кавказской войны бойкій спросъ на виноградный мѣстный спиртъ, подъ вліяніемъ обилія войскъ, затруднительной доставки хлѣбнаго спирта изъ Россіи и высокаго акциза на послѣдній, при существовавшемъ правѣ выкурки спирта изъ винограда безъ оплаты акцизомъ,—далъ толчокъ возникновенію массоваго винограднаго спиртокуренія. Виноградарство теряло характеръ самостоятельнаго промысла и въ своемъ теченіи и развитіи оказалось цѣликомъ подчиненнымъ вліянію виноградо-водочнаго производства, предоставлявшаго виноградарямъ вѣрный рынокъ къ сбыту не только вина, но и отбросовъ винодѣлія. Къ концу 80-хъ годовъ въ низовьяхъ Терека насчитывалось болѣе тридцати паровыхъ

винокуренъ, выкуривавшихъ въ 2 мѣсяца свыше 15.000,000^0 спирта. Площадь виноградниковъ, состоявшихъ преимущественно изъ обильноплодныхъ, исключительно винокуренныхъ сортовъ (алаго, донского, крестовскаго, жирнаго и др.), достигла размѣра на территоріи 1-го и 2-го Кизляро-Гребенскихъ полковъ—2.757$^1/_2$ десятинъ, принадлежавшихъ 4.700 хозяевамъ, т. е. 72$^0/_0$ домохозяевъ винодѣльческихъ станицъ. Урожай съ десятины въ среднемъ равнялся 625 вед. сока съ мязгой, причемъ всѣ казачьи виноградники давали до 2-хъ милліоновъ ведеръ вина на сумму 840 тыс. рублей чистаго дохода, изъ которыхъ на кажду семью приходилось свыше 150 рублей.

Въ 1884 году состоялся законъ о постепенномъ увеличеніи акциза на виноградный спиртъ, пока онъ не достигнетъ величины на 3 коп. ниже противъ таковаго, налагавшагося на спиртъ хлѣбный. Законъ этотъ, естественно, внесъ смятеніе среди виноградарей. Цѣна на сусло сразу упала до 12 коп. за ведро и безотраднымъ положеніемъ виноградарей воспользовались заводчики, занявшіеся скупкою за безцѣнокъ урожаевъ и свидѣтельствъ, выдававшихся садовладѣльцамъ на право пользованія 1.200^0 безакцизнаго спирта на каждую десятину виноградника для сдабриванія винъ. Свидѣтельства эти заводчики скупали по 2—2$^1/_2$ коп. за градусъ и большею частью не за наличныя деньги, а въ обмѣнъ на мануфактурные и мелочные товары, сами-же сдавали ихъ въ казну по дѣйствительной стоимости, т. е. по 5 коп. за градусъ и такимъ путемъ значительную часть выкуреннаго спирта оплачивали болѣе чѣмъ вдвое меньшею цѣной противъ установленной правительствомъ.

Въ девяностыхъ годахъ акцизъ на виноградный спиртъ былъ доведенъ до 7 коп. за градусъ. Урожаи винограда начали падать, вслѣдствіе развитія различныхъ грибныхъ болѣзней, разливовъ рѣки и, прежде всего, охлажденія станичанъ къ воздѣлыванію лозы, обусловленнаго, главнымъ образомъ, упадкомъ винокуренія и связаннаго съ послѣднимъ пониженія цѣнъ и сокращеніемъ спроса на сусло. Въ 1894 г. добыто въ станицахъ сусла и вина всего 269.818 вед.; въ 1895 г.—436.712 в.; въ 1896 г.—191.774 в.; въ 1897 г.—182.774 в.; въ 1898 г.—191.774 в.; въ 1899 г.—118.507 вед. Въ 1900 году числилось 4.853 садовладѣльцевъ и 1.631 дес. виноградниковъ; добыто винограда 139.869 п.; выдѣлано вина и сус-

ла 65.683 вед.; выкурено спирта въ станицахъ и Кизлярѣ на 38 заводахъ 2.492.566°. По приведеннымъ цифровымъ даннымъ видно, что съ конца восьмидесятыхъ годовъ по 1901 г. площадь виноградниковъ у казаковъ сократилась на 1.126 дес; производство вина и сусла уменьшилось на 1.934.317 в., добыча спирта упала на 12.507.433°. Число садовладѣльцевъ увеличилось на 153 д, каковое обстоятельство объясняется раздробленіемъ виноградниковъ, т. е. переходомъ отъ одного лица къ нѣсколькимъ, по причинѣ недостатка средствъ къ обработкѣ и отчасти, вѣроятно, вслѣдствіе прироста населенія и передѣловъ въ семьяхъ.

Въ настоящемъ, (1902) году казаки сбываютъ вино вывозомъ, по цѣнѣ отъ 85 к. до 1 р. 30 к. за ведро, въ станицы, занимающіяся преимущественно хлѣбопашествомъ и не имѣющія собственныхъ виноградниковъ, но продажа идетъ весьма плохо, несмотря на то, что урожай, какъ уже выше было замѣчено, хорошаго качества и относительно невеликъ. Собрано винограда около 180.000 пудовъ. Заводовъ дѣйствовало 4, выкурившихъ около 160.000° спирта.

Съ каждымъ годомъ становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ, что существенный подрывъ казачьей виноторговлѣ наноситъ гор. Кизляръ, отвлекающій торговцевъ отпускомъ по цѣнамъ, равнымъ станичнымъ или немногимъ превышающимъ послѣднія, не только остатковъ винодѣлія и пикета, но и хорошихъ, густоокрашенныхъ винъ, которыя, послѣ «крещенія» водой и сдабриванія сахариномъ, поступаютъ въ станицы, расположенныя по р. Сунжѣ и въ окрестностяхъ г. Моздока, жители которыхъ, кстати сказать, составляютъ главный контингентъ потребителей казачьихъ винъ.

Станичныя вина, будучи слабо окрашены, жидки и кисловаты, являются, видимо, невыгоднымъ товаромъ, такъ какъ, требуя затратъ на сахаринъ и разныя специи для подкраски, не могутъ быть увеличиваемы въ объемѣ вышеобъясненнымъ способомъ. Спросъ на нихъ наступаетъ въ то время, когда дорога въ Кизляръ становится непроѣздной. За предѣлы названныхъ станицъ, и за предѣлы области они уходятъ въ самомъ ничтожномъ количествѣ.

Всѣ виноградники въ низовьяхъ Терека въ отношеніи устройства и пріемовъ ухода представляютъ три различные типа, а именно: отводочные поливные, такіе же неполивные

и устраиваемые вновь на рыхлыхъ супескахъ по образцу крымскихъ южно-бережныхъ и черноморскихъ

Виноградники отводочные поливные получили начало въ городѣ Кизлярѣ и отсюда распространились въ крестьянскія села и отчасти въ станицы. Закладываются эти виноградники слѣдующимъ образомъ. Занимаемую подъ нихъ площадь, по сплошной перекопкѣ заступомъ, сѣтью канавъ дѣлятъ на гряды (тахты), шириною отъ 1,5 до 5 аршинъ, которыя затягиваютъ отводками отъ первоначально по канавкамъ выращенныхъ черенками кустовъ. Распредѣленіе отводковъ ведется съ такимъ разсчетомъ, чтобы на десятинѣ помѣстилось 10—13 т. корней, причемъ разстояніе между кустами въ рядахъ даютъ отъ $^3/_4$ до 1 арш., а между рядами $1^1/_2$—2 арш.; форма кустовъ—колѣнчатый стволъ въ 6—12 вер. съ дугой или полудужкой, запаснымъ сучкомъ и вертикальнымъ штрекеромъ въ 6—8 почекъ про запасъ, на случай поломки ствола. Уходъ состоитъ въ закопкѣ кустовъ на зиму, вскрытіи ихъ весной, постановкѣ таркалъ (ясеневыхъ, вербовыхъ, акацієвыхъ и др. жердей въ 3—4 арш. вышины и $^3/_4$—1 вер. толщины въ поперечникѣ нижняго сруба), сухой и двухъ зеленыхъ подвязкахъ, трехкратной полкѣ сорныхъ травъ, 2—3-хъ опрыскиваніяхъ $1^1/_2$% растворомъ бордоской жидкости и изрѣдка опыленіи сѣрой, 2—5 орошеніяхъ проточною водой, зимней подрѣзкѣ и укладкѣ отводковъ на образовавшихся пустотахъ. Означенный уходъ вмѣстѣ съ винодѣліемъ и досмотромъ хозяйства обходится до 235 руб. въ годъ, въ среднемъ —188 руб. Преобладающіе сорта—мѣстные красные: алый, черный и тавлинскій; второстепенные—донской, крестовскій, бѣлый, рислингъ, мускаты, кишмишъ, асмангаузеръ, рулендеръ (Pinot gris) и кромѣ того громадный ассортиментъ винныхъ и столовыхъ сортовъ подъ мѣстными названіями. Среднею урожайностью основныхъ сортовъ можно считать 480 вед. чистаго вина. Посадки изъ одного сорта встрѣчаются рѣдко; почти всѣ виноградники насажены такъ, что даже на одной тахтѣ можно встрѣтить бокъ-о-бокъ нѣсколько сортовъ. Площадь виноградниковъ, убавляясь отъ неоднократно повторявшихся наводненій (въ 1837, 48, 55, 82, 84 и 1886 гг.), за послѣднее десятилѣтіе значительно сократилась по причинамъ, объясненнымъ для станицъ. Теперь насчитывается 2.250 десятинъ, принадлежащихъ 630 садовладѣльцамъ.

Отводочные неполивные виноградники составляютъ преобладающій типъ въ станицахъ. Устройство и сорта въ нихъ тѣ же, что и въ кизлярскихъ. Разница только въ томъ, что основной сортъ — алый; поливка не примѣняется, а потому площадь представляетъ ровную поверхность, т. е. не дробится канавками на тахты. Подрѣзка и формировка куста отличаются отъ кизлярской въ ст. Червленной, Щедринской и отчасти въ Старогладковской. Здѣсь на колѣнчатомъ стволѣ, вышиной отъ 12 вер. до 2 арш., оставляютъ по нѣсколько штрекеровъ, которые при сухой подвязкѣ лучеобразно распредѣляютъ вдоль рядовъ по таркаламъ. Что касается ухода, то особенно плоха у станичанъ подрѣзка. Стволъ, чтобы уберечь урожай отъ потравы мелкимъ домашнимъ скотомъ, вытягивается, какъ уже замѣчено, на высоту 2-хъ аршинъ. При подрѣзкѣ удаляютъ съ кустовъ только недостаточно развившіеся побѣги, а остальные укорачиваются на 20-й и даже на 25-й почкѣ. Случается нерѣдко, что подрѣзчикъ, собравъ всѣ побѣги куста въ пучекъ, укорачиваетъ ихъ въ одинъ пріемъ; такимъ образомъ, и сильные, и слабые побѣги оказываются срѣзанными на одинаковую длину. Для удаленія излишнихъ частей куста казаки, а равно и кизлярцы, употребляютъ балту (топоръ), а косаремъ (ножъ кузнечной работы изъ подержанной косы или просто изъ желѣза) пользуются какъ орудіемъ для отсѣканія, почему въ станичныхъ и кизлярскихъ садахъ сплошь и рядомъ можно видѣть кусты, обезображенные уродливыми пораненіями. Уходъ за почвой заключается въ удаленіи сорныхъ травъ; рыхленія почвы не только ежегоднаго, но даже и періодическаго не примѣняется. Посадка невозможно густа—отъ $^1/_2 \times 1$ арш. до $^3/_4 \times ^3/_4$ арш. и еще и по сей день встрѣчаются виноградники (Червленная) засаженные въ разбросъ. Лѣченіе отъ грибныхъ болѣзней производится кое-какъ на скорую руку; обрѣзки обычно укладываются на горожбу; отводки (катовлакъ) закладываютъ на глубину 6—12 верш. Чистыхъ насажденій изъ отдѣльныхъ сортовъ нѣтъ. Виноградники каждой станицы представляютъ сплошную плантацію, распадающуюся по числу владѣльцевъ на мелкіе участки въ $^1/_8$—$^3/_4$ десятины, разграниченные узкими тропинками и дорогами, едва достаточными для проѣзда арбы.

Въ виноградникахъ, вновь устраивающихся на пескахъ,

преобладаютъ лучшіе сорта европейской лозы, какъ-то Riesling, Semillon blanc, Cabernet Sauvignon и мѣстный сортъ Токай. Послѣдній положительно сходенъ съ Pinot gris и, вѣроятно, онъ и есть, такъ какъ извѣстно, что въ посадкахъ бывшаго въ Кизлярѣ казеннаго опытно-показательнаго сада имѣлся руландеръ (Pinot gris), который должно быть и получилъ распространеніе въ низовьяхъ Терека подъ названіемъ «Токая». Почва подъ эти виноградники готовится плужною вспашкой. Посадочнымъ матеріаломъ служатъ аршинные чубуки и двухлѣтніе саженцы. Посадка чубуковъ шомпольная, саженцевъ—въ ямки съ навознымъ удобреніемъ. Порядокъ посадки —шахматный и квадратный; направленіе рядовъ съ запада на востокъ; посадочное разстояніе 2×2 и 2×2,25 арш. Подрѣзка—на колѣнчатый 4—6-ти вершковый стволъ со штрекерами, дугой или полудугой, смотря по сортамъ, и запаснымъ сучкомъ въ 2—3 почки. Подвязка къ таркаламъ—дужная и отчасти по системамъ Гюйо и Котъ-Рати. Уходъ: которовка (удаленіе росособирательныхъ корней), закопка на зиму и вскрытіе весной; перекопка побѣговъ, 2 зеленыя подвязки, укорачиваніе пасынковъ, чеканка, лѣченіе бордоской жидкостью, опыленіе сѣрой и удаленіе сорныхъ травъ. Стоимость закладки десятины сада и годового ухода выражается нижеприведенной суммой.

1-й годъ—закладка.

Подготовка почвы и планировка	60	р.	—	к.
Посадочный матеріалъ и посадка	56	»	-	»
Мотыженіе сорныхъ травъ	16	»	—	»
Лѣченіе	3	»	—	»
Зимняя подрѣзка	1	»	50	»
Закрытіе на зиму	4	»	50	»
	141	»	—	к.

2-й годъ:

Вскрытіе весной	2	р.	—	к.
Посадка	15	»	—	»
Перекопка	12	»	—	»
Мотыженіе	8	»	—	»
Зимняя подрѣзка	4	»	50	»

Лѣченіе	3 р.	50	к.
Закрытіе на зиму.	6 »	—	»
	51 р.	—	к.

3-й годъ:

Вскрытіе весной	2 р.	80	к.
Таркалы.	72 »	—	»
Сухая подвязка.	2 »	—	»
Обломка.	2 »	20	»
Двѣ зеленыя подвязки и пасынкованіе	10 »	80	»
Мотыженіе.	18 »	—	»
Лѣченіе	7 »	—	»
Чеканка.	1 »	20	»
Зимняя подрѣзка	9 »	—	»
Закрытіе на зиму.	6 »	—	»
Мочало и проч.	3 »	50	»
	134 р.	50	к.

4-й годъ:

Вскрытіе весной	3 р.	80	к.
Перекопка почвы	12 »	—	»
Отеска и установка таркалъ . . .	8 »	50	»
Сухая подвязка.	5 »	—	»
Обломка.	5 »	20	»
Двѣ зеленыя подвязки.	18 »	—	»
Мотыженіе.	10 »	—	»
Чеканка.	2 »	50	»
Заполненіе кустовъ отводками. . .	3 »	80	»
Лѣченіе.	18 »	—	»
Мочало	2 »	50	»
Ремонтъ таркалъ	18 »	—	»
Зимняя подрѣзка	12 »	—	»
Уборка таркалъ	3 »	50	»
Закрытіе на зиму	7 »	80	»
	130 р.	60	к.

А всего за 4 года, т. е. до 1 урожая—457 р. 10 к.—530 р.

Въ среднемъ можно считать, что обработка десятины взрослаго виноградника на супескѣ обходится 110 руб. при

досмотрѣ и руководительствѣ работами лично владѣльцемъ. Объ урожайности пока судить трудно, такъ какъ посадки слишкомъ молоды. Съ одной десятины рислинга въ 6 тыс. корней собрано по 4-му году отъ закладки 160 ведеръ. Ростъ лозы весьма сильный, но каждый засушливый годъ среди лѣта листва подвергается пожелтѣнію и опадаетъ у первой трети побѣговъ. Всего новыхъ виноградниковъ съ 1896 года по настоящій заложено около 25 десятинъ въ четырехъ станицахъ—Червленной, Щедринской, Новогладковской и Старогладковской.

Винодѣліе въ гор. Кизлярѣ поставлено много лучше, чѣмъ въ станицахъ. Виноградъ кизлярцы стараются убирать во время полной технической зрѣлости, что не удается станичанамъ, владѣющимъ садами за общею оградой и потому принужденнымъ производить съемку плодовъ одновременно, такъ какъ сочлены, приступивъ къ этой работѣ, не принимаютъ вовсе въ расчетъ сохранность урожая сосѣдей. Гроздья кизлярцы собираютъ въ деревянныя ведра. Давка у нихъ производится ногами въ деревянныхъ колодахъ (каюкахъ). Ягоды предъ раздавливаніемъ отдѣляютъ деревянными грабельками отъ гребней и затѣмъ для отжатія сусла ссыпаютъ въ полотняные мѣшки. Для броженія сусло красныхъ сортовъ винограда сливаютъ въ бочки съ широкимъ втулочнымъ отверстіемъ.

Мязгу принято прибавлять въ полуторномъ количествѣ, т. е. двѣ трети сусла всего урожая оставляютъ выбраживать на мязгѣ, а остальную треть обрабатываютъ на бѣлое вино путемъ сильнаго окуриванія сѣрой. Прессы дробилки, дробильные чаны и прочія принадлежности раціональнаго винодѣлія встрѣчаются у весьма немногихъ хозяевъ. Хорошихъ подваловъ, бродиленъ и винодѣленъ вовсе не имѣется. Сбраживаніе сусла совершается преимущественно подъ открытымъ небомъ, а дальнѣйшая выдержка—въ амбарахъ, по большей части изъ саманнаго кирпича. Уходъ за виномъ состоитъ въ переливкахъ, оклейкѣ и спиртованіи предъ отправкой на продажу. Въ отношеніи опрятности и чистоты Кизлярское винодѣліе далеко не безупречно. Посуда у большинства готовится на скорую руку предварительнымъ намачиваніемъ холодною водой и затѣмъ споласкиваніемъ воднымъ растворомъ извести

и кипяткомъ. Опорожненныя бочки на храненіе поступаютъ подъ навѣсы послѣ промывки водой.

Станичане раздавливаютъ ягоды, по отдѣленіи отъ гребней, на веревочныхъ рѣшетахъ, также въ каикахъ ногами на выплетенныхъ изъ хвороста плетенчикахъ. Сусло у нихъ бродитъ въ бочкахъ или на открытомъ воздухѣ. Количество чапры (мязги) искусственно не увеличиваютъ. Въ продолженіе зимы молодое вино хранятъ въ турлучныхъ сараяхъ (хаткахъ) вмѣстѣ съ домашними припасами—зерномъ, мукой, лукомъ, тыквами, квашеными помидорами и капустой, мясомъ и даже шкурами домашнихъ животныхъ. Для того, чтобы придать вину ароматичность, бочки споласкиваютъ отваромъ персиковыхъ листьевъ или полыни. Для улучшенія окраски прибавляютъ сокъ чернобыла (многолѣтнее травянистое растеніе Sambucus Ebulus) или же ягодъ бирючины (кустарникъ Ligustrum vulgare). Въ послѣднее время затрудненія въ сбытѣ породили и другіе недобрые пріемы «сдабриванія» винъ, какъ-то: сахариномъ, жженымъ сахаромъ и даже одеколономъ. Безотрадная картина казачьяго винодѣлія довершается полной неряшливостью. Заплѣсневѣлыя бочки, кое-какъ промытые плетенчики и каики съ кожицей и зернами ягодъ, отъ прошлаго лѣта, въ щеляхъ – обычное явленіе въ хозяйствѣ станичныхъ винодѣловъ.

Владѣльцы новыхъ виноградниковъ, работая подъ руководствомъ войсковыхъ инструкторовъ, въ дѣлѣ приготовленія и выдержки винъ придерживаются пріемовъ раціональнаго винодѣлія. Вина ихъ частью обрабатываются въ войсковомъ подвалѣ. Въ истекшемъ году казачьимъ офицеромъ подъесауломъ Тихоновымъ устроенъ въ станицѣ Червленной первый въ Кизлярскомъ отдѣлѣ, можно сказать, образцовый подвалъ.

Вина Кизлярскія красныя, отличаясь густотой окраски и будучи, какъ и бѣлыя, преимущественно сладковаты, представляютъ своеобразный типъ, выработанный въ угоду требованіямъ внутреннихъ россійскихъ рынковъ, усиленно пользовавшихся ими какъ сырымъ матеріаломъ для производства различныхъ искусственныхъ винъ заграничныхъ марокъ до проведенія Владикавказской, Закавказской и Юго-Западной желѣзныхъ дорогъ, т.-е. въ продолженіе всего времени, пока кизлярцы располагали исключительно благопріятнымъ положеніемъ въ отношеніи транспортировки своихъ винъ воднымъ пу-

темъ по Каспійскому морю и Волгѣ. По анализамъ, произведеннымъ въ лабораторіи Никитскаго училища садоводства и винодѣлія, на 100 куб. сантиметровъ кизлярскихъ винъ, переданныхъ въ упомянутую лабораторію садовладѣльцемъ г. Мишеловымъ, стремящимся, какъ мнѣ извѣстно, улучшить свое винодѣльное хозяйство, приходится слѣдующее процентное содержаніе важнѣйшихъ составныхъ частей:

	Удѣльный вѣсъ.	Алкоголь.		Граммовъ.							
		Кубическ. сантим.	Граммовъ.	Кислотность (по $C_4H_6O_6$).	Глицерина.	Сухого вещества.	Таннина.	Сахару.	Золы.	Сѣрнаго ангидрида (SO^2).	Летучей кислоты ($C^2H^4O^2$).
Бѣлое кишмишн. 1871 г.	0.9922	14.8	11.69	0.57	—	2.88	0.025	0.3	—	—	—
Токай 1880 г.	1.0146	12.59	9.85	0.62	—	7.16	0.029	5.0	—	—	—
Бѣлое кишмишн. 1885 г.	0.9928	15.72	12.42	0.81	—	3.21	0.022	слѣд.	0.245	0.025	—
Красное Тавлинское 1885 г.	1.0099	13.2	10.43	0.58	—	6.44	0.13	3.57	0.023	0.023	—
Красное Тавлинское 1884 г.	1.0131	9.97	7.88	—	—	6.44	—	3.85	0.016	0.016	—
Бѣлое Тавлинское 1885 г.	1.0063	12.6	9.95	0.91	—	—	—	3.14	—	—	—

«Въ бытность мою въ 1896 г. въ Кизлярѣ,—пишетъ въ дополненіе къ настоящей таблицѣ аналитическихъ данныхъ г. Саломонъ въ журналѣ «Русскій Винодѣлъ», 1897 г. № 5 и 6, —я получилъ изъ первыхъ рукъ 6 образцовъ оригинальныхъ Кизлярскихъ винъ Данныя анализа показали, что вина эти весьма мало имѣютъ характера; ко всѣмъ имъ, видно, прибавленъ спиртъ слишкомъ рано, такъ какъ въ нихъ сохранилось слишкомъ большое количество сахару для винъ столовыхъ. При дегустаціи, въ которой участвовали помимо служащихъ

при магарачскомъ подвалѣ гг. Бланденъ (землевладѣлецъ и бывшій винодѣлъ кн. Воронцова) и Ахтенъ (виноторговецъ), были сдѣланы слѣд. замѣчанія: Бѣлое кишмишное 1871 г. хорошо, но имѣетъ запахъ выжимочной водки. Токай 1888 г. порядочно отзывается вареным виномъ. Кишмишное 1885 г. порядочно. Бѣлое тавлинское 1885 года (сусло отъ краснаго винограда, обезцвѣченное сильнымъ обкуриваніемъ сѣрой), сладковато, сильный вкусъ сѣры и вообще похоже вкусомъ на сусло,—хорошій матеріалъ. Красное тавлинское 1885 г. свѣтло цвѣтомъ, хотя слишкомъ сладковато,—вообще хорошо. Красное тавлинское 1884 г. имѣетъ посторонній непріятный вкусъ.»

О станичныхъ винахъ въ достаточной мѣрѣ можно судить по вышеприведенной характеристикѣ станичнаго винодѣлія. Для непривычнаго вкуса станичное вино представляетъ крайне несимпатичный напитокъ. А. Е. Саломонъ, въ проѣздъ по притерскимъ низовьямъ съ г. министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ А. С. Ермоловымъ, пробуя казачьи чихири, давалъ объ нихъ отзывъ въ родѣ того, что подносившуюся ему влагу «можно называть квасомъ, чихиремъ или какъ угодно, но только не виномъ». И дѣйствительно, вино изъ станичныхъ виноградниковъ можно разсматривать только какъ сырой винокуренный матеріалъ. Путемъ улучшенныхъ способовъ выдѣлки и улучшенія культурныхъ пріемовъ виноградарства можно скрасить въ нихъ такіе недостатки, какъ посторонній привкусъ, недостаточную чистоту, излишекъ летучихъ кислотъ; но для того, чтобы устранить такія особенности, какъ присущую имъ чрезмѣрную общую кислотность, недостаточную спиртуозность и экстрактивность, нужны чисто искусственные пріемы.

Вина новыхъ виноградныхъ садовъ (лозъ Рислинга, Сотерна, Ркацители, Пино-гри и Кабернэ), при алкоголичности отъ 9 до 13%, умѣренной кислотности съ достаточной экстрактивностью, обращаютъ на себя вниманіе весьма пріятнымъ вкусомъ и ароматомъ.

Болѣзни лозы являются однимъ изъ наиболѣе тяжкихъ несчастій въ притерскомъ виноградарствѣ. Въ промежутокъ времени съ 1888 года по настоящій виноградники какъ въ Кизлярѣ и окрестныхъ селахъ, такъ и у казаковъ, подвергались цѣлому ряду вредителей изъ животнаго и растительнаго царствъ. Возможно, что обнаруживаемое теперь сонмище ихъ

таилось издавна, но опустошительная ихъ дѣятельность стала проявляться только въ послѣднее десятилѣтіе. Первою обнаружена была мильдіу, затѣмъ антракноза, а въ прошлое лѣто— Septosporium Fuckélii Thüm., Cercospora Vitis Sacc., Cladosporium Roesleri Catt., Cladosporium longipes Sorok., Makrosporium Vitis Sorok., Gloesporium ampelophagum Catt., Phoma reniformis V. et R., Phoma flacida V. et R., наконецъ Phoma uvicola B. et C., Coniohyrium diplodiella Sacc и даже Oidium Tuckeri Berk.

Изъ насѣкомыхъ, причиняющихъ существенный вредъ,— зудень—Tetranychus socius Koch., бронзовка мохнатая—Tropinota hirta Pad., блошакъ—Haltica ampelophaga Guerin, Phytoptus Vitis Dujrd, Ino ampelophaga Bayle, Rynchites letuleti, личинки майскаго хруща и др. жуковъ изъ семейства пластинчатоусыхъ. Какъ послѣдствія истощенія лозы подъ вліяніемъ паразитныхъ грибковъ—хлорозъ и шиповатыя вздутія на корневой шейкѣ кустовъ (кароста). Перечисленные жуки и плѣсени общими силами ежегодно приводятъ около половины садовъ въ сплошное пожарище. Лозы каждый разъ ко второй половинѣ лѣта оказываются обезлиственными или одѣтыми жалкими клочьями почти высохшей листвы, кисти чуть не цѣликомъ— съ сухими и прѣлыми ягодами. Корень зла, конечно, прежде всего въ самихъ виноградаряхъ. Кизлярцы, попробовавъ было отпугивать бѣду закалываніемъ на хейванахъ (дорогахъ) садовъ ягнятъ въ жертву яко-бы нѣкоему разгнѣванному божеству, быстро спохватились, что не крови алчутъ мнимые боги—грибы, а просто мѣднаго купороса, и тѣмъ вскорѣ одолѣвъ мильдіу, значительно возстановили силы лозы, плодородіе ея и способность къ самозащитѣ. Станичане вотъ уже десять лѣтъ подрядъ спрашиваютъ у всѣхъ и каждаго: «откуда пришла бѣда» и, большею частью, тѣмъ и ограничиваются. Вначалѣ они считали борьбу дѣломъ грѣховнымъ; потомъ стали высказывать опасенье отравиться купоросомъ, ждали благополучнаго исхода, но, наконецъ, наученные горькимъ опытомъ, начинають сживаться съ мыслію, что безъ машинъ Вермореля и Лаглеза, бордоской жидкости и сѣры не пить имъ «родительскаго чихиря». Число доискивающихся начала бѣды замѣтно начинаетъ рѣдѣть. Но горе въ томъ, что почти у всѣхъ, выжидавшихъ благополучнаго исхода, съ прекращеніемъ урожаевъ поизсякли средства къ пріобрѣтенію цѣлебныхъ снадобій

и, должно быть, исчезнутъ и ихъ огороды, т.-е. виноградники.

Винокуреніе возникло въ низовьяхъ Терека безъ малаго сто лѣтъ тому назадъ. Сначала выкуривали водку-кизлярку, какъ побочный продуктъ винодѣлія, а затѣмъ возникло массовое производство спирта изъ вина, выжимокъ, дрожжей и попорченныхъ винъ. Заводы устраивались съ кубами различной емкости — отъ 15 до 200 вед., паровые и огневые, съ дровянымъ и нефтянымъ отопленіемъ, подъ наименованіемъ промышленныхъ и садовладѣльческихъ. Въ среднемъ изъ ведра молодого, свѣжевыбродившаго вина выкуривалось 7,6° спирта, минимумъ—5,8, максимумъ—12,3; изъ чапры, разбавленной водою вмѣстѣ съ дрожжами—отъ 1,8 до 4,8. Вино молоднякъ, пріобрѣтавшееся заводчиками сусломъ, вслѣдъ за броженіемъ, происходившимъ въ бочкахъ или въ громадныхъ чанахъ на открытомъ воздухѣ, подвергалось перегонкѣ безъ предварительной переливки вмѣстѣ съ чапрой и дрожжами. Приготовленіе чапры къ выкуркѣ заключалось въ томъ, что изъ каждыхъ двухъ 45—47 ведерныхъ бочекъ выбродившаго сусла составлялась одна бочка вина и одна бочка чапры[1]), которую, для предотвращенія закисанія, доливали 6—8 ведрами воды и потомъ оставляли до перегонки нѣкоторое время постоять. Цѣны на сусло съ чапрой, въ зависимости отъ количества и качества урожаевъ, колебались отъ 20 к. до 70 коп. за ведро емкостью въ 9,8 казеннаго.

Производство спирта обходилось отъ 3½ до 6½ коп. съ градуса. Продавался спиртъ въ склады сосѣднихъ городовъ отъ 6 до 13 коп. за градусъ и внутрь Россіи. Быстро возраставшій акцизъ побуждалъ заводчиковъ, силившихся отстоять винокуреніе, къ всевозможнымъ ухищреніямъ. Получивъ право безплатнаго вторичнаго перекура, они усиленно гнали раку, причемъ матеріалъ просто пропускался черезъ аппаратъ съ расчетомъ на освѣтленіе и очистку отъ частицъ барды при вторичномъ безакцизномъ перекурѣ. Огневые заводы быстро смѣнялись паровыми и наоборотъ. Точно также и размѣры кубовъ огневыхъ заводовъ, смотря по нормамъ обложенія спирта, то достигали объема 75 ведеръ и болѣе, то наоборотъ уменьшались до 25 и даже 6-ти ведеръ. Все вниманіе заводчиковъ сосредоточилось на форсированіи сгонокъ, что, само

1) Въ станицахъ изъ трехъ такихъ бочекъ получается полторы бочки вина и одна чапры.

собою разумѣется, вело къ ущербу качествъ продукта. Это обстоятельство не могло не обратить на себя вниманія правительства и дало поводъ къ опубликованію въ 1900 г. закона, съ цѣлью установить въ притерскихъ низовьяхъ раціональное, преимущественно садовладѣльческое спиртокуреніе и въ особенности коньячное производство путемъ строгаго надзора и нормированія по емкости кубовъ суточныхъ выходовъ спирта. Акцизное обложеніе для садовладѣльческихъ огневыхъ заводовъ опредѣлилось въ 4,2 коп. съ градуса чапраннаго спирта.

Винокуры было примирились съ новымъ положеніемъ. Начались обычные обходы закона. Для увеличенія размѣра операцій заводовъ стали возникать кубы большей емкости съ подогрѣвателями. Явилась надежда вновь на возможное форсированіе гонокъ, такъ какъ перекуръ отбросовъ винодѣлія сверхъ нормы по объясненному закону положено облагать тоже въ 4,2 коп. съ градуса при безакцизномъ вторичномъ перекурѣ. Но спокойствіе ихъ вновь нарушено возникающими въ Терской области казенными винными складами, въ которые предполагается принимать спиртъ отъ заводовъ не по наличному количеству, а въ размѣрѣ, подчиненномъ извѣстной раскладкѣ. Возникаетъ новый вопросъ: куда сбывать спиртъ, который составитъ излишекъ противъ количества, принимаемаго казной?

Мѣры, принимаемыя къ улучшенію виноградарства и винодѣлія въ низовьяхъ Терека у станичанъ, заключаются въ слѣдующемъ. По Высочайшему повелѣнію, отъ 30 мая 1888 года, отпущено изъ государственнаго казначейства 111,000 рублей на воспособленіе винодѣлію Терскихъ казаковъ, переживающему острый кризисъ и требующему по сему энергической поддержки.

Означенную сумму постановлено было обратить: 1) на образованіе ссуднаго капитала при управленіи Кизлярскаго отдѣла; 2) на устройство въ 11-ти низовыхъ станицахъ опытныхъ садовъ съ виноградными питомниками лучшихъ сортовъ для распространенія улучшенныхъ пріемовъ культуры виноградной лозы и правильныхъ способовъ изготовленія вина; 3) на учрежденіе особой партіи инструкторовъ изъ двухъ агрономовъ и 4-хъ садовниковъ—винодѣловъ при постоянныхъ ученикахъ изъ взрослыхъ станичанъ; 4) на устройство при опытныхъ садахъ винодѣленъ; 5) на разведеніе войсковыхъ садовъ въ станицахъ Червленной, Шелковской и Дубовской

для полученія разсадниковъ хорошихъ сортовъ лозъ и производства наблюденій за ихъ устойчивостью; 6) на устройство при управленіи Кизлярскаго отдѣла ежегодныхъ выставокъ казачьихъ винъ для поощренія лучшихъ садовъ и винодѣловъ денежными преміями и др. наградами; 7) на учрежденіе при Никитскомъ училищѣ садоводства и винодѣлія 4-хъ стипендій для обученія казаковъ.

Изъ отчетовъ Терскаго Областного Статистическаго Комитета видно, что на основаніи вышеизложенныхъ правилъ, выработанныхъ главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ по соглашенію съ министромъ финансовъ и государственнымъ контролеромъ, въ 1889 году была организована партія винодѣловъ, которая, подъ руководствомъ областного агронома, занялась раздачей казакамъ виноградныхъ лозъ улучшенныхъ сортовъ, лѣченіемъ мѣстныхъ виноградниковъ отъ болѣзней и распространеніемъ среди населенія правильныхъ свѣдѣній о культурѣ лозы и приготовленіи вина.

Затѣмъ, по мѣрѣ выясненія способовъ борьбы съ кризисомъ мѣстнаго винодѣлія, былъ образованъ ссудный капиталъ въ 30/тыс. рублей, изъ котораго казаки-винодѣлы пользуются кредитомъ, и пріобрѣтены бочки для раздачи подъ храненіе вина. Въ то-же время были арендованы въ низовыхъ станицахъ опытные виноградники для нагляднаго указанія казакамъ способовъ раціональнаго винодѣльческаго хозяйства и заведенъ образцовый войсковой садъ съ питомникомъ лучшихъ сортовъ виноградной лозы въ ст. Шелковской, пространствомъ въ 1 десятину. Дѣятельность партіи винодѣловъ, къ сожалѣнію, не привела къ существеннымъ результатамъ. Вѣковая привычка къ традиціоннымъ способамъ винодѣлія и потребности рынка, предпочитающаго дешевые низкіе сорта вина для переработки его въ спиртъ и др. фабрикаты, тормазятъ развитіе новыхъ улучшенныхъ сортовъ винограда.

Въ то-же время и борьба съ болѣзнями мѣстныхъ сортовъ лозы не принесла той пользы, которой можно было ожидать отъ винодѣльческой партіи. Въ 1893 году, подъ вліяніемъ обильнаго влагой лѣта, мильдіу получила еще небывалые размѣры. Къ концу августа большинство виноградниковъ стояло съ обнаженными отъ листьевъ побѣгами, виноградныя кисти рѣдко достигли полнаго созрѣванія и въ большинствѣ засохли, общій урожай винограда не превышалъ $^1/_3$ нормальнаго и по-

лучился весьма плохого качества, въ 3—7°/o сахаристости, вмѣсто нормальной 10—12°/o, и въ 10—12°/o кислотности вмѣсто нормальной 4—6°/o. Въ особенности пострадали окрестности г. Кизляра, гдѣ урожай винограда упалъ до 1/6 нормальнаго. По постановленію областного правленія и съ разрѣшенія Командующаго войсками округа площадь войскового Шелковскаго образцоваго разсадника расширена съ 1 до 40-ка десятинъ, на которомъ и предпринято воспитаніе лозъ улучшенныхъ сортовъ изъ питомниковъ Крыма и Черноморскаго округа (губерніи). Безплатное опытное лѣченіе казачьихъ виноградниковъ ограничено однимъ центральнымъ пунктомъ въ той же ст. Шелковской, гдѣ для этой цѣли избраны два лучшихъ сада. Предпринятое раньше разведеніе виноградниковъ на песчаныхъ пространствахъ ограничено поддержкой уже произведенныхъ въ этомъ отношеніи начинаній, а для демонстративнаго производства вина областному агроному поручено, впредь до полученія урожаевъ изъ войскового разсадника, пріобрѣтать покупкою мѣстный виноградъ, давить изъ него вино и выдерживать въ войсковомъ погребѣ въ той же ст. Шелковской; аренда-же для этой цѣли казачьихъ садовъ совершенно оставлена. Для производства этихъ работъ оставленъ одинъ винодѣлъ и ученикъ при немъ, а остальные винодѣлы партіи отпущены. Лучшимъ дополненіемъ къ предпринятой реформѣ областное правленіе нашло учрежденіе въ томъ-же центральномъ пунктѣ казачьяго винодѣлія хорошо организованной школы, при которой должно быть достаточное количество земли для практическихъ опытовъ какъ виноградарства и винодѣлія, такъ равно и для опытовъ разведенія другихъ сельскохозяйственныхъ растеній. Такая школа могла бы оказывать безпрерывное и потому наиболѣе прочное вліяніе на желательное измѣненіе рутинныхъ взглядовъ и пріемовъ мѣстныхъ садовладѣльцевъ и такимъ образомъ утвердила-бы результаты уже предпринятыхъ мѣръ.

Съ 1896 года по текущій въ войсковомъ образцовомъ саду площадь виноградниковъ увеличилась до 14 десятинъ изъ 4 основныхъ сортовъ—рислинга, сотерна, кабернэ и пино-гри и второстепенныхъ—португизера, мурведа, мальбека и совиньона; содержались виноградный и древесный питомники; въ погребѣ выдѣлано 1364 ведра вина. Отъ двухъ сряду небывалыхъ наводненій, въ 1900 и 1901 гг., всѣ плантаціи сада по-

гибли, осталось всего 1 д. 234 кв. саж. виноградника разныхъ сортовъ, разбросанныхъ небольшими участками на приподнятостяхъ почвы, не подвергшихся затопленію.

За этотъ промежутокъ времени винодѣльческое населеніе станицъ снабжено аппаратами для лѣченія садовъ отъ грибныхъ болѣзней, устроены общественные подвалы въ ст. Щедринской и Шелковской, которые, къ сожалѣнію, пустуютъ съ одной стороны по причинѣ гибели виноградниковъ (Шелковскій) и недовѣрчивости и склонности ко всякаго рода предразсудкамъ станичанъ, а съ другой—вслѣдствіе неудачнаго устройства и оборудованія самихъ подваловъ. Кромѣ того ежегодно производилось снабженіе станичанъ виноградолѣчебными матеріалами; вызвано возникновеніе виноградниковъ на пескахъ въ ст. Щедринской, Новогладковской и Старогладковской; устроены двѣ выставки казачьихъ винъ (въ гор. Владикавказѣ и ст. Прохладной); распространялись путемъ собесѣдованій и наглядныхъ уясненій свѣдѣнія по борьбѣ съ вредителями лозы и раціональному винодѣлію и виноградарству вообще.

Помимо виноградарства и винодѣлія жители притерскихъ низовыхъ станицъ съ выгодою занимались шелководствомъ, рыболовствомъ, культурою марены, но всѣ эти отрасли ихъ хозяйства по разнымъ причинамъ отошли въ область преданій дѣдовъ о добромъ быломъ времени.

Хлѣбопашество считается второю на ряду съ виноградарствомъ важнѣйшею отраслью казачьяго хозяйства. Оно, къ несчастью, тоже не процвѣтаетъ. Большую часть земельной площади притерскихъ низовьевъ представляютъ подвижные пески, солонцы и никогда не пересыхающія болота. Къ тому-же нездоровый климатъ, отсутствіе удобныхъ путей сообщенія и особенности жизненнаго строя станичанъ, занятыхъ главнымъ образомъ военною службой, отвлекающей наиболѣе дѣятельныхъ работниковъ семействъ, почему вся тягота хозяйственнаго обихода ввѣряется женщинамъ и подросткамъ, — все это является существенною помѣхой къ преуспѣянію земледѣлія. Казаки дѣлаютъ запашки большею частью только для удовлетворенія собственныхъ надобностей въ зерновомъ хлѣбѣ. Сѣютъ рожь, затѣмъ просо, ячмень, арбузы и отчасти пшеницу. Урожай ржи въ среднемъ можно считать самъ 4,6. Посѣвамъ болѣе всего причиняютъ вредъ засухи и вѣтры, или выдувающіе сѣмена на съѣденіе стаямъ ютящихся здѣсь сорокъ

и воронъ, или засыпающіе ихъ сугробами песку. Нерѣдки годы, когда пашни, послѣ неоднократныхъ подсѣвовъ, не возвращаютъ сѣмянъ и даже не даютъ такого количества соломы, чтобы стоило послѣднюю скашивать.

Вѣскимъ примѣромъ въ доказательство, что земледѣліе неспособно въ достаточной мѣрѣ обезпечивать станичанъ, служитъ станица Шелковская, перешедшая послѣ полной потери виноградниковъ къ воздѣлыванію хлѣбовъ. Шелковцы въ какіе-нибудь 6—8 лѣтъ пришли въ крайнюю нужду и непосильную задолженность, тогда какъ, занимаясь виноградарствомъ, слыли зажиточными людьми.

Скотоводство, имѣя всѣ удобства къ развитію—хорошія пастбища и бойкій спросъ, вовсе не прогрессируетъ по причинѣ хищничества со стороны сосѣдей-горцевъ, по недостатку свободной земли, за отдачею въ аренду большей части юртовыхъ надѣловъ овцеводамъ и кочевникамъ съ цѣлью извлеченія денежныхъ средствъ на общественныя нужды и по многимъ другимъ причинамъ.

Изъ этого очерка усматриваемъ, что винодѣліе въ притерскихъ низовьяхъ представляло самостоятельный промыселъ собственно въ то время, когда по воеводскому дознанію оповѣщалось московское правительство, что казаки приготовляютъ виноградное питье для себя и на продажу въ гор. Теркахъ, т. е. въ XVII столѣтіи. Въ XIX столѣтіи, вѣрнѣе допустить въ концѣ XVIII вѣка, возникло виноградо-водочное производство, сначала какъ побочная отрасль винодѣлія, а затѣмъ какъ самостоятельный промыселъ, располагавшій на мѣстѣ, въ краѣ, въ теченіе почти цѣлаго вѣка, всѣми выгодами къ процвѣтанію и широкому развитію. По мѣрѣ того, какъ развивалось виноградное винокуреніе, винодѣліе приспособилось къ другой отрасли русской промышленности, имѣвшей и имѣющей и по сей день объектомъ фабрикацію винъ заграничныхъ марокъ изъ дешевыхъ винъ отечественныхъ винодѣльческихъ районовъ, среди которыхъ преобладающее положеніе занималъ гор. Кизляръ съ окрестностями, пользовавшійся до проведенія желѣзныхъ дорогъ, связывающихъ внутренніе россійскіе рынки съ Кавказомъ, Крымомъ и Бессарабіей, преимуществами воднаго пути по Каспійскому морю и Волгѣ вплоть до Нижняго-Новгорода. Такимъ образомъ притерское виноградарство опиралось на двѣ отрасли сельскохо-

зяйственной промышленности: на винокуренную, производившую виноградную водку и спиртъ, и винодѣльческую, выдѣлывающую фабричнымъ путемъ искусственныя вина. Подъ вліяніемъ винокуренія создались виноградныя плантаціи обильно-плодныхъ сортовъ лозы, площадь которыхъ, выражаясь въ 1828 году въ размѣрѣ 500 десятинъ, къ 1884 году достигла 2757$^{1}/_{2}$ дес. въ станицахъ и почти такой-же величины въ гор. Кизлярѣ и окрестныхъ селахъ. Подъ вліяніемъ фабрикаціи винъ получило начало «кизлярское винодѣліе» и выработалось своеобразное кизлярское вино—сырецъ—матеріалъ. Вино, въ строгомъ смыслѣ слова, въ видѣ законченнаго продукта, въ Кизлярѣ, можно сказать, не выдѣлывалось. Судя по почвеннымъ и климатическимъ условіямъ, низовья Терека—мѣстность легкихъ столовыхъ винъ; въ Кизлярѣ-же послѣднія почти не встрѣчаются, ихъ мѣсто занимаютъ по большей части уродливые образцы винъ дессертныхъ и ликерныхъ, состряпанные на спиртѣ, эссенціяхъ и сѣрномъ ангидридѣ, по рецептамъ московскихъ и кашинскихъ винодѣловъ.

Съ упадкомъ винокуренія и спроса на Кизлярскія вина, рушились устои притерскаго виноградарства. Болѣе двухъ третей виноградниковъ оказались не только неспособными давать матеріалъ для выдѣлки сколько-нибудь сносныхъ винъ, но даже негодными къ переустройству. Виноградари, будучи вышиблены изъ обычной колеи, не сумѣли сразу отрѣшиться отъ порядка въ хозяйствѣ, существовавшаго въ продолженіе почти цѣлаго вѣка. Правительственная помощь понималась въ извращенномъ смыслѣ и давала поводъ къ надеждѣ на отмѣну возникшихъ стѣснительныхъ условій. Начались просьбы о сложеніи или уменьшеніи акциза, о всякаго рода поддержкахъ. Истинное положеніе дѣла оставалось непонятымъ. Заботы войсковой администраціи вывести станичныхъ виноградарей на вновь намѣченный путь, въ смыслѣ качественнаго винодѣлія, встрѣтили со стороны послѣднихъ равнодушіе и недовѣрчивость. Вѣковая привычка, въ связи съ отсутствіемъ матеріальнаго достатка, предпріимчивости, полною неподготовленностью къ новой сферѣ дѣятельности, къ дѣлу неизвѣданному, брала верхъ. Появившіяся болѣзни на виноградной лозѣ окончательно смутили станичанъ, разсудившихъ лишь одно, что виноградарство стало статьею бездоходной. Сказались попытки перейти къ хлѣбопашеству, площадь виноградниковъ

сократилась почти вдвое, а изъ оставшихся часть поддерживалась скорѣе ради того, чтобы сохранить право на полученіе свидѣтельствъ къ пользованію безакцизнымъ отчисленіемъ спирта. Въ результатѣ явилось то, что наблюдаемъ теперь,— рядъ экономическихъ невзгодъ: кризисъ важнѣйшей статьи хозяйства—виноградарства, при бездоходности полеводства и отсутствіи другихъ вспомогательныхъ отраслей, банкротство крупныхъ кизлярскихъ фирмъ, а отсюда обѣднѣніе, задолженность и почти полная неспособность къ какимъ-бы то ни было предпріятіямъ, требующимъ предварительной затраты, хотя бы самаго скромнаго капитала.

Въ заключеніе позволяю себѣ отмѣтить въ общихъ чертахъ мѣропріятія, могущія послужить къ возстановленію виноградарства и развитію раціональнаго винодѣлія въ низовыхъ притерскихъ станицахъ, а отчасти и въ г. Кизлярѣ.

Воздѣлываніе виноградной лозы, внѣ всякаго сомнѣнія, издавна служитъ основою экономическаго благосостоянія казаковъ. Правильность высказаннаго подтверждается, во-первыхъ, тѣмъ, что виноградарство для станичанъ, обрабатывающихъ сады помощью женъ и подростковъ, представляетъ одинъ изъ наиболѣе сподручныхъ промысловъ; во вторыхъ, сопоставленіемъ выводовъ обслѣдованія отраслей казачьяго хозяйства и, въ третьихъ, если такъ можно выразиться, «живучестью» притерскаго виноградарства, удерживающагося нѣсколько столѣтій подрядъ, несмотря на далеко не вполнѣ благопріятныя климатическія условія и на то, что на своемъ долгомъ пути неоднократно подвергалось критическимъ моментамъ.

Казакъ, какъ и всякій простой земледѣлецъ, занимаясь воздѣлываніемъ лозы, работникъ на своемъ мѣстѣ только до тѣхъ поръ, пока раститъ ягоду; но какъ только онъ снялъ урожай и началъ отжимать сокъ для того, чтобы приготовить не сырецъ—винный матеріалъ, а вино, онъ вступаетъ въ область другой спеціальности. Винодѣліе требуетъ знаній, извѣстныхъ субъективныхъ способностей, предпріимчивости и, главное, солиднаго капитала. Прямое дѣло станичанина—вырастить плодъ для передачи такового въ дальнѣйшую обработку въ умѣлыя и обладающія денежнымъ достаткомъ руки.

Что касается того, чтобы станичанинъ подвергъ правильной обработкѣ виноградный сокъ, съ такой задачей онъ спра-

виться не можетъ: нѣтъ денегъ, нѣтъ опыта, потребныхъ знаній, пріобрѣсти послѣднія вдругъ, по одному наказу, невозможно.

Если суждено развиться у станичанъ качественному винодѣлію, то вновь разведенные въ станицахъ на пескахъ сады представляютъ именно то зерно, изъ котораго оно должно вырости. Виноградники эти въ настоящее время должны сосредоточивать все вниманіе руководителей. Владѣльцы ихъ вполнѣ заслуживаютъ возможно широкой поддержки. Станичный житель вообще недовѣрчивъ; онъ принимается основательно только за такое дѣло, въ выгодѣ котораго убѣжденъ на опытѣ. Большинство казаковъ не вѣритъ въ успѣхъ виноградарства, возникающаго на пескахъ, и въ успѣхъ раціональнаго винодѣлія, говоря, что «нашъ калиновецъ и стодеревецъ выпьетъ всякую брагу, лишь бы была подешевле». Но когда разрастутся новые сады, станутъ приносить достаточные урожаи, а главное, когда явится бойкій спросъ и выгодныя цѣны на новыя вина,—довѣріе явится само собой. Было время, требовался черный виноградъ—станичане разводили черный; открылось широкое требованіе на сусло алаго винограда—разрослись обширныя плантаціи алой лозы; будетъ спросъ на рислингъ или на Folle Blanche для коньяка, станутъ растить рислингъ и Folle Blanche. Малѣйшія неудачи новыхъ виноградарей могутъ послужить къ разочарованію ихъ самихъ, положившихся цѣликомъ на слово войсковыхъ инструкторовъ и не успѣвшихъ укрѣпить въ себѣ вѣру въ новое дѣло, и тѣмъ самымъ, если не навсегда, то надолго затормазится послѣднее.

Въ огражденіе отъ обычныхъ происковъ скупщиковъ и къ поддержкѣ новыхъ виноградарей и созидаемыхъ ими хозяйствъ, этого зерна, какъ я уже сказалъ, возникающаго раціональнаго винодѣлія, слѣдуетъ организовать центральный войсковой подвалъ и не на бивуачныхъ началахъ—временно, на скорую руку,—а надлежаще обставленный по возможности, чтобы впослѣдствіи онъ могъ служить для другихъ цѣлей, хотя бы для нуждъ могущей съ теченіемъ времени открыться винодѣльческой школы. Кромѣ того въ каждой изъ станицъ, гдѣ уже имѣются новыя посадки, устроить винодѣльни для пріема урожаевъ и предварительной обработки ихъ до сдачи въ подвалъ. При этомъ не слѣдуетъ считаться съ числомъ новыхъ садовладѣльцевъ и площадью ихъ виноградниковъ. Ус-

пѣхъ одного изъ таковыхъ можетъ сдѣлать то, что не въ состояніи сдѣлать сотни инструкторовъ при помощи словесныхъ побужденій; живой примѣръ скорѣе можетъ убѣдить жителей станицъ, нежели самые краснорѣчивые доводы. Возможно, что и подвалъ, и винодѣльни долгое время не будутъ окупать затратъ, а современемъ, можетъ быть, останутся безъ надобности. Что дѣлать? Ни одно зданіе не строится безъ затратъ на лѣса.

Урожаи новыхъ садовъ надлежитъ принимать въ проектируемый центральный подвалъ или для обработки съ выдачею денежныхъ ссудъ собственникамъ, или въ случаѣ несогласія владѣльцевъ, что въ первое время можетъ легко случиться, судя по бывшимъ примѣрамъ нежеланія станичанъ сдавать свои вина на выдержку въ общественные подвалы просто изъ-за мелочныхъ расчетовъ,—скупать названные урожаи для выдержки и продажи.

При помощи центральнаго подвала можетъ создаться типичность и реноме станичныхъ винъ, опредѣлиться рынокъ, а кромѣ того, отдавая при пріемкѣ въ подвалъ предпочтеніе сортамъ винограда, желательнымъ къ широкому разведенію, можно побудить новыхъ виноградарей разводить не какія попало лозы (какъ это они теперь дѣлаютъ въ силу привычки къ мѣстнымъ сортамъ и недовѣрія къ предлагаемымъ инструкторами), а именно наиболѣе соотвѣтствующія климатическимъ и почвеннымъ условіямъ и требованіямъ рынка.

Увеличенію площади посадокъ на пескахъ въ значительной степени могла бы содѣйствовать выдача въ продолженіе нѣкотораго числа лѣтъ тѣмъ, кто будетъ разводить лучшіе сорта европейской лозы, отмѣненныхъ въ 1900 году свидѣтельствъ на безакцизное отчисленіе спирта для сдабриванія винъ, вмѣсто положеннаго для этой цѣли отпуска спирта натурою, съ правомъ пользованія этими свидѣтельствами на прежнихъ условіяхъ.

Переходъ станичанъ къ новымъ садамъ если совершится, то исподволь и, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ весьма продолжительный промежутокъ времени. Развитіе качественнаго винодѣлія можетъ сдерживаться существующими затрудненіями въ сбытѣ винъ, расшатанностью и вообще незавиднымъ положеніемъ отечественной виноторговли, причинами, кроющимися въ характерѣ самихъ станичанъ, а кромѣ того особенностями

климата притерскихъ низовьевъ, отличающагося продолжительными засухами при знойныхъ юго-восточныхъ вѣтрахъ и то ранними осенними, то поздними весенними заморозками, обусловливающими непостоянство урожаевъ какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ. Во всякомъ случаѣ, пока окрѣпнетъ виноградарство на новыхъ началахъ, казакамъ приходится добывать пропитаніе и средства къ обмундировкѣ и снаряженію на службу отъ существующихъ у нихъ виноградныхъ плантацій, сбытъ урожаевъ которыхъ, какъ уже было сказано, осложнился съ упадкомъ винокуренія. Между прочимъ, виноградо-водочное производство могло бы съ успѣхомъ замѣниться коньячнымъ. Вино изъ алаго винограда, особенно станицъ Червленной, Щедринской и отчасти Старогладковской, вслѣдствіе своеобразнаго ухода за виноградниками, нѣсколько сходнаго съ таковымъ, примѣняющимся во Франціи къ виноградвымъ посадкамъ, служащимъ для полученія сырого коньячнаго матеріала, и весьма содержательныхъ вкусовыхъ особенностей дистиллята изъ него,—подаетъ поводъ предполагать, что пригодно для полученія коньяковъ, во всякомъ случаѣ средняго достоинства, что отчасти подтверждается опытами кизлярскихъ садовладѣльцевъ, въ особенности покойнаго Серебрякова.

Къ сожалѣнію, коньячное производство, требующее значительныхъ единовременныхъ затратъ и солиднаго оборотнаго капитала, совершенно недоступно станичанамъ. Стороннихъ предпринимателей трудно ждать: отсутствіе удобныхъ путей сообщенія, издавна сложившаяся молва о всякаго рода опасностяхъ для жизни дѣлаютъ край весьма непривлекательнымъ для капиталистовъ. Мелкіе мѣстные спекулянты не могутъ подавать надежды на правильную постановку этого, юнаго у насъ въ Россіи, дѣла, незаручившагося вполнѣ отечественными рынками. Было бы верхомъ благодѣянія для казаковъ со стороны правительства, проектировавшаго одно время устроить винокуренные заводы въ видѣ мѣры къ огражденію казачества отъ разорительныхъ пріемовъ скупщиковъ, если бы теперь былъ устроенъ казенный коньячный заводъ съ практическою школою при немъ къ подготовкѣ русскихъ мастеровъ, затѣмъ проложенъ рельсовый путь по лѣвому берегу Терека до Кизляра и предоставлены всевозможныя льготы по выкуркѣ спирта изъ отбросовъ винодѣлія, собственно чапры и

дрожжей, спиртъ изъ которыхъ принимался бы полностію въ открывшійся съ іюля текущаго года въ гор. Грозномъ казенный винный складъ, причемъ станичные заводчики для улучшенія качествъ продукта были бы обязаны устраивать перегонные аппараты съ приспособленіями для дефлегмаціи спирта и удерживались бы отъ форсированія сгонокъ высшею степенью акцизнаго обложенія за излишекъ перекура сверхъ установленныхъ суточныхъ нормъ.

Несмотря на давность виноградной культуры, климатъ низовьевъ Терека, почва и прочія условія, съ точки зрѣнія раціональныхъ виноградарства и винодѣлія, далеко не изслѣдованы, почему до крайности необходимо учрежденіе опытно-показательнаго винодѣльческаго хозяйства съ практической, на первое время, школой винодѣлія и садоводства, съ отдѣленіями по производству коньяка и общей утилизаціи отбросовъ винодѣлія. Названное учрежденіе, помимо накопленія опыта, оказывая постоянное вліяніе на мѣстныхъ садовладѣльцевъ, не замедлило бы внести улучшеніе въ технику винодѣлія и культурные пріемы виноградарства.

Мѣры, предпринимавшіяся до сихъ поръ къ улучшенію станичнаго виноградарства и винодѣлія, какъ это отчасти видно изъ приведеннаго выше въ очеркѣ обзора, то смѣнялись прежде, чѣмъ успѣвали давать возможность придти къ какимъ либо выводамъ, могущимъ служить къ убѣжденію виноградарей или къ опроверженію рутинныхъ взглядовъ послѣднихъ (показательные участки по лѣченію садовъ, по уясненію раціональныхъ пріемовъ винодѣлія и культуры лозы); то, не получивъ надлежащей организаціи, вовсе не удавались, или давали отрицательные результаты, или послѣ первой неудачи оставались безъ улучшенія, или, наконецъ, оставлялись навсегда (общественные подвалы, общественное станичное винодѣліе, операціи по ссудной кассѣ, постановленія объ обязательномъ лѣченіи садовъ, снабженіе садовладѣльцевъ виноградолѣчебными матеріалами); то оставались въ проектѣ (школа винодѣлія при войсковомъ садѣ, агрономы-руководители, партіи инструкторовъ и проч.). Все это объясняется тѣмъ, что винодѣльческое дѣло, будучи пріурочено къ дѣятельности лѣсного отдѣленія областного правленія, гдѣ вѣдаются прежде всего лѣсная, а затѣмъ и агрономическая части области, не можетъ не являться второстепенною статьею, почему и тер-

питъ отъ неизбѣжныхъ, въ силу скопленія работъ, промедленій и отъ недостатка сосредоточенности и строгой разработки выдвигаемыхъ имъ вопросовъ.

Отсюда ясно сказывается, что было бы больше чѣмъ полезно, если бы былъ прикомандированъ къ терскому областному правленію спеціалистъ по винодѣлію, которому подлежало бы проведеніе въ жизнь мѣропріятій по улучшенію винодѣлія у казаковъ.

Не малая могла бы быть польза отъ учрежденія періодическихъ съѣздовъ и комитета станичныхъ и кизлярскихъ садовладѣльцевъ, причемъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.

Нельзя не усматривать установившуюся съ давнихъ поръ тѣсную связь между станичнымъ и кизлярскимъ виноградарствомъ. Кизлярцы среди мѣстныхъ виноградарей всегда составляли болѣе промышленный элементъ и возможно, что рано или поздно снова станутъ во главѣ промышленной стороны притерскаго винодѣлія.

Урегулированіе теченія р. Терека, превращающаго въ болота луга и пашни, уничтожившаго начисто виноградники въ Шелковской, отчасти въ Новогладковкѣ, Щедринѣ и др. станицахъ, наносящаго почти ежегодно громадные убытки кизлярскимъ садовладѣльцамъ и вообще немало стѣсняющаго экономическое преуспѣяніе края,—одна изъ насущнѣйшихъ нуждъ какъ садовладѣльцевъ, такъ равно и всего населенія притерскихъ низовьевъ.

А. А. Севрюковъ.



ПРОГРАММА
ДЛЯ СОБИРАНІЯ СВѢДѢНІЙ
О ГОВОРАХЪ
ТЕРСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

Раздѣляя судьбу другихъ наукъ, занимающихся изученіемъ языка, діалектологія (наука о народныхъ говорахъ) совсѣмъ не пользуется популярностью и мало кому знакома. Очень многіе даже и не подозрѣваютъ о ея существованіи, не говоря уже о томъ, что почти никто ею не занимается. И совершенно напрасно! Подобное отношеніе къ діалектологіи рѣшительно ничѣмъ не оправдывается, т. к. по многимъ причинамъ русская діалектологія имѣетъ полное право на вниманіе каждаго русскаго интеллигентнаго человѣка, а особенно человѣка, которому хоть нѣсколько дороги интересы науки и исторія нашего отечества.

Предметомъ діалектологіи служатъ народные говоры и ихъ взаимоотношеніе. Она изучаетъ языкъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ въ настоящее время, и такимъ образомъ тѣсно примыкаетъ къ исторіи языка, изучающей его въ его прошломъ.

Занимающіеся исторіей русскаго языка имѣютъ особенную потребность въ знакомствѣ съ діалектологіей. Интересуются ли они исторіей звуковъ и формъ или слѣдятъ за судьбами синтаксическихъ явленій, словарнаго матеріала, все равно,—они могутъ найти въ современныхъ русскихъ народныхъ говорахъ то, что давно исчезло изъ говора образованнаго общества и, такимъ образомъ, получить ясное представленіе о прошломъ языка. Напримѣръ, мы имѣемъ теперь въ своемъ говорѣ мягкое *ц*, которое было (какъ показываютъ па-

мятники) въ древне-русскомъ языкѣ; обращаясь къ народнымъ говорамъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы встрѣчаемся съ этимъ *ц* и такимъ образомъ составляемъ себѣ понятіе о качествѣ древняго звука.

Тѣ, которые изучаютъ древніе памятники нашей письменности (какъ литературные, такъ и историческіе, юридическіе), чрезъ изученіе діалектологіи почерпаютъ средства къ пониманію текста памятниковъ. Значительное число словъ, прежде употреблявшихся во всемъ русскомъ языкѣ и нашедшихъ себѣ мѣсто въ памятникахъ, теперь у насъ, въ нашемъ говорѣ, неизвѣстно, но остается въ употребленіи въ другихъ говорахъ. Такимъ образомъ знакомство съ говорами даетъ намъ возможность опредѣлить значеніе этихъ словъ. Напримѣръ, въ Русской Правдѣ мы находимъ слово *олекъ*: «аже бчелы выдереть, то 3 гривнѣ продаже, а за медъ,—аже будуть бчелы не лажены, то 10 кунъ, будеть ли *олекъ* то 5 кунъ». Костромской и шуйскій говоры объясняютъ намъ это слово. Въ нихъ *олекъ*—починъ сотовъ. Слѣдовательно, Русская Правда противопоставляетъ улью, полному меда, неподрѣзанному, «не лаженному»,—улей съ небольшимъ количествомъ меда, оставленнымъ для пчелъ на зиму.

Языкъ народа одинъ изъ наиболѣе вѣрныхъ и богатыхъ историческихъ памятниковъ. Въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражается минувшая жизнь народа. Поэтому діалектологія часто можетъ сыграть не послѣднюю роль при рѣшеніи вопросовъ чисто историческаго характера, на которые лѣтописцы и документы не даютъ никакого отвѣта. Такіе вопросы, какъ вопросъ о родственныхъ связяхъ между областями, о колонизаціи той или другой мѣстности, о вліяніи племенъ другъ на друга, легко рѣшаются на основаніи выводовъ діалектологіи. Напримѣръ, существуетъ вопросъ о населеніи верхняго Поволжья, нынѣшней Ярославской и Костромской губерній: какого оно происхожденія, откуда пришло и къ какому большому городу первоначально тянуло. Обыкновенно отвѣчаютъ на этотъ вопросъ, что-де Поволжье было заселено выходцами изъ Новгородской области и первоначально должно было тянуть къ Новгороду. Но большая часть говоровъ названныхъ губерній довольно рѣзко отличается отъ говоровъ древней новгородской земли (въ нихъ нѣтъ мѣны *ц* и *ч*); напротивъ того, они близки къ говорамъ средней Руси (Московской, Тульской

и сосѣднихъ съ ними губерній). Слѣдовательно, вопросъ о происхожденіи поволжскаго населенія долженъ быть разрѣшенъ иначе: Поволжье заселилось съ юга и его жители никогда не тянули къ Новгороду, а составляли одну область съ Москвой, Муромомъ и Рязанью.

Словомъ, такъ или иначе мы должны признать за діалектологіей серьезное значеніе и право на вниманіе съ нашей стороны, а потому-то я считаю далеко нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о ея методахъ.

Методъ каждой науки обусловливается съ одной стороны тѣми задачами, которыя она себѣ ставитъ, а съ другой и самымъ предметомъ изслѣдованія.

Чтобы успѣшнѣе выполнить свою задачу, діалектологія должна прежде всего заботиться о возможной всесторонности, полнотѣ и точности того матеріала, съ которымъ она имѣетъ дѣло, т. е. фонетическихъ, морфологическихъ, синтаксическихъ и лексическихъ данныхъ областныхъ говоровъ русскаго языка, т. е., другими словами, центръ тяжести въ діалектологіи пока еще лежитъ въ *собираніи данныхъ опыта*. Долгъ всякаго русскаго интеллигента, въ виду указаннаго значенія діалектологіи, оказать ей посильную помощь въ собираніи и предварительной разработкѣ сырого матеріала, тѣмъ болѣе, что съ одной стороны, эта работа, какъ мы увидимъ дальше, не представляетъ никакихъ неудобствъ для собирателя и съ полнымъ успѣхомъ можетъ вестись рядомъ съ какими угодно занятіями, а съ другой, занятіе діалектологіей неизбѣжно обогащаетъ наши познанія во всѣхъ сторонахъ народной жизни, такъ какъ при собираніи областныхъ словъ мы невольно становимся лицомъ къ лицу съ бытомъ и нравами родного края, знакомимся съ его флорой и фауной, географіей и этнографіей и т. д. Такимъ образомъ не только выводы діалектологіи имѣютъ большое значеніе, но даже и одни только занятія ею, въ томъ видѣ, какъ мы ихъ рекомендуемъ, т. е. въ видѣ собиранія и предварительной разработки сырого матеріала.

Вмѣстѣ съ другими науками, имѣющими дѣло съ конкретными явленіями, діалектологія пользуется двумя, другъ друга пополняющими методами: наблюденія и эксперимента. Впрочемъ надо замѣтить, что экспериментъ въ діалектологіи очень рискованная вещь, такъ какъ въ неопытныхъ рукахъ

онъ будетъ давать ложные или, во всякомъ случаѣ, недостовѣрные результаты.

Сущность эксперимента здѣсь сводится къ тому, что наблюдатель задаетъ вопросы въ такой формѣ, чтобы въ отвѣтной фразѣ наблюдаемый фактъ появился бы съ неизбѣжностью. Напр., желая узнать, какъ звучитъ въ данномъ говорѣ им. мн. притяж. мѣстоимѣнія 1-го лица: *мой* или *моѐ*, мы спрашиваемъ: *чьи это сапоги?* или что-нибудь въ этомъ родѣ. Неудобство этого метода заключается въ томъ, что при рѣшеніи болѣе или менѣе сложнаго вопроса, отвѣчающій ставится въ непревычное для него положеніе, которое и отражается на отвѣтѣ неблагопріятнымъ образомъ.

Поэтому главное мѣсто принадлежитъ методу наблюденія, который состоитъ въ томъ, что изслѣдователь ведетъ съ народомъ разговоры самаго разнообразнаго характера, давая полный просторъ теченію мысли испытуемаго, задаетъ вопросы по возможности обо всемъ, *за исключеніемъ собственно говора* и отвѣты тотчасъ записываетъ съ соблюденіемъ фонетическихъ особенностей, отмѣчая все, что найдетъ достойнымъ вниманія. Въ этомъ случаѣ вниманіе испытуемаго обращается на смыслъ разговора, а не на форму, за которой у него уже не хватитъ силъ услѣдить; поэтому рѣчь его будетъ вполнѣ естественна и привычна. Впрочемъ и методъ наблюденія имѣетъ свои недостатки. Изъ нихъ на первомъ планѣ стоитъ свойственная полукультурному люду ксеноманія, т. е. неизбѣжная склонность къ перениманію чистыхъ звуковъ, словъ и оборотовъ, особенно въ разговорѣ съ интеллигентомъ*). Единственное средство избѣжать этого неудобства—это стать совершенно на равную ногу съ наблюдаемымъ народомъ, стать въ самыя простыя отношенія, не подавая виду, что это дѣлается съ цѣлью, и строго провѣрять данныя, записанныя отъ лицъ, въ рѣчи которыхъ хоть немного замѣтна искусственность. Хорошій собиратель какихъ бы то ни было данныхъ этнографическаго или діалектологическаго характера долженъ быть очень осмотрительнымъ, а съ другой стороны, долженъ обладать способностью на время ассимилироваться съ тѣмъ народомъ, бытъ и языкъ котораго онъ изучаетъ.

Какъ же вести самое собираніе? Разумѣется, прежде всего

*] Замѣтимъ кстати, что этотъ недостатокъ едва ли еще не въ большей мѣрѣ даетъ себя чувствовать при экспериментальномъ методѣ.

собиратель долженъ уяснить себѣ, какіе факты языка относятся къ особенностямъ областныхъ говоровъ. Для этого слѣдуетъ познакомиться съ діалектологіей, напримѣръ, по печатному труду проф. А. И. Соболевскаго (Опытъ русской діалектологіи. С.-ПБ. 1897 г.), гдѣ приведенъ въ систему весь извѣстный матеріалъ по описанію народныхъ говоровъ. Уясненіе сущности предмета прямо таки необходимо для правильнаго хода работы. Съ другой стороны, собирателю могутъ оказать существенную помощь изданныя въ 1896 г. академіей наукъ программы для собиранія особенностей народныхъ говоровъ (нарѣчія южновеликорусское и сѣверновеликорусское*).

Упомянувъ о программахъ, мы должны оговориться, что собственно при *изученіи* говора онѣ не играютъ большой роли и значеніе ихъ сводится къ тому, что онѣ помогаютъ систематизировать накопленныя свѣдѣнія и намѣчаютъ тѣ вопросы, которые заслуживаютъ особаго вниманія. Особенно слѣдуетъ остерегаться производить по программѣ опросы мѣстныхъ жителей объ особенностяхъ ихъ говора, такъ какъ часто простолюдинъ на вопросъ: *говорятъ ли у васъ такъ или нѣтъ?* отвѣчаетъ рѣшительнымъ «нѣтъ!», а между тѣмъ его собственный говоръ указываетъ противное. Поэтому при *изученіи* говора пользованіе программой должно ограничиваться лишь ознакомленіемъ съ ея вопросами до начала собиранія.

При собираніи матеріала слѣдуетъ обратить вниманіе на удареніе, манеру говорить, быстроту или протяжность рѣчи. Если замѣчается распѣвъ или что нибудь на него похожее, то по возможности выяснить, въ чемъ онъ состоитъ. Слѣдуетъ также отмѣтить разницу въ говорѣ мужчинъ и женщинъ, такіе случаи очень нерѣдки.

Очень часто собиратели увлекаются записываніемъ пѣсенъ. Конечно, это дѣло очень полезное, но имѣетъ ничтожное значеніе для діалектологіи, такъ какъ мѣстный говоръ менѣе всего отражается именно въ пѣсняхъ, благодаря ихъ косности, подмѣченной и народомъ: «изъ пѣсни слова не выкинешь». Въ каждой пѣснѣ болѣе всего замѣтны особенности той мѣстности, гдѣ она сложилась, поэтому для діалектологіи интересны пѣсни бытовыя, завѣдомо мѣстнаго происхожденія, и историческія, если ихъ языкъ вполнѣ ассимилировался съ мѣстнымъ;

*] Недавно эти программы вышли новымъ изданіемъ, уже въ 1901 г.

пѣсенъ же общераспространенныхъ записывать не стоитъ, хотя слѣдуетъ указывать, какія пѣсни изъ общераспространенныхъ поются въ данной мѣстности.

Кстати нѣсколько словъ о самомъ механизмѣ записыванія. Въ представленіи малокультурнаго человѣка слова пѣсни и мотивъ всегда такъ прочно ассоціированы, что пѣть мотивъ безъ словъ или говорить одни слова онъ положительно не въ состояніи. Записывать пѣсню «съ голоса» неудобно при быстромъ темпѣ мотива, да и не совсѣмъ полезно такое записываніе, даже если темпъ пѣсни настолько медленъ, что можно записывать не отставая отъ пѣвца, такъ какъ онъ не можетъ быть строго фонетическимъ, ибо у записывающаго совершенно не будетъ времени обдумывать, какъ нужно изобразить тотъ или другой звукъ, и онъ будетъ писать подъ слишкомъ сильнымъ вліяніемъ обычной орфографіи. Гораздо практичнѣе вести записываніе слѣдующимъ образомъ: въ то время какъ пѣвѣцъ поетъ, слѣдуетъ записывать лишь начало строкъ, которыя по окончаніи пѣсни читать пѣвцу, и пополнять пробѣлы, такъ какъ докончить строку пѣвцу не составитъ никакого труда. Затѣмъ, когда вся пѣсня такимъ образомъ будетъ записана, пѣвецъ снова ее поетъ для провѣрки и поправки записи. Приэтомъ часто случается, что при вторичномъ пѣніи пѣвецъ вспоминаетъ новыя строки и даже цѣлые отрывки, не всплывшіе въ памяти при первомъ пѣніи.

Особенное стараніе нужно приложить къ записыванію областныхъ словъ, которыми считаются всѣ слова, не употребляющіяся въ литературной рѣчи. Каждое слово слѣдуетъ записывать вмѣстѣ съ той фразой, въ которой оно произнесено, такъ чтобы смыслъ слова былъ виденъ возможно яснѣе, со всѣми оттѣнками. Особенно нужно соблюдать это правило при словахъ отвлеченныхъ и употребленныхъ въ переносномъ смыслѣ, при глаголахъ и т. п. Кромѣ того, необходимо каждое слово записывать съ его мѣстнымъ удареніемъ, а въ словахъ муж. рода слѣдуетъ указывать и удареніе родительнаго пад. Словарь областныхъ словъ долженъ быть по возможности полнѣе.

Что же касается до группировки собраннаго матеріала, то въ подробности входить намъ нѣтъ возможности, въ общемъ же изложеніе разбивается на слѣдующіе отдѣлы:

1) Общія свѣдѣнія о мѣстности, жителяхъ и ихъ говорѣ.

2) Фонетика (ученіе о звукахъ). Особенности произношенія звуковъ гласныхъ и согласныхъ, звуковыхъ сочетаній и т. п.

3) Морфологія (ученіе о формахъ). Окончанія и основы, сложеніе словъ. Главные типы склоненія и спряженія, съ указаніемъ обычныхъ отклоненій отъ нихъ.

4) Синтаксисъ. Сочиненіе словъ въ предложеніи и предложеній другъ съ другомъ. Употребленіе падежей и глагольныхъ формъ.

5) Словарь (слѣдуетъ включить и мѣстныя географическія названія) и образцы народнаго говора въ видѣ пѣсенъ, сказокъ, разсказовъ или отдѣльныхъ фразъ, пословицъ и т. п.

Для руководства прилагаемъ краткій вопросникъ, составленный примѣнительно къ говорамъ Терскихъ казаковъ. Вопросы сосредоточены на наиболѣе трудныхъ и важныхъ отдѣлахъ: на фонетическихъ и морфологическихъ особенностяхъ.

Общая часть.

§ 1. Кто даетъ свѣдѣнія (званіе, имя, отчество, фамилія и подробный адресъ)? Гдѣ родились и провели дѣтство? Гдѣ и когда получили образованіе?

§ 2. Что за мѣсто, гдѣ собирали данныя (округъ, станица, хуторъ)? Велико ли селеніе, сколько жителей? Давно ли здѣсь живутъ и откуда переселились? Населеніе однородно ли по своему составу или разноплеменно? Какія связи съ сосѣдними поселеніями: имѣютъ ли постоянное общеніе? роднятся? враждуютъ? относятся съ пренебреженіемъ? или м. б. съ уваженіемъ? Часто ли ѣздятъ въ городъ и въ сосѣднія поселенія? надолго-ли? Есть-ли живущія на заработкахъ въ городѣ, на промыслахъ (нефтяныхъ, рыбныхъ)? Главныя занятія жителей: землепашество, рыболовство и охота, виноградарство, лѣсной промыселъ (дровосѣки, угольщики и т. п.).

§ 3. Школа. Сколько ихъ и какія? Давно ли существуютъ и имѣютъ-ли успѣхъ? Сколько грамотныхъ? Какъ грамотность распредѣляется по возрасту и полу? Каково отношеніе населенія къ грамотности?

§ 4. Нѣтъ-ли у жителей даннной мѣстности какихъ либо названій, прозвищъ, кличекъ, подъ которыми они извѣст-

ны у сосѣдей? Не имѣютъ-ли эти названія оттѣнка насмѣшки? Нѣтъ-ли у жителей данной мѣстности названій и кличекъ для сосѣдей?

§ 5. Какъ говорятъ сосѣди: тожественно или нѣтъ? Если разница существуетъ, то въ чемъ она состоитъ? Какъ смотрятъ жители данной мѣстности на говоръ сосѣдей? Нельзя-ли опредѣлить приблизительно районъ (область, границы) того же говора, что и въ данной мѣстности?

§ 6. Нѣтъ-ли какихъ особенностей въ способѣ рѣчи? Говорятъ-ли медленно, отчеканивая каждое слово, или быстро, связывая слова между собой? Нѣтъ-ли чего похожаго на распѣвъ? Если есть, то въ чемъ заключается эта пѣвучесть? Говорятъ-ли открыто, явственно произнося слова, или глухо, какъ бы проглатывая звуки? Одинаково-ли говорятъ мужчины и женщины (часто бываетъ, что женщины говорятъ мягче, протяжнѣе, присюсюкиваютъ и т. п.)? Нѣтъ-ли еще какихъ особенностей въ манерѣ говорить?

Фонетика.

§ 7. Не слѣдуетъ увлекаться рѣдкими или неясными по своему происхожденію и составу словами и вводить ихъ въ фонетику. Напримѣръ, можетъ встрѣтиться *кукши́нъ* вм. *кувши́нъ*, но здѣсь нельзя говорить о переходѣ *в* въ *к* или о чемъ либо подобномъ; слово неясно этимологически (по своему составу) и м. б. *кукши́нъ* древнѣе, чѣмъ *кувши́нъ*.

§ 8. Приводя примѣры, надо ставить удареніе, а въ иныхъ случаяхъ и указывать значеніе слова, гдѣ оно неясно само собой.

§ 9. При распредѣленіи матеріала нужно не выпускать изъ виду особенности привычной орфографіи и не смѣшивать *звука* съ *буквой*. Такъ напримѣръ, нужно принимать во вниманіе, что *я, ю, ё* ничто иное, какъ звуки *а, у, о* послѣ мягкаго согласнаго или іота *(й)*: *по́ясъ=по́іасъ (пойасъ), лю́бятъ=л'у́б'атъ* (знакомъ ' обыкновенно означается мягкость звука), *весёлый=вес'о́лыі*. Поэтому въ словѣ *крукъ* вм. *крюкъ* не *появленіе* звука *у* на мѣстѣ звука *ю*, а *отверденіе* согласнаго *р*.

Гласные.

§ 10. Звуковыя явленія въ области гласныхъ въ значи-

тельномъ числѣ случаевъ стоятъ въ тѣсной связи съ мѣстомъ даннаго слога относительно ударенія. Поэтому приходится говорить особо о гласныхъ и неударяемыхъ.

§ 11. *О.* Какъ звучитъ *о* въ ударяемыхъ слогахъ? Не слышится-ли на его мѣстѣ *і* (мягкое *и*) или *у: кінь, кунь*? Или м. б. слышится гласный дифтонгъ (звукъ сложный изъ элементовъ двухъ различныхъ звуковъ), какъ *уо, оу* или какой другой звукъ?

§ 12. Неударяемое *о* тожественно съ неударяемымъ *а* или нѣтъ? Какъ произносится *о* въ неударяемыхъ слогахъ въ началѣ и въ концѣ словъ? Въ послѣднемъ случаѣ нѣтъ-ли разницы въ произношеніи звука въ слогахъ открытыхъ и закрытыхъ, т. е. оканчивающихся на гласный и замыкающихся согласнымъ? Не появляется-ли въ началѣ словъ постоянно *а* или м. б. иногда *у: угаро́ды, унъя́ть?* или, наконецъ, *и: игурцы́* и т. п.? Не слышится-ли *у* на мѣстѣ *о* въ другихъ случаяхъ: *купува́ти, торгува́ти?* Если да, то въ какихъ? Побольше примѣровъ. Нѣтъ-ли *ы* на мѣсто *о: сы сваи́ми?*

§ 13. Если «а́канье» существуетъ, т. е. если въ неударяемыхъ слогахъ звуки *а* и *о* произносятся тожественно, то какъ звучатъ они въ слогѣ предшествующемъ ударяемому: *дара́ми, рога́ми?* Вполнѣ-ли одинаковы гласные въ *да* и *ро?*

§ 14. Что слышится на мѣстѣ *а-о* во второмъ слогѣ до ударенія? что въ слѣдующемъ за ударяемыми? М. б. здѣсь происходитъ ослабленіе звука и на мѣстѣ *а-о* слышится глухой неопредѣленный звукъ? Если да, то къ какому звуку подходитъ этотъ звукъ, т. е. ближе ли онъ къ *а,* или къ *ы,* или къ *о,* какъ вы находите?

§ 15. М. б. въ этихъ случаяхъ гласный звукъ исчезаетъ совершенно: *кра́улить* и др.? Побольше примѣровъ.

§ 16. М. б. *а* на мѣстѣ неударяемаго *о* слышится только передъ слогомъ съ *а: бага́тий, гаря́чий, казя́инъ?* Часто-ли это бываетъ?

§ 17. Въ акающихъ говорахъ нерѣдки случаи появленія въ ударяемыхъ слогахъ *а́* на мѣстѣ *о́* и обратно: *ла́вишъ, во́ришъ.* Укажите такіе случаи, если они имѣются въ данномъ говорѣ.

§ 18. *У.* Нѣтъ-ли какихъ особенностей въ произношеніи звука *у?* Не переходитъ-ли оно въ неударяемыхъ слогахъ въ полугласный *ў,* не образующій слога или даже въ ясное *в: ў*

ме́не, умію, вмію, віихъ, вдарилъ. Иногда, быть можетъ, на мѣстѣ *у* является *і* или какой другой звукъ: *за́міжъ, огірокъ* (огурецъ), *діброва* и т. п.

§ 19. Во второмъ слогѣ до ударенія на мѣстѣ *у* не является ли вышеупомянутый глухой звукъ: *пазырёкъ* (пузырêкъ).?

§ 20. Е. Древній звукъ *ѣ* тожественъ-ли съ *е* или нѣтъ? Если нѣтъ, то какъ онъ произносится? М. б. на его мѣстѣ слышится і (мягкое, «острое» и), или э (мягкое *е*), или какой-нибудь дифтонгъ: *літо, лэ́то, ліэ́то?* Если слышится дифтонгъ, то постарайтесь точнѣе опредѣлить.

§ 21. Какъ звучитъ древнее *е?* Какіе звуки находимъ мы на его мѣстѣ: тѣ же, что и на мѣстѣ *о,* или тѣ, что на мѣстѣ *ѣ*, т. е. *ію, юо́, э, іэ́: тюо́тка* (наше *тётка* изъ древняго *тетъка), тютка, тітка* и т. п., *шіэсть, шэсть, шість?* М. б. на мѣстѣ *е* находили *о* послѣ шипящихъ и *і* независимо отъ ударенія: *жона́, чоловікъ, чоти́ири, жоутий, шостій* и т. п.? Бываетъ-ли это только передъ твердыми согласными или и передъ мягкими? Часты-ли исключенія, напр. *черевикъ, шерсть, чесати* и т. п.?

§ 22. Если *ѣ* тожественъ съ *е,* то въ какомъ общемъ звукѣ совпали они въ неударяемыхъ слогахъ? Наблюдается-ли въ вашемъ говорѣ въ этомъ случаѣ *и́канье, ака́нье,* т. е. общій звукъ *ѣ-е* равенъ-ли *и* или *я* (которое, напомнимъ, ничто иное, какъ *а* послѣ мягкихъ согласныхъ, шипящихъ и і)? Или м. б. все-таки въ произношеніи слышится звукъ средній между *а* и *и,* близкій къ тому *е,* которое слышится въ ударяемыхъ слогахъ? М. б. общаго звука для всѣхъ случаевъ нѣтъ, а слышится въ иныхъ случаяхъ *а,* въ иныхъ *и,* въ иныхъ *е?* Если да, то въ какихъ—что?

§ 23. Звукъ *а* слышится на мѣстѣ *е* только въ слогѣ, стоящемъ непосредственно передъ ударяемыми, или встрѣчается и во второмъ до ударенія, напр.: *жани́хъ,* но *жениха́?* Только передъ твердыми согласными слышится *а* или передъ мягкими: *жана́,* но *жини́хъ?* Бываетъ-ли *а* на мѣстѣ *е* послѣ ударенія, въ концѣ словъ? Въ закрытыхъ слогахъ или въ открытыхъ? М. б. только послѣ шипящихъ? М. б. *а* въ концѣ словъ только вмѣсто *е,* а вм. *ѣ* только *и: иду въ поля,* но *былъ въ поли?* М. б. *а* слышится только на мѣстѣ *э* въ кон-

цѣ формъ им.-вин. ед. сущ. ср. рода на *ѣе: життя́, весілля?* Если да, то переходитъ ли это *я(а)* въ тв. ед. *весіллямъ* и въ уменьшительныя *весіллячко?*

§ 24. Если сочетаніе *ре* оказывается во второмъ слогѣ до ударенія, или въ слогѣ, слѣдующемъ за ударяемымъ, то гласный *е* можетъ въ произношеніи ослабляться до полнаго исчезновенія, влекущаго за собой въ концѣ концовъ отвердѣніе *р: на тёреке, по тёрьку, пирдаво́й* (передовой). Часто-ли такое явленіе въ данномъ говорѣ? Ограничивается оно однимъ этимъ случаемъ (т. е. сочетаніемъ съ *р*) или бываетъ и въ другихъ?

§ 25. Какъ произносится *е* въ началѣ словъ? Всегда-ли съ іотаціей (т. е. *е,* а не *э*) или нѣтъ? Не говорятъ ли *е́тотъ, е́кій* или наоборотъ *э́сли?* Нѣтъ-ли вм. *е* какого другого звука, напр., *Ягоръ?*

§ 26. Въ какихъ случаяхъ древнее *е́* въ ударяемыхъ слогахъ переходитъ въ *о́ (ё)?* Въ какихъ случаяхъ остается? М. б. рядомъ живутъ формы съ переходомъ и безъ него: *се́стры* и *сёстры?* Укажите такіе случаи. Возникаетъ-ли *о́(ё)* на мѣстѣ древняго *ѣ* или нѣтъ; *звёздачка* и *звѣ́здачка?* Это *о(ё)* возникаетъ только въ ударяемыхъ слогахъ или и въ неударяемыхъ?

§ 27. Какъ звучатъ древніе мягкіе согласные передъ *е:* мягко какъ въ литературномъ говорѣ, или совсѣмъ твердо, или, наконецъ, средне между тѣмъ и другимъ?

§ 28. И. Ы. Какъ произносятся *и* и *ы* послѣ согласныхъ (кромѣ *і*): одинаково или различно? Если одинаково, то какой звукъ слышится въ такомъ случаѣ: вполнѣ-ли твердое *ы* литературнаго говора (передавать слѣдуетъ такой звукъ чрезъ *ы*), или звукъ средній между твердымъ *ы* и мягкимъ *и* (передавать чрезъ *и*)?

§ 29. Начальное *і* (мягкое *и*), происшедшее изъ *ѣ* (см. выше), не отличается ли отъ *і* изъ *и* своей іотаціей, т. е. *іісти* но *ішлú?* Не представляютъ ли мѣстоименныя формы *іíхъ, іíмъ, ііими* единственное исключеніе.

§ 30. Въ началѣ словъ нашему *и* не соотвѣтствуетъ ли иногда неслогообразующее *й: йвасъ.* Союзъ *и* послѣ гласныхъ не обращается ли въ *і*: *мати й синъ?* Въ началѣ словъ *и* иногда м. б. отсутствуетъ: *(и) гра́ти, не (и)на́че, (и)ма́ю?*

§ 31. Подъ удареніемъ на мѣстѣ обычнаго *и́* не бываетъ ли *е* или *о(ё): подпéливали, Кéевъ, напёхана?*

§ 32. Какъ произносится *а* въ неударяемыхъ слогахъ послѣ мягкихъ согласныхъ, шипящихъ, свистящаго *ц* и послѣ іота? Не слышится ли здѣсь *е* или *и*? Если же *а (я)* сохраняется, то въ какихъ случаяхъ (обратить вниманіе на слѣдующій и предыдущій согласный и на положеніе относительно ударенія)? Въ началѣ словъ не слышится ли *е: еравой?*

§ 33. Въ ударяемыхъ слогахъ на мѣстѣ *я* нѣтъ-ли иногда *е* или *о(ё): мечикъ, запрёжена?*

§ 34. *Другія особенности въ области гласныхъ.* Нѣтъ ли случаевъ появленія чистыхъ на мѣстѣ древнихъ глухихъ не только въ склоненіи (подъ вліяніемъ сходныхъ формъ другихъ падежей), но и въ предлогахъ—приставкахъ: *въ роте́ (во рту), кружо́ки, копасту́, солучилось?* Не возникаетъ ли гласный а или какой другой въ иныхъ случаяхъ: *пашени́ца, скываре́цъ?*

§ 35. На мѣстѣ сочетаній *ро, ло, ле* (гдѣ *о* изъ древняго *ъ*, а *е* изъ *ь)* не являются ли сочетанія *ри, ли: крива́вий, чернобривий, слизъ* (родъ мн. *слёзъ)?*

§ 36. Нѣтъ ли исчезновенія (или сліянія) гласныхъ? Если да, то только ли въ случаяхъ тожественныхъ гласныхъ: *за (а)ба́зъ, за (о)би́ду?* Это бываетъ только при соединеніи словъ съ предлогами и приставками или и въ окончаніяхъ: *копе́къ* вм. *копеекъ, зна(т)* вм. *знае(т)?* Долгій или краткій гласный получается въ такихъ случаяхъ? Не замѣчали-ли вы еще какихъ-нибудь особенностей въ области гласныхъ звуковъ въ данномъ говорѣ?

Согласные.

§ 37. *Гортанные.* Какъ произносится звукъ г? Онъ можетъ быть звонкимъ до глухого *х*; въ литературной рѣчи первое произношеніе является лишь въ немногихъ словахъ, какъ *Богъ, благо, Господь* и производныя отъ этихъ, а второе во всѣхъ остальныхъ случаяхъ. Какое произношеніе преобладаетъ въ вашемъ говорѣ? Звукъ *г* ближе ли къ *х* (тогда передавайте его чрезъ h) или ближе къ *к* (можно передавать обычнымъ знакомъ *г*)? М. б. *г* является только въ заимствованныхъ словахъ или наоборотъ? Какъ произносится предлогъ *к*, если слѣдующее слово начинается со звонкаго согласнаго *б, д*: *къ дому, гъ дому или* h'*дому.*

§ 38. Какой звукъ на мѣстѣ *г* находимъ мы въ концѣ

слова: *к* или *х?* Нѣтъ-ли случаевъ появленія одного гортаннаго на мѣстѣ другого, напр., *к* вм. *х, г* вм. *к* и обратно?

§ 39. На мѣстѣ мягкаго *к* не слышится ли иногда *т: тúслый?* Нѣтъ-ли смягченія гортаннаго въ окончаніяхъ *ка, ку: Вáнькя* или даже *Вáньтя?* Какъ звучитъ слово *хороводъ: карагóдъ, каравóдъ* или даже *караóдъ?*

§ 40. *Шипящіе.* Твердо или мягко произносятся обыкновенно звуки *ж, ч, ш?* На ряду съ твердымъ произношеніемъ нѣтъ-ли и мягкаго, напримѣръ, при слѣдующемъ *і* или *э* (на мѣстѣ *ѣе)?* На мѣстѣ *ж, ч, ш* нѣтъ-ли какихъ другихъ звуковъ, напримѣръ, *з, ц, с?* Если да, то часто ли и въ какихъ случаяхъ? Какъ произносятся слова *жемчугъ, желѣзо, сейчасъ?*

§ 41 На мѣстѣ нашего *ж* не слышится ли иногда *жд* или *дж: урождай, ходжу?* Это *дж* два звука или одинъ дифтонгъ? Если да, то какъ онъ звучитъ: мягко или твердо?

§ 42 Какъ произносится звукъ *щ?* Слышите ли вы на его мѣстѣ *ш, шш, шчъ, шьчъ* или *шьшь: шшó* (еще), *шшшó, шшчо, шшьчѐ* или *шшьшё?* М. б. рядомъ встрѣчаются различныя выраженія этого звука; въ такомъ случаѣ какое чаще? Какъ произносится слово *щи?* Какъ произносится мѣстоименіе и союзъ *что?* Если слышится *що (шче* или *шьчё),* то всегда ли или только въ значеніи вопросительнаго (не относительнаго) мѣст., а въ другихъ случаяхъ лишь *што? Общество* или *óпчество?*

§ 43. Существуетъ-ли двойное *ж: вóжи* или *вóжжи, жжигать* или *сожигáть, жжотъ* или *жгётъ?* Если двойное *ж* существуетъ, то твердо или мягко звучитъ оно: *выежжáть,* или *выежжя́ть,* или даже *выежджять?* Какъ произносится слово *дождь?* Какъ другіе падежи?

§ 44. На мѣстѣ *ч* не слышится-ли иногда *ш?* Это бываетъ только передъ *н: конéшно,* или и въ другихъ случаяхъ: *горшúца* и т. п.? Нѣтъ-ли исключеній: *вéчный, безпечный?* Какъ звучатъ слова *почта, почтеніе, потчевать?*

§ 45. *Свистящіе.* Звукъ *ц* обыкновенно произносится, надо думать, твердо, но въ исходѣ словъ не звучитъ-ли онъ иногда мягко: *царúцŭя, хлóпцю, хлопецъ, любитца* (3 л. ед.)? Однако передъ *е* м. б. твердо: *лицé (но лиця́, лицю́)?* На мѣстѣ *ц* нѣтъ-ли *т* или *с: светы́, твяты́.*

§ 46. *Переднеязычные.* На мѣстѣ *т* передъ *е (ѣ)* и *и*

не слышится-ли *к*: *кéсто, бакúстовый?* На мѣстѣ *т* не слышится-ли иногда *д* и обратно: *нудакштожа?*

§ 47. Нѣтъ-ли случаевъ твердости или мягкости плавныхъ *р* и *л* несогласно съ общепринятымъ литературнымъ произношеніемъ? Бываетъ-ли это въ концѣ словъ: *матиръ*, *царъ*, или передъ *и* (ы): *риба, глиба* или передъ мягкими согласными: *карьмить, пальтинникъ* (но первый, серпъ)? Какъ скажутъ: *вúхромъ* или *вúхремъ*, *малчишка* или *мальчишка*?

§ 48. Нѣтъ ли какихъ особенностей въ произношеніи *н?* Нѣтъ-ли отвердѣнія его въ окончаніяхъ: *осéнный* вм. *осенній* или наоборотъ мягкости въ нѣкоторыхъ случаяхъ: *минюта*? Группа *нн* существуетъ-ли въ произношеніи или на мѣстѣ ея слышится одно *н*: *деревянный*? Если послѣднее, то всегда ли или только въ слогахъ неударяемыхъ: *деревя́нный*, *но серéбряный?*

§ 49. Древнее твердое *л* передъ согласными и въ концѣ формъ прошедшаго времени не звучитъ-ли какъ неслогообразующее *у*, составляющее съ предыдущими гласными одинъ звукъ дифтонгъ: *вóукъ, íшóу, буу?* Передъ гласными въ послѣднемъ случаѣ не слышится-ли *в*: *бувъ одинъ*?

§ 50. *Л.* при мягкихъ губныхъ въ концѣ словъ и въ причастіяхъ иногда м. б. отсутствуетъ: *дарáнь, долбëный?*

§ 51 *Губные.* Древніе мягкіе губные *б, в, м, п* передъ *а* (т. е. сочет. *бя, вя* и т. д.) не звучатъ-ли какъ *бі, ві, мі, пі*: *вьяну, памьять, пьять?* При этомъ губной не теряетъ-ли свою мягкость: *въяку, пъять*? Эта іотація всегда-ли имѣетъ мѣсто? Не отсутствуетъ-ли она, если губному предшествуетъ согласный: *святой*. Вм. *бі* не слышится-ли (въ 3 л. мн. ч.) *бль: люблять*? Вм. *мі* не встрѣчается-ли *мнь*: *мня́со*?

§ 52. Въ концѣ словъ губные не звучатъ-ли постоянно твердо? Бываетъ-ли это не только въ именахъ, но и въ глаголахъ (въ повелит. накл.): *семъ, карапъ, сыпъ, пригатофъ*. Мягки или тверды губные передъ мягкими согласными: *дéфка—дéфьки*, *бáпка—бáпьки*.

§ 53. Древнее *в* передъ согласными (въ томъ числѣ и і) и въ концѣ словъ не звучитъ-ли какъ неслогообразующее *у*, составляющее иногда съ предыдущимъ гласнымъ дифтонгъ: *прауда, діучина, слоу?* Часто-ли встрѣчается такое произношеніе? Не ограничивается-ли оно случаями, когда *в* стоитъ передъ твердымъ *к*: *Каукасъ, деука,* но *дефьки*? Переходятъ

въ *у* одинаково-ли твердое и мягкое *в*? Какимъ видоизмѣненіямъ подвергается въ данномъ говорѣ предлогъ *в*? Возможно ли произношеніе: *у по́ліи, у полі, увъ огню́, уво сни?*

§ 54. Какіе звуки находятся на мѣстѣ *ф*, если оно не сохраняется? Не слышится-ли тогда *х, хв* или даже *п: Хома́, хво́ртка, Пили́пъ, Опана́съ?*

§ 55. На мѣстѣ *м* не слышится ли иногда *в: вного* или обратно *м* вм. *в: подо́шмы?* Въ какихъ случаяхъ *м* является на мѣстѣ *н: Микала́й?* Часто ли?

§ 56. На мѣстѣ сочетаній *стк, стл, стн* не слышится ли *ск, сл, сн: неві́ска, щасли́вий, звісно?* Передъ суффиксомъ *ск* не сохраняется ли мягкость согласной, и при этомъ не смягчается ли *с* суффикса: *царьский.*

§ 57. Нѣтъ ли случаевъ исчезновенія іота: *весі́ля, съ ружі́ми?* Это бываетъ только послѣ согласныхъ или и между гласными: *ба́укать?* Или м. б. *і* ассимилируется (уподобляется) предыдущему согласному: *наллю́, весі́лля, камі́ння, суддя́, життя́, підъ пі́ччу?* Эта ассимиляція всегда ли имѣетъ мѣсто или ограничивается нѣкоторыми немногими случаями: *наллю́,* но *весе́лье!* Что происходитъ съ *і* въ началѣ словъ? Не слышится ли на его мѣстѣ *л* или *н: ледва, Нестропъ (Евстропъ)?* О *і* послѣ губныхъ см. выше § 51.

§ 58. Окончаніе *знь* не замѣняется ли окончаніемъ *сть* (или м. б. *сь?*): *жисть, болесть?* Вм. *сті* не слышится ли вообще *сь: нещáсе, косьми́ (костьми́)* и т. п.? Нѣтъ ли еще какихъ случаевъ исчезновенія согласныхъ въ концѣ, въ началѣ или въ срединѣ словъ?

§ 59. Передъ начальнымъ *о* не является ли иногда *в* или *п: во́зира (озеро), вострый, по́стрый. В* не является ли также передъ начальнымъ дифтонгомъ *у: вуонъ, вунъ, вінъ (онъ)?* Въ какихъ словахъ въ сочетаніи переднеязычныхъ съ плавными возникаютъ *т* и *д: ндравъ, страждені́е?*

§ 60. Звонкіе согласные *б, д, в* и др. сохраняются ли въ концѣ словъ или переходятъ въ соотвѣтствующіе глухіе: *лобъ* или *лопъ, садъ* или *сатъ, ловъ* или *лофъ?* Нѣтъ ли случаевъ появленія глухихъ вм. звонкихъ и обратно въ срединѣ словъ? Въ какихъ случаяхъ это бываетъ? Не замѣчали ли вы еще какихъ особенностей въ произношеніи и употребленіи согласныхъ звуковъ въ данномъ говорѣ?

Морфологія.

§ 61. *Имена существительныя.* Сколько типовъ склненія? Приведите полное склоненіе типичныхъ словъ: *волкъ, конь.* Какія замѣчаются отклоненія отъ общихъ формъ и насколько эти отклоненія употребительны?

§ 62. Въ род. ед. м. р. кромѣ окончанія *а (я)* нѣтъ-ли еще окончанія *у (ю)?* Если да, то часто-ли и въ какихъ случаяхъ? М. б. только въ именахъ неодушевленныхъ и въ собирательныхъ? М. б. только въ именахъ, означающихъ вещество: *сáхару, чаю,* но *безъ доклада.*

§ 63. Дат. ед. не имѣетъ-ли, кромѣ окончанія *у,* еще окончаній *ові, еві* или *ови, еви: Богови* или *Богові?*

§ 64. Какія окончанія имѣетъ мѣстный (предложный) падежъ ед. ч.? Нѣтъ-ли кромѣ *е (ѣ)* еще *і* и даже *ові, ови?* Въ какихъ случаяхъ слышится окончаніе *у (ю)?* Не стоитъ-ли его употребленіе въ связи съ значеніемъ слова и съ удареніемъ? Или м. б. *у* встрѣчается только въ односложныхъ словахъ? Не является-ли *у* только въ гортанныхъ основахъ? Или м. б. въ гортанныхъ основахъ находимъ передъ окончаніемъ *е (ѣ)* или *і* древній свистящій: *на порóзі?*

§ 65. Нѣтъ-ли особыхъ-окончаній для звательнаго падежа: *пóпе, козáче, сúнку, мúсяцю?*

§ 66. Какія окончанія являются въ именит. множ.? Есть ли окончаніе *и: сосéди* или *сосéды?* Если *ы,* то всегда-ли: м. б. *черти?* М. б. *и* только у гортанныхъ основъ? Часто-ли встрѣчается окончаніе *а, я: плугá, домá?* М. б. только подъ удареніемъ? Нѣтъ-ли (и для вин.) окончаній *ове: Богове.* М. б. въ формахъ имен.—винит. мягкаго склоненія является гласный, соотвѣтствующій древнему *ѣ: копі, кóпіе, копэ?*

§ 67. Какія окончанія употребительны въ родит. мн.? Часто ли слышится *овъ, евъ?* Въ какихъ случаяхъ является окончаніе *ей* или совсѣмъ нѣтъ окончанія? Какія есть отступленія отъ литературнаго говора? Говорятъ ли *салдатовъ, олéневъ, братéй* (братьевъ), *сукъёвъ* и т. п.?

§ 68. Въ творит. нѣтъ ли иногда окончанія *ьми* на мѣстѣ обычнаго *ями: коньмú?*

§ 69. Нѣтъ ли перехода изъ мягкаго склоненія въ твердое и обратно? Нѣтъ ли остатковъ древняго двойственнаго

числа? Вполнѣ ли исчезли они при числит. *два, три, четыре: два вóўка* или *два вóўки*?

§ 70. Какъ склоняются слова *день* и *путь?*

§ 71. Приведите образцы склоненія существ. женскаго рода? Напримѣръ, просклоняйте слова *водá, родня, кость.* Какія отклоненія отъ литературнаго говора въ склоненіи этихъ словъ? Какая разница въ склоненіи окситонокъ (словъ, имѣющихъ удареніе на окончаніи) и баритонокъ (имѣющихъ удареніе не на окончаніи)?

§ 72. Въ род. ед. нѣтъ ли окончанія *é: у арбé?* У баритонокъ нѣтъ ли на мѣстѣ *ы* постоянно *и: у рыби?* Нѣтъ ли *и* вм. *ы* и въ окситонкахъ: *вадú дай?* М. б. въ окончаніи слышится тотъ звукъ, въ который обращается въ данномъ говорѣ древній *ѣ*: *душі, душіэ, душэ.*

§ 73. Въ дат.—мѣстномъ въ гортанныхъ основахъ не сохраняется-ли свистящій: *нозі, руці, сосі (сохѣ), дочці, свасці (свашкѣ)*? Въ склоненіи типа *кость* нѣтъ-ли окончанія *е* вм. *и: въ грязé*?

§ 74. Какое окончаніе преобладаетъ въ твор. ед.: *ою, ой* или какъ иначе?

§ 75. Нѣтъ-ли особаго окончанія *(о, ю)* для звательнаго пад.: *жінко, дóню (дочка), Гáлю*?

§ 76. Какъ будетъ звучать вин. ед. отъ словъ *мать, дочь: мáтерю, дóчерю*?

§ 77. Въ имен. мн. нѣтъ-ли окончанія *я́* (съ удареніемъ на окончаніи): *матерá, деревня*? Или м. б. онъ оканчивается на тѣ звуки, которые получились изъ древняго *ѣ*: *душі, душіэ, душэ*?

§ 78. Какія окончанія бываютъ въ родит. множ.? Часто-ли встрѣчается окончаніе *ов, ев*: *кроватевъ*?

§ 79. Твор. не оканчивается-ли иногда на *ьми: слезьми*? Если основа оканчивается на группу *ст*, то *т* передъ *ьми* выпадаетъ или нѣтъ? Если да, то всегда-ли: *косьмú* или также и *костьми?*

§ 80. Нѣтъ-ли слѣдовъ двойственнаго числа: *дві нозі* (обыкновенно *дві ноги*)? Нѣтъ-ли случаевъ перемѣны склоненія или рода?

§ 81. Существительныя средняго рода не идутъ-ли въ большинствѣ случаевъ по образцамъ сущ. женскаго? Если переходъ изъ средняго рода въ женскій существуетъ, то какъ

далеко онъ заходитъ? Не ограничивается-ли онъ только имен.—вин. ед. и мн.? Или измѣненіе рода замѣтно и въ другихъ падежахъ? Приведите образцы склоненія (напр., *селó* и *поле*).

§ 82. Какое окончаніе преобладаетъ въ им.—вин. мн.: *ы* или *а*? Нѣтъ-ли въ этомъ случаѣ зависимости отъ ударенія? *Уши* или *ухá*?

§ 83. Родит. мн. не оканчивается-ли на *ов, ев*? Всегда-ли или только иногда? Въ какихъ случаяхъ? Нѣтъ-ли зависимости отъ мѣста ударенія?

§ 84. Какъ склоняются сущ. на *мя*? Приведите образецъ. Слогъ *ен* м. б. является только во множ., а въ единственномъ совершенно отсутствуетъ? Имен.—вин. мн. оканчивается на *а* или на *ы*? Какъ звучитъ родит. мн.: съ *ён* или *я́н*? М. б. даже *семенóвъ* и т. п.? Въ вин. ед. нѣтъ-ли формъ *и́мю*, *сéмю* и т. п.?

§ 85. Какъ склоняется слово *дитя*?

§ 86. Нѣтъ-ли какихъ особенностей въ образованіи существительныхъ въ значеніи суффиксовъ? Нѣтъ-ли еще какихъ особенностей въ окончаніяхъ именъ существительныхъ?

§ 87. *Прилагательныя.* Просклоняйте во всѣхъ родахъ *добрый, синій*. Нѣтъ-ли какихъ постоянныхъ уклоненій отъ склоненій литературнаго говора?

§ 88. Имен. ед. муж. рода не имѣетъ-ли только краткое окончаніе: *добри* или *добрий*? Какое окончаніе вообще преобладаетъ: *ой (ай)* или *ый*; *ей, ёй* или *ій*? Въ какихъ случаяхъ слышится каждое изъ этихъ окончаній?

§ 89. Имен.—вин. ср. не имѣетъ-ли кромѣ окончанія *ое* въ тѣхъ-же случаяхъ еще *е, еэ*: *дóбре, дóбрéэ, слипé, слипéэ, тé, тéэ*?

§ 90. Имен. и вин. женск. рода, кромѣ обычныхъ полныхъ окончаній, не имѣетъ-ли еще краткія: *добра, горілка, добру горілку*? М. б. иногда слышно окончаніе *уя* или *аю*: *слепýя* вм. *слепýю, булáтнаю*?

§ 91. Родит. ед. муж.—ср. какое окончаніе имѣетъ въ данномъ говорѣ: *ого (его), аго (яго), ёго* или *ова (ева), ава (ява)*? М. б. извѣстно окончаніе *оо, ео: слепóо*?

§ 92. Какія окончанія бываютъ въ род. ед. женскаго рода? Не извѣстны-ли окончанія *оі, еі* или *оэ, еэ*? Есть-ли различіе между формами родит., дат.—мѣстн. и творит. въ прилагательныхъ женскаго рода? Въ творит. *ою (ею)* или *ой (ей)*?

§ 93. Какія окончанія существуютъ для мѣстнаго ед. муж.—ср.? Не тожественны-ли формы мѣстнаго и творительнаго? Нѣтъ-ли окончаній не только *ім* *(на добрімъ)*, но и *ому: у паньскому селі.*

§ 94. Какія окончанія извѣстны въ имен. множ: *ыи (іи), ам (ям), иі, иэ (добріи), і, іі (добріи, добріі)*? Передъ конечнымъ *и* слышится *і: добріи* или *добрыи*? Часто-ли вм. полнаго окончанія является краткое: *бѣлы арбузы*? Сохранились-ли древнія формы имен. мн. муж. р. на *и* (не *ы*): *виноваті, багаті* и т. п.?

§ 95. Родит.—мѣст., дат. и твор. мн. не имѣютъ-ли кромѣ окончаній *ихъ, имъ, ими*, окончанія *іхъ, імъ, іми* въ твердомъ склоненіи?

§ 96. Форма винит. мн. не тожественна-ли съ формой родит. не только при одушевленныхъ, но и при неодушевленныхъ предметахъ: *положимъ сперва длинныхъ* (о доскахъ)? Бываетъ-ли это только при самостоятельномъ употребленіи прилагательнаго или и при наличности существительнаго, къ которому относится данное прилагательное?

§ 97. Полная (членная) форма прилагательныхъ употребляется-ли только въ значеніи аттрибутивномъ (въ знач. опредѣленія) или и въ предикативномъ (сказуемаго) значеніи: *конь хорошій былъ* или *конь хорошъ былъ*?

§ 98. Прилагательное *полóнъ* склоняется ли или нѣтъ: *полонъ чашка, полонъ телѣгу*? А *полный* склоняется-ли?

§ 99. *Числительныя.* Нѣтъ-ли формъ *двѣмя* (тв. женск.), *двуми, двохъ, обохъ, одную* или *одноё, семой*? Нѣтъ-ли еще какихъ особенностей въ употребленіи числительныхъ?

§ 100. Числительныя на *ое, оя* относятся къ одушевленнымъ или къ неодушевленнымъ предметамъ?

§ 101. Какъ склоняются числит. *пять, шесть* и т. д.? Не склоняются-ли они по образцу *четыре*, т. е. *пятёхъ, пятёмъ, пятьмú* и т д.?

§ 102. Склоняются-ли числит. *сто, полтора, полтораста*?

§ 103. *Мѣстоименія.* Какъ склоняются мѣстоименія личныя, притяжательныя, возвратныя, относительно-вопросительныя *кто, что*, указательныя *тотъ* (или *той*), *сей* (или *цей*)?

§ 104. Если есть краткія формы личныхъ и возвратна-

го (*мя, тя, ся, ми, ти* и т. п.), то могутъ-ли онѣ имѣть на себѣ удареніе или же оказываются энклитиками, т. е. тѣсно примыкаютъ къ сосѣднему слову? Могутъ-ли онѣ стоять вначалѣ предложенія и послѣ предлоговъ, т. е. *за тя* или только *за тебя*? Какъ склоняются мѣстоименія *ничто* и *нѣчто*? Скажутъ-ли *безъ ничево*?

Глаголъ.

§ 105. Глагольныя особенности удобно дѣлятся на двѣ различныя группы: особенности *окончаній* и особенности *основъ*.

§ 106. *Особенности окончаній.* Сколько типовъ спряженія въ данномъ говорѣ? Одинаковыя-ли окончанія имѣютъ окситонки и баритонки? М. б. окситонки дѣлятся на двѣ части, на два склоненія, называемыя обычно первымъ *(еш, ет... ут)* и вторымъ *(иш, ит... ат)*, а баритонки представляютъ отдѣльную группу, соединяющую особенности того и другого (*иш, ит...*, но *ут)*? Какъ спрягаются у васъ глаголы *несу́, велю́, хвалю*?

§ 107. Какія окончанія имѣетъ 3-е лицо единств. числа? Твердый или мягкій согласный слышится на концѣ: *несётъ* или *несётъ*? Не исчезаетъ ли согласный въ глаголахъ перваго спряженія *несё* или *несе́*? Если да, то баритонки слѣдуютъ ли въ этомъ отношеніи за окситонками? М. б. исчезновеніе согласнаго наблюдается только въ глаголахъ *буде(т), по́паде(т)*? Отъ глагола быть *е* или *есть*? Нѣтъ-ли сліянія гласнаго основы съ гласнымъ окончанія: *дума* вм. *думаетъ, пита́* вм. *питаетъ*?

§ 108. Въ первомъ лицѣ множ. нѣтъ-ли окончанія *мо: будéмо, дамо́*? Или м. б. слышится *ы*: *будемы*? М. б. удареніе всегда на окончаніи?

§ 109. Какія окончанія во 2—мъ л. множ.? *Ти* или *тя* слышится чаще? М. б. ни то, ни другое, а среднее между ними: *те*? Нѣтъ-ли разницы между окончаніемъ пѣсеннымъ и разговорнымъ?

§ 110. Въ 3 л. мн. какія окончанія? Согласный на концѣ твердъ или мягокъ?

§ 111. Какія окончанія во 2 л. ед. повелит. накл.? Нѣтъ

ли исчезновенія гласнаго: *принéсь, лягъ* (или *ляжъ*), *подь (пойди)*?

§ 112. Какой звукъ слышится передъ окончаніями *мо* и *те* въ 1 и 2 л. множ. повелит. накл.: *і* (мягкое) или *и* (среднее), т. е. *пустімо, пустіте* или *пустимо*? Гдѣ удареніе? М. б. всегда на окончаніи? Во 2 л. рядомъ съ *те* нѣтъ-ли *ть: ведіть*?

§ 113. Въ какихъ случаяхъ въ неопредѣл. накл. является окончаніе *ть*? Всегда-ли или только послѣ гласныхъ? М. б. всегда *ти*? Не исчезаетъ-ли гласный передъ окончаніемъ неопредѣленнаго накл. въ *(за)перéть, умерéть, терéть*? Какое окончаніе имѣютъ глаголы съ гортанной основой: *чь (чи)* или *кти* и т. п., т. е. *моктú, пектú, стерегтú*?

§ 114. Какимъ видоизмѣненіямъ подвергается мѣстоименная приставка въ страд., возвр. и т. п. глагогахъ? Нѣтъ-ли на мѣстѣ *ся—си*? Всегда-ли сохраняетъ *с* свою мягкость? М. б. наоборотъ всегда: *баюса, баялса, байсса*? Въ какихъ случаяхъ вм. *ся (са)* является *с (сь)*? Какъ произносятся окончанія неопредѣленнаго нак. и 3 л. ед. изъявительнаго: *тца, тця, цьця*?

§ 115. Нѣтъ-ли случаевъ исчезновенія (или возникновенія) *ся* тамъ, гдѣ онъ на лицо (отсутствуетъ) въ литературной рѣчи: *разувши(сь), чево дурáчиши(ся), вольноопредѣляющій(ся), стряпацца* и т. п.?

§ 116. Нѣтъ-ли несоотвѣтствія съ литературной рѣчью въ употребленіи окончаній при образованіи причастій: *тый* вм. *ный* и др.? Напр., нѣтъ-ли такихъ формъ, какъ *убрáтый, збúраный, переспéтый, молоный (молотый)*?

§ 117. Какъ образуется будущее время? М. б. не только изъ неопредѣленнаго съ *буду*, но и съ *му(иму)*: *ходитиму, кохатимуся*? Всегда-ли *му* и т. д. приставляется къ концу слова или возможны такія формы, какъ *му, знати*?

§ 118. *Особенности основъ.* Основы на переднеязычный согласный (д, т, с, з) въ 1-мъ л. ед. ч. имѣютъ-ли передъ *у* шипящій или сохраняютъ переднеязычность подъ вліяніемъ аналогіи (сходства) родственныхъ формъ: *спросю* или *спрошу*? Какой согласный является въ такомъ случаѣ въ 3 л. мн. ч?

§ 119. Губныя основы въ 1 л. ед. не теряютъ-ли *ль* подъ вліяніемъ аналогій всѣхъ другихъ лицъ? Или м. б., на-

противъ, въ 3 л. мн. это *л* возникаетъ подъ вліяніемъ аналогіи 1 л. ед.: *сплятъ,* потому что *сплю*?

§ 120. Въ глаголахъ съ гортанной основой не появляется-ли шипящій въ 1 л. ед. и въ 3 л. мн. по аналогіи съ остальными лицами: *можу́, печу́, мо́жутъ*? Или м. б. наоборотъ аналогія 1 л. ед. и 3 л. мн. повела къ замѣнѣ шипящаго гортаннымъ въ остальныхъ лицахъ: *пеку́, пеку́тъ,* а потому и *пекёшъ, пекётъ* и т. д.?

§ 121. При образованіи причастія страд. зал. на *енный* (*еный*) не являются-ли на мѣстѣ нашихъ *ч, ж, щ, ш, пл, вл* также подъ вліяніемъ аналогіи другихъ родственныхъ формъ *т, д, ст, с, п, б, в: кру́теный, долбёный*? М. б. губные представляютъ исключеніе? То же явленіе не замѣчается-ли въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, напр., при образованіи производныхъ основъ: *обка́сиватъ* вм. *обка́шиватъ*?

§ 122. Глаголы *рытъ, мытъ* не имѣютъ-ли *ы* вездѣ, гдѣ въ литературномъ говорѣ *о*: *рыю, мыю*?

§ 123. Какъ спрягаются въ настоящемъ вр. глаголы *пѣтъ и хотѣтъ*? М. б. *пе́ю, пе́ишь* и т. д., *хочу́, хати́тъ* и т. д.? Глаголъ *мочь* не спрягается-ли подобно *хотѣтъ*, т. е. *магу́, маги́шь* и т. д.

§ 124. Вм. *бѣжатъ, побѣжатъ* не слышится-ли *бега́тъ, побега́тъ*?

§ 125. Глаголы *битъ, питъ* и т. п. въ повелит. накл. не имѣютъ-ли *бі́й, пі́й* и т. п.? Если да, то какіе еще глаголы слѣдуютъ за этими?

§ 126. Какая гласная слышится въ неопредѣл. и прошедшемъ вр. глагола *бытъ*? М. б. *бу́ти, були́*?

§ 127. Какъ спрягается наст.—буд. глаголовъ *ѣмъ* и *дамъ*? Нѣтъ-ли формъ *дасте́, даси́*?

§ 128. Нѣтъ-ли еще какихъ особенностей въ глагольныхъ формахъ въ говорѣ данной мѣстности? Не забудьте всюду ставить *удареніе!* Это очень важно. Часто-ли въ народной рѣчи употребляются такъ наз. отглагольныя междометія въ значеніи прошедшаго совершеннаго: *шмыгъ во дворъ* и т. п.?

Неизмѣняемыя части рѣчи.

§ 129. Нѣтъ ли какихъ особенностей въ употребленіи нарѣчій. Напримѣръ, нарѣчія мѣста на вопросъ *откуда?* не

имѣютъ ли при себѣ приставки *е: сатсу́да, саттýда* и т. п.? Вм. *всегда* не слышится ли *навсегда* или *завсегда?*

§ 130. Нѣтъ ли предлоговъ съ инымъ значеніемъ, чѣмъ въ литературной рѣчи? Какіе сложные предлоги употребительны? Кромѣ *за, подъ* нѣтъ ли предлоговъ *по=за (рѣкой), по=надъ (берегомъ), по=подъ (горой)* и т. п.?

§ 131. Нѣтъ ли какихъ остатковъ именного члена (указателя) въ видѣ частицъ *отъ (тóкъ—отъ мáзать нáда), те, та* и т. п. М. б. эти частицы употребительны лишь въ пѣсняхъ? Нѣтъ ли какихъ другихъ частицъ?

Синтаксическія особенности.

§ 132. Нѣтъ ли какихъ особенностей въ *употребленіи чиселъ?* При собирательныхъ именахъ въ какомъ числѣ стоитъ сказуемое: *нивéстина родня́ гуля́ть прихóдютъ?* Во множ. числѣ въ этомъ случаѣ ставится только глагольное сказуемое или и именное: *пошли́ нарóдъ рáзомъ всé?*

§ 133. Названія хлѣбныхъ растеній не ставятся ли во множ. числѣ, если рѣчь идетъ о хлѣбѣ на корню и о цѣлой округѣ: *ржи у насъ хороши?* Всѣ ли виды хлѣба подчиняются этому правилу, т. е. скажутъ ли также *кукурузы хороши, пшеницы хороши?* Нѣтъ ли въ разницѣ зависимости отъ числа словъ, отъ ударенія?

§ 134. Часто ли встрѣчаются случаи *измѣненія рода?* Какія существ. муж. рода идутъ по женскому и обратно? Что чаще? Не выходитъ ли изъ употребленія средній родъ? Какая разница въ этомъ случаѣ между окситонками и баритонками, м. б. скажутъ *такáя дéла,* но *плахáя винó?* Существ. ср. р. идутъ по женскому склоненію только въ имен.—вин. или въ другихъ падежахъ? Въ какихъ еще? Въ какомъ родѣ ставится мѣстоименіе, замѣняющее собою сущ. ср. р.: *да ей* (просу) *дóлга спеть шшó?* Нѣтъ ли женскаго окончанія и въ безличныхъ выраженіяхъ: *онъ должнá быть фершалъ, былá тадá апáсна?*

§ 135. Нѣтъ ли случаевъ смѣшенія падежей, напр., родит. и мѣстн. множ. числа: *на паре лошадя́хъ, говари́ли объ конéй?*

§ 136. Названія праздниковъ въ честь святыхъ не при-

нимаются-ли за обыкновенныя существительныя? Не скажетъ-ли: *о́кала Мико́ли зи́мней.*

§ 137. Нѣтъ-ли особенностей въ употребленіи падежей въ зависимости отъ глаголовъ? Вм. одного падежа не ставится-ли другой? Вм. падежа съ предлогомъ нѣтъ-ли падежа безъ предлога и наоборотъ? При нѣкоторыхъ глаголахъ не употребляется-ли не тотъ предлогъ, какъ въ литературной рѣчи: *мы про эта ничево не знаемъ* (вм. *объ этомъ*), *онъ скучаетъ за вами* (вм. *по васъ*), *онъ смеётся съ насъ* (вм. *надъ нами*) и т. п.?

§ 138. Какой падежъ ставится при числительныхъ? Не слыхали-ли вы: *четы́ре сазано́въ*? При отрицаніи прямое дополненіе не ставится-ли часто въ винит., а не въ родит.? Какъ часто это бываетъ?

§ 139. Часто-ли употребляется такъ-назыв. винительный внутренняго объекта: *ночку ночевать, пѣсню петь* и т. п.? Нѣтъ-ли еще какихъ особенностей въ употребленіи падежей?

Удареніе.

§ 140. Въ какихъ словахъ удареніе несогласно съ обыкновеннымъ? Нѣтъ-ли словъ и формъ, допускающихъ удареніе на различныхъ слогахъ? На какихъ слогахъ отъ начала и конца чаще бываетъ удареніе? Глаголы сложные съ приставками *про, по, на* и т. п. гдѣ имѣютъ удареніе: на корнѣ или на приставкѣ: *на́лили* или *нали́ли, про́пили* и т. п.? Въ прошедш. вр. м. б. удареніе бываетъ только на окончаніи: *нали́лъ, налила́* и т. п.?

§ 141. Какіе случаи энклитикъ отмѣтили вы (энклитиками назыв. слова, теряющія самостоятельное удареніе и тѣсно присоединяющіяся къ предыдущему слову)? Напримѣръ: *на́ ночь, на́ поле.* Какія существительныя и при какихъ предлогахъ теряютъ удареніе? Какія мѣстоименія и прилагательныя? Теряютъ—ли удареніе глаголы при отрицаніи: *не́ дали* или *не да́ли*?

Словарь.

§ 142. При составленіи словаря обращайте особенное вниманіе на четкость почерка и вѣрность записи, чтобы не было ошибки при напечатаніи. Обозначайте и ударенія. Зна-

ченій словъ приводите побольше. Словарь можно прислать и не разобравъ его въ алфавитномъ порядкѣ, т. к. безъ навыка и нѣкоторыхъ спеціальныхъ пріемовъ это довольно трудная вещь. Если приводите слово изъ другой мѣстности или записанное отъ заѣзжаго человѣка, то отмѣчайте.

§ 143. Вамъ, вѣроятно, случалось слышать отъ мѣстныхъ жителей много такихъ словъ, значеніе которыхъ для городскихъ жителей мало или даже совсѣмъ непонятно. Для изученія русскаго языка и его разработки необходимо подробное знакомство съ народными словами и выраженіями. Поэтому списокъ областныхъ словъ данной мѣстности представляетъ громадный научный интересъ. Если вы до сихъ поръ мало обращали вниманія на то, какія слова употребительны въ данной мѣстности, то ваши разспросы вы могли бы начать съ просьбы назвать вамъ:

§ 144. Явленія природы, времена года, признаки погоды, звѣзды и созвѣздія, названіе морозовъ, вѣтровъ.

§ 145. Составныя части избы (опишите типичную избу), а также названія надворныхъ построекъ и частей ихъ (стѣнъ, крыши и т. п.). Части печи.

§ 146. Названія домашней утвари. Названія кушаньевъ и напитковъ.

§ 147. Названія одежды и обуви, лѣтней и зимней, будничной и праздничной. Названія матерій.

§ 148. Названія болѣзней.

§ 149. Названія родственниковъ близкихъ и дальнихъ. Названія, даваемя сосѣдямъ и должностнымъ лицамъ

§ 150. Названія извѣстныхъ здѣсь ремеслъ и кустарныхъ производствъ, а также и самыхъ предметовъ такихъ производствъ. Все относящееся къ выдѣлкѣ холста.

§ 151. Названія обычной упряжи и частей повозки. Названія земледѣльческихъ орудій и ихъ составныхъ частей.

§ 152. Названія различныхъ земледѣльческихъ работъ. Какіе глаголы при этомъ употребляются? Какъ называется куча сноповъ, сложенный хлѣбъ, сѣно, солома?

§ 153. Названія воздѣлываемыхъ полевыхъ и огородныхъ растеній и частей этихъ растеній (въ естественномъ и обработанномъ видѣ). Что означаетъ слово *жито?*

§ 154. Названія деревьевъ, кустарниковъ, травъ, цвѣтовъ, ягодъ, грибовъ. Нѣтъ ли травъ, съ которыми связано какое-

нибудь особенное представленіе, т. е. травъ цѣлебныхъ, ядовитыхъ, волшебныхъ и т. п.?

§ 155. Названія домашнихъ и дикихъ животныхъ, птицъ, рыбъ, насѣкомыхъ, пресмыкающихся. Названія болѣзней домашнихъ животныхъ. Названія частей тѣла человѣка и животныхъ.

§ 156. Названія частей села, рѣки, озера, пруда, разныхъ угодій, частей лѣса и полей, холмовъ, горъ, овраговъ. Слова, употребляемыя на охотѣ, при рыбной ловлѣ, при занятіяхъ пчеловодствомъ; названія капкановъ, сѣтей, снастей и т. п.

§ 157. Слова и названія, употребляемыя при сватовствѣ, на свадьбѣ, при играхъ, забавахъ, пляскахъ.

§ 158. Клички, прозвища, вторыя фамиліи, бранныя и ласкательныя слова, уменьшительныя и увеличительныя.

§ 159. Названія географическія, т. е. названія улицъ, концовъ, хуторовъ, озеръ, ручьевъ, овраговъ, кургановъ, (съ указаніемъ направленія и разстоянія отъ станицы) и т. д.

Не пренебрегайте самыми пустыми словечками, даже мѣстоимѣніями, предлогами, союзами, частицами (*—ка, —се*), если ихъ употребленіе почему либо покажется вамъ интереснымъ. Всякое приводимое вами слово сопровождайте объясненіями, въ иныхъ случаяхъ и описаніемъ предмета, носящаго такое названіе. Если слово попалось въ какомъ нибудь выраженіи, то записывайте непремѣнно все выраженіе.

Правописаніе.

Чтобы при пользованіи даваемыми въ отвѣтъ на вопросы программы свѣдѣніями не было никакихъ недоразумѣній и и сомнѣній, необходимо всѣ записи дѣлать, руководствуясь однимъ опредѣленнымъ правописаніемъ. Само собою разумѣся, что обычное правописаніе совсѣмъ не годится при діалектологическихъ записяхъ. Приходится поэтому держаться иного, фонетическаго правописанія, которое однако не должно слишкомъ отклоняться отъ обычнаго, чтобы не особенно затруднять веденіе записей и пользованіе ими. Такимъ образомъ желательно ввести въ употребленіе орфографію, которая, пользуясь обычнымъ матеріаломъ, была бы въ то же время систематична, основывалась бы на немногихъ принципахъ

общихъ положенiй, изъ которыхъ бы выводились остальныя частичныя правила. Такую то систему мы и предлагаемъ пользующимся нашей программой.

Цѣль всякаго письма—изображенiе живой рѣчи при помощи опредѣленныхъ условныхъ знаковъ, называемыхъ буквами. Поэтому наиболѣе цѣлесообразнымъ будетъ письмо, передающее какъ можно точнѣе и проще дѣйствительное произношенiе звуковъ человѣческой рѣчи. Такимъ письмомъ будетъ фонетическое, основнымъ принципомъ котораго служитъ положенiе I-е: *Слова и звуки должны такъ писаться, какъ выговариваются*. Слѣдствiя изъ него:

1) *Знакъ ъ въ концѣ словъ совершенно не нуженъ,* тогда какъ *ь*, означая мягкость предыдущаго согласнаго, имѣетъ всѣ права на сохраненiе всюду, кромѣ положенiя послѣ шипящихъ, которыя и съ *ъ* выговариваются также, какъ съ *ь*.

2) *Знакъ ѣ,* означая звукъ тожественный со звукомъ знака *е, долженъ быть исключенъ изъ употребленiя за совершенной ненадобностью.*

3) По тѣмъ же соображенiямъ *должна быть исключена ѳита (ѳ)*. Слѣдуетъ оставить *ф*, а не *ѳ*, потому что *ѳ* употребляется всего въ 106 словахъ (35 въ началѣ и 41 въ срединѣ: см. «Справочникъ по русскому правописанiю» В. А. Зелинскаго. Москва 1893 г. стр. 116—117).

4) Наоборотъ *нужно ввести въ употребленiе знакъ* h, обозначающiй звонкiй къ глухому *х*, какъ *г*— звонкiй къ глухому *к*.

5) *Звукъ и долженъ изображаться однимъ знакомъ и*, знакъ же *i* оставить для обозначенiя «остраго», мягкаго *i*, особенно распространеннаго въ малорусскихъ говорахъ.

II положенiе (какъ и слѣдующее, оно освящено исторической традицiей): *мягкость согласнаго означается слѣдующимъ гласнымъ: бя=б'а, бе=б'э, бё=б'о, бю=б'у, би=б'ы* (или обратно *бы*=твердое *б* съ слѣдующимъ *и*).

III положенiе: *такъ наз. мягкiе согласные* (кромѣ *и*) *есть въ то же время и iотованныя, т. е. я=iа, ё=iо, ю=iю, е=iэ*. Слѣдствiя:

6) *Если согласный стоитъ* не передъ мягкимъ звукомъ, а *передъ iотованнымъ, то на письмѣ послѣ согласнаго ставятся знаки ъ* (при твердомъ произношенiи согласнаго) и *ь* (при мягкомъ): *объяснúть, кутья́*

7) *Мягкость согласнаго передъ согласными же обозначается знакомъ ь* во всѣхъ случаяхъ, кромѣ переднеязычныхъ *р, н, з, с, д* и *т* при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ (кромѣ гортанныхъ), такъ какъ въ этомъ случаѣ они неизбѣжно произносятся мягко (по крайней мѣрѣ въ литературномъ говорѣ): поэтому надо писать *крендель*, но *деньги*.

8) *Послѣ шипящихъ и ц нужно писать не ё* (а тѣмъ болѣе не *е*), а *о: шолъ, совершóнный* (сдѣланной въ отличіе отъ *совершéнный*=превосходный), *лицó* и т. п.

9) *Нѣтъ основаній писать іо, іа* и т. п. вм. *ьё, ья* и т. д. въ такихъ словахъ, какъ *серьёзно, матерьялъ* и т. п.; однако *матéрія* и др. согласно произношенію.

10) Кромѣ того *слѣдуетъ ввести*, подобно знаку *і* (см. пунктъ 5), *знакъ е* для изображенія болѣе мягкаго звука чѣмъ наше обычно *е*, а вмѣсто *й* (*і*) *надо бы употреблять знакъ і: добрыі*. Однако, чтобы не слишкомъ пестрить письмо, надо сдѣлать нѣкоторыя уступки въ пользу традиціонной орфографіи въ извѣстныхъ случаяхъ, когда сомнѣній о произношеніи не можетъ быть.

11) *Въ концѣ словъ звонкіе согласные все таки пишутся*, такъ какъ они въ литературномъ языкѣ во всѣхъ случаяхъ *неизбѣжно* переходятъ въ глухіе: *лоб, под* и т. п.

12) *Въ серединѣ же словъ передъ глухими пишутся только глухіе и передъ звонкимъ только звонкіе (потковáть, одбирáть) за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда согласный* принадлежитъ флексіи и при склоненіи или спряженіи *проясняется: сладкиі* т. к. *слáдок, лóдка т. к. лóдок*.

Такая система правописанія, давая возможность вести фонетическія записи, не представляетъ большихъ затрудненій для усвоенія, а потому оказывается наиболѣе пригодной для нашей цѣли. Въ случаѣ, если данныя говора заставятъ нѣсколько дополнить нашу схему, это всякій можетъ сдѣлать безъ труда, оговоривъ свои дополненія, гдѣ слѣдуетъ.

М. А. Карауловъ.